Тамара КАТАЕВА

ОТМЕНА РАБСТВА

АНТИ-АХМАТОВА-2

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тамара Катаева — автор четырех книг. В первую очередь, конечно, нашумевшей «Анти-Ахматовой» — самой дерзкой литературной провокации десятилетия. Потом появился «Другой Пастернак» — написанное в другом ключе, но столь же страстное, психологически изощренное исследование семейной жизни великого поэта. Потом — совершенно неожиданный этюд «Пушкин. Ревность». И вот перед вами новая книга. Само название, по замыслу автора, отражает главный пафос дилогии — противодействие привязанности апологетов Ахматовой к добровольному рабству.

- Тамара Катаева
  - Вступление
  - Люди
    - Не рассуждать!
    - Собратья
    - Гаршин
    - Баран и ярочка, или постамент
    - Злые мальчики
    - Из Испании пишут
    - Интриги, интриги…
    - Он хороший сын
    - Горькая любовь
    - Мур
    - Let my people go
    - Штрихи к портрету
    - Дело Бродского
    - Портреты
    - Предложения Пастернака
    - И это все о ней
  - Дар
    -
    - Величие замысла
    - Диагноз любительства
    - Особенности женской сексуальности при менопаузе
    - Феноменология физиологии
    - Научила говорить
    - Нерукотворное
    - Похвальба себе
    - Почти гениально

        - Ахматология
        - О поэме
        - Маскарад. Новогодняя чертовня
        - Шестьдесят шестая проза
        - Постановление
        - Фаты либелей
        - Текстовки
        - Не сущий язык
        - Сон во сне, зеркала и тайны
        - Стенгазета
        - Стихи
        - У Ахматовой длинные руки
        - Профанное пространство
        - Страшилки, или трагическое на второе
    - Мир
        - Обманутые вкладчики
        - Тараканище
        - Алхимия Нобеля
        - Ахматова и власть
        - Крестик и простыня
        - Поздняя ахматовщина
        - Параллельность челок
        - Наследство доброты
        - Модница
        - Родственники и наследники
        - Слава
        - Слушая бемоли
        - Стокгольмский синдром
        - Табель об инскриптах
        - Театр
        - Тщеславная уродка
    - Библиография
    - Электронные ресурсы
- notes
    - 1

Тамара Катаева
Отмена рабства
Анти-Ахматова-2

Вступление

Немного о второй книге.

О задаче:

…она [Анна Ахматова] — один из последних монументальных памятников эпохи советского ампира, последних авторитетных голосов, взывающих о постмодерной де- и ремифологизации.

А. К. Жолковский. В минус первом и минус втором зеркале. Стр. 268

О методе:

…не всегда нужны новые архивные находки, а бывает достаточно посмотреть критическим непредубежденным взглядом на традиционные комментарии.

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 288

* * *

О предмете:

Вен<едикт> Ерофеев был антисемит. Об этом сказали Лотману, который им восхищался. Лотман ответил: «Интимной жизнью писателей я не интересуюсь».

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 136

Вот и я не интересуюсь: ни характером Анны Ахматовой, ни ее личной жизнью, ни ее недостатками и маниями, ни невеликостью таланта — ничем. Я просто не заметила бы ничего этого, Анна Ахматова вне круга моих интересов — если б ее трюк с манипулированием общественным сознанием не удался.

* * *

О главном:

О том, что не лучше ли оставить поэту (Анна Ахматова произносила *пуэту,* произнесем мысленно и мы так) поэтово, — о поэзии Ахматовой.

О ранней любовной:

«Лирический круг Ахматовой <…> очень мал. Он охватывает самое поэтессу, неизвестного, в котелке или со шпорами, и непременно Бога — без особых примет. Это очень удобное и портативное третье лицо, вполне комнатного воспитания, друг дома, выполняющий время от времени обязанности врача по женским недомоганиям.

Л. Троцкий. Внеоктябрьская литература (1922 год). Материалы П. Н. Лукницкого. Стр. 191.

О той, перед которой все должны склонять головы:

А что, если ахматовский «Реквием» — такие же слабые стихи, как «Слава миру»?

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 42.

О великой, о том, что не хлыстик и перчатки, — о поздней Ахматовой:

Все прекрасно, а вообще — «ти-ти-ти», а что — неизвестно.

О. Л. Ивинская. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. Стр 173–174

* * *

Ее вовсе не нужно сбрасывать с корабля современности или тем более с корабля прошедшего. Просто можно назвать все как есть, своими словами — и после этого относиться к ней кто как хочет.

«Управлял» гимназиею Вишневский <…> со времени получения им чина «действительный статский советник» никто не смел называть его иначе чем «ваше превосходительство» и в третьем лице, заочно, «генерал». Но он был, конечно, статский. Он действительно «управлял» гимназиею, т. е. по русскому нехитрому обыкновению он «кричал» в ней и на нее и вообще делал так, что все «боялись» в ней, и боялись именно его. <…> Боялись долго; боялись все, пока некоторые (сперва учителя и наш милый образованный инспектор Ауновский) не стали чуть-чуть, незаметно, про себя, улыбаться. Так чуть-чуть, неуловимо, субъективно. <…> От учительского персонала она передалась в старшие ряды учеников и стала по ярусам спускаться ниже и ко 2-му году моего пребывания здесь захватила даже нас, третьеклассников (т. е. человек пять в третьем классе). Улыбка

разнообразилась по темпераментам и склонностям ума, переходя в сарказм, хохот или угрюмое, желчное отрицание. Всего было, всякие были.

В. Розанов. Русский Нил. Стр. 363

Смеялись над директорами гимназий. Посмеются и над Анной Андреевной Ахматовой.

Люди

Не рассуждать!

Начиналось не нами и не вчера.

Алексей Толстой <…> вместе с Волошиным примется за пьесу, где будут выведены Ахматова и Гумилев. <…> Поэтесса Елена Грацианова сознательно создает себе репутацию «фантастической женщины» и femme fatale, оставаясь при этом холодной, как лед. Антиэротичная Елена соблазняет людей, чтобы воспользоваться ими для литературного или социального успеха. Ее мечта — слава, пусть дурная, лишь бы стать над другими, хоть на час. Интересно, что она диктует влюбленному в нее критику слова похвальной статьи. Эта страсть к тотальному контролю своего литературного и публичного имиджа также вполне вписывается в гипотезу о портретности или, вернее, памфлетности пьесы Толстого.

А. Н. Варламов. Алексей Толстой. ЖЗЛ. Стр. 90

Мы начнем с Исайи Берлина — он был самым главным из людей в ее жизни, самым «ахматовским» — выдуманным, использованным, лишенным права на собственную жизнь.

…цикл стихотворений Анны Ахматовой о Дидоне и Энее. Она написала их после расставания с любимым. Себя она представила Дидоной, а того человека — этаким Энеем. Между прочим, тот человек еще жив.

И. Бродский. Интервью Анн-Мари Брумм. Стр. 20

Были вместе. Расстались. После *расставания — с любимым* — стихи. Что же было, когда пара была ВМЕСТЕ?

Естественно, отнюдь не из скромности, не из желания быть сдержанной в рассказах о своей личной жизни, она ничего не рассказывала юному Бродскому о том, что БЫЛО у нее с г-ном Берлиным. Отработанная многозначительность пауз и умолчаний выразительней любых самых цветистых повествований — у нее не было выбора, любой другой прием разоблачил бы ее — достигла своей цели. Бродский тоже настойчив в продвижении мысли, что история имела реальную основу. «Человек этот жив». Он видел его, живого — он, видевший живую Анну Андреевну Ахматову, садившийся с нею рядом, слышавший запах ее дыхания, чувствовавший шевеление ее тела, видевший блеск натянутой на

распухающей руке кожи. Руке, поднимающей бокал, держащей перо. Оказывается, ей хотелось, чтобы кто-то жал ей эту руку со страстью. И в доказательство того, что это возможно, она называла имя еще живого человека.

Иностранная журналистка могла понять только это. Объяснить то, что знал Бродский — и сейчас это скрывал, — было невозможно: там, в оставленном Советском Союзе, главным и единственно важным было только то, что реальным и слитым воедино с Анной Андреевной был именно ИНОСТРАНЕЦ, профессор, полностью устроенный человек, западный человек, свободный — пусть в реальной своей жизни хоть сколько угодно несвободный, но советские были эгоистичны до жестокости и ничего такого знать не хотели, англичанин.

Бродский вступил с нею в заговор.

* * *

Ну, ты попал!

* * *

Апологеты настаивают, что жизнетворчество — это и хорошо, и нужно, и повсеместно распространено, и Бродский пишет poet is a hero of his myth, будто поэту больше нечем заняться, будто без перекачки сил на формирование какой-то определенной, весьма красивой, рассчитанной и, соответственно, упрощенной и прямолинейной биографии потеряет что-то и поэт весь, целиком — хотя дело обстоит как раз наоборот, и, как это очень наглядно произошло в случае Ахматовой, природных ресурсов может не хватить, все уйдет на техническое обслуживание трубопровода. Вместо того чтобы реально согреть что-то своим небольшим, но — какой есть — теплым и светлым огоньком.

* * *

Женские штучки: *не скрою от вас, должна сознаться.* Женщина для Ахматовой — это тайна. *«Вы сказали ему?» (кто у вас был первым). — Она (тихо-тихо): «Сказала».* Не зря в этом письме она не удерживается и от уже переступающего простейшие границы хорошего вкуса: *Затем я еще раз убеждаюсь, что женщине лучше кокетничать, когда она находится du bon cote*

de la quarantaine (по лучшую сторону сорокалетия), а не наоборот, а я, грешница…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 227

В феврале 1965 г. А.А. писала Г. П. Корниловой из Комарова: «Англичане настойчиво зовут в Оксфорд получить мантию, и вообще «все смешалось». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 252). Кто-то в Оксфорд действительно ее звал, раз она туда на самом деле ездила и мантию получала. Эти безличные «англичане», как «русские» в голливудских боевиках, — малокультурно, но так ведь — для малокультурных, кому для восхищения и достаточно будет, что англичане.

Читаем внимательно дальше — любая женщина будет заинтригована, услышав, что где-то «все смешалось». Видят подпускаемый туман и мужчины, даже ученые: *Цитата из «Анны Карениной», может быть, косвенно подсвечивает второй план поездки — не «литературно-поэтический», а «лирический»* (выдуманный, конечно, но все готовы верить, ведь это — Ахматова, как из-за нее всему не смешаться!), *который подсказывал числовые заклинания «Пролога» с подчищаемой датой:*

Гость из Будущего (профессор Исайя Берлин) *проступает, как тень, на каменной стене. Икс* (Анна Андреевна) *садится, но, не открывая глаз, протягивает к нему руки и <…> бормочет* (словцо намеренно снижает стиль — но ведь такое не снизишь!):

Знаешь сам, что не стану славить…

Он: *До нашей первой встречи осталось еще три года.*

Она: *А до нашей последней встречи всего только год. Сегодня [2 апреля 1962] 28 августа 1963.*

Он: *Ты бредишь. Ты всегда бредишь. Что мне с тобой делать? И всего ужаснее, что твой бред всегда сбывается.*

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 252

* * *

В общем, я, как примерная ученица, получила куклу и книгу. Лучше бы перстень какой-нибудь памятный.

Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной

Ахматовой. Вопросы литературы, 1997. № 2

В Таормине ей вручили два памятных сувенира. Она же, разгорячившись впечатлениями римских развалин, сицилийских ландшафтов и скалистыми берегами — грезила о чем-то романтичном, рыцарском, средневековом, масонском, тайном. Но на коммунистических сходках перстней не дарят — не та эстетика, пусть скажет спасибо, что не вручили вымпел… Вот и СЭР, Исайя Берлин, тоже подарил солдатскую фляжку времен Второй мировой войны (через год после ее завершения, то есть даже не для краеведческого музея, раздела воинской славы, подарок), а потом, через двадцать лет, в Англии, — изящную записную книжку. Хотя у него оправдание уж точно есть — в его положении дарить Анне Андреевне кольца — это подписать себе смертный приговор.

* * *

О поэзии Пастернака Анна Андреевна ничего не сказала, но о человеке выразилась несколько загадочно: — Я до сих пор думала, что я одна понимаю Пастернака. А вот в Англии я встретила человека, который понял его тоже до конца.

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

Что за *человека* она встретила в Англии? Что бы было его не назвать? Что это за тайны? Пожилая писательница встречает за границей, в каких-то литературных или научных кругах — общение было оживленнейшее, качественное — кого-то, кто *правильно,* глубоко и тонко понял величайшего современника и соотечественника юбилярши. Отчего его не назвать? Не выдать диплом знатока и проникновенца? Какая причина мешает? Кого нельзя назвать, кого надо сохранить в тайне? Мы, конечно, знаем, Лидия Корнеевна тоже бы тяжело вздохнула — намек понят, а вот если бы Струве принялся производить расследование: что это за новый пастернаковед? Думаю, на Берлина бы он не вышел: по каким формальным признакам вообще его искать? «Скажите, это не вы единственный правильно, ДО КОНЦА, понимаете Пастернака и сообщили об этом факте Анне Ахматовой во время ее пребывания в Англии?» — «Да, это был я». Так никто бы не сказал, и Струве остался бы при неразгаданных тайнах. «Тайна — это вы».

Я сказала [Солженицыну о его поэме]: *«Не печатайте. Пишите прозой, в прозе вы неуязвимы, а в стихах ваших мало*

тайны». А он ответил: «А в ваших стихах не слишком ли много тайны?» (Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой). В стихах ее — для тех, кто не хочет ей подыгрывать — тайн нет совсем. Даже нет таинственностей. Есть иногда неряшливая невнятность, иногда — давно придуманная формула загадочности.

— По-моему, — сказала она, — «Полночные стихи» — лучшее, что я написала… Но даже такой замечательный знаток нашей поэзии, как Лидия Гинзбург, недоумевает, кому они посвящены.

В связи с этим Анна Андреевна упомянула, что у нее имеется читатель номер 1, которому первому читаются ее произведения, но этого таинственного читателя она не назвала.

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

* * *

Что происходит, Иосиф, вам же не могут нравиться мои стихи! А что же тогда происходит? Что ему тогда может нравиться? Красивые руки Анны Андреевны?

Изменившийся, отяжелевший, но все еще выразительный, непохожий на другие, полный тайны профиль?

* * *

Кажется, сегодня кончила «Поэму без героя» («Триптих»)». Позднее приписано: «Нет».

Записные книжки. Стр. 248

Записи в дневнике перечитывались.

* * *

Лев Гумилев был хороший сын. Несмотря ни на что, он любил своих родителей. У дурных отца и матери он был хороший сын. Он написал внутреннюю рецензию, «Отзыв на «документальный роман» М. Кралина «Артур и Анна», там он защищает Ахматову в Ахматовской манере — огульно, без разбору, безотносительно того, была ли на нее хула. Просто — не сметь писать ничего о маме. *(Л. Н. Гумилев. Дар слов мне был обещан от природы. Стр. 294–295.)*

Ахматова была вынуждена принять английского дипломата по прямому указанию В. Н. Орлова, члена президиума Союза писателей. Как это по указанию? А как же придуманное Ахматовой (нам сейчас это важно даже как придуманный факт, ведь это ее версия): *Наша монахыня тепэр иностранцев принимает»* (топорща усы, с неудовольствием говаривал Сталин)? Начальство разъярено ее своеволием или — *прямое указание?* По тексту самого Берлина, никаким указанием не пахнет — так, сделали приятное старушке. В книжном магазине всесильный В. Н. Орлов случайно познакомился со вполне себе русскоязычным Берлиным, очевидно, не вручившим Орлову верительных грамот, вовсе не как с *английским дипломатом* (как того хотелось Анне Андреевне после осечки с *профессором Гаршиным* и в чем хороший сын Лева ее, как и во всем, поддерживал), а с русским, пусть бывшерусским, библиофилом. Ему, Орлову, невдомек было заняться принятием решения о выдаче Анне Андреевне Ахматовой, подданной Союза писателей, прямых указаний. В чем мог бы быть их смысл, даже если не усомниться в том, что вполне в рамках полномочий тов. Орлова единолично, спонтанно принимать решения по направлению деятельности английских дипломатов? Выведать у Берлина имена резидентуры? Прозондировать настроения в послевоенных британских дипломатических кругах? Почему на такое важное задание Ахматову направляли без прикрытия? Когда по прямым указаниям Союза писателей (заранее готовившимся и согласованным) ее действительно сводили со смирными американскими профессорами, на встречах присутствовали представители СП, переводчики, проверенные и лояльные хозяева домов и пр. Бродский, считая людей совсем уж за простачков, придумывал (на ходу, больше вроде не повторял), что *власти* ей даже не разрешали говорить на этих встречах по-английски (она, правда, не умела — хоть и писала противное в своей учетной союзписательской карточке. Но, как сын Лева все в этом же «отзыве» пишет: *а дамы любили лгать всегда.*)

Лева, Лева, какое *прямое указание,* когда именно из-за несанкционированности этой встречи началась холодная война!

Ну ладно, *была вынуждена принять.* Принять, положим, несмотря на все вышесказанное, да — но после того, как ее гостя из будущего пьяный мальчишка высвистел на улицу, проорав под окном: «Берлин, выходи, я купил по дешевке черную икру, мне срочно нужен холодильник, у тебя везде связи! Переговори с горничными», и дипломат, извинившись, откланялся (мальчишка был действительно сыном Черчилля), попросив разрешения бывать, вот тут уж даме было совсем неприлично соглашаться на

встречу в оскорбительно поздний час, сразу, как только сэру Исайе удастся найти барчуку холодильник. Второй раз в тот же день ее никто не вынуждал его принимать, ничьего прямого или непрямого указания не поступало.

* * *

Вот слова очевидца, современника, равного участника отношений, трепетного искателя руки Анны Андреевны. Прошло полгода после судьбоносного знакомства Ахматовой с Берлиным.

Она назначила всем роли.

Письмо Пастернака в Англию, к любезному знатоку русской литературы, не преминувшему в бытность в СССР в командировке свести многочисленные знакомства с советскими писателями, более чем радующимися этим даже небезопасным контактам:

26 июня 1946 года.

Дорогой Mr. Berlin!

Когда тут была Ахматова, каждое ее третье слово были Вы. И это так драматически, таинственно! Например, ночью, в такси, на обратном пути с какого-нибудь вечера или приема, вдохновенно и утомленно, чуть-чуть в парах (можно придумывать что угодно, какую-нибудь истому, например, но скорее всего — все-таки просто подвыпившую), по-французски: Notre ami (это Вы) a dit… или a promis и т. д. и т. д.

Б. Пастернак. Т. 9. Стр. 461

Пастернак посмеивается, он никогда не узнает, что милым другом — назойливым, неудачливым, никчемным — станет посмертно и он сам.

* * *

«Мы обречены выбирать, — писал И. Берлин в философском эссе «Опасность иллюзий», — каждый выбор может повлечь за собой невосполнимую утрату. Счастлив тот, кто живет без рассуждений…» Да, это, вероятно, так, но сам-то автор эссе не жил и не мог прожить без рассуждений ни одного дня (В. Дементьев. Предсказанные дни Анны Ахматовой. Стр. 216). Откуда каждодневная внутренняя жизнь сэра Исайи Берлина была так досконально известна вологодскому писателю? История все та же — никто этим *сэром* не интересовался и интересоваться не собирался. Кто он такой, чтобы о его внутренней жизни

задумываться? Как все вокруг Ахматовой — никто, пыль, фон для ее гения и неслыханной судьбы. И еще смеет рассуждать, рассуждать каждый день, вместо того чтобы с маху бросить свою никчемную жизнь к ногам Анны Андреевны. При чем здесь разница в возрасте, расплывшееся (дорассуждался до того, чтобы назвать и причину — *это от картошки*) тело, несхожесть жизненного опыта, богема и пр.?

Не рассуждать!

* * *

Кстати, название трепетной книги Валерия Дементьева Ахматовой бы не понравилось: *Предсказанные дни Анны Ахматовой* — это хорошо, бессмысленно, но величественно, далее идет двоеточие и — самоуправство: *Размышления о творческом пути.* Ведь «размышления»-то — некоего Дементьева. Он пишет книгу, чтобы поразмышлять, выказать людям свои куцые «размышления». В меру своего соображения он может запечатлевать ее творческий путь — не полностью, конечно, не во всей глубине и таинственности, — но *размышлять* ему о нем уже совершенно излишне.

* * *

У нее не хватило вкуса признаться в игре лишь творческого воображения и, приехав в Оксфорд, садясь за стол, накрытый его женой, рассмеяться: наша встреча была толчком к какой-то фантазии, явился какой-то герой, которому я могла перекинуть некоторые свои мысли, он оброс характером, биографией и плотью как герой романа. До романа не дотянул, но стихи многие принял на себя. Так что извиняйте, вы здесь ни при чем, все совпадения случайны.

Нет.

«С моей женой она была суперхолодна, понимаете. Супер. Лед».

«Одна случайная встреча ТАМ, — она помолчала, — может все изменить…»

* * *

Из книги «Сэр» Анатолия Наймана узнаем, что они совершили половой акт. Право, не знаешь, какое другое слово

подобрать — ни одно из употребляющихся при описании человеческих взаимоотношений здесь не подходит, исходя из ситуации — назовем уж медицинским термином.

С чего бы это вдруг? У него были не то чтобы проблемы, но совершенно другие привычки и другая история, чтобы так уж не удержаться и наброситься на незнакомую пожилую даму, даже пусть и провоцирующую, старшую его на двадцать лет (это была не та разница, когда ей сорок и ему двадцать, ее пятьдесят шесть были уже за тем порогом, который подходит для галочки на еще не испытанной страничке донжуанского списка, она уже располнела от нерационального питания, царственно откинула голову со щитовидкой назад, пила по-старушечьи — для питья, не для веселья). В плане моральной победы тоже маловероятно, чтобы он мог осознать престиж такого завоевания — он не знал, по какому случаю орден сей можно будет надеть. Конечно, инициатива могла исходить и от нее — но она была для таких приключений трусовата и вовсе не так темпераментна — в физическом плане, — а главное, она бы его выдала. Проговорилась бы гораздо раньше и определеннее, чем он.

* * *

Возраст мало что значит. Летоисчисления судеб оперируют библейскими свободами. Насколько старородящей была Сарра и дожил ли Мафусаил до тысячи лет? Лени Рифеншталь вышла замуж в 68 лет за молодого мужчину лет двадцати с небольшим — «*немного застенчивого молодого человека, очень высокого, стройного и прекрасно выглядевшего» (Л. Рифеншталь. Мемуары. Стр. 518)*. Прекрасно выглядела, естественно, она сама до ста двух. За годы этого брака юноша стал старичком. Брак был нужен для жизни — работы, планов, супружеских отношений. Не то с поэтами. *Красивая, сдержанная, умная дама, да к тому же прекрасный поэт — вот что придумала для себя А.А. (Н. Я. Мандельштам. Из воспоминаний. Стр. 319)* — и к ней муж, «*врач-профессор»,* муж — английский сэр, друг Черчилля, соперник Сталина. Все — этикетки. Платье, с которого не спороли ценник.

* * *

Не в таинственную беседку
Поведет этот пламенный мост:

Одного — в золоченую клетку,
А другую — на красный помост

Записные книжки. Стр. 643

Всё про беседки-то, действительно… И золоченой клеткой назвать дом человека — его домашние, домочадцы, себя как обозванными должны понимать? Вот вам и благодарность за гостеприимство… Помостов для себя Анна Андреевна ждет, как вампир. Тем и питается…

А в книге М. Игнатьева содержится немало предостережений грядущим реконструкторам (цитируем по реферату И. Шайтанова)*: В молодости дело было даже не в том, что Исайя Берлин испытывал неуверенность в отношениях с женщинами, а в том, что он был абсолютно уверен в своей некрасивости и в отсутствии шансов на успех. Ему приходилось убеждаться и в обратном, но, пережив пару платонических увлечений, он с подколесинской настойчивостью избегал любой возможности брака. <…> Его романы с женщинами никогда не были физической близостью, а дружбой, беседой, взаимной поддержкой. Именно так в Америке в военные годы завязываются отношения с Патрицией де Бренден (впоследствии — Дуглас), дочерью лорда Куинсбери, однако они принесли Берлину немало страдания. Он едва ли не впервые был по-настоящему увлечен и не мог равнодушно следить за очередным браком или приключением своей избранницы. В одну из пауз в серии любовных странствий Патриция сама сделала ему предложение — как раз накануне поездки в Россию, — которое он отверг. Однако Берлин уехал эмоционально потрясенным и продолжал получать кокетливо-поддразнивающие письма. <…> Во время беседы [с Анной Ахматовой], длившейся всю ночь <…>, возможно, и для того, чтобы предупредить ее эротическое влечение к нему, — Исайя признался, что и он был влюблен: не говоря прямо, он, разумеется, имел в виду Патрицию Дуглас. <…> Подозрение с тех пор так и сопровождает их встречу. Ни один русский, читающий «Cinque», цикл, посвященный вечеру, проведенному ими вместе, не в силах поверить, что он не закончился в постели. В действительности же они едва прикоснулись друг к другу. Он оставался в одном конце комнаты, она — в другом. Будучи совсем не дон жуаном, а неофитом во всем, относящемся к сексу, он оказался в квартире прославленной обольстительницы, пережившей глубокое взаимное чувство с несколькими блестящими мужчинами. Она сразу же мистически придала их встрече историческое и эротическое значение, в то время как он робко сопротивлялся этому подтексту и держался на безопасно-интеллектуальной дистанции. К тому же*

он оказался и перед более прозаическими проблемами. Прошло уже шесть часов, и ему нужно было пойти в туалет. Но это разрушило бы атмосферу, а к тому же общий туалет был в глубине темного коридора.

* * *

Сэр Джон Лоуренс откликнулся в «Таймс» назидающим письмом: с чего это Игнатьев пишет, что Берлин и Ахматова в ту знаменитую, проведенную в безостановочном разговоре, ночь в Ленинграде не дотронулись друг до друга, когда ему, сэру Джону, Исайя сказал, что они переспали, причем с ударением прибавил: «Ей было шестьдесят!»

А. Найман. Сэр. Стр. 65

Как там было «переспать» — когда квартира коммунальная, сын тридцатичетырехлетний с картошкой ходит, Пунин за стеной, уборная неизвестно где. Лев Николаевич Гумилев, прилежный и удачливый практик любовных приключений, считал, что все не так просто и в более благоприятных условиях (о Пушкине с Александриной — мама задала ему этот тон и эту тему): *Никакой измены, конечно, не было и не могло быть. При открытых анфиладах комнат и при тех дамских платьях — это практически невозможно. (В. Н. Демин. Лев Гумилев. ЖЗЛ. Стр. 264.)* При всей горделиво предъявленной блудности Анна Андреевна в любовных историях видела другой набор значимого — эротическое напряжение, запутанные жизненные ситуации, надрыв и предательство, обязательно огласка, «люди», «все» — должны «видеть», долгие ожидания (коммунальность придавала особый накал чувствам и особенно — ощущениям) — а непосредственно до секса могло и не доходить.

Да еще *безостановочный разговор*. На самую птичью любовь какое-то время все-таки нужно. Ситуация двоякая. С одной стороны, совсем быстрый секс лучше всяких деклараций и провокационных разговоров подтвердит, что Ахматова — женщина темпераментная и раскованная, а с другой стороны, — мог как раз свидетельствовать об обратном — что у нее был настолько велик дефицит в половых партнерах, что она рискнула пожертвовать завязывающимися отношениями для физиологической процедуры. В реальной ситуации это вряд ли произошло, но эротический накал той силы, которую являла Анна Андреевна в разговоре о судьбах мировой культуры, был явственен — и Берлин счел себя обязанным ответить

соответствующей любезностью. Это был его ей подарок — он СКАЗАЛ Лоуренсу, потому что этого бы она хотела. Чтобы сказал. Остальное не так важно. То есть какие-то отношения у них в ту ночь все-таки возникли — во всяком случае, они поняли друг друга и расстались не без симпатий. Берлин был, конечно, огорчен, что Ахматова повела себя впоследствии как горничная, щеголяя близостью и предъявляя нелепые требования, — а не как лощеная светская развратная женщина, которая поднимет брови: «Мы разве знакомы?» — но воевать ему со всем светом было бы невозможно.

* * *

После отъезда Берлина Ахматова среди знакомых подчеркнуто много и подробно рассказывала о его визитах к ней, боясь, как она заявила, искажения действительности «злыми языками».

Справка начальника Управления МГБ по Ленинградской области. Летопись. Стр. 417

* * *

Но понял ли он, что и в самом деле стал Энеем? (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 37). Оборот «понял ли он» означает не просто искренний вопрос: стало ли известно этому человеку что-то, а — подозрение в том, что что-то важное оказалось непонятым, упрек за это непонимание, горькое сожаление о непонятливости и пр. ХОТЕЛ ЛИ г-н Берлин это понимать — это другой вопрос, и на него ответ никого не интересует — не о Берлине же речь! Как должен себя чувствовать человек, которого кто-то другой признал пригодным для какой-то выгодной ему роли, ненужной, смешной, унизительной маски. И который ПОНИМАЕТ, что окружающие этому наговору верят — и с горечью вопрошают друг друга: а понял ли он, что он и в самом деле стал?..

Сэр Исайя Берлин прочитал «Пролог» в «Искусстве Ленинграда». И — не узнал себя (или не пожелал узнать себя) в «Госте из Будущего»…

М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 195

…потом, узнав о предстоящем прощальном визите Берлина,

Анна Ахматова загодя к нему готовилась, в частности, собирала у друзей и знакомых свои ранние книги и фотографии.

М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 196

Из улова: у Софьи Казимировны Островской была такая книга, подарок Ахматовой, с соответствующей надписью… *но той недолго пришлось любоваться ахматовским инскриптом: книга была, по просьбе Анны Андреевне, возвращена ей, а затем подарена Берлину с такой надписью: «И.Б. от А.А.». (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 196.)* Античная краткость и их общая тайна. *На выставке в Фонтанном Доме я увидел книгу «Четки» с двумя дарственными надписями Ахматовой. (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего», Стр. 196.)* Берлину пришлось принять в подарок книгу, на которой уже стояла чужая дарственная надпись. Положение его было безвыходным: отказаться — оскорбить Ахматову, ведь было бы понятно — почему. Будто из вырванных у убитой золотых зубов изысканный перстень отдала сделать, а люди нос воротят. Кому захочется в таком быть уличенной, тем более Анне Ахматовой — *изысканнейших чувств женщине*? А что сравнение не с перегибом — так нас ахматофилы тому и учат: все, к чему Ахматова прикоснулась, — свято. Софье Казимировне, вообще-то, правильнее было бы подаренную книгу отдать, а дома на кухне той же ночью от потери такой повеситься.…*Среди прочих реликвий большую ценность представляют книги стихов Ахматовой с ее дарственными надписями сэру Исайе Берлину. (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 195.)* Это из описаний богатств дома Берлинов в Оксфорде.

* * *

М. Кралин с сухонькой ослепительной улыбкой и сдержанной мимикой колокольчиком поет: «Я верну тебе все, что ты подарил». Дарят *каратники* — но иногда и требуют возвращать. Что делать — каковы принцы, таковы и обычаи в королевстве. Новые деньги — неунаследованные, ненаработанные — слава у Анны Андреевны тоже была не побочным продуктом жизнедеятельности гения, а основным содержанием жизни. Приемы тоже были блатными. Забрать подарок у подруги и передарить иностранцу — это сильно. Зачем Берлину могли быть нужны ее ранние книги? Ведь она же не из подполья весточку на волю передавала, кричала SOS, сообщала миру о пропавшем в

глубине ГУЛАГа гении — все ее творчество хорошо было на Западе известно, все книги ее знали. Она хотела сделать Берлину роскошный, но элегантный подарок. Такой, какого вовсе не заслуживали ее соотечественники.

Представьте, как горд был в сороковых годах человек, у кого дома на полке, а то и в заветной шкатулке, хранился томик какой-то первой книжки Ахматовой — вот они, репринты, передо мной — на тонированный бумаге, с безупречного вкуса рисунком, выверенной графикой — прелесть, — у людей этих подрастали внучки, и они лелеяли мечту в день их совершеннолетия со слезами на глазах книжку эту вручить, чтобы поддерживать состояние кислой женственности. И вдруг — трубы во дворе, гонцы, зачитывают королевский указ: все ранние книги Анны Ахматовой, фотографии, подарки — по закону принадлежащие новым владельцам, — сдать. Академик Томашевский наказывал своему гинекею — делайте все, что говорит Анна Андреевна.

* * *

Анне Ахматовой деликатность в вопросах дележа культурных ценностей, имеющих материальное выражение, неведома. Зое Томашевской («делала все, что она говорила»… и пр.) — подарила рисунок Модильяни. Тот самый, знаменитый, — за то, что та сохранила ее архив. Сохраняла во время войны…

Зоя Томашевская: *Бывая у Анны Андреевны, я глаз не могла оторвать от этого рисунка. <…> Каждый раз, когда Анна Андреевна видела, как я смотрю на рисунок, она неизменно произносила: «Юноша прекрасный, как Божий день». Иногда что-то добавляла. «Он постоянно просил меня читать стихи. Не зная русского языка. Я смеялась: зачем? „В них есть тайна", — отвечал Модильяни».*

Война! 31 августа 1941 года Анна Андреевна звонит маме: «Попросите Бориса Викторовича за мной зайти. Я осталась одна. Мне страшно». Папа немедленно пошел и привел ее на канал Грибоедова. При ней был небольшой чемоданчик, который сопровождал ее во всех ее поездках. <…> Дней десять она прожила у нас на пятом этаже, спускаясь в подвал при каждой воздушной тревоге. В подвале было бомбоубежище. В него выходили все дворницкие комнаты. Дворник с замечательным именем Моисей Епишкин предложил ей свою прихожую. <…> 27 сентября она улетела в Москву, оставив заветный чемоданчик в кабинете Бориса Викторовича. 21 марта 1942 года улетели в Москву и мы. Но всю лютую зиму 1942 года мы прожили в чужой

квартире первого этажа. Наверх подняться — <…> могла только я. Мне и было поручено собраться. То есть положить в большой чемодан все самое нужное и ценное. Можно было взять в самолет только пятьдесят килограммов на всю семью.

Конечно, был сохранен весь архив Ахматовой. Увезен в эвакуацию, скитался всю войну с хозяевами. После войны в целости возвращен. Анна Ахматова подвиг оценила, по-царски щедро отплатила:

Подарила! Модильяни! <…>

В 1956-м <…> папа получил в подарок от итальянца-слависта Ло Гатто четырехтомный «Словарь искусств». Роскошный, в супере, с вкладышами на меловой бумаге. Такого мы еще не видели. Я буквально впилась в него. Дойдя до буквы «М», была поражена: Модильяни в числе великих художников! Ему отведено текста не меньше, чем Ренуару. Мчусь на Красную Конницу (там тогда жила Ахматова): «Анна Андреевна, может ли быть, что это тот самый Модильяни?» Ахматова долго читает и перечитывает (она хорошо знала итальянский язык), наконец произносит известную мне сентенцию: «Юноша прекрасный, как Божий день».

Через несколько дней раздался телефонный звонок: «Зоя, это Ахматова. Будет очень скверно, если я отберу у вас рисунок?» Ну что я могла ответить?

http:// news.mail.ru/inregions/st_petersburg

Отобрала не потому, что нахлынули воспоминания, что стало как-то невмоготу без этих линий, без этого живого присутствия, не потому, что привиделось во сне. Нет, просто сначала считала, что Модильяни — никто, а потом узнала (и принесла эту злосчастную энциклопедию, на беду, сама Зоя — такое совпадение, если б не она сама — ей была бы выдана полная тайн и знаков легенда), что тот прославился и стал знаменит — как Ренуар.

В их отношениях, Ахматовой и Модильяни, ничего не изменилось, человек и воспоминания о нем не стали ближе, сердцу не стал дороже человек, глазам нужнее — рисунок. Изменилась только цифра на ценнике.

* * *

Последний раз Тышлер виделся с Ахматовой в 1964 году. Он записал свои впечатления об этой встрече: «Расположившая, она сохранила свой эпический образ, свой «ахматовский» стиль с

прибавлением некоторой тревоги внутреннего беспокойства». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 124.) Найдено точное слово — беспокойство, тревога. Это — не ожидание завершения божественной трагедии, это — суета уходящей в чьи-то чужие руки жизни. Столько пришло в старости — и все придется оставлять. Лев Толстой, который каждый раз находит самые простые — чтобы не было разночтений — слова, «беспокойство» употребляет часто, его живущие интенсивной суетной светской жизнью герои беспокойны часто. Беспокойна Элен Безухова, выходящая на «тай-брейк» своей жизни и выбирающая между иностранным принцем и отечественным сановником, или сводящая загоревшегося брата с Наташей Ростовой, беспокойна измученная супруга Позднышева из «Крейцеровой сонаты» перед необходимым для ничего более не имеющей женщины шагом — изменой мужу. Многое беспокоило и Анну Андреевну перед смертью.

* * *

Итак, сэр Исайя Берлин (тогда еще не «сэр»)*переступил порог Фонтанного дома* ***16 ноября 1945 года*** *— это, конечно, не «конец ноября», как повествует сэр Исайя в мемуарах, написанных тридцать лет спустя, а, скорее, середина месяца, но таких несовпадений с фактами в воспоминаниях немало… (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего», Стр. 197.)* Вот это находка, вот это нужный тон, вот это эталонный тон для осмеливающихся писать об Ахматовой. Совершенно идентично по накалу с исследованиями пушкинистов о датировке преддуэльных событий. Свидание у Полетики — до или после получения анонимных писем? До или после женитьбы Дантеса? Ответ на вопросы рассказывает о разных историях, раскрывает самого Пушкина по-новому. 16 ноября — это конец или все же середина со стороны конца осени? Ведь у Ахматовой как ни осень — так трагическая. А некоторые люди легкомысленно дают такие неточные сведения — конец ноября, в то время как — см. текст.

Простишь ли мне эти ноябрьские дни? <…>
Трагической осени скудны убранства.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом
По осени трагической ступая…

У Анны Ахматовой было некоторое время подумать <…>. Вечер миновал, этим, собственно, можно было и ограничиться. Но

впереди маячила — и манила — ночь. И было право последнего выбора (правда, если б Исайя Менделевич знал, какой «выбор» делают за него другие — Михаил Кралин, например, — возможно, и он бы использовал свое право). *Выбрать ночь — и остаться поэтом. Она выбрала ночь — и открыла дверь.*

> *М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 221*

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.

В том, что Ахматова пострадала из-за своих встреч с сэром Исайей Берлином, С<офья> К<азимировна> была непоколебимо уверена.

> *М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 238*

За что пострадал добропорядочный семьянин Зощенко?

Смущает не только ее необычная откровенность перед человеком, которого она видит первый раз в жизни. Смущает, кажется непривычной для «бесслезной»

Ахматовой, которую мы знаем по ее стихам, ее слезливость, о которой упоминается трижды («В ее глазах стояли слезы», «она залилась слезами», «ее глаза наполнились слезами»). Невольно, когда читаешь это, вспоминается о водке, выпитой за ужином. Это не роняет, разумеется, достоинство Ахматовой, но лишь по-человечески объясняет некоторые особенности ее поведения, оставленные Берлиным без прояснения. (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 219). Ну а над Толстым, который на трезвую голову пускает, как дурак, слезу, заслышав музыку, конечно, можно посмеяться.

Она переживала муки ревности, и это отразилось в стихах, но бытовые факты советской действительности уже в цикле «Cinque» поданы, так сказать, в иностранной упаковке. И в дальнейшем этим приемом Ахматова пользовалась неоднократно и разработала его виртуозно. (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 205.) То есть вместо «судков с обедами», которые приносил ей уже ушедший к другой, но не переставший быть сердобольным Гаршин, стало «десять лет ходила под

наганом», этому иностранцы изумляются вернее.

* * *

Об особом искусстве «чаровательля» женщин, присущем Берлину, писала мне в одном из писем С. С. Андроникова, прекрасно его знавшая и видевшая в этом основную «разгадку» романа Берлина с Ахматовой. (М. Кралин. Сэр Исайя Берлин и «Гость из Будущего». Стр. 199). В кавычки, собственно, нужно брать слово «роман», а г-н Берлин к нему и вовсе не причастен. А уж в чем его была вина, почему лестный выбор пал на него — тут г-жа Андроникова, вполне возможно, и права. «Чаровательли» гребут одной гребенкой всех подряд. Которые девушки попроще — те поддаются, которые поглубже и посерьезней — не удовлетворяются внешним блеском…

* * *

Берлин — муж-иностранец. Почему бы нет?

Не далось.

Собратья

Бродский однажды сказал, что есть по крайней мере 10 поэтов, которые на одном с ним уровне. Он назвал Володю Уфлянда, Рейна, Бобышева, Наймана, Красовицкого. Я сейчас не помню всех, кто входил в эту десятку. <…> П.: Вам не кажется, что Бродский, при всем осознании своей исключительности, щедро наделяет равновеличием то одного, то другого из своих современников? К.: Вы знаете, мне кажется, что это опять-таки школа Ахматовой. Бродский с большой охотой и с большой симпатией будет говорить о тех поэтах, которые не кажутся ему сильными соперниками.

В. Кривулин. Маска, которая срослась с лицом. Стр. 174

* * *

Как-то Ахматова заметила, что в самоубийстве Марины Цветаевой были, по-видимому, и творческие причины. Это ж надо так исписаться — до крюка. Ну ладно, простим за то, что догадалась вовремя умереть. *Так вот, у Анны Ахматовой «творческих причин» для самоубийства никогда не существовало. В этом была особая милость Господня по отношению к рабе Божией Анне. (М. Кралин. И уходить еще как будто рано… Стр. 112.)* Все как есть истинная правда — по крайней мере сообщается таким тоном, что не поверить или хотя бы усомниться — невозможно. Как говорил чеховский герой — *«На то вы и господа, чтобы знать. Господь знал, кому разум додать». (А. П. Чехов. Злоумышленник.)* Про Ахматову все известно. Ну, а про Маринку и задумываться нечего.

* * *

Запись А. К. Гладкова. Когда в ее присутствии хвалят Цветаеву, молчит (хорошо воспитана), но человек этот для нее перестает существовать.

Летопись. Стр. 667

* * *

Запись Д. Е. Максимова: Когда я попросил ее прочитать мне мандельштамовский отзыв о ее поэзии <…> она как будто возразила на это: «Но ведь вы больше любите Марину?!» (Смысл: зачем же читать о ней, об Ахматовой? Вот ведь как смиренна.) *Это было сказано с лукавством и с другими соседними более или менее различимыми чувствами.*

Летопись. Стр. 532

* * *

О.М. и А.А. по-разному читали поэтов — он выискивал удачи, она — провалы.

Н. Л. Мандельштам. Третья книга. Стр. 111

* * *

Он [Пастернак] *подарил ей 7 (или 8?) стихотворений. «Четыре великолепные, а остальные — полный смрад».*

Летопись. Стр. 513

* * *

Ахматова на домашнем празднике у Пастернака… *А.А. оказалась обладательницей прекрасного аппетита, развеселилась <…> не теряя величавой повадки <…> но — ни огня, ни даже тепла, зоркий холодноватый взгляд на подвыпивших, душа нараспашку, окружающих…*

А. С. Эфрон. Летописи. Стр. 507

* * *

…из утомления от стихотворного бума 1962 года, гула стихов над стадионами и притока поэтических новобранцев — то есть оттого, что стихи пишет не только Анна Андреевна, у нее рождаются строки:

[Боже, все затрогано стихами]

Все в Москве затрогано стихами,
Рифмами проколото насквозь.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 177

Как тут не вспомнить *чью-то омерзительную любовь* — и автора трудно назвать «Анной Ахматовой» — не потому, что марка эта слишком высока — не слишком — но просто любое имя с фамилией, в той форме, как принято писать имена поэтов, не особенно подходит для такого. Брезгливое старушечье разгоряченное брюзжанье, шипенье Анны Андреевны — это да.

* * *

…ср. ее фразу о Маяковском: «Жаль, его в семнадцатом году шальной пулей не убило». Будто бы проявляется величие Ахматовой — поверх обывательской заботливости сожаление о неразыгравшемся красивом сюжете — *этот мотив связан у А.А. с темой перелома поэтовой судьбы. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 601).* Был бы понятен и похвален такой принципиальный взгляд — если б сама Ахматова десятилетиями не носила в сумочке (впрочем, газетная бумага бы не выдержала, значит — десятилетия спустя положила в сумочку) заметку такого же запальчивого ревнителя завершенности поэтессовых судеб, назвавшего ее женщиной, *опоздавшей родиться или забывшей вовремя умереть.* Она заметку показывала всем, и «люди» до сих пор ужасаются. Хотя у г-на Перцова все-таки как-то без подробностей — чем умертвить, когда именно… Макабрическое литературоведение — неплохо бы тогда и Пастернака под утренние поезда подтянуть для ловкости композиции. *Пастернак замолчал после 17-го года…* Ну и умолкни навеки! С Мандельштамом и Цветаевой поэтова судьба поступила гуманно. Какую биографию сделали нашим кудрявым!

* * *

Знаю, что А. потом в 1916-17 году с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама — одна из самых больших моих радостей за жизнь. — «Этого никогда не было. Ни ее стихов у меня в сумочке,

ни трещин и складок». Учитывая, что Ахматова носила в сумочке письма-признания от циркача-канатоходца синьора Вигорелли с приглашением в Италию, какого-то француза с мимоходным именованием ее grand poet'ом, любовное от Пунина (доставала и доставала из сумочки, читая всем подряд в Ташкенте; Пунин сам удивлялся, зачем писал его — не ей и не о ней, — и это еще не зная о складках, трещинах и чтении вслух письма знакомым и полузнакомым), — то, может, лишнее, проходное, мало что значащее, хоть и ранящее талантливостью, подношение Цветаевой все-таки носила.

* * *

Ну и что, что было влияние? У всех было влияние, никто не свалился с Луны. Найдя предшественника, того, у кого было что-то стянуто, Ахматова немного успокаивалась, притишала боль.

У нас, — сказала она, — сейчас страшно увлекаются Цветаевой, но я считаю, что это отчасти потому, что у нас совершенно не знают Белого, а у Цветаевой очень много от Белого.

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

* * *

О Муре. Если бы она губила его в пылу борьбы с Цветаевой, не замечая, кто жив и кто умер, и только потом, опомнившись, — покаялась! Тогда ее можно было бы простить.

А так — она упорствовала до последнего. В шестидесятых годах рассказывала Бобышеву о панельном мальчишке — зная, что он погиб, что он погиб сиротой, что у него никого не было.

Слова прощенья и любви… — где-то услышал у нее Бродский, в тексте, который зашифрованно, настойчиво надиктовывала она ему для канонизирующего использования.

Ахматова не только обладала необыкновенной памятью, но нередко была несправедливо злопамятной. Не умела и не хотела прощать.

С. Коваленко. Анна Ахматова. ЖЗЛ. Стр. 168

Не простила за мать и за его собственный, слишком пристальный, молодой — что еще вырастет из волчонка! — взгляд.

* * *

О фамильной черте — зависти (по Ирине Одоевцевой).

Гумилев: *Левушка весь в меня. Не только лицом, но такой же смелый, самолюбивый, как я в детстве. Всегда хочет, чтобы ему завидовали. В подтверждение вышесказанного Николай Степанович приводил такой факт. Они с сыном ехали в трамвае, и тот радовался, глядя на прохожих за окном: «Папа, ведь они все завидуют мне, правда? Они идут, а я еду!» (В. Н. Демин. Лев Гумилев ЖЗЛ. Стр. 26).*

* * *

Она выписывает о заимствованиях Пушкина из Шенье; наверное, знакома с мыслями Мандельштама о Шенье. Может, поэтому она не хотела, чтобы издавали Мандельштама в шестидесятых годах?

* * *

Вышел однотомник Цветаевой. «Она вернулась в свою Москву такой королевой и уже навсегда». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 143.) Великодушно и величественно. Записано ее собственной рукой. Железное алиби и ответ всем многочисленным наблюдателям, бесконечно видевшим только ревность, зависть, недоброжелательство. Ничего подобного, высказалась однозначно — и подготовлено под реплики: «Что вы, королева у нас одна! Где там «навсегда» — это только мода». Проговорилась: *В СВОЮ Москву*. Пусть. А она, Ахматова, пусть останется хоть тогда и не царицей Всея Руси, но хотя бы петербуржанкой. Императорство, столица, окно в Европу, мировая культура… Будет разделение, всего не отдадим. *Коссаковская как-то говорила* [Пушкину]: *«Знаете ли, что Ваш Годунов может показаться интересным в России?» — «Сударыня, так же, как Вы можете сойти за хорошенькую женщину в доме вашей матушки». (О. С. Павлищева в письме мужу.)* Цветаева должна знать свое место. В Москву!

А не продавался ли однотомник и в Ленинграде?

* * *

Ты МЕНЯ любила и жалела,
Ты МЕНЯ, как никто, поняла.
ТАК ЗА ЧТО ЖЕ твой голос и тело
Смерть до срока у нас отняла? (Выделено Т.К.)

То есть предназначение свое в жизни Марина Ивановна выполняла исправно, работать бы еще и работать (любить и понимать Анну Ахматову) — до пенсии, до срока, никаких претензий нет — и на тебе, отнимают такую работницу. ЗА ЧТО лишать жизни Марину Цветаеву, если Анну Андреевну она — любила?

* * *

В 1913 году Ахматова выступала вместе с Игорем Северяниным и уже через четырнадцать лет говорила Лукницкому о влиянии Северянина на творчество высоко ценимого ею Бориса Пастернака.

В А. Шошин. Выступления А. А. Ахматовой. Материалы ПЛ. Лукницкого. Стр. 133

* * *

А я очень обижена за А. Блока. Какой же он тенор эпохи? Вроде Лемешева или еще ниже? Как же так? <…> Я позвонила Цявловской и спросила, как она смотрит на это звание? <…> Цяв<лов>ск<ая> ответила: «Это месть». — «За что?» — говорю я. — «За то, что он не был влюблен в А.»

Н. Чулкова. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 511–512

Ко всем своим бывшим мужьям и любовникам относится враждебно, агрессивно.

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 227

Подруги Ахматовой Раневская и Островская наперебой упоминают «мужей» Ахматовой. «Ко всем вашим мужьям теперь будет прибавляться такой-то. Плюс такой-то», — плещет фимиамом Раневская.

Не враждебно и не агрессивно Ахматова относилась только к Гумилеву — тому, кто женился.

Ну и потом, после того, как Акела промахнулся на Гаршине, она весьма расчетливо взяла на себя тон быть снисходительной, ироничной, загадочной — к Берлину, к Бродскому, к Найману. Здесь бы агрессии никто не потерпел, развернулись бы и ушли.

* * *

Именно в связи с Ахматовой В. Топоров пишет о жанре «посмертных писем». (Е. Орлова. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Стр. 53.) Если б письма и поэмы Ахматовой были в этом жанре! Но она и с живыми обращается бесцеремонно, как с мертвыми. Про мертвого Пастернака говорит, что тот три раза хотел жениться, про живого Берлина — что организует для нее Нобелевские премии.

* * *

Наполеона все любят, все в него влюблены. Все к нему примеряются (все его ловят). Анна Ахматова вздыхала, что над нею опять не просто небо — а небо Ватерлоо, и Марина Цветаева — кого только не любила, а уж Наполеона и Пушкина — это уж обязательно. И любовь эта кажется совершенно естественной, не называется безвкусной; смешной — да (если нет чувства юмора), достойной насмешки — нет, потому что Цветаева держит все эти любовные истории в сфере своих фантазий, своего мира — любви и поэзии, а Анна Ахматова — в сфере *мнимой* реальности, быта, житейских обстоятельств. Случись хоть что-то по молодости с Блоком — были бы невзначай упоминания о хлопотах по переезду на дачу, о расчете экономки, о найме зимней квартиры. Если ей хотелось быть замужем за русской литературой, то, вот беда, не в высоком, отвлеченном — вернее, не только в этом смысле, — а она хотела быть женой реальной, деятельной, мнимо приземленной, уставшей от тяжкого, избранным дарованного бремени.

* * *

А бешеная кровь меня к тебе вела…

Вот он — взрыв эротической энергии, едва ли не единственный, в сдержанной, в целом, поэзии Ахматовой.

М. Кралин. Артур и Анна. Стр. 274

Ирина Грэм — последняя подруга Артура, богатая вдова, познакомившаяся с ним в Америке, когда ему было самое начало седьмого десятка, когда никто не хочет верить очевидному. *«Когда вспоминаю о мгновениях предельной близости с Пусикатом (красноречивое прозвище!) — мороз по коже. Он был настоящим мужчиной — умел дать женщине подлинное наслаждение. Блаженство!». Вот здесь и «зарыта собака». В этом — разгадка обожания Ириной Артура». (М. Кралин. Артур и Анна. Стр. 162.)*

И — благодарности Ахматовой его памяти? Плюс — труднодоступность для проверки из-за железного занавеса, действительно ли он «гремит там»? В любом случае он — композитор. Живущий на Западе. Живущий на Западе русский композитор. Что-то вроде Игоря Стравинского. «Кажется, гремит там». Даже про Артура Лурье — разведется или нет?

Женится он на ней или нет? В трех историях — и Гаршина, и Берлина, и Пастернака — один и тот же мотив, одна мелодия — женитьба. Все вертится только вокруг этого. Не слишком романтично. Почему она не рассказывала, что Пастернак был в нее безумно влюблен — три раза? Потому что ей никто бы не поверил. Три раза предлагал жениться — это пожалуйста. Хотя — почитайте хронику его семейной жизни — где тут можно втиснуть такой опереточный брак? Но не поверить — это же значит назвать Ахматову лгуньей?

Жен писательских она не не любила — ненавидела. Тех, на ком ЖЕНИЛИСЬ. Не слишком достойные гениев ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ — это еще ничего, жен — прощать нельзя. Аполлинария Суслова — бог с нею, Анна Григорьевна — вот кто свел Достоевского в могилу.

* * *

Александр Блок не будет прощен никогда. *В таких случаях мне почему-то* (потому что Блок — это тот, который НЕ ЗАХОТЕЛ. За это он получит по полной программе) — *вспоминается Блок, который с таким воодушевлением в своем дневнике записывает всю историю «Песни Судьбы». Мы узнаем имена всех, кто слушал первое чтение в доме автора, кто что сказал и почему. Видно, А<лександр> А<лександрович> придавал очень важное значение этой пьесе. А я почти за полвека не слышала, чтобы кто-нибудь*

сказал о ней доброе или вообще какое-нибудь слово (бранить Блока вообще не принято). (26 августа 1961.) (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 219–220.) Ну, приврал малость в дневничке Александр Александрович. Или чудились ему голоса — кто и что сказал, виделось — кто был в его доме при первом чтении. Между тем Блок на следующий день после чтения привычно, безо всякого воодушевления, и особенно ТАКОГО воодушевления, записал в дневнике в самом своем обстоятельном и сдержанном духе факт события, перечислил гостей и кто что сказал. До «почему» не дошло. Резюмирует: *И я люблю теперь эту вещь более всех, написанных мной: она — значительнее всех. (А. Блок. Дневники. Стр. 106.)* Заметьте — никакой *магии ритма, волшебства видения* — как там Ахматова расписывает свои произведения.

Далее на пятидесяти страницах Анна Андреевна описывает, что она думает о своей поэме и перечисляет списками и поврозь мнения различных реальных и выдуманных людей (мнения тоже реальные или ахматовские, вложенные им в уста).

* * *

Говорили о Блоке, А.А. сказала: «У него был пустой, отсутствующий взгляд. Он всегда смотрел поверх собеседника. Вот так. И шея, красная, как у мастерового, знаете, как от загара у некоторых белобрысых людей, у альбиносов, например. Или как у некоторых немцев».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 229

* * *

Знаменитое «вставание» произошло не на каком-то плановом, всеобще-официальном литературном мероприятии. А на вечере памяти БЛОКА. А уж кем она приходилась Блоку в народных чаяниях — напоминать не приходится. Во всяком случае, кем-то со вполне достаточным статусом, чтобы почитателям БЛОКА встать при ЕЕ появлении. Для нее это был наглядный пример того, как легко можно добиваться своих целей.

* * *

Бродский дал неверную — в таких случаях правильнее

сказать (поскольку о неверности был прекрасно осведомлен он сам и передергивал с определенной целью) — лживую, но дающую биографиотворческим потугам Ахматовой благопристойный вид характеристику: *Ее сантимент к Гумилеву определялся просто — любовь.* Сантимент к собственному творчеству — тоже. За любовь, пусть и к себе, ее можно бы было простить — но она в своей беспомощно старческой (юношеской? ее юность была ТОЙ ЖЕ любовью) «Прозе к поэме» находит время посвятить большой кусок ненависти к Блоку — пишет обстоятельно, тонко, ядовито. Вот уж действительно *каждое слово прошло через автора.*

* * *

Вот как Ахматова возмущена тем, что ее стихотворение посмели сравнить со стихотворением Пастернака. *Про «Оду» — совершенно неверное суждение о ее близости к «Вакханалии». Здесь* (у нее самой, у Ахматовой) <…> — *дерзкое* (часто употребляемое Ахматовой пафосное словцо для обозначения своих воображаемых новаторств) *свержение «царскосельских» традиций от Ломоносова до Анненского* (в промежутке — кудрявый лицеист и дачник с поредевшей шевелюрой, свергаем без всякой жалости) *и первый пласт полувоспоминаний, там* (у Пастернака) — *описание собственного «богатого быта». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 586).* А вы говорите: «Нас четверо»! Только сравните, только вдумайтесь! Она еще им польстила.

* * *

Я сегодня поняла в Паст<ернаке> самое страшное: он никогда ничего не вспоминает… (Записные книжки. Стр. 188). Ну и слава богу, что ничего пострашнее за Пастернаком не числится. Хотя, как видно из конструкции фразы, Анна Андреевна могла бы предъявить целый список. Если б Пастернак знал, что он обязан предаваться воспоминаниям, и что кто-то учитывает его воспоминания, и если он не воспоминает — значит, он страшен…

А в заповедях ничего не сказано о воспоминаниях. Не забивайте себе голову: не вспоминается — не вспоминайте, живите чем-то другим, чем вам живется. Пастернаку вот все-таки удалось.

* * *

2 сентября 1961 г. *Начало работы над очерком «Путь Пастернака». (Летопись. Стр. 568.)* Очерк, очевидно, предполагалось наполнить не самыми, но все-таки тоже достаточно страшными вещами: об обязательности воспоминаний и т. д. Одно утешение — таких «очерков» Анна Андреевна не имела обыкновения доводить до конца.

* * *

Слова о Пастернаке ядоточивы не менее, чем о Блоке, хоть по виду — струйка меду: *Писать широко и свободно.* (Это установка. Легкоисполнимая, разумеется.) *Симфония* («симфония» — это всегда ее поэма, как-то так получилось, что о ее «Поэме без героя» все, будто сговорившись, объяснялись только в музыкальных терминах). *Отзывы Б. Пастернака…* Пастернаку не нравилась ее «Поэма без героя», он считал ее сделанной и манерной, но ему проще было проявить вежливость, чем вступать в ненужные объяснения. *(И не потому, что я верю, что он, Борис, так думал* (это она кокетничает. Ведь верит и не такому — верит самой собою сочиненным безудержным несуразным похвалам, а пастернаковская кажется ей и слишком сдержанной, но ЛЮДЯМ надо внушить, что похвалы Пастернака даже чрезмерны, а то и они, чего доброго, проникнутся его скептицизмом *<…> но уж очень у него, по его гениальности, прелестно сказалось) (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 235)*. Представьте, что кто-то так прелестно осмелился бы выразиться о творчестве самой Ахматовой — в чем бы такого переполненного коммунальной язвительностью критика не обвинили бы!

Гаршин

Нигде нет ничего о том, что Ахматова любила Гаршина.

…он был старше А.А. лет на 5. Женат, взрослые сыновья. <…> красивый, высокий, с умными светлыми глазами, серыми, и всегда измученным лицом. Человек, по-видимому, очень хороший, преклонявшийся перед А.А., порядочный… <…> сильный, плечистый, с крупными чертами лица — и какой-то всегда слабый (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 392)… Она и не любила его. Да и то сказать, увлечься и ею самою тогда было трудно, в конце тридцатых годов… *Летом 1936 года встретил А.А. в магазине <…> и был угнетен тяжкими мыслями при виде ее — жалкой, нищенски бедной, скелетистой фигуры. А.А. была столь худа, невзрачна и столь бедно одета, что даже мне было стыдно видеть ее такой. (М. В. Борисоглебский. Доживающая себя. Стр. 225).* Если пошутить, то можно сказать, что врач-патологоанатом (профессия Гаршина) все-таки смог полюбить. Союз неприкаянных сердец. С приложением с его стороны участия к ослабевшей духом женщине, с ее — как по лекалу расчерченной схемы: она — петербургская дама, с утонченнейшим внутренним миром и огромным, спрятанным, не до конца явленным талантом, пережившая славу и поклонения, страшные потери, сжавшая сердце в кулак, аристократической выучкой сохраняющая на лице холодную сдержанность; супруга врача-профессора; он — наследник уважаемой в русской культуре фамилии; квартира, студенты, прислуга Аннушка, очень дорогие, но изысканные, с историей и даже тайнами, ювелирные украшения — и никто не знает, что там, под этой оболочкой… *А.А. была уверена, что она едет «выходить замуж», и в Москве кому-то сказала: «Мы получили новую квартиру». (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 392.)* Чтобы тайна не выглядела пошлым расчетом — да и просто так, по многолетней привычке — она решила описывать какую-то любовную историю, писала вымученные любовные стихи, про неправду, про то, что от нее ждут, про то, что НАДО БЫ чувствовать Анне Ахматовой к тому, кого ЛЮДИ назовут так обыденно — «мужем», а она-то скроет за этим столько всего, им недоступного. На самом деле скроет маленькую калькуляцию. Про страстную любовь к Гаршину, впрочем, не особенно и говорят. Про холодную сконструированную Ахматовой ситуацию — тоже. Про то, как не повез с вокзала в Ленинграде к себе в покои — говорят с житейским возмущением, как будто между ними была какая-то бытовая сделка, оговоренная взаимопомощь,

вплоть до общественного долга. Безвкусицу и некий душок разных *полубезумный, с оскалом волчьим* и пр. — как-то замалчивают.

* * *

Посвятила ему ташкентские стихи, полные тайн и несуразиц.

В Ташкенте нет горизонтов. Восточные города — как арабская вязь; улочки замысловаты, чтобы при каждом повороте пешеход нашел тень; дома окошками внутрь, во дворы. Эти бы горизонты — да в коломенские разливы Москвы-реки, где на известковом плато Ахматова увидела все дощатым, деревянным, гнутым. О несуществующей любви можно писать только несуществующими пейзажами. Не зря Ахматова априорно подозревала в пустоте и лицемерии поэтов, пишущих «о природе» (в случае Бориса Пастернака — «о погоде»).

* * *

Стихотворение Анны Ахматовой о любви, с заглавием «В.Г.», 1937 года. Одно только четверостишие, но какова глубина и свежесть чувства! А слог, а тайны!

Из каких ты вернулся стран
Через этот густой туман,
Или вижу я в первый раз
Ясный взор прощающих глаз.

Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 156

Бедный Гаршин, стихотворение известной поэтессы получить лестно, но таких-то, пожалуй, он и сам бы мог понаписать…

* * *

Гаршину не повезло еще с тем, что он имел свою фамилию. Ахматовой, по выражению Виктора Топорова — вдове всей русской литературы, было бы очень неплохо как законную, паспортную фамилию заиметь именно такую, что у всех на слуху. Всеволод Гаршин никогда из хрестоматий не пропадал, представлял собой что-то основательное, девятнадцатого века,

бесспорное — и Владимиру Георгиевичу, конечно, с меньшими потерями удалось бы сыграть роль Подколесина, будь он каким-нибудь Ивановым или Сидоровым. Как на беду, все сходилось.

Говорили (в медицинских научных кругах) так: «Вот и хорошо, что он не женился на Ахматовой. Той нужно было только его имя». Сейчас это суждение вызывает только улыбку. (Ю. И. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 69.) У Надежды Мандельштам не вызывало.

* * *

Факсимиле письма Ахматовой к Гаршину. Четкий почерк, параллельные одна другой строки, почти никаких ошибок. Она знает, что ему нравится.

* * *

Говорил Владимир Георгиевич также, что Анна Андреевна «умна как черт», но с неудовольствием отмечал, что письма от нее его не удовлетворяют: «Как будто она пишет не мне, а для потомства, которое впоследствии будет читать ее письма».

К. Г. Волкова. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 67

* * *

Хорошо, если благодаря вниманию к личности Анны Ахматовой не будет забыт и Владимир Георгиевич Гаршин. Имя его в таком разделе медицины, как изучение воспалений, опухолей, предопухолевых состояний и иммунитета, может быть совершенно объективно поставлено вслед за именем Мечникова. (Т. Е. Журавлева. В. Г. Гаршин (1887–1956). Стр. 13.) Кто-то думает, что это имеет цену.

* * *

Может быть, в масштабе универсума и невелика звездочка Владимира Гаршина — не Пастер, не Коперник, — но если б профессорская жена Анна Андреевна стала с привычной собственнической, корыстной настойчивостью превозносить его

— равные ее амбициям — заслуги, перечеркивая этим все то действительное, чем горел в жизни этот человек, — это было бы его личным концом вселенной.

* * *

Из дневника Андриевской: *«02.06.37. Часто заходит Гаршин. Когда он пришел в первый раз, женщины нашей квартиры переполошились: «Какой красивый!».*

Т. С. Позднякова. Виновных нет… Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 145

* * *

Ну почему про других людей пишут просто, важно, с благодарностью за то, что они нам дали, нам сделан подарок, мы обогатились, и почему про Ахматову пишут, размазывая нас по стенке, превращая в ничтожества, которые, трепыхайся не трепыхайся, никогда, никогда не приблизятся к явленному в ней идеалу! Когда про Толстого говорят, пусть и с издевкой, что, мол, критик его уж столь мал, что недостоин целовать след блохи, которая кусала собаку дворника Толстого, — то хочется засмеяться и сказать, что, может, некоторые критики и действительно недостойны — и далее по тексту. С Ахматовой даже стеба не полагается. Только ополоумевший восторг.

* * *

Тогда профессура была не чета нынешней — она была очень образованна. Это несмотря на то, что многих <…> выкорчевывали. Оставшиеся тоже были люди чрезвычайно интеллигентные, интересующиеся различными сферами культуры. <…> И хотя контингент этот был такой высокой пробы, Владимир Георгиевич все равно выделялся среди остальных своей исключительной интеллигентностью. В него были влюблены — благодаря какому-то его особому магнетизму. <…> Сама манера его речи привлекала: речь была по-настоящему литературной, нестандартной, русский язык он использовал во всех его возможностях, и необычайный у него голос был, с особым тембром. Я бы сравнил его голос с голосом Владимира Яхонтова. Минимум аффектации, минимум игры в страсть…

О. К. Хмельницкий. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 22

* * *

У него было романтическое отношение к своей профессии. Например, он с увлечением рассказывал о специфике смерти при определенной болезни. Это обращало на себя внимание, запоминалось. <…> У него был аналитический ум экспериментатора, ученого <…> А с другой стороны, у него было редкое качество для профессионалов этого профиля: необычайная гуманность и сострадание к умершему человеку… <…> Однажды кто-то во время вскрытия закурил или положил куда-то папиросу. Знаете, я Гаршина таким бешеным никогда раньше не видел: «Это же человек! Это же тело умершего человека! Как Вы смеете!» Он такой филиппикой разразился в адрес провинившегося!. (О. К. Хмельницкий. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 22.) Эту специальность называют философией медицины: она должна отвечать на вопрос — почему? (Т. Е. Журавлева. В. Г. Гаршин (1887–1956). Стр. 23.) Он занимался и другими медицинскими проблемами. *Среди судебных медиков он был широко известен как эксперт. (Т. Б. Журавлева. В. Г. Гаршин (1887–1956). Стр. 40.) Во время блокады на своих заседаниях патологоанатомы выявляли причины смерти раненых и больных. Это были совершенно особенные причины смерти, потому что пневмония была без температуры, а дизентерия — без поноса. Более того, патологоанатомы даже выходили на фронт, вслед за наступающими войсками. Проводили вскрытие прямо на поле боя для того, чтобы определить, отчего погибают убитые и что вообще значит «убитые»? По их данным было установлено, что многие люди погибли от потери крови. И на основании докладов, направленных правительству, вышел известный Указ главнокомандующего о награждении санитаров-носильщиков за определенное число раненых, вынесенных с поля боя. (Т. Б. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 40–41.)*

* * *

Гаршин красив и элегантен, большой ученый, коллекционер.

* * *

Считается каким-то необыкновенным подвигом Ахматовой то, что в свое время она не уехала в голодную и неприютную эмиграцию. Зная судьбы эмигрантов-писателей и удавшееся житье пробившихся советских писателей, зная, что в эмиграции для более или менее благополучного житья надо быть как минимум стойким, сильным, трудолюбивым, а уж про дачи, санатории и медали даже не думать — *подвиг* следует представить просто-напросто ленивой боязнью перемен. Почему же она оказалась *с теми, кто бросил* Ленинград — об этом никогда не говорится. *В блокаду многие профессора уехали в эвакуацию, а Владимир Георгиевич остался, отказался ехать. (Т. Б. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 40.)*

* * *

Красивые имена рядом Ахматова очень любила. После смерти Пастернака рассказывала, что он ей делал предложения руки и сердца. Трижды.

Встречи громких имен и участие их в вопросах жизни и смерти друг друга случаются и на самом деле.

В Ленинграде был известный медик и патолог профессор Михаил Константинович Даль. Он состоял в родстве со знаменитым Далем, и профессии у них родственные, ведь писатель и ученый-лингвист Владимир Иванович Даль тоже был врачом. Михаил Константинович пережил блокаду от первого до последнего дня. Как-то, в первую блокадную зиму, получив свой дневной паек — 125 граммов хлеба, он торопился к себе. Недалеко от больницы им. Куйбышева, вблизи Литейного проспекта, он встретил коллегу — профессора Владимира Георгиевича Гаршина, кстати сказать, племянника известного русского писателя Всеволода Михайловича Гаршина. Вид у Владимира Георгиевича был ужасный: истощение. «Владимир Георгиевич, я только что получил паек, — сказал Даль. — Позвольте предложить вам кусочек хлеба. Прошу вас не отказываться». И тут же на улице ножиком аккуратно разрезал пополам кусок хлеба, свободно умещавшийся на ладони. Гаршин растроганно поблагодарил его. Два с лишним года спустя профессор Гаршин написал воспоминания о днях ленинградской блокады — «Там, где смерть помогает жизни». Очерк был опубликован, а рукопись автор подарил Далю, сделав на ней такую надпись: «Дорогому Михаилу Константиновичу на память о тяжелых прекрасных днях нашей жизни, на память о поданном куске хлеба, о кристальной чистоте тех дней. 14 ноября 1944 года». (Т. Е. Журавлева. В. Г. Гаршин (1887–1956). Стр. 41.)

Даже авторы книги о Гаршине не пишут, знал ли и ЧТО знал Гаршин о жизни Анны Ахматовой в Ташкенте. Когда он говорит Далю о *кристальной чистоте тех дней* — это уже после того, как Ахматова возвратилась из эвакуации, когда он уже не захотел впустить в свою жизнь женщину с днями той славы.

Ахматова видела в послеблокадных ленинградцах *«во всех моральное разрушение, падение». (В. Гаршин. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 167.)* Считается, что ей, великой, виднее. *Владимир Георгиевич после блокады внутренне изменился. В его воспоминаниях есть удивительные слова о том, что на нас, на ленинградцев, перенесших блокаду, наложена особая печать, у нас остался рубец, затем: «Странно, но этот рубец как-то выпрямил нас». (Т. Е. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 41–42.)*

* * *

Сыновья Гаршина, любимые не напоказ, — оба на фронте.

* * *

Умирал, умер брат… — Александр Николаевич Пунин умер от голода в блокадном Ленинграде 8 февраля 1942 года.

Валентин Иванович Казимиров (1904–1942) — художник, муж М. А. Голубевой, умер от голода в блокадном Ленинграде.

> *Н. Н. Пунин. Мир светел любовью. Дневники и письма. Стр. 499*

* * *

Погибла вдова Николая Гумилева (настоящая) — Анна Энгельгард; погибла с нею, тоже от голода, дочь ее, единокровная сестра Льва Николаевича, Елена, с маленькой, уже только ее, сестрой.

* * *

Однажды случилось так, что его лаборантка-старушка в ВИЭМе потеряла карточки. Это была смерть. Гаршин пошел к Мусаэляну, тогдашнему директору ВИЭМа (а там был госпиталь),

попросил поставить ее на полмесяца на довольствие в госпиталь. Тот отказал. Тогда Владимир Георгиевич сказал своей лаборантке: «Ну что ж, Елизаветушка, будем с вами на спиртовочке кашку греть». И стал делить с ней свой паек, пока она не получила новые карточки.

Т. Б. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 41

* * *

«Заснуть огорченной, проснуться влюбленной…» <…> — 19 мая 1942 года. Это, конечно, не «Ромео и Джульетта», за работу над переводом которой *во время войны* Ахматова упрекала Пастернака.

Ноченька (Nox) — прочитала мне впервые 31 мая 42.

Глаз не свожу с горизонта — 4 июня 42 (стихи обращены к В. Г. Гаршину)

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970) Стр. 406

Ахматова знала почти наверняка, что Гаршин не переживет блокады. Рисунок ее роли упрощался до минимума, нужно было только протянуть, не срываясь, картину чинной жены или даже страстно влюбленной жены — под настроение, это обогащало общую картину — и могучим аккордом очередной утраты сюжет мог бы и завершиться. Но за живых людей иногда надо побиться — и иногда потерпеть поражение.

* * *

Остро реагируя на все изменения (во время блокады) в людях и в себе, он тяжело переживал то, что в период особенно мучительных испытаний голодом суживается круг интересов и человек как бы «тускнеет» под властным и неумолимым желанием — инстинктом сохранения жизни. Как биолог — он понимал это, как врач — сострадал людям, как человек высокого интеллекта был унижен и стыдился этих перемен в себе.

Т. Б. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 148

* * *

Честный труженик, он и в предсмертных дневниках пишет с философией и ответственностью: *Оно, конечно, писать о метаплазии легче, чем о жизни вообще и о жизни умирающего человека в частности. Но в последнем случае простят всякие глупости, а в вопросе о метаплазии глупости недопустимы.*

Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 87

* * *

Л. К. Чуковская В. Г. Гаршину из Ташкента: Мы живем довольно далеко друг от друга — я в одной комнате с моими родителями, дочкой, племянником, няней — на частной квартире, — она в отдельной комнате в Писательском доме. <…> Спасает Анну Андреевну то, что рядом с ней живут чрезвычайно милые, деликатные, добрые люди, горячие ее почитатели — старички-супруги Волькенштейн, которые всячески облегчают ее существование, покупают продукты на рынке, берут хлеб, топят и пр. Однако, несмотря на все это, надо сказать, что быт у А.А. еще трудный <…> Анна Андреевна, как всегда, переносит все неудобства стоически, без жалоб и ропота (чего нельзя сказать обо всех ее собратьях по перу). Я бываю у Анны Андреевны каждый день, иногда провожу с ней часа 2–3, мы вместе ходим на почту, в баню, к прачке, иногда забегаю только на минуточку <…> Я приношу ей яблоки, белый хлеб, изюм, иногда масло — вообще делаю, что могу <…> Часто увожу ее к нам — умыться, пообедать. (Стр. 32–33) Страшно представить, чего недоставало у *ропчущих и жалующихся* собратьев по перу, — может, они хотели, чтобы их носили в заплечных корзинах?

* * *

Среди версий, которые подобрал сын Жданова для объяснения ярости своего отца в 1946 году, есть и такая: «Ленинградские писатели-блокадники, сполна пережившие трагедию, ревниво относились к триумфальной встрече частью интеллигенции города вернувшихся из далекой эвакуации Зощенко и А<хматовой>». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 302.) К чувствам писателей-блокадников, несомненно, следует отнестись с величайшим презрением — ведь все потеряли человеческий

облик, все морально опустились, а Ахматова не потеряла и не опустилась. Особенно сильно подопустились врачи — ведь у них было на что менять свою совесть.

* * *

Ахматова считает, что Гаршин обарахлился антиквариатом во время блокады, торговал казенным спиртом, брал взятки.

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 227

Сэр Исайя Берлин приехал в послевоенный Ленинград с целью по дешевке (дешевизна объяснялась *чрезвычайно высокой смертностью и возможностью обменять книги на еду во время блокады)* купить букинистические и антикварные книги. Он пишет об этом совершенно спокойно. Собственно, почему бы этого было ему и не делать? Во время самой блокады некоторые, кто был еще жив, чтобы не обезуметь, занимались какими-то своими привычными и любимыми делами, которые могли казаться абсурдными на сторонний взгляд. Кузина Пастернака, например, писала работу «Гомеровские сравнения» (со сходящей с ума матерью, с собственной цингой). *К весне закончив «Сравнения», я стала искать работы, которая не требовала бы книг и литературы. <…> В постели я много думала о давно вынашиваемой работе по проблемам античного реализма <…> (Происхождение литературной интриги. Пожизненная привязанность. Переписка с О. М. Фрейденберг. Стр. 249).* Владимир Гаршин, коллекционер, мог заходить в антикварные магазины и что-то там покупать — ведь кто-то же приносил туда вещи в расчете именно на такой случай. Но Гаршин не был из тех людей, которые были способны обокрасть умирающего, как бы ни хотела таким представить его потомкам Анна Ахматова.

* * *

Анна Андреевна не пережила по-настоящему войны. А Гаршин понял, что он гипертоник, человек обреченный <…> Но он усиленно работал, даже возглавил научную деятельность ВИЭМа, был заместителем директора по научной части. <…> во время блокады был его взлет, потому что она как бы очистила его от всех подозрений, ведь во время гражданской войны он служил у белых. Как видим, очистила вовсе не от всех подозрений — Анна Андреевна Ахматова возвела на него новые. *Блокада сняла с него*

это. Более того, его выдвинули даже в члены-корреспонденты Академии медицинских наук, а в силу признания его заслуг за время блокады избрали сразу действительным членом Академии наук. Так что он получил высокое общественное признания.

О. К. Хмельницкий. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 72

И он все это бросил под ноги другой! Как тут не заявить про спирт и взятки!

* * *

Гаршин дарил предметы и целые коллекции, передавал в государственные музеи коллекции и собрания книг. *Когда все должны были подписаться на государственный заем, он подписывался за весь средний и низший персонал своей кафедры, так как для многих эта сумма составляла чуть ли не две зарплаты.*

Н. Л. Гаршина. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 77

* * *

Да, Гаршин занимался коллекционированием с патологической страстью, как, наверное, все коллекционеры. Он, например, часть своего пайка мог отдать, а потом сидел впроголодь.

О. К. Хмельницкий. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 80

* * *

До войны семья Гаршиных занимала в коммунальной квартире три небольших комнаты. Жили очень бедно: большую часть своего заработка Владимир Георгиевич тратил на коллекцию. (При Капитолине Григорьевне его заработок тоже уходил на коллекцию, но хорошо зарабатывала сама Капитолина Григорьевна, вторая жена, ради которой он расстался с Ахматовой).

Н. Л. Гаршина. Сборник «Владимир Георгиевич

* * *

Большое видится на расстоянье. Пожив вдали от Анны Андреевны, Гаршин понял, что она не та женщина, с которой он хотел бы жить.

Ахматова вышла из поезда на платформу Московского вокзала, и тут произошла встреча, уже много раз писанная в воспоминаниях. Встреча, которую Э. Г. Герштейн сравнила с оскорбительным розыгрышем. (Т. С. Позднякова. Виновных нет… Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 153.) Розыгрыши бывают только там, где к ним готовы — где играют. Ну кто-то может попасть в ситуацию розыгрыша, будучи совершенно уверен, что все взаправду, но это — самые молодые, самые неопытные существа, которые играют со всей серьезностью детей и плачут над оторванной у мишки лапой. Здесь игра была сознательной и расчетливой. Жаль, что Ахматова не предложила Гаршину застрелиться. Она ведь поставила на этого человека. По крайней мере, она бы предпочла видеть его мертвым. Про смерть Гаршина говорится в Ташкенте подозрительно много.

Он настоящий мужественный человек. Я не сомневаюсь, что он уже озаботился устроить так, чтобы мне немедленно сообщили о его смерти, если он будет убит. <…> Я теперь уверена, что В.Г. погиб. Убит или от голода умер… Не уговаривайте меня: ведь Тарасенкова получает от мужа регулярные письма… <…> Лева умер, Вова умер, Вл. Г. умер, — голосом полным слез, но слез нет. На самом деле все трое были живы. (Вовиной смерти даже посвящено стихотворение — прекрасное, Левиной — могло бы быть прекрасным тоже, если б было так легко отделаться от дополнительного чувства, которое возникает, когда понимаешь, что мать, мужественно переносящая гибель сына, — это и есть Анна Ахматова, как она себя описывает в такой выдающейся ситуации.) *Получила телеграмму от В.Г., что посылка дошла!!! Вот. А она спорила, не хотела посылать «мертвому».*

* * *

Для меня это было бы освобождением (если б Гаршин погиб). Ахматова действительно иногда театрально заявляла Чуковской об этом. Какой женский роман обойдется без такой коллизии: героине попадается завидный, но не любимый жених; надо

радоваться, но счастья нет, героиню что-то подтачивает. И когда нежеланный брак расстраивается — она испытывает облегчение. Ахматову, конечно, принято толковать более многопланово, хотя многие понимают и так, как есть: *От чего? От обязательств перед ним? Или — для чего? Для ташкентского образа жизни, несколько напоминавшего свободные нравы начала XX века? Этот образ жизни с недоумением и неприятием описала в своем дневнике Чуковская. (Т. С. Позднякова. Виновных нет… Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 151.)* А не придумала Тамара Катаева, кстати.

* * *

Ахматова убедила себя в том, что Гаршин сошел с ума. Доказательство — телеграмма Ольшевской: *«Гаршин тяжело болен психически расстался со мной сообщаю это только вам Анна». (Т. С. Позднякова. Виновных нет… Стр. 154.)* Это доказательство только того, что она хотела убедить ДРУГИХ. Стихотворение об одурманенной безумьем — это тоже не шепот про себя, это бюллетень для почитательниц: на фронте любовных сражений у Ахматовой еще один трофей, подобезумевший, правда, но зато уж она-то как перед ним согрешила! Как тяжко, Боже, оставь хоть жалость ей…

Для Ахматовой главным аргументом в пользу душевного расстройства Гаршина были, видимо, его «самооправдательные галлюцинации»: он рассказывал, что ему во сне являлась покойная жена (Разве не случается? Жена, с которой прожита жизнь, рождены сыновья, которая осталась с ним в городе, ухаживала, несла ему обед и умерла на улице, тело объели крысы, он много писал об этом сыновьям на фронт, сам ей выбивал надпись на могильной плите,) *и просила его не жениться на Ахматовой.* (Довоенный роман мужа доставил ей много страданий — вдовцу, даже самому непоколебимому в плане душевного здоровья, может прийти в голову и казниться.) *Тот симптом, по которому Ахматова ставила Гаршину клинический диагноз, применительно к себе <…> она расценивала как проявление мистического откровения: <…> «Три раза в одни сутки я видела Н<иколая> С<тепановича> во сне, и он просил меня об этом…» (Т. С. Позднякова. Виновных нет… Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 154.)* Это ей было совершенно все равно, так, к слову рассказывала и эти тайны, доверенные ей Гаршиным. Безумство было только в отказе жениться на ней.

* * *

Наконец Анна Андреевна указала ему, в какое глупое положение он ее поставил, не посчитавшись даже с ее именем. «А я об этом не думал», — ответил он. Вот это и взорвало Ахматову. И никогда она ему этого не простила.

* * *

Я еще не таких забывала — Гаршина, очевидно, забыть все же не могла; чтобы ТАК забыть, нужно помнить о нем всегда. В интеллигентной среде так глухо, как правило, не разводятся — если не делили квартиру или не переписывали дачу. Собственно, Ахматова со всеми «бывшими» была в цивилизованных отношениях. Гумилев и изменил, и оставил — а она сохранению и преувеличению его посмертного значения посвятила годы, хоть небескорыстно, но все-таки — без злобы. С Шилейко практически дружила, ходила за больным псом, свободно и дружески делилась невзгодами, после Пунина захотела, через голову законной вдовы, считаться тоже вдовой. Ну, все как у людей. Гаршин как раз в разряд «людей» и не попал, он — бумажка, чин, звание, печать. Спорить нечего, он не был столь масштабен, как предыдущие ее партнеры, чтобы полюбить его. Что его монетки и иконки и коллекционерская практика перед эрмитажным опытом Пунина, что его любовь к поэзии Гумилева и Ахматовой — Ахматова ценила именно тех, кто насчет Ахматовой не заблуждался (Пунин, например, Бродский не были поклонниками)! Что его стихи по сравнению с томами эссе и оксфордской кафедрой Берлина!

«Дама» не может быть без «господина». «Дам» не бывает там, где нет «господинов». На «господина» Гаршин определенно тянул. Берлин был шикарнее, на него она набросилась уже с истинной страстью.

* * *

Ходили злые слухи, что Гаршин пренебрег Анной Андреевной ради какой-то молоденькой медсестры. (Т. Е. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 61.) Распускательницей «злых» — для Ахматовой щадящих — слухов мы знаем, кто был, она сама и была. На самом деле «молоденькая медсестра», профессор Волкова, патологоанатом — давняя любовь Гаршина.

Еще в годы сразу после первой мировой войны он посвятил ей, коллеге-патологоанатому, отвергшей его ухаживания, язвительное стихотворение:

Ваши пальцы пахнут трупами,
Нежно красит их судан,
Вы сердца сложили группами,
Создал шеф к работе план. <…>
И когда по белой лестнице
Вы подыметесь в отдел,
Корректура, счастья вестница,
Скрасит горький ваш удел.

* * *

Юрий Герман, по сути дела, вывел его в своей знаменитой трилогии и опубликовал гаршинское стихотворение: студенты там распевают стихи, написанные Гаршиным. Персонажи Юрия Германа — это все наши учителя, мы их узнаем. И Гаршин там изображен. (Т. Е. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 55.)

* * *

Не сорвался бы Гаршин — не понадобился бы и гость из будущего, Берлин. Сущность Ахматовой была совершенно женской, она была не боец, ей обязательно нужен был кто-то из «настоящего», из мужского лагеря, с которым она бы играла в «гигантские шаги» — забытая русская забава, когда вокруг столба на прочной веревке намеряют своим размашистым шагом игрушечный путь, — все вокруг одного, все вокруг того же… Может, женой академика она сдержала бы себя от каких-то самых несимпатичных эксцессов, а свобода самовыражения была бы больше, когда самое отчаянное желание уже было бы исполненным.

* * *

Роман между тем был обстоятельный, настоящий.

…между Гаршиным и Капитолиной Григорьевной возникли разногласия по работе. <…> Несмотря на давнее знакомство, они

10 лет были в ссоре, не общались. Снова он стал приходить к ней во время блокады, после смерти жены, когда ему было очень одиноко. Татьяна Владимировна умерла в 1942 году, <…> он <…> лежал, умирая от голода, и Капитолина Григорьевна тоже лежала с дистрофией. <…> Встречи начались в 1943 году, когда здоровье их стало восстанавливаться: оба как научные работники и профессора получали академические пайки. <…>

Н. Л. Гаршина. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 64–65.

* * *

«Не был ли Владимир Георгиевич во время войны психически болен (как следует из стихотворения Ахматовой <…>)? — Этого никогда не было. Во время войны Владимир Георгиевич работал, все время был окружен людьми, и никто не замечал у него нарушений в психике. Даже во время дистрофии. В 1944 году, когда вернулась Ахматова, он работал на кафедре, читал лекции. Я слушала их, будучи студенткой. На фотографиях того времени Владимир Георгиевич выглядит очень плохо, потому что это фотографии дистрофика и человека, пережившего весь ужас блокады и гибель жены. Все блокадники выглядели так и, с точки зрения человека, блокады не пережившего, были не вполне нормальными».

Н. Л. Гаршина. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 64–65

* * *

…потом у него было кровоизлияние в мозг. И я вам честно скажу, когда он после этого появлялся в Обществе патологоанатомов и сидел с таким нервным ассиметричным лицом, я старался на него не смотреть, потому что видеть знаки того, как он становился развалиной, было ужасно.

О. К. Хмельницкий. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 72

Полубезумный, с оскалом волчьим…

* * *

Женился на обыкновенной молоденькой медсестре — это пишет Аманда Хейт, которая даже слухов никаких не могла передавать — она никого и ничего не знала, кроме голоса самой Анны Андреевны. Что та хотела, то и диктовала.

* * *

И он, наверное, тянулся <…> к чему-то, будем так говорить, здоровому. Да, Волкова была совершенно здоровый человек, реалист, очень миловидная женщина. Она и молодая была подтянутая, аккуратная, организованная, педантичная, никаких лишних эмоций. Она была холодная, как собачий нос, такая на немецкий лад. (О. К. Хмельницкий. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 73.) А можно сказать и по-другому, в стилистике околоахматовских писаний: она была внешне холодная и безупречно-сдержанная, как истинная петербурженка. *Волкова Капитолина Григорьевна <…> доктор наук, профессор. Родилась в Петербурге. <…>. Училась в частной гимназии О. К. Витмар <… > Литературу в гимназии преподавала Л. Н. Карсавина — жена известного историка, профессора Л. П. Карсавина. Волкова была близка с этой семьей. <…> После гибели Л. П. Карсавина в лагере Капитолина Григорьевна ездила в Литву, чтобы увидеться с его дочерьми.* (Анна Ахматова побоялась навестить Надежду Мандельштам, и ей самой запретила навещать себя в больнице.) Во время Первой мировой войны молодой врач Волкова в диковинном на наш слух звании «зауряд-врача» отправилась на фронт. Анна Ахматова тоже не осталась в стороне от военных событий и написала стихи, вызвавшие насмешки над ни к чему не обязывающей воинственностью у критиков. Волкова же *за спасение раненых в одной из тяжелых боевых операций была награждена Георгиевской медалью. <…> О достойном поведении Волковой в эпоху Большого террора вспоминает ее племянница Н. Л. Гаршина… (Т. С. Позднякова. Виновных нет… Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 212.)*

* * *

Ахматова вернулась из Ташкента <…> «преображенная, молодая и прекрасная». Страшным призраком показался ей человек, переживший блокаду и потерявший способность разделить с ней ее

новую молодость. (Т. С. Позднякова. Виновных нет…. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 166.) Но его статус, его имя оставались при нем — и Ахматова решила не сдаваться. Такие ситуации были ей не впервой.

* * *

Исследовательница Алла Марченко, отводя от Ахматовой обвинения, что та во время войны путалась с иностранным разведчиком, дает более основательную и респектабельную версию (и более вообще-то правдоподобную): любовником Ахматовой в Ташкенте был А. Козловский, женатый человек, разумеется, гостеприимством чьей жены она охотно пользовалась. Ну а несчастному дистрофику Владимиру Гаршину с его профессорскими регалиями в невесты все продолжала готовиться.

* * *

1945 год был у Владимира Георгиевича очень трудный, потому что это было время, когда он начинал строить свою новую семью. Капитолине Григорьевне Волковой было тогда 55 лет. Она впервые выходила замуж. Была она подвижная, румяная, черноглазая. Мне казалось, что можно дать ей лет 28, не больше. (Н. В. Кузьмина. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 71.) Фотографии подтверждают это невероятное наблюдение. Шестьдесят лет, отделяющих женщину на снимке от нашего времени, о которых мы знаем, кажутся нам уже как бы прожитыми ею, она должна бы быть столетней — юным красавицам на пожелтевших фотографиях мы всегда набавляем года, — но женщина с правильным красивым лицом, полным какой-то перехваченной фотографом мысли, с открывающей лицо прической, в хорошем платье и с легкими красивыми руками, а в руках — полевой бинокль, — она очень миловидна и молода. Доктор медицинских наук, врач. *Дом у них был очень красивый, ухоженный, уютный. Я ни до того, ни после того никогда не видела так красиво накрытого стола. Каждый день — белая скатерть, и подставки какие-то хрустальные, какие-то серебряные колечки. (Стр. 71.)*

* * *

Разрыв с Шилейко Анна Андреевна, насколько могу судить,

переживала тяжело, тайно сжигаемая ревностью и чувством унижения более, чем утратой любви.

> *С. Л. Шервинский. Анна Ахматова в ракурсе быта. По: В. Шилейко. Последняя любовь… Стр. 314*

Ревность накала жадности — такие свойства людей не меняются со временем.

* * *

Вера Андреева-Шилейко, соперница, *1888–1974,* искусствовед. *<…> В 1956 г. завершила докторскую диссертацию о влиянии древнекитайской живописи на живопись раннего Ренессанса, но не защитила ее из-за резко ухудшившихся отношений между СССР и Китаем.* Это вам не «*подумать только: шестьсот миллионов китайцев и я одна!*». Шестьсот миллионов ничего не смогли — или не захотели — сделать вредоносного Анне Андреевне, а Вере Андреевой — смогли. Но ее вызвать на ковер, чтобы доказывать свое превосходство, как бедную Ольгу Высоцкую, Ахматова не смогла. Наверное, потому, что для Андреевой нарумяненные щеки, шелковый халат и молодые мужчины в свите — это был бы не аргумент.

Она была очень высока ростом, как раз в габаритах Владимира Казимировича.

> *С. В. Шервинский. Анна Ахматова в ракурсе быта. По: В. Шилейко. Последняя любовь… Стр. 314*

Женщины сражались на ее поле — никто не был молоденькой замухрышечкой медсестрой — и побеждали.

* * *

Н. В. Кузьмина: *Я дочь младшей сестры Владимира Георгиевича Гаршина. <…> Отца посадили в 1937 году и расстреляли, мама осталась с тремя детьми, я самая старшая. Мы жили в Кабардино-Балкарии. Меня как-то вызвали в органы и велели следить за одной семьей и доносить. Мама в ужасе написала письмо дяде Володе: «Володечка, спаси мою дочь!» И дядя Володя понял и помог: он оформил мне разрешение на перевод из Нальчикского пединститута*

<…> он был вдовцом. <…> Когда Владимир Георгиевич думал о новой семье, он сразу договорился, что в их доме будет жить и старшая сестра его первой жены. <…> В это время из армии пришел дяди Володи сын Алеша. А еще у тети Капы [Волковой] *была племянница Нина, она тоже жила с ними <…>. И тут я им свалилась на голову. <…>*

Пока я училась в пединституте, дядя Володя ежемесячно давал мне по 400 рублей. А во время войны из блокадного города он часто посылал деньги Анне Ахматовой в Ташкент, я нигде не читала, чтобы было сказано Гаршину «спасибо». Это его счастье — тетя Капа. И когда он заболел, я всегда говорила (и сейчас так думаю): Бог уберег его от Ахматовой. (Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 71.)

* * *

Вопреки устоявшемуся мнению сюжет романа был вовсе не таков, что Гаршин не выдержал мужского одиночества, клюнул на молоденькую — пусть и не на молоденькую, но в любом случае на подвернувшуюся свободную женщину. На самом деле Гаршин сначала расстался с Ахматовой, он уже во время войны понял, что она ему не пара и не нужна как человек, принял решение не жениться, сказал ей об этом при первой встрече на перроне и отвез к знакомым. Потом заходил, приносил еду, заботился, как всегда. Она же не хотела отступаться. *Однажды Владимир Георгиевич пришел встревоженный и рассказал, что Анна Андреевна потребовала, чтобы он женился на ней. Он ответил отказом. Анна Андреевна, как он говорил, в истерике упала на пол. Владимир Георгиевич ушел от нее и больше к ней не возвращался. (К. Г. Волкова. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 67.)*

* * *

Был тяжелый разговор, и на этом они расстались. Причем, была, насколько я знаю, бурная сцена, именно бурная сцена. Рыбаковы слышали крик Анны Андреевны. И больше они не виделись.

Т. Е. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 61

* * *

…раз я видела его в настоящем гневе. Он пришел с работы возбужденный и возмущенный и говорил с Капитолиной Григорьевной в кабинете, а я слышала. Он рассказал, что к нему на работу приходила Ахматова, вела себя истерично, он понял, что это конец. История эта произошла уже после того, как Владимир Георгиевич и Капитолина Григорьевна по-настоящему поселились вместе, то есть не раньше 1945 года, что опровергает существующее представление о том, что после разрыва в июле 1944-го Ахматова и Гаршин не виделись. (Н. Л. Гаршина. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 65.) Книга о Гаршине издана тиражом 1000 экземпляров — впрочем, если что-то замечательное и эффектное известно об Ахматовой даже одному-единственному человеку — или почудилось ему, — это становится символом веры для миллионов.

* * *

Рассказ исходит как будто от санитарок, лично знавших Гаршина. <…> *«Ахматова приехала в Ленинград, ей очень хотелось замуж за нашего Гаршина. Она ему и сказала, а он ей — нет, не хочу. Она раз — и упала в обморок. А он посмотрел и говорит: «Как ты, Аня, некрасиво лежишь». Закурил и спокойно ушел, а она так и осталась ни с чем…» Рассказ этот, за который автор просит прощения у читателей, свидетельствует только о высоком мнении санитарок о Гаршине, который, говорят, был всегда с ними изысканно вежлив, любезен и внимателен, что очень ими ценилось. Но ведь и это рассказ современниц. (Ю. И. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 66.)*

Как сказала бы Ахматова — «народные чаяния».

* * *

Каким образом такое становится известным? Все тайное становится явным. Как такой расклад сил мог быть известен *санитаркам?* Пусть Гаршин был для них царь и бог — ну так и должны они были радоваться, что он, вдовец, женится — *плохо человеку, когда он один,* а уж в послевоенном Ленинграде — тем более, они желали ему добра. Думать, что он женится на санитарке же, — не думали, наверно, да и вряд ли обрадовались бы. Откуда было доподлинно известно, что Ахматовой очень хочется замуж за *ихнего Гаршина?* Какой бы ни был Гаршин профессор, а все ж и Ахматова — писательница, советская

писательница. Почти что Любовь Орлова, она, может, с Молотовым по воскресеньям садится обедать! Нет. В прозекторской было известно, что Ахматова углядела себе лакомый кусочек. О любви как-то речи не шло. Ахматову же разгадали довольно тонко, не хватало только фразы *улыбнулся спокойно и жутко.* Впрочем, о визите Ахматовой к Гаршину на службу было известно, естественно, всему персоналу, а уж о чем ведутся крики из-за дверей кабинета в таких случаях — большой прозорливости не нужно, чтобы догадаться.

* * *

Т. Б. Журавлева: *На рубеже 1948–1949 годов, когда мы были уже на 4-м курсе, Владимир Георгиевич заболел. У него была блокадная гипертония. <…> Он ходил с высочайшими цифрами артериального давления. И тогда не было ничего, чем можно это лечить. Кажется, даже дибазол появился чуть позже. Лечили сонной терапией. Но идти в сонную палату и спать под гипнозом — это было не для него <…> Его интеллект и его психическая сфера ни в коей мере не пострадали. Но для него стало невозможным его любимое дело — преподавание, воспитание молодых врачей. А впечатление о его якобы психическом нездоровье рождалось из-за определенной трактовки стихов Ахматовой.*

(Т. Б. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 84–85.)

* * *

«Светлый слушатель темных бредней…» (потом стало: «темный слушатель светлых бредней»! — когда он оставил ее…). (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Из кн.: Я всем прощение дарую… Стр. 390.) Не связанные с Анной Андреевной кодексом даже женской дружбы могут позволить себе выразиться более пространно, чем это делает восклицательный знак.

* * *

Стихотворение «А человек, который для меня…» — жестокое, мстительное стихотворение — безусловно посвящено ему [В. Г. Гаршину]. Бог ей судья, — а расправа с больным не украшает.

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Из кн.: Я всем прощение дарую… Стр. 393

* * *

Гаршин совсем забылся, с кем он имел дело. *В черновиках Ахматовой сохранились строки* (от таких онемеет кто угодно, посмевший подумать о том, чтобы пренебречь ею).

Я еще не таких забывала,
Забывала, представь, навсегда.
Я таких забывала, что имя
Их не смею сейчас произнесть,
Так могуче сиянье над ними,
(Превратившихся в мрамор, в камею)
Превратившихся в знамя и честь.

Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 165

Я еще не таких забывала — аргумент для склоки, разборки между женщинами на уровне «Какая есть, желаю вам другую», «А человек, который для меня теперь никто», «А, ты думал, я тоже такая…» — для таких дискуссий аргумент действительно сильный, доказывающий несомненное нравственное величие той, за кем остался самый громкий выкрик, посрамленные собеседницы не найдут что возразить, разве что задним числом позлобствуют: а на кого, собственно, она намекала? Чьего уж имени-то нельзя *произнесть*? Кто у нее из таких был? Для нас, когда страсти все-таки действительно улеглись, остается все-таки констатировать: может, каких-то она и забывала, а вот академика Гаршина забыть — и уж тем более простить — не могла.

* * *

Он был какой-то удивительно порядочный человек. После этого знаменитого постановления сорок шестого года <…> у нас было собрание преподавательского состава <…> И мы должны были проклинать, предавать анафеме. Все молчали. Опустив глаза, абсолютно все молчали. Выступил только Владимир Георгиевич Гаршин. Он сказал: «Я был другом Анны Андреевны, я остаюсь ее другом, и я буду ее другом». Это я слышала собственными ушами.

М. М. Тушинская. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 74

* * *

Он и вообще был смел и принципиален.

И вот в <…> трудной обстановке, когда лучше лишний раз не показываться на глаза сильным мира сего, Владимир Георгиевич — первый и единственный — отреагировал на арест профессора Цинзерлинга.

Т. Б. Журавлева. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 27

С 1948 года я работала на кафедре патологической анатомии, которой заведовал Владимир Георгиевич. Владимир Георгиевич был высокопринципиальным. В те времена везде и всюду утверждался приоритет русских ученых. Поносился, в частности, великий немецкий ученый <…> Рудольф Вирхов. <…> Владимир Георгиевич <…> прочел лекцию о великом ученом и замечательном человеке, продемонстрировав свою независимость и порядочность. <…> Вообще он всячески сопротивлялся советскому мракобесию. В конце сороковых годов вышла книга академика Лепешинской с совершенно бредовыми идеями невежды. Было приказано каждому ее купить <…> и подробно проштудировать. Владимир Георгиевич отказался и только сказал: «Она всегда была сумасшедшей старухой».

Н. Ю. Бомаш. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 74–75

По-прежнему любил делать подарки. И. Д. Хлопиной подарил старинное масонское кольцо.

Ю. И. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 74

* * *

С Владимиром Георгиевичем Гаршиным никто не прервал отношений после истории с Ахматовой, даже и ее друзья не отвернулись. Собственно, с чего бы? Что не захотел жениться — так ведь не девушку обесчестил, ничего ведь страшного не

случилось, что был непорядочен — никто не поверил, потому что знали про него правду, а сплетнями не интересовались. За безумие? По счастью, нравственные установки Ахматовой расходились с принятыми у других людей. Вот фотография: Гаршин в 1948 году на даче у Шостаковича.

* * *

У Гаршина тогда была служебная машина — военных лет «виллис». Михайлов ездил с ним. Раз около Терийок (теперь Зеленогорск) они увидели работающих на дороге пленных немцев. Гаршин велел шоферу остановиться, вышел — угостил их всех папиросами, все раздал и сказал что-то по-немецки. Сел молча, поехали дальше. Может быть, он вспомнил, как в Первую мировую войну был в плену у немцев?

Ю. Л. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 74

Ольга Иосифовна Рыбакова рассказывала, что, когда хоронили Владимира Георгиевича, одна дама из числа общих друзей — врач — предложила Анне Андреевне зайти проститься с ним, хотя бы когда никого не будет. Ахматова отказалась. Она так и не простила ему…

Ю. Л. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 88

…корректнейшие воспоминания Ольги Иосифовны Рыбаковой об отношениях Ахматовой и Гаршина. Она ничего не пыталась объяснить.

Н. Л. Попова. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 89

Во время длительной последней болезни Владимира Георгиевича его часто навещала Лидия Яковлевна Рыбакова, а после ее смерти (в 1953 году) — Ольга Иосифовна. Это из тех Рыбаковых, с которыми Гаршин заранее договорился, направляясь на вокзал встречать Ахматову из эвакуации, — что отвезет ее к ним в дом: к себе, в жены, не примет. Его правоту и право Рыбаковы знали, приняли, при всей любви к Ахматовой, как видим, не нашли причин рассориться с ним. *<…> Гаршин не раз спрашивал об Ахматовой: «Как там Аня?» Но она о нем ни разу не*

спросила, хотя Рыбакова часто с ней встречалась.

Ю. Л. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 88

* * *

Н. И. Попова, директор музея Ахматовой: *Это невозможно объяснить. Знаете, есть дистанция времени, есть дистанция этическая, которая никому из нас не позволяет давать свое объяснение.*

Ю. Л. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 89

* * *

Ахматова, как всегда, победила.

Волков: *Но вернемся к разговору о письмах Ахматовой… В одном из них она цитирует следующее свое стихотворение:*

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

<…> вы хорошо знаете, что Ахматова просто так, по наитию или прихоти, своих стихов в письмах приводить не могла <…> она, конечно, превосходно понимала, что все ее сохранившиеся письма когда-нибудь будут опубликованы и тщательнейшим образом исследованы и прокомментированы. <…> Почему же это четверостишие появилось в письме к вам?

Бродский: *Нет, мне как-то ничего в голову не приходит… Может быть, имеются в виду ее отношения с Исайей Берлиным? Но у него совсем не безумные глаза. У кого же из ее друзей были безумные глаза? Может быть, у Недоброво? По-моему, безумные глаза были отчасти у Гумилева, а отчасти у Пунина. И еще, вероятно, у Шилейко.*

Волков: *А уж совсем безумные они были у Владимира Гаршина, не так ли? Тот просто рехнулся!*

Бродский: *Вот видите, еще лучше.*

Это с ее легкой — или нелегкой — руки для Владимира Гаршина такая *этическая дистанция* считается в самый раз.

Баран и ярочка, или постамент

О заморском вздоре (Гумилев и пр.)

В. Ерофеев. Записные книжки. Книга вторая. Стр. 457

* * *

Жизнь идет. Дети становятся подростками. Мальчики открывают Гумилева, девочки — Ахматову. Потом немного стесняются. Пушкин, например, остается навсегда, и пожизненная привязанность к нему ничего однозначно не говорит о его поклоннике. Хорошо — да, но чем конкретно он продолжает удерживать человека, что ему дает — так сразу не ответишь. Пушкин — не ярлык. Любитель Гумилева или Ахматовой — вот это нечто более конкретное, как диагноз.

* * *

Николай Гумилев — поэт уровня КСП. Если Лев Толстой попал действительно на Кавказ, он стал писать историю, в которую попал или мог попасть ОН, каждый автор пишет только о себе. А как только появляются жирафы, жены вождей племени, марсельские матросы — это чисто мальчишеские фантазии. Можно было и прочитать в марсельской газете, что, оказывается, какая-то чернокожая принцесса матросского притона — жена (третья жена, дочь, сестра) вождя какого-то (название, конечно, приводится) африканского племени. Можно попытаться раскопать такую заметку во французской прессе того времени, когда эту сказочную страну посетил раздраженный недоверием соотечественников Николай Степанович Гумилев. А можно просто прочитать рассказ Антона Чехова с его героем «Монтигомо Ястребиный Коготь», чтобы понять, что Коле Гумилеву никакая Африка ничего дать не могла.

* * *

В русском языке для слова «жираф» рифм мало. Рифмуя с жирафом слово «Чад», поэт подтверждает это правило. Из чего

складывается поэзия? С рифмами разобрались, теперь об эпитетах — об изысканном эпитете к слову «жираф». Русские не видели жирафов, не знали, что они изысканные, Гумилев увидел, нашел поразившее всех слово — роднее и нужнее жираф никому не стал. Те, кто решил, что такая-то поэзия и открывает что-то неведанное, сокровенное, нераскрытое, — стали туристами. Наконец-то полная поэзии душа знает, куда ей выплескиваться — в туризм. Занятие, которое существует для того, чтобы убить время и провести моцион для самого поверхностного слоя различных групп рецепторов.

* * *

То есть он сначала описал все, что мог: жирафа, озеро Чад. Интереснее и глубже он мыслить не мог. А потом, вдогонку, может, и отсмотрел антураж — и действительно по складу личности он интересовался «новым» — чтобы не углубляться в «старое», бояться — многого не боялся, но написать об увиденном уже ничего не мог. Вся его сфера интересов лежала в петербургских салонах, и то, чем их завсегдатаев можно было удивить, он написал. Отсмотрел Африку, чтобы отмести упреки. Дать это не дало ничего ни ему, ни нам.

* * *

Могли бы возникнуть серьезные подозрения, что Николай Гумилев ни в каких Абиссиниях и Африках не бывал, и все его стихотворения о леопардах, наложницах и женах королей племен, которыми со смехом овладевают пьяные матросы в Марселе, даже Анна Ахматова называет это маскарадом. «Жираф», во всяком случае, был написан до всяких поездок, реальных или нет, на озеро Чад. Гумилев, отъехав из Петербурга, обильно переписывался с мэтром Валерием Брюсовым — льстиво, восторженно. *(И теперь моя высшая литературная гордость — это быть Вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе. (В. В. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 74)* и пр.) Искал свои пути — чем удивить. В себе самом найти ресурсов не надеялся, их и не нашлось. Остановился на использованном в детстве приеме при обольщении гимназистки Тани: *У этой девочки, как и у многих ее сверстниц, был «заветный альбом» с опросными листами. В нем подруги и поклонники отвечали на*

вопросы: «Какой Ваш любимый цветок и дерево? <…> Гимназистки писали — роза или фиалка. Дерево — береза или липа. Блюдо — мороженое или рябчик. Писатель — Чарская. Гимназисты предпочитали из деревьев дуб или ель, из блюд — индюшку, гуся или борщ, из писателей — Майн Рида, Вальтера Скотта или Жюля Верна. Когда очередь дошла до меня, — продолжал Гумилев, — я написал не задумываясь: цветок — орхидея, дерево — баобаб, писатель — Оскар Уайльд, блюдо — канандер. Эффект получился полный. Даже больший, чем я ожидал. Все стушевались передо мной. Я почувствовал, что у меня больше нет соперников, что Таня отдала мне свое сердце. (В. Л. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 23.) Ирония — казавшаяся спасительной самоирония — рассказа заключалась в том, что Гумилев будто бы действительно написал с ошибкой *канандер,* интересничая и не зная правильного названия сыра «камамбер». Собственно, это не имеет никакого значения. «Повзрослев», Николай Степанович не особенно изменился, отвечал на почти такие же вопросы словами героя Леонида Андреева: «Я очень люблю негритянок». Своим невеликим талантом Леонид Андреев довольно красочно описал комизм ситуации. Анна Ахматова — клюнула: чтобы увидеть жирафа и прочесть печаль в его глазах. В Африку ездили Хемингуэй, Агата Кристи, Лени Рифеншталь, это были все целые экспедиции, большие деньги, американские автомобили, консульские формальности, проводники и снова — плата за все. Одиночки — просто съедаются. Дневники Миклухо-Маклая наполовину состоят из описаний сложных, смертельно опасных переговоров и договоренностей с местными жителями. Африканцы — не менее простодушны. Они еще более злы и решительны. Все аборигены такие же люди, как все. Люди не любят чужаков и защищают свое. Каждый, кто хоть по каким-то ДОСТОВЕРНЫМ документам познакомился с тем, что такое на самом деле африканские племена, поймет, что тем людям нет дела до меланхолических фантазий петербургского поэта, и за (небесспорные) достоинства его стихов своих женщин и своих антилоп ему не отдадут. А уж своих леопардов! В библиотеке Сорбонны (откуда не вылезал) Гумилев, конечно, мог начитаться африканских сказок, записанных французскими образованными колонизаторами — и представлял себе, какое место в мифологической иерархии занимал леопард — ну и бросал его шкуру к туфелькам Ани Горенко. Та воспринимала благосклонно, пока с раздражением не заметила, что литературоведы маскарад принимают за чистую монету и собираются разбирать гумилевское творчество в таком ключе, а великой любовной

лирики вроде и не видят вовсе. *«Что они вычитывают из молодого Гумилева, кроме озера Чад, жирафа, капитанов и прочей маскарадной рухляди?» <…> Вся ранняя поэзия Гумилева была глубоко чужда Анне Андреевне, и лишь на склоне лет она об этом заявила вполне определенно. <…> За стихами влюбленного в нее молодого человека она хотела видеть не его «волнующий и странный мир», а лишь его чувства к ней. (В. В. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 68.)*

Впоследствии поэт с восторгом рассказывал обо всем виденном: как он ночевал в трюме парохода вместе с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу <…> От родителей это путешествие скрывалось, и они узнали о нем лишь постфактум. Поэт заранее написал письма родителям, и его друзья аккуратно каждые десять дней отправляли их из Парижа. (В. В. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 72.) Или наоборот — постфактум придумалось путешествие. Люди, действительно видевшие моря, дальние страны и пальмы в лучах заката, — Джозеф Конрад, например, — описывают не рухлядь маскарада, а людей. Ну или те же самые пальмы, или песок, но не интуристовские печальные глаза изящного жирафа.

* * *

Вот шестнадцатилетняя девочка видит в театре Николая Гумилева, весь вид которого выражает поклонение поэтическому гению Валерия Брюсова: *совершенно дикое выражение восхищения на очень некрасивом лице. Восхищение казалось диким, скорее глупым, а взгляд почти зверским. (Стр. 100)*. Чтобы с такими активами прослыть удачливым сердцеедом, надо неустанно трудиться на этом поприще. Гумилев был неутомим.

* * *

Баран и ярочка — это не Пастернак и Ахматова, Пастернак к ней не рядился, парочка ей — Гумилев. *Дочь сказала: «Гумилев — поэт для женщин, он пишет так, как будто на него смотрит женщина». Она не знала, что Блок будто бы сказал об Ахматовой: «…как будто на вас смотрит мужчина, а нужно — как будто смотрит Бог». (М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 130.)*

* * *

Семейная зависть, ревность к Блоку.

* * *

Отец мой не любил его стихов и называл их «стекляшками».

Н. Чуковский. Литературные воспоминания. Стр. 28

* * *

Николай Гумилев (*моя жена и по канве еще прелестно вышивает)* в меру сил продвигал жену по журналам (инкогнито, конечно: *Обоснование авторства Н. С. Гумилева см.: Крейл В. Записки русской академической группы в США): Преломление в теперешней жизни вечной женской души остро и властно дает чувствовать лирика Анны Ахматовой. (Летопись. Стр. 79.)* Властность они оба любят, она приписывает властность ему, он — ей. Есть людские свойства первого ранга, обладать которыми заповедано от Бога и которые делают людей самодостаточными, не зависящими от людей и обстоятельств, а есть вспомогательные, придуманные для затейливости и украшательства жизни, для того, чтобы заполнить ее пустоту. Быть властным — это именно такое, зависимое от других людей и их суждений, не существующее само по себе, для самого человека свойство. Властным может быть только тот, кто окружил себя желающими подчиниться власти. Ахматовой подчинялись со слезами счастья на глазах.

* * *

Шилейко и Пунин были оба комиссарами. Горький продвинул и Николая Степановича, и он тоже успел испытать власть.

Без санкции Николая Степановича трудно было не только напечатать свои стихи, но даже просто выступить с чтением стихов на каком-нибудь литературном вечере.

Н. Чуковский. Литературные воспоминания. Стр.

От скрещения Брюсова и Бальмонта явился Гумилев.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 233

… а Гумилев писал тогда <…> и пронесут знамена / От Каэро к Парижу <…> Очевидно, предполагался какой-то наполеоновский цикл. (Этого еще не хватало!) (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 273.) Над Гумилевым подсмеиваться позволялось только ей: ему все подвластно, но если еще даже и Наполеон!!

Правда, «Андрей Рублев» написан под впечатлением статьи об Андрее Рублеве в «Аполлоне» — впечатление книжное. (А. Ахматова. Т. 1. Стр. 630.) Журнальное.

А закончилось все прямо-таки жирафом.

* * *

Гумилев, в отличие от Ахматовой, мог стать выдающимся литературным теоретиком — это тот жанр, в котором можно копить, набирать, а недостаточные для создания настоящих стихов — которые не конструируются — способности расцветят литературоведческие работы необходимыми озарениями или хотя бы приятным блеском.

* * *

Ахматова пришла к вдове Гумилева и сурово заявила: *«Вам нечего плакать. Он не был способен на настоящую любовь, а тем более — к вам». (О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 146.)*

В те же дивные апрельские дни Гумилев дарит ей [Елизавете Дмитриевой, Черубине]*, его «царице», прекрасное стихотворение, именно с таким названием. Впоследствии Анна Ахматова настаивала: «Царицу» Гумилев посвятил ей. Но нет, стихотворение написано в апреле 1909 года, в дни, когда бурно развивался роман Гумилева и Дмитриевой. (Л. Н. Агеева. Неразгаданная Черубина. Стр. 71.)*

* * *

Дмитриева (Черубина де Габриак): *Я вернулась совсем закрытая для Н.С. <…> мучила его, смеялась над ним, а он терпел и все просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М.А.* [Волошина]. *(В. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 145.)* Черубина де Габриак не была большим поэтом, чем Анна Ахматова, а Елизавета Ивановна Дмитриева — более обольстительной женщиной, чем Аня Горенко. Снижает образ Ахматовой только эта наигранно-отстраненная манера каталогизировать господ, падавших к ее ногам.

* * *

Ахматова твердила, что за всем Гумилевым одна непреходящая любовь к ней: чем больше бабник, тем легче к нему присочинить такую легенду.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 124

* * *

О героине стихотворения «Ужас». *По традиции этой женщине-гиене приписывали некий метафорический прообраз. Критикам казалось весьма глубокомысленным отождествлять это исчадие ада с каким-либо реальным женским существом из окружения. Естественно, наиболее пикантным было привлечение для этой цели личности Анны Ахматовой, некоторые высказывания которой как бы подтверждали правомерность такого сопоставления.* Какие же? *Так, много позднее* (много позднее она действительно замкнула на себя всю историю мировой литературы) *она писала, что «привыкла* (все привычки выдуманы в старости) *видеть себя в этих волшебных зеркалах и с головой гиены, и Евой, и Лилит, и девушкой, влюбленной в дьявола, и царицей беззаконий, и живой и мертвой, но всегда чужой».* Ах, как красиво! *Вероятно, Анне Андреевне импонировали данные отождествления.* Ну слава богу, не одна Тамара Катаева видит ее сенильную манерность. *Но она, конечно, ошибалась, преувеличивая свою роль в создании этих фантастических образов. Дело обстояло гораздо серьезнее.* Да уж, если б дело поэзии Гумилева ограничилось делом воспевания

жеманницы в льстящем ей пафосно-банальном ключе — Гумилев все-таки был бы совсем другим поэтом. *(В. Н. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 75.)*

* * *

Кроме Веры Евгеньевны были еще две сестры — Зоя и Лида. По словам Ахматовой, Зоя в тот период влюбилась в Гумилева, но он не ответил на ее чувство. Иначе его отношения сложились с Лидой <…> У них якобы произошел бурный роман, закончившийся скандалом в семье, и Лида вынуждена была покинуть родительский дом и поселиться отдельно. Однако следует сказать, что все эти сведения нельзя считать вполне достоверными и Ахматова могла исказить события. (В. В. Бронгулеев. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. Стр. 100.) Человек, написавший монографию о ранних годах жизни Гумилева, считает вполне вероятным, что Анна Ахматова могла — не ошибиться, не иметь неверные сведения, не воспользоваться чьей-то недостоверной информацией, а — ИСКАЗИТЬ события. Монография, как все, выпускаемое в *этой стране,* полна пиетета к великой поэтессе, но вот против научной точности не попрешь, и автор старается не заострять уж слишком внимания на открывающихся ему неприглядностях. Да и мы не будем. Хотя *Лида* — чья-то мать, чья-то бабка, а о ее юности рассказываются неприглядные небылицы, представляющие ее жертвой себя забывшей любви к сердцееду, к рыцарю одной-единственной королевы, которой-то уж ссориться с семьей и поселяться отдельно не приходилось.

* * *

Гумилев был самолюбив и не терпел отказов, не случайно и потом, в Петербурге, он преследовал Дмитриеву, почти уже с ненавистью настаивал, чтобы она вышла за него замуж.

Л. Н. Агеева. Неразгаданная Черубина. Стр. 87

Ахматова выйти замуж согласилась. Его настойчивость, стандартную реакцию, соответствующую его психическому складу, обрисовывала красками *страшной всесжигающей* любви — а у него таких было много. За это он ее и не возненавидел, а — просто оставил, забыл. Когда доходили слухи о каких-то ее

изменах — снова вспоминал. Вот и вся *страшная любовь.* Черубина же не вышла замуж, потому что был другой. Ах, зачем эти поклонники появились у нее одновременно — действительно, если бы по очереди, да сразу бы один за другим, можно было бы два раза выйти замуж. У Ахматовой никого на примете не было. «Просватанная девушка всему миру мила». Дамы, замеченные кем-то, сразу пользовались большим спросом. У Елизаветы Дмитриевой — Гумилев и Волошин, у Любови Менделеевой — Блок и Белый. В Ахматову вот так, партиями, не влюблялись, что, пожалуй, и лестно, но она раз и навсегда придумала себе образец: «просто дама». (А вот под «просто дамой» уже будет ого-го!). Раз дама — должны влюбляться. При красоте, стиле, таланте, известности — не влюблялись. Какие-то канатоходцы. А господа из общества не хотели с женами разводиться, заводили флирты с другими и пр. Но всему значение придает время. Любовь Дмитриевна, толстая, большая, с выбитыми зубами — скоро умерла, Черубина де Габриак, задавшая поэзии Ахматовой тон и концепцию, и управлявшая мужчинами, и доверенная Штайнера — «смотрящая за Россией» — высший чин его империи, — угасла своей родовой невыдуманной чахоткой в реальной, с печатями и предписаниями, ссылке в Ташкенте (без всяких… *роз, сухого винограда нам Родина пристанище дала* — Ахматовский Ташкент). Кто их помнит? Кто помнил бы жеманную прелестницу Аню Гумилеву, писавшую под псевдонимом Ахматова *Ни один не дрогнул мускул просветленно-злого лица…* — не случись и ей не вовремя умереть?

* * *

…когда обнаружилось, что у Левы есть брат, почти точный его ровесник. «Не очень-то приятно, когда узнаешь такое», — сказала она, а я удивленно на нее поглядела: ей-то, казалось мне, не все ли равно — ведь она «не женщина земная…» И действительно, она вела себя не как бывшая жена, а как друг поэта, расстрелянного поэта — по самой высокой шкале. (Н. Л. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 190.) За поэта и выходила замуж, бывшего мужа почти и не было.

* * *

Гумилев отвез ее к себе и сразу уехал в Абиссинию. У него была своеобразная особенность: добившись своего, сразу бросать

женщин, но Анна Андреевна быстро эмансипировалась, обзавелась друзьями и зажила своей жизнью, независимой от Гумилева.

Н. Я. Мандельштам. Третья книга. Стр. 101

* * *

Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Четок» что-нибудь получим. Меня это все очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать.

17 июля 1914 года. А. А. Ахматова. Собр. соч. в 2 т. Стр. 188

* * *

Он первый внушил Ахматовой идею гламурности.

За обедом у нас он познакомился с двумя прехорошенькими и очень светскими барышнями Терещенко. Это были дочери того богатейшего сахарозаводчика Терещенко, который при Керенском был министром финансов. Гумилев, видимо, несколько растерялся в их присутствии, потому что отец мой после обеда сказал мне: «Никогда не думал, что Николай Степанович способен так робеть в женском обществе. Он вел себя, как гимназист.

Н. Чуковский. Литературные воспоминания. Стр. 28

Имея высокий рост, длинную шею, худобу, вялый и внимательный взгляд, довольно рискованно написать стихотворение о жирафе. Конечно, получил по полной.

Во «Всемирной литературе» ему придумали прозвище: «Изысканный жираф» — и за глаза иначе не называли.

Н. Чуковский. Литературные воспоминания. Стр. 45

Заметим, что по поводу процитированных Глебом Струве фраз Андрея Левинсона о Гумилеве («Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение, как совершенно,

редкостно чужд был ему и юмор. Ум его, догматический и упрямый, не ведал никакой двойственности») А.А. заметила о мемуаристе в разговоре с Н. Н. Глен: «Ничего не понимал. Н. Г<умилев> был полон самоиронии».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 723

Такой он был всегда — прямой, надменный, выспренный, с уродливым черепом, вытянутым вверх, как огурец, с самоуверенным скрипучим голосом и неуверенными, добрыми, слегка косыми глазами. Он вещал, а не говорил и, хотя имел склонность порою тяжеловесно и сложно пошутить, был полностью лишен юмора.

Н. Чуковский. Литературные воспоминания. Стр. 27

* * *

Ахматовой надо было, по вполне понятным причинам, доказать, что Гумилев был великим поэтом и однолюбом, посвятившим свою жизнь ей. У нее для этого было достаточно времени и вознагражденного усердия. Ему не позволили остаться спокойно в Серебряном веке, нелепо и жестоко погибнуть, не просочившись в совписательские будни, надувая остатки стихотворческих способностей административным пылом, хоть в последний год жизни он и стал писать значительно лучше, не даря, впрочем, совсем уж чрезмерных надежд, — и быть закономерно полузабытым.

* * *

Как Владимиру Ульянову-Ленину, Николаю Гумилеву не дали умереть спокойно, вернее — упокоиться.

Злые мальчики

«Как у меня не было романа с Блоком». Исследователи называют эту мрачно-кокетливую задумку и «книгой», и «трагедией», и — во всяком случае — «работой». Как еще называть фразочку из дневника? Романа с Блоком не было никак.

…честолюбец <…>, старающийся сделать если и не классическую карьеру, то уж точно занять пост в художественном мире, помноженном на иерархию советского общества. (Ф. Икшин. Лиля Брик. Жизнеописание великой любовницы. Стр. 324.) Анна Андреевна ничего большего в муже не искала.

* * *

Равнодушным и бледным полагалось быть героям еще в старые времена, когда они толпами кочевали из романа в поэму. Появлялись и серьезные молодые люди, которые не стеснялись примерять маску злого мальчика, но это проходило даже незамеченным, настолько было общепринятым. Аня Горенко сходила с ума по Евгению Онегину, у которого *ни один не дрогнул мускул просветленно-злого лица.*

Вот бы ей такого. Но такие, если они не рядятся, появляются только с Татьянами Лариными.

Очень хорош также был князь Андрей Болконский. *Не любишь, не хочешь смотреть. О, как ты красив, проклятый!*

Она ненавидела его автора за сцену:*…в галерее, соединявшей один дом с другим, князь Андрей встретил мило улыбавшуюся m-le Bourienne, уже в третий раз в этот день с восторженною и наивною улыбкою попадавшуюся ему в уединенных переходах. «Ах! Я думала, вы у себя», — сказала она, почему-то краснея и опуская глаза. Князь Андрей строго посмотрел на нее. На лице князя Андрея вдруг выразилось озлобление. Он ничего не сказал ей, но посмотрел на ее лоб и волосы, не глядя в глаза, так презрительно, что француженка покраснела и ушла, ничего не сказав.*

Как было не представить себе, что и Толстой выпроводил бы ее не хуже Блока, если б она и к нему на его Пряжку забрела *потому что она гуляла в этих местах и потому что на ней была красивая шаль, та, в которой она позировала Альтману.*

Вот, за столом редкий гость. Всем известно, что красавец-Аполлон. Да, красавец, но какое же тяжелое лицо. Это Александр Блок.

Л. Иванова. Воспоминания. Стр. 33

* * *

Александр Блок был несомненно злым мальчиком, он даже мог сам о себе, не став смешным, написать — *недоступный, гордый, чистый, злой,* но ему все прощалось.

Ахматова не прощала. То, что была задета она сама, никто не хотел видеть.

На старости лет, когда ничего ценного, цельного, нового из своей жизни выдумать не получилось, она стала рисовать лубочные картинки — себя саму в образе Онегина, Андрея Болконского и Блока в одном лице, — чтобы никто никогда не посмел бы ею пренебречь и тем более — посмеяться:

В недрах возникающего цикла вызревала уже идея, которая на некоторое время стала его названием: «В дальнем зеркале».

[Капризной, знаменитой, злой]
И знаменитой и усталой,
Таинственною и чужой.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 182

В отношении Ахматовой к Пушкину было что-то необычайно личное. Если она позволяет себе рассматривать Пушкина как человека из своей личной жизни, то можем и мы проследить, как эти личные жизни могли — или не могли — пересечься.

Положение Пушкина в жизни при всей нетитулованности и небогатстве было так же однозначно, как положение Толстого. Ему ничто не мешало ввести свою жену в великосветский круг, хоть ничто и не благоприятствовало созданию там прочного, блестящего или выдающегося положения. Первые поэты России там совершенно не котировались. Как в любом светском сообществе — даже было немножечко что-то не то. Реальное средство для продвижения было только одно — красота жены. А пробиваться куда бы то ни было красотой жены — тут и к гадалке не надо ходить, чтобы предугадать коллизии, а то и несчастья. Толстой жил двадцать лет в деревне, и никто не вызвал его на дуэль. А жили весело и шумно. Ахматовой казалось, что Пушкин

что-то недоработал, и при каком-то стечении обстоятельств все могло сложиться так, как казалось идеалом — ей. У Пушкина, несомненно, были другие планы. Пушкин хотел стать помещиком и прозаиком. Тогда бы Анна Ахматова возненавидела и его. К нему пришла бы слава карамзинская, солидная, был бы достаток, жена его была самая порядочная и простая женщина, спокойно похоронившая свою красоту, свои 178 см роста, изящество длинных рук и косые глаза в детской и гостиной при мужниных друзьях, а героини — изломанной, декадентской, страстной — в его бы прозе не появилось. По грехам нашим Господь не привел нас увидеть, ЧТО мог бы дать нам поживший гений Пушкина! А вы говорите: *Натали, шипенье Полетики, свято сбереженная сплетня… умер бы через десять лет как поэт, я, как пушкинистка, утверждаю…*

* * *

Ахматова стилизовала Пушкина под свою жизнь, Цветаева — под свое творчество.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 281

* * *

Сам Толстой не любил «Анну Каренину». «Я, <…> *право, удивляюсь тому, что такое обыкновенное и ничтожное нравится. (Письмо Л. Толстого — Н. Н. Страхову.)* Она ничего для него не значила. Это была машинальная заточка пера в период безвременья. Он готовился к какому-то важному периоду в своей жизни и не знал, чем заняться. Он должен был работать, он писатель — вот, взялся писать. Его жизнь была такой, какой она описана в «Анне Карениной», — всех ее героев. Была семья, о которой он мечтал, была самая лучшая жена, было человек восемь детей, и даже именно он написал «Войну и мир». Все это он оставил за рамками повествования, потому что он хотел вывести всечеловеческую формулу, его-то лично никто не мог бы упрекнуть, что виноград зелен — он ищет нравственных высот за недостижимостью мирских. Он описал все это честно и красочно и хотел посмотреть, значит ли это хоть что-нибудь. Оказалось, нет, и он отказался от такой жизни. Потом тридцать лет выяснял, может ли он, Лев Толстой, наполнить жизнь — не свою, — со своей, как мы договорились, у него был полный порядок — а

жизнь вообще, более деятельным, чистым, ведущим к абсолютному добру смыслом. Оказалось — что тоже нет. Он трудился до последнего дня также честно, страстно — об этом говорит хотя бы то, что он никогда не разочаровался, никогда не притворился. Но Лев Толстой показывает нам, каков есть предел у человека, рожденного человеком. Анна же Андреевна, стараясь произвести впечатление на иностранца, распаляется тоже на пределе своих нравственных возможностей: *Зачем нужно было Толстому, чтобы она покончила с собой? <…> Мораль «Анны Карениной» — это мораль московских тетушек Толстого, мораль обывательских условностей. Все это связано с его личными обстоятельствами. (Разговоры с Ахматовой и Пастернаком. Стр. 656.)*

После много раз я слышал от него отзывы еще гораздо более резкие. «Что тут трудного написать, как офицер полюбил барыню, — говаривал он, — ничего нет в этом трудного, а главное, ничего хорошего. Гадко и бесполезно». Я вполне уверен в том, что, если бы отец мог, он давно уничтожил бы этот роман, который он никогда не любил и к которому всегда относился отрицательно.

И. Л. Толстой. Мои воспоминания. Стр. 111

* * *

Самые интересные пары — те, которые не распались за всю жизнь. Когда супруги играют друг перед другом какими-то гранями, стукаются, разлетаются в разные стороны — это, может, увлекательно и очень картинно, но вот прожившие всю жизнь вместе дают представление о том, как все было задумано. Ахматова инстинктивно льнула, прислонялась, вглядывалась, приравнивалась к чистым и сильным героям. Так перегрето и запутанно было у нее в душе, что тянуло к свежести, к крепости — любила она и рвалась к Пушкину и к Блоку. Можно себе представить, что бы осталось от Блока, прояви он к ней хоть каплю мужского внимания.

* * *

Сравнить историю влюбленности, сватовства, просто церемонии бракосочетания и начала семейной жизни Блока и

Ахматовой — чтобы увидеть, как это случается тогда, когда люди живут для себя и когда — для эффектного жизнеописания. Нечего и гадать — и роман с Блоком, пусть *которого не было,* нужен был только для этой позы.

25 апреля 1910 года я вышла замуж за Н. С. Гумилева. Венчались мы за Днепром в деревенской церкви. В тот же день Уточкин летел над Киевом и я впервые видела самолет.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 649

В апреле 1910 года Гумилев, приехав в Киев, неожиданно попросил его [В. Эльснера] *и киевского поэта Ивана Аксенова быть шаферами на свадьбе. Он также рассказывал, что на свадьбе не было родственников и друзей А.А., что это было чуть ли не тайное венчание* (тайны не было, выражение *чуть ли* неуместно, потому что тайна не бывает различной концентрации. Но ею, как укропом в русской кухне, хочется приправлять каждое блюдо. Впрочем, Анна Андреевна была обижена на родственников, что они на венчание не явились, наверное, отказались заранее, вот она, им назло, и не сказала, когда оно состоялось): *А.А. выехала из дому в своей обычной одежде, а где-то недалеко от церкви переоделась в подвенечный наряд <…> О шафере Аксенове мне* [Н. Харджиеву] *как-то рассказывала А.А., умолчав, впрочем, о втором, бездарном поэте и малопривлекательном снобе». <…> На свадьбе А.А. и Н. Гумилева шаферами были В. Эльснер, И. Аксенов, Домбровский (очень красивый молодой человек, приглашенный быть шафером только потому, что других, менее малознакомых, не было). Четвертого шафера А.А. не помнит.(Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 317.)* Ср. рассказ Гумилева: *Моим шафером в Киеве был Аксенов. Я не знал его и, когда предложили, только спросил — приличная ли у него фамилия, не Голопупенко какой-нибудь? (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 649–650.)* Беря замуж Горенку, не хочется писать рядом еще и Голопупенку…

Блок тоже (в Киеве в конце апреля лето) женился летом, на даче деда в имении Шахматове.

Свадьбу назначили в 11 часов утра. День выдался дождливый, прояснило только к вечеру. Букет, заказанный для невесты в Москве, не поспел к сроку. Пришлось составить его дома <…> Шафер, Сергей Соловьев, торжественно повез букет в Боблово на тройке нанятых в Клину лошадей, приготовленных для невесты и жениха. Тройка была красивая, рослая, светло-серая, дуга разукрашена лентами. Ямщик молодой и щеголеватый.

Мать и отчим благословили Александра Александровича образом. <…>

Венчание происходило в старинной церкви села Тараканова. То была не приходская церковь новейшего происхождения, но старинная, барская, построенная еще в екатерининские времена <…>. Она интересна и своеобразна по своему внутреннему убранству и стоит среди зеленого луга, над обрывом.

В церковь мы все приехали рано и невесту ждали довольно долго. Блок в студенческом сюртуке, серьезный, сосредоточенный, торжественный.

К этому дню из большого села Рогачева удалось достать очень порядочных певчих. Дождь приостановился, и, стоя в церкви у бокового окна, мы могли видеть, как подъезжали свадебные гости. <…> Лошади у всех бодрые и свежие. Дуги разукрашены дубовыми ветками. Набралась полная церковь. И, наконец, появилась тройка с невестой, ее отцом, сестрой Марьей Дмитриевной и мальчиком, несшим образ. В церковь вошла она под руку с Дмитрием Ивановичем, который для этого случая надел свои ордена. Он был сильно взволнован. Певчие запели: «Гряди, голубица…»

Невеста венчалась не в традиционных шелках, что не шло к деревенской обстановке: на ней было белоснежное батистовое платье, нарядное и с очень длинным шлейфом, померанцевые цветы, фата. На прекрасную юную пару невозможно было смотреть без волнения. Благоговейные, торжественные, красивые. Даже старый священник, человек грубый, нерасположенный к нашей семье, был, видимо, тронут и смотрел с улыбкой на жениха и невесту. Шаферов было несколько. Об одном из них, Розвадовском, упоминает в своих заметках Андрей Белый. Это был молодой родовитый поляк-католик <…> Розвадовский был шафер невесты. Свадьба эта была для него событием, повлиявшим на всю его жизнь. После свадьбы он уехал в Польшу и поступил в монастырь. Обряд совершался неторопливо. Когда пришло время надевать венцы, мы увидели не золотые, разукрашенные, к каким привыкли в городе, а ярко блестевшие серебряные венцы, которые, по старинному, сохранившемуся в деревне обычаю, надели прямо на головы. <…> Когда венчание кончилось, молодые долго еще прикладывались к образам, и никто не посмел нарушить их необычайного настроения.

При выходе из церкви их встретили крестьяне, которые поднесли им хлеб-соль и белых гусей.

М. А. Бекетова. Воспоминания об Александре Блоке. Стр. 63–64

Ахматова потом будет писать о том, как сумасшедшие глаза

Богоматери кисти сумасшедшего иконописца, новейшей моды, модернизма и декаданса, напомнили ей глаза Блока и отравили всю жизнь. *…глаза Блока, глаза не совсем человеческие, в них есть нечто сверхчеловеческое. Блок в сознании Ахматовой будет все время двоиться, он будет двоиться на Ангела и Демона. (В. В. Мусатов. Анна Ахматова и Александр Блок. Стр. 348.)* Вот еще что-нибудь бы не такое ходульное, как ангелы и демоны…

А Блоки между тем, как птички, принялись вить гнездо.

Поздней весной, в самый разгар цветенья сирени и яблонь <… > Блоки стали устраивать и украшать свое жилье. Мы с сестрой предоставили Люб<ови> Дм<итриевне> заветный бабушкин сундук, стоявший у нас в передней. Там оказались настоящие сокровища: пестрые бумажные веера, новый верх от лоскутного одеяла, куски пестрого ситца. Все это вынималось с криками радости и немедленно уносилось во флигель. Целый день Блоки бегали из флигеля в дом и обратно, точно птицы, таскающие соломинки для гнезда. За ними по пятам трусили две таксы: мой Пик и сестрин Краб. Погода была ужасная: холод, ветер, а по временам даже снег. Но Блоки этого не замечали.

Когда все было готово, нас позвали посмотреть.

М. А. Бекетова. Воспоминания об Александре Блоке. Стр. 66

Ахматова уехала с нелюбимым мужем в свадебное путешествие. Кити Щербацкая отказалась ехать за границу, поспешила на место строительства будущей семьи. Гумилевы — в Париж, где во время медового месяца Анна сошлась с чернявым голодным художником. Что еще невлюбленной паре делать в Париже?

Можно догадаться, глядя сейчас на молодую пару, стоящую на парижском тротуаре, где наряду с молодой радостью от встречи с весенним солнечным утром и этим желанным для всякого русского прославленным городом оба испытывают душевное смятение от того, каким тяжким оказалось совместное постоянное житье <… > как непохожи ночные неловкие их, зачастую попросту унизительные усилия на то восхитительное бесконечно забвение страсти, о котором они столько читали, столько слышали и даже писали уже в своем нетерпении открыть миру глаза. <…> невольно должна была посещать ее (да, наверно, и его тоже) мысль о том, что с другим (с другой) было бы иначе, было бы по-настоящему.

Б. Носик. Анна и Амедео. Стр. 77–78

А вот молодые Блоки год спустя после свадьбы: *Передавая свое первое впечатление при встрече с молодыми Блоками в Шахматове, Андрей Белый говорит: «Царевич с Царевной, вот что срывалось невольно в душе. Эта солнечная пара среди цветов полевых так запомнилась мне». Да, именно такое впечатление производили они тогда. Вся жизнь этих светлых созданий со стороны казалась сказкой. Глядя на них, художник нашел бы тысячу сюжетов для сказок русских, а иногда и заморских. У них все совершалось как-то не обиходно, не так, как у других людей. Его работы в лесу, в поле, в саду казались богатырской забавой: златокудрый сказочный царевич крушил деревья, сажал заповедные цветы в теремном саду. А вот царевна вышла из терема и села на солнце сушить волосы после бани. Она распустила их по плечам, и они покрыли ее золотым ковром почти до земли. Не то Мелиссанда, не то златокудрая красавица из сказок Перро. Вот она перебирает и нижет бусы, вот срезает отцветшие кисти сирени с кустов — такая высокая, статная, в сарафане или в розовом платье, с белым платком над черными бровями.*

М. А. Бекетова. Воспоминания об Александре Блоке. Стр. 67

Я сказала, что, по слухам, жена Блока была очень красива. <…> И Анна Андреевна возмутилась: «Ну, какая там красивая! Белая, толстая… купчиха… Нет, конечно!» И лучше, чем слова, помню голос, а лучше, чем голос — телодвижение: передернула плечами. На лице гримаса отвращения.

Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 27

Париж — это эстрада, вертящаяся сцена. И зритель может видеть спектакль из любого угла. Но Париж не пишет и не создает драм. Они начинаются в других местах. Париж подобен щипцам, которыми извлекают эмбрион из матки и помещают в инкубатор. Париж — колыбель для искусственно рожденных.

Г. Миллер. Тропик рака

Паре поэтов в этом городе тоже нечего брать для роста и расцвета. Если не собираться в нем жить на равных, для жизни, не для галочки — получишь в нем то, что получил Гумилев в Абиссинии, — жирафа. Ахматовским жирафом стал Модильяни.

В стихах конца 13-го года, особенно конца 13-го года,

блоковская тема звучит у Ахматовой напряженно и трагически. (В. В. Мусатов. Анна Ахматова и Александр Блок. Из кн.: Я всем прощение дарую… Стр. 339). Это после случайной встречи и якобы обеда втроем с Блоком. *Я задрожала, как арабский конь,* и пр. У Блока, как мы помним, всего лишь *Встреча на Царскосельском вокзале с Женей, Гумилевым и А. Ахматовой.* Она для него — статистка, одна из серой массы дам, заглядывающая в глаза, рассчитывающая на оценку заслуг. Она претендовала прежде всего на то, что он оценит ее гений, она не делала особой истории из своей наружности, а это было то, что в ней действительно было царского — царю не надо делать себе наколок и вешать на грудь таблички, но Блоку даже этого было не нужно. То есть совсем ничего. Женщины состоят из *Любы и всех остальных,* включая Анну Ахматову.

Он всегда очень обстоятелен в дневниках: *3 сентября. Люба уезжает: 11.37 вечера с товарной станции Варшавского вокзала. — Поехала моя милая. 4 сентября <…> ночью — пьянство. <…> 5 сентября <…> Целый день брожу с похмелья. <…> Цветы принесла дама. 6 сентября. Дама принесла мне обручальное кольцо от дамы, умершей у нее на руках в курорте у Копенгагена* (Зинаиды Александровны Левицкой,). *Я его пожертвую на войну.* Приписка: *Решил 14 октября — оно долго лежало под зеркалом у милой.* Подарил ее, уехавшей на войну, зеркалу. *<…> 8 сентября <…> опять цветы прислала дама. <…> 10 сентября. Опять цветы. — Пишу милой. (Дневники. Стр. 236, 238, 239)*

Ну и как было Ахматовой устоять?

Мы с Любой нашли молодой месяц справа. За год до смерти, с Любой прожита вся жизнь. Ахматова раздражена тем, что дневники Блока слишком обстоятельны, положение Блока Любиным мужем она объявляет унизительным для звания поэта.

* * *

На похоронах Блока: *Кто-то еще — злоязычно — судил: «Ахматова держалась <…> вдовой». (О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 151).*

Жизненный, вернее творчески-фантазийный, но столь мощно захвативший, что повлиял на все ее жизненное поведение, сюжет с Берлиным — просто комичен. Так что можно подобрать и пару: два события повлияли на Анну Ахматову последних десятилетий ее жизни и произвели какой-то щелчок у нее в голове. Это встреча с Исайей Берлиным — он считал, что *был первым иностранцем, которого она видела с 1916 года* — на самом деле был еще Чапский в тыловом Ташкенте, сведший ее с ума *в ту ночь,* и московский международный молодежный фестиваль, когда уже и не таким провидицам, как она, окончательно стало ясно, что без заграницы никакой успех *здесь* ничего не стоит.

А был он мировою славой / И грозным вызовом Судьбе. Исайя Берлин возвестил ей, что она действительно совершенно необыкновенна, что ожидаемые самопророчества о мировой славе сбываются, сужая вокруг нее круги мировых знаменитостей.

Сын алкоголика и внук сифилитика, самозабвенно пьющий джентльмен по фамилии — ну как иначе — Черчилль орет под окном Анны Ахматовой, вызывая переводчика, чиновника британского посольства Исайю Берлина, — для пристройства в холодильник контрабандной икры. Нищий мальчишка Моди прославливается на весь мир, не побеждая в войнах. Вошедшая в половозрелый возраст дочь участника Ялтинской конференции Иосифа Сталина читает стихи Ахматовой про хлыстик и перчатки. Здесь есть от чего закружиться голове.

Она считала, что мы (проф. Берлин и г-жа Ахматова) *начали холодную войну.*

> *И. Берлин в интервью с Дианой Абаевой-Майерс.*
> *Стр. 90*

Мир олицетворялся *иностранцами.*

Балетный режиссер Мэтью Боурн впервые побывал в Советском Союзе в 1981 году. *Мы приезжали с делегацией английских туристов-балетоманов в Петербург, тогда еще Ленинград. А нас принимали как каких-нибудь звезд балета. Водили в классы Вагановского училища, сажали в правительственную ложу, познакомили со знаменитой парой — Константином Сергеевым и Натальей Дудинской. Я чувствовал себя жалким самозванцем, когда они попросили меня передать привет нашей*

великой балерине Марго Фонтейн, с которой, как выяснилось, они были знакомы. Мне было неловко признаться, что я видел ее только однажды у служебного входа Ковент-Гардена, когда брал у нее автограф. (С. Николаевич. Мадам Фигаро. Madame Figaro. Апрель, 2007 год).

Вот иностранцы!

Редакторша. Приехала я к ней. На столе стоял кофе, чай и красное вино. Она говорит: — Ну, давайте, поскольку это первая публикация и для меня она очень важна, — давайте выпьем по рюмочке. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 625) Очень по-русски и очень по-советски. Обстоятельно, подробно, с подходом — как бы не подумали, что попивает, надо все объяснить. Предлагает выпить — чуть-чуть, *по рюмочке.* Парижской школы или умения себя подать по-хемингуэевски не набралось.

Покойный Мартин Малия рассказывал нам, что А.А. спросила его: «Вы понимаете, что такое блудница? Это же — блядь». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 634.) Человек, который не понимает значения слова «блудница», — с чего это он будет знать слово «блядь»? Почему она считала, что это ему привычнее? Малия все понимал, а вот зачем Ахматовой надо было цеплять еще и его — это неясно.

В определенных кругах секс — был. *«Я ненавижу вас и вашу литературу!» — выпалил он* [Глеб Струве], *побагровев от злости. Борис Полевой улыбнулся самой очаровательной улыбкой, на какую оказался способным: «Вы понимаете в нашей жизни и в нашей литературе столько же, сколько евнух в вопросах любви!» (Н. Грибачев, По: Р. Тименчук. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 686.)* Необязательная смелость в выборе слов и сравнений употреблена для свободного и раскованного разговора со внесовковым человеком.

Кто-то сказал: «П<оэма> б<ез> Г<ероя>» — Реквием по всей Европе. Вероятно, он был рассеян и в эту минуту думал о чем-то другом.

А. А. Ахматова. Т. 3. Стр. 224

Здесь все — и суждение человека, который может судить за всю Европу, и наблюдение все знающей о нем женщины — был ли рассеян, было ли о чем-то другом ему думать. Спокойное, сдержанное наблюдение близкого человека, не имеющего причин афишировать близость, все спрятано очень глубоко. Нам

достается только то, что за пределами интимного, что будет принадлежать народам — великие слова о великом произведении.

* * *

«ГЛАВА, КОТОРАЯ МОГЛА БЫ НАЗЫВАТЬСЯ ВТОРОЕ ПИСЬМО». К таковому названию — примечание: *Почему второе — мне больше нравятся четные цифры, почему не третье, не седьмое. Как Вам кажется — седьмое?* Лидия Корнеевна Чуковская, не слыхивавшая в начале шестидесятых годов ни о каких сэрах, думала, что предыдущее, единственное, письмо — ей. Но не к ней обращаются с небрежным *не теряйте надежды увидеть его напечатанным в Лос-Анджелесе или Тимбукту…* Why? Да 'cose Лидии Корнеевне дальше Ленинграда никогда не отъехать, а «тот господин» — гражданин мира.

По старой дружбе не скрою от Вас, что знатные иностранцы спрашивали меня — действительно ли я автор этого произведения. К чести нашей Родины должна сознаться, что по сю сторону границы таких сомнений не возникало. (АА. Ахматова. Т. 3. Стр. 229.) От чего только не поставят в зависимость честь нашей бедной Родины!

Пускай австралийка меж нами незримая сядет.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 269

«Австралийка» явно реальна, но неуклюжа, как какой-нибудь «синхрофазотрон». Была бы «англичанка» — менее экстравагантно, более изысканно, вроде «зажигалку системы "Винстон"» к обожженным губам поднесла», но — неоригинально и отдает никогда не существовавшими, присочиненными для интересу англичанками, в то время как австралийку не выдумаешь, австралийки просидели диваны.

Как ни вставь что-то шикарное, выделяющее тебя из серой толпы, которой ни австралийки, ни англичанки — полячки-то даже какой-нибудь не видать — будто бы невзначай, будто бы привычно, посматривая — какое впечатление производит — все равно в поэзию это не вмещается.

…Пускай австралийка меж нами незримая сядет
На наш югославский диван…

И если австралийка все-таки важна, важны ее реальные государственные границы, океаны, свобода слова, рыночная экономика, изящный и обустроенный быт, интеллектуальная профессия, то об этом надо писать, как Пруст сочинял своих принцесс и герцогинь, мимоходом здесь не получается.

А если ты ее не захочешь заменить на «человека», на «старую знакомицу», на «тень» и просто упоминаешь о ее заграничной принадлежности, как будто бы ненамеренно упоминают, что героиня достала носовой платок из сумки *«Гуччи»,* то она и будет торчать главным предметом, как импортные сигареты на плетне у Бродского в ссылке, но там он все-таки именно этими сигаретами и хотел что-то сказать, это был знак, ход в игре.

* * *

Краткая, емкая запись в дневнике. *Буря в мире.* 22 ноября убит Кеннеди. Это пример глобального мышления после московского фестиваля. До него международные проблемы волновали ее меньше, откликалась она на них менее энергично.

При всем обилии надуманностей эта отличается еще и некрасивостью звучания. Два слова по два открытых слога, как детская кашка. Да и не буря это была, сенсация просто.

* * *

Пока Ахматова жила за железным занавесом и была смиренна к своей судьбе, она вполне удовлетворялась своей ролью великой поэтессы: в *этой стране* больше чем поэтами — великими людьми, великими личностями, просто великими были именно стихотворцы, не прозаики: Пушкин, Лермонтов. В конце их века возник было им некоторый противовес в лице Толстого и Достоевского, но подошло время нигилизма, прагматизма, появился равный этим двум Чехов, а потом и вовсе Горький, тогда уж Леонид Андреев — и тут можно было бы говорить: и прочие, но на самом деле началось время снова великих. И ими опять, по русской традиции, стали русские поэты: Блок, Маяковский, Мандельштам, Цветаева, Пастернак и, как нас приучила говорить Анна Андреевна, — и Анна Ахматова. Двадцатый век снова был веком поэтов. Никакие прозаики с ними сравниться не могли. И даже если говорить, например, о Платонове и рядом с ним назвать Мандельштама, не говоря уже о Пастернаке, то какие-то

очень большие, общие — и точные — весы покажут, что Мандельштам и Пастернак — более *великие,* более известные. То есть более подходящая компания для Ахматовой, как на ее отточенный глазомер. Пастернак в России более известен, слава его более массовая, быть рядом с ним более чем желанно для Анны Андреевны, о большем не приходится и мечтать, до пишущего ли тут в стол прозаика. И Евтушенко и Вознесенский были более громки, чем Вася Аксенов — все сходилось, если б этот проклятый занавес никогда не поднимался — или если бы ее туда не манила кукла, которую она сама надела себе на правую руку и поставила в умильную позу перед собой, произнося раздирающие душу (ее) слова: *мне больно от твоего лица* и пр. Но в любом случае Берлин разбудил ее.

За границей все было ровно наоборот. Пруст, Джойс и Кафка не имели себе равных среди европейских поэтов по славе, влиянию и знаменитости. Они были главнее. Пруст был главнее Одена. Фолкнер был более знаменит, чем Фрост. Юный западопоклонец Иосиф Бродский мог сколько угодно сходить с ума по западной поэзии, но было ясно и ей и ему, что Толстой и Достоевский писали прозу тогда, когда прозаические реалии жизни были одинаковы в России и во всем другом христианском мире, а сейчас прозу написать — самую великую — русскому, советскому автору будет просто не о чем (если, естественно, не родится гений). Его, Бродского, шанс был в том, что он писал стихи. Таких стихов Ахматова писать не умела, но в безумии стала уверять всех вокруг себя (по своей безнаказанности она верила, позволяла себе верить в это и сама), что сможет написать какую-то великую прозу — которой неоткуда было взяться. Образцы выдавались курьезные, комические — сценарий о летчиках, знаменитые *пластинки,* снискавшие все возможные эпитеты, но являвшиеся на самом деле действительно отчетливыми, добротно сделанными литературными этюдами, плодами усидчивых трудов небесталанного, не хватающего звезд с неба школяра, какие-то сожженные пьесы, оставляющие неизгладимый след в душах слышавших рассказы о них. Говорят о сюрреализме. Унылый театральный штамп: поднимается занавес, на сцене никого нет, стоит стол заседаний в каком-то учреждении, выходит молчаливый служащий и делает какую-то незначительную работу — кажется, вешает картину. Эта сцена называется сюрреалистической, читавшие ее (до сожжения) в изумлении: гениально. Драматургия — это, впрочем, не совсем проза. Но талант, как сама Анна Андреевна наставляла — утаить нельзя, хоть в прозе, хоть в пьесе. Отсутствие его — тоже. С этими сожженными пьесами она хотела завоевывать мир.

* * *

Эпическое начало статьи в «Литературной газете» за подписью Анны Ахматовой.

Я уезжала из СССР в самый разгар лермонтовских торжеств, и, когда в последние дни шекспировского и лермонтовского 1964 года вернулась на Родину, меня ждал очень приятный сюрприз — наконец-то вышла в свет книга Эммы Герштейн. (А. А. Ахматова. Т. 6. Стр. 22.) Из СССР можно *уезжать,* когда ты оставляешь *эту страну* надолго или навсегда, когда ее прах ты отрясаешь со своих ног на границе, и, соответственно, *на Родину* можно вернуться, когда тебя уж и отчаялись ждать. Казалось бы, кто из нынешних читателей не *покидал Российской Федерации* на три недели и не *возвращался на Родину,* в то время как здесь выходили какие-то интересные книги? И мы об этом говорим так: *Пока я был на Маврикии…* Анна Ахматова никогда *не уезжала из СССР* и никогда *не возвращалась на Родину* — она просто ездила в Италию и ездила в Англию на краткосрочные побывки. *В последние дни 1964 года возвращаясь на Родину* — она не десятилетия провела в странствиях вдали от изождавшейся Родины. Сделаем вид, будто мы не понимаем, что стилистические ошибки допущены в этом пассаже нарочно, чтобы дать нам с вами понять, что Анна Андреевна, в отличие от своих подданных, вольна свою родину покидать и возвращаться, и для нее это все — штука обыденная, привычная. А уж русское слово — перетерпит.

В самом желании, выраженном так тонко — грамматически, ничего предосудительного нет, переменять места свойственно желать человеку, возможно, в это время Анна Ахматова и о погоде не могла говорить, не начав с *когда я уезжала за границу,* но сама тонкость приема указывает на то, что так ясно и однозначно Ахматова сказать не хотела, она хотела исподволь дать понять, что Ахматова и была, и в наши времена осталась гражданкой — почетной и знатной — всего мира, дамой в английском значении, награжденной, отличающейся ото всех, весь мир ей открыт и ждет ее приезда как милости, но она — скорбный смиренный вздох — ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДИНУ. То, что в середине шестидесятых годов двадцатого века эта свобода передвижения давалась не как подтверждение многообразия прав человека, а как номенклатурная привилегия, как перевод на более сытную пайку, как подтверждение качества кропотливой работы именно в этом, выездном, направлении самой искательницы, этот аспект запрещено рассматривать.

* * *

Только что позвонил А. А. Ахматовой, чтобы спросить ее, был ли когда-нибудь О<сип> Э<мильевич> в Италии. Она ответила совершенно категорически: «Никогда не был».

Письмо Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Из кн.: «Stanford Slavic Studies», vol. 1, 1987. с. 39

Интриги, интриги…

И всюду клевета сопутствовала мне… Обычный величественный прием — начать с «…и». Что за клевета? Может, преувеличивает? Может, что-то неумно спровоцировала, а как получила ответ — так и испугалась, стала жаловаться: клевещут? И на более сильных не клевещут, и на более скандальных — если есть за ними что-то более весомое. Анна Андреевна — сама в гуще этого всего, ну, люди ее и не забывают…

* * *

Записывает сладкие слова: *Вокруг Вас (т. е. Ваших стихов) неумолкающий, бешеный, длящийся десятилетиями — скандал. (Записные книжки» Стр. 151.)*

Тема долга перед памятью друзей в тот год была обострена последней книгой когдатошнего ахматовского любимца (речь идет о Хемингуэе, по странной традиции неназванном, но в данном случае терпеть долго не надо будет — проясняющая авторство известная книга будет названа практически сразу же): *Саня <Гитович> только что прочитал «Праздник, который всегда с тобой» и был в восхищении. А. эта книга резко не понравилась. «Я никак не могу себе уяснить, отчего тут можно приходить в восторг? — с вежливым безразличным смешком заявила она. — Что тут вообще может нравиться? Хемингуэй написал ужасающую книгу, в которой убил своих лучших друзей. По-моему, это просто чудовищно!» Полемический порыв, возможно, связан с желанием напомнить о Шилейке как о поэте — репутация его в этой ипостаси была не очень высока. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 230.)* То есть Ахматова ругает новую книгу Хемингуэя, *потому что* кто-то ругает (или не обожает) стихи несколько десятилетий лежащего в могиле Шилейки — ученого-востоковеда, переводчика, отнюдь не поэта. Разве что — вот отгадка: *В блокноте ее появляются полуприпомненные стихи Владимира Шилейко, обращенные к ней.* Других — необращенных — и полу- не припомнить. *(Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 229.)*

А почему за неприпоминающиеся за непримечательностью (несмотря на величие адресата) стихи Владимира Казимировича не обрушиться сразу на всю современную ей зарубежную (с отечественной расправилась и без Шилейки) литературу? Почему

за Шилейку — именно на Хемингуэя?

Он хороший сын

Я, чей отец убит, чья мать в позоре. (У. Шекспир. Гамлет.) Позор Гертруды в том, что она В ПОРЯДКЕ.

* * *

Письмо Анны Ахматовой сыну в лагерь в 1957 году: *Сейчас самый знаменитый врач Москвы проф. Вотчал* (она не пишет — «лучший», она пишет — «самый знаменитый») *смотрел меня и сказал, что хочет, чтобы к 1 ноября я сидела в кресле… (Летопись. Стр. 517–518, Звезда. 1994, М 4.)* Лев Николаевич и сам всегда знал, что Анне Андреевне доступно все самое знаменитое, самое влиятельное. Зачем хвалиться перед ним, раз она не использовала эти возможности, чтобы вызволить его из тюрьмы? У него тоже были даты, к которым он хотел бы сидеть — хоть и не в кресле, на колченогой табуретке, да на воле.

* * *

Была такая история, маленький анекдот из жизни летчиков. Вернее, авиадиспетчеров. Среди них проводились международные соревнования, кажется, по баскетболу. Выиграла наша команда, но победу ее оспорили: другие участники обратились с жалобой, что вместо авиадиспетчеров в команде у русских были подставные игроки, профессионалы. «Почему вы так решили?» — «Они не знают английского языка». Спортивные начальники не подумали, да только сами авиадиспетчеры, когда они встречаются физически, лицом к лицу, знают, по какому признаку они безошибочно вычислят чужака. Впрочем, анекдот — из тех времен, когда международные полеты были у нас экзотикой.

Если среди моих читателей есть матери, то вот им тест. Пусть они попробуют представить — в какой-нибудь тяжелый момент — дай бог, чтобы все-таки не очень опасный, во всяком случае, который в конце концов хорошо разрешится — но вот в момент своей тревоги и смятения пусть представят: могли бы они сейчас написать стихотворение о возможном неблагоприятном исходе, если… ну, всякое бывает, вы понимаете — в общем, как они будут страдать, если случится самое страшное… Подумать, например, о Богоматери — у нее все закончилось совсем плохо — ну вот сравнить свои потенциальные страдания с ее. Почему бы и нет?

Сын жив, а вы представляете, как глубоки и чисты будут ваши страдания, если он умрет. Наверное, все испытуемые тут скажут — нет, написать такое стихотворение мать не может, мы протестуем, мы догадались, что это не мать, эта — не из нашей команды. МЫ знаем, какие бывают матери и чего они не могут сделать никогда.

Стихи про дорогу, *по которой сына везли,* или: *а туда, где молча мать стояла* (когда сын ее, достаточно пострадав, уже умер, а у Анны Ахматовой вроде был еще жив, хотя всякий должен понимать — она очень волновалась, потому что никогда нельзя было быть уверенной), *так никто взглянуть и не посмел* — очень приятно читать, написано гладко, только нельзя представить, что это писала мать. Это — женщина, которая знала о существовании материнских чувств и необыкновенных материнских страданиях, и разжигала в себе эти образы, и очень похоже на правду их описала.

С Богородицей никто не захочет поменяться местами (кроме Ахматовой). Мы ей молимся, зная четко ту непреодолимую пропасть, которая нас от нее отделяет — она СОГЛАСИЛАСЬ, мы никогда не приблизимся к ней, и она всегда будет недосягаемой. Искательницам, монахиням хочется двигаться вперед. Но путь их не прям, он — не к цели, монашество не предписано нам как правильная дорога, это — боковая ветвь. У юной монахини не будет детей. Она не встанет перед выбором: не пожертвовать ли ими. Она не скажет страшного ответа самой себе — значит, подвиг ее никогда не будет великим и она нас ничему не научит.

Анна Ахматова не отказалась даже от хлыстика и перчаток, не пожертвовала ночей своих пламенным чадом — она предложила сразу Леву.

* * *

Лева сердился на мать за то, что она подписала какое-то любовное стихотворение тем числом, когда его, Леву, сажали снова в тюрьму.

О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 245

* * *

Вот пишет женщина, полностью прожившая славу Анны Ахматовой, каждый день славы Анны Ахматовой был днем ее жизни. Она тоже писала стихи, тоже про любовь, но любовник ее, бывший муж Ахматовой Гумилев, одернул ее: *Он сказал, что, если я достигну мастерства «говорить стихами», вряд ли буду иметь такой успех, как Ахматова, — она говорит о чувствах всех решительно женщин, а у меня что-то совсем свое… (О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 124.)*

Был, конечно, прав — Ахматова говорила от имени всех женщин, теми словами, которыми говорятся *какие-то любовные стихотворения. Что-то любовное,* любовь по-ахматовски — это то, чем женщинам с ахматовским складом предлагается заполнить свободное время, буде оно у них появится, — но уж отложить писание *каких-то любовных стихотворений*, когда в жизни случаются действительно важные вещи — рождение детей, их учебы, их муки (в случае Льва Гумилева, к сожалению, не в сладком их варианте) — это требование кажется им излишним.

* * *

«Реквием» — это не слишком ново.

Она любила нас искренне, она бы с умилением оплакивала нас; думаю, что она часто рисовала себе такую картину: <…> пожар, <…> мы все погибли <…> преимущество наслаждаться длительной болью утраты, в которой выражалась бы вся ее любовь к нам, потрясти весь город своим видом на наших похоронах, — она удручена, в полном изнеможении, а все-таки духом бодра и стойка <…> пожар мог бы вынудить ее <…> даром времени не теряя, не тратя нервов на колебания, выехать на лето в прелестную ферму Миругрен, где был водопад.

М. Пруст. В поисках утраченного времени. Стр. 168

Анна Ахматова тоже готовится стоически, как ей и подобает, переживать свое неминуемое будущее горе. Говорит красиво, стихи сильные — вот только еще бы ситуация сыновьего распятия не была каждодневной, каждосекундной вероятностью.

Да, Лев Николаевич был очень недоволен «Реквиемом».

* * *

Поразительная деталь.

У Ахматовой есть необычно для нее отделанный, завершенный автобиографический текст-справка, по-античному чеканно озаглавленный *«Даты. Малый список».* Список, однако, не мал — 9 страниц, заканчивающихся кокетливым: *Ну, довольно Ахматовой, дат, адресов, названий книг и всего на свете. Дождь льет, добрый старый финский дождь. Осень царствует и великолепствует, как молодая королева в своей любимой столице. (А. А. Ахматова. Т. 5. Стр. 229.)* (Это она пишет в 1965 году, когда королева стала как никогда молода душой.)

Действительно, в списке есть *все на свете* — и *Рождение сестры Ии (мне 5 лет),* и *Корь. 1-ый смертный приговор,* и *Приезд Гумилева <…> Приезд Гумилева <…> Приезд Гумилева,* и *Пишу в зиму 1910-11 будущий «Вечер»,* и *Была чл<еном> II съезда писателей (1954) в Москве (с решающим голосом, есть фото),* и *Ездила в Таллин смотреть готику на Новый год 195<4> <…>* и даже *Мужа Тани за то, что он провожал меня, — вызывали куда следует.* Все санатории, все больницы, все дворцы. Нету только — упоминания о рождении сына — как и о его тюрьмах, университетах и достижениях. Это последнее бы уж и ладно, но вот рождение — это все-таки вроде чересчур. Лев Николаевич упоминается вообще на девяти страницах только один раз: *В 1918 (май) с Ник. Степ. Гумилевым ездила в Бежецк к сыну. Развод был уже решен. (А. А. Ахматова. Т. 5. Стр. 221–229.)*

* * *

В Бежецке Ахматова была два раза за все время жизни там Левы (с 1917-го по 1929 г.). *«После событий 1917-го Ахматова несколько раз* (пусть «два» — это «несколько») *(в декабре, «на Рождество» 1921 года, и в июле 1925-го) навещала сына и свекровь, которую она называла «мамой». (Т. М. Двинятина и Н. И. Крайнева. По: П. Н. Лукницкому. Стр. 149.)*

* * *

Сверчкова — *злая ведьма, жаль, что Левушка находится в руках таких мещански настроенных людей* — не таких уж совсем мещанских. *Александра Степановна Сверчкова (Гумилева) <…> работала в Царскосельской Мариинской женской гимназии, также преподавала в железнодорожной школе в Бежецке. Писала для детей сказки и интересные пьесы, которые ставились в гимназии. (Материалы П. Н. Лукницкого. Стр. 122.)* Ахматовой такого

уровня мало. А может, и действительно делалось все это на усредненно-культурном, мещанском уровне — да ведь нигде и не обещано, что потенциальных гениев должны воспитывать состоявшиеся гении, обычные платные образованные учителя и воспитывают. У Ахматовой — бесплатные, из сострадания, из родственного участия, из-за того, что не смогли отвязаться… вот и стали злыми ведьмами. А так — бралась бы сама Анна Андреевна и воспитывала б своего сына. Это — непосильно. Она это понимает и пишет невестке — льстиво, лживо, с ужасом перед тем, что вдруг действительно сын будет возвращен ей на воспитание самой. Дарственные на книгах: *Милой Шурочке в знак дружбы и любви… Моей дорогой Шурочке от любящей ее Ани… В знак любви и дружбы дорогой Шурочке от всегда ее Ани… Моей милой Шурочке на память о нашей долгой дружбе и счастливых годах в Царском Селе с любовью… (Материалы П. Н. Лукницкого. Стр. 122.)*

* * *

Мальчик посылал свои стихи матери в Ленинград, и Анна Андреевна находила, что Лева пишет совсем как отец, «стиль такой же». Но ее огорчало то, что он постоянно находится в мире фантазий: пираты, древние греки, исторические баллады, далекие страны… А ей хотелось бы, как записал Лукницкий, «чтобы Лева нашел бы достойным своей фантазии предметы, его окружающие, и Россию… Чтобы он мог найти фантастику в плакучей иве, в березе…» Дар слов мне был обещан… Леве было двенадцать лет; хоть жизнь у него была действительно не сладкая, но писать уже прямо о плакучих ивах — это было бы уже слишком. К тому же Анна Андреевна сама (ах, она во всех находила изъян) упрекала Антона Чехова, что у него в прозе не блещут мечи — одни березы… Сама она написала «Повесть о летчиках» — один погиб, другой был в причинах этого замешан и добивался вдовы… Вот это фантазии!

* * *

Проблема заключалась в том, что Ахматова была вынуждена жить в семье Пунина. С его дочерью и внучкой. В один прекрасный день Лев понял, что мать не хочет бороться за то, чтобы его прописали в пунинской квартире. <…> Лев сказал, что в таком случая он не хочет ее видеть и больше никогда не придет. Он уехал

из Ленинграда в Псков. (Э. Файнштейн. Анна Ахматова. Стр. 323–324.) Отъезд во Псков — это не демарш, это — как мы помним, без прописки жить в Ленинграде было нельзя, — просто там удалось устроиться. Сжав кулаки, он всего лишь грозится матери, что не зайдет к ней, если приведется съездить в Ленинград — за продуктами ли там, как провинциалу, на разведку ли: не найдется ли добрых людей.

В жены к Пунину она попала вот по какому случаю. Жила в комнате В. Шилейки, тот женился, уехал в Москву, оставить комнату за собой было дорого, квартплату повысили. Стала искать комнату. Любовник, Пунин, человек крайне прижимистый, рассчитал, что выгоднее всего предложить ей одну из принадлежащих ему комнат в квартире, где проживала его семья (с женой, стареющей, работающей, с прокуренным голосом, — при послевоенном безмужчинье, — он знал, что договориться будет нетрудно: *Новый быт!)*. С Ахматовой брать за это по 25 рублей в месяц. Сына ее он не кормил, за общим столом давал отдельные продукты своей дочери, ночевать не разрешал (если случалось загоститься — клали в неотапливаемом коридоре), в прописке, когда тому надо было поступать учиться, отказал (Гумилев вернулся в Бежецк получать образование согласно своему провинциальному статусу), жена его при гостях называла соперницу с сыном дармоедами (нервы). Ну и как Ахматовой было называть себя, если не женой? Когда Пунин решил жениться по-настоящему, на Марте Голубевой, второй жене, вдове, — настойчиво стал пытаться Ахматову выселить. Но она — «без внимания».

* * *

Это был юноша лет 17–19, некрасивый, неловкий, застенчивый, взглядом сильно напоминавший отца, одетый, кажется, в ватник, что даже по тем временам казалось уже странным.

Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 288

* * *

— Да вы, оказывается, отлично умеете стряпать, — сказала я.

— Я всё умею. А если не делаю, то это так, из одного зловредства, — ответила Анна Андреевна.

И как же это «зловредство» должен был переносить Лев, вспоминавший и через полвека:

«Жить мне, надо сказать, в этой квартире, которая принадлежала Пунину, сотруднику Русского музея, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре на сундуках. Коридор не отапливался, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься со мной французским языком. Но при ее антипедагогических способностях я очень трудно это воспринимал и доучил французский язык, уже когда поступил в университет.

Когда я кончил школу, то Пунин потребовал, чтобы я уезжал обратно в Бежецк, где было делать нечего и учиться нечему и работать было негде. И мне пришлось переехать к знакомым, которые использовали меня в качестве помощника по хозяйству — не совсем домработницей, а, так сказать, носильщиком продуктов. Оттуда я уехал в экспедицию, потому что биржа труда меня устроила в Геокомитет. Но когда я вернулся, Пунин встретил меня и, открыв мне дверь, сказал: «Зачем ты приехал, тебе даже переночевать…».

С. Кунаев. Наш современник

Сочувственно и встревоженно, лицемерно наблюдает она за жизнью Левы. *«Инерция лагерной симуляции».* Наверное, я предполагаю у моих читателей слишком неразвитое воображение — но кажется, что, чтобы прочувствовать это определение, мало просто прочитать — надо представить, что вы сами вот так, озабоченно, с учеными словами — и «инерция», и «лагерь» (это ведь тоже иностранное слово, по-русски это тюрьма, застенок, беда), и «симуляция» — будете вот так описывать посторонним свое раздражение собственным ребенком. И покажете величие своего долготерпения. Впрочем — в 1960 году терпения почти не осталось — ведь Лева становился самостоятельным (*Ему не терпелось* быть самостоятельным).

* * *

И он ее не посрамил. Даже этого она не могла бы поставить ему в вину. Хотя «вина» здесь невозможна. И уж точно — не ей судить. А как гордиться матери выдержавшим пытки сыном — на эту тему только Анне Ахматовой по вкусу вести разговоры.

Как-то он рассказал, какие продукты присылала ему в лагерь мать, я удивилась скудости, он с горечью произнес: «Мама считала, что и этого слишком много».

Н. Л. Казакевич. Живя в чужих словах… Стр. 210

Сидевший вместе с ним в лагере А. Ф. Савченко вспоминал: «Порой <…> в глубине барака начинался литературно-поэтический вечер с чтением стихов. И тут Лев Николаевич не имел себе равных по объему поэтических знаний. Он читал наизусть стихи Н. Гумилева, А. К. Толстого, Фета, Баратынского, Блока, каких-то совершенно неизвестных мне имажинистов и символистов, а также Байрона и Данте. Причем не какие-нибудь отрывки, а целыми поэмами. Так, он два вечера подряд читал «Божественную комедию». Вот только не могу вспомнить, читал ли Лев Николаевич стихи своей матери, Анны Ахматовой…»

М. Г. Козырев. В. Т. Воронович. Дар слова мне был завещан от природы. Стр. 14

Ахматова заподозрила в Наталье Варбанец (возлюбленная находившегося в заключении Л. Гумилева) *«сексота», подосланного к ней спецслужбами. О своих подозрениях на условном языке мать поделилась с сыном. Лев со всей серьезностью отнесся к этому в общем-то чудовищному предположению, что в конечном счете привело к охлаждению между бывшими любовниками и к окончательному разрыву.* Примечание: *В 1990-х годах, когда стали доступными архивы КГБ, исследователи жизни и творчества Ахматовой попытались установить истину в этом непростом вопросе. Оказалось, что подозрения Анны Андреевны (а значит, и Льва Николаевича) не имеют под собой никаких оснований. (В. Н. Демин. Лев Гумилев. ЖЗЛ. Стр. 101.)* Тут дело не только в конкретном случае, была сексотом конкретно Наталья Варбанец или не была. В любом случае Анна Андреевна подозревала в этом слишком многих, и всегда — рассказывала всем. Рассказывала с ахматовской непререкаемостью и ахматовским авторитетом. Слишком часто люди получали от нее комок грязи невинно. И вот — Наталья Варбанец. Ну, была она, положим, сексоткой — зачем об этом надо было знать Льву? Ведь приставлена-то она к великой Ахматовой. Лев и так, должно быть, ничего крамольного ей из лагеря не писал, был не дитя. Поссорить, развести? Вот она сама, Анна Андреевна, считала свою молодую подругу Наталью Ильину сексоткой, и что — отказалась с ней дружить? Отнюдь — ведь у той был автомобиль, на которой старая и молодая дамы совершали прогулки. С нею

порывать она не собиралась. Леве же она походя портит жизнь — потому что яркую, всячески его достойную девушку Наталью Варбанец он любил, никого в своей жизни так не любил, очень ее уважал, она была ему очень интересна — а жениться, с маменькими предосторожностями, пришлось на шестом десятке, остаться без детей, жениться на женщине, к которой испытывал не более, чем хорошую привязанность (как и она к нему). Это все.

* * *

Когда-то я услышала от Л<ьва> Н<иколаевича>: «Мама всегда говорит, что как бы я ни женился, все равно окончится трагедией». К счастью, пророчество Анны Ахматовой не сбылось: брак оказался счастливым, на склоне лет Л.Н. наконец обрел любящую жену, окружившую его заботой. По мнению друзей, Наталия Викторовна подарила Л.Н. «лишние» десять-пятнадцать лет жизни.

Н. Л. Казакевич. Живя в чужих словах… Стр. 210

* * *

23 ноября 1958 года. *Последнее агентурное сообщение в «Деле оперативной разработки», заведенном КГБ на А. А. Ахматову. <… > По утверждению О. Калугина, это «дело» было заведено на Анну Ахматову в 1939 году. (Летопись. Стр. 528.)* То есть не Леву сажали за то, что у него такая вольная и строптивая мать, а за Анной Андреевной послеживали только со времен второго ареста Левы и оставили в покое, когда ЕГО выпустили. Сама по себе своим робким и осмотрительным поведением она никаких подозрений не вызывала. Имела б полное право — если б не рядилась в тогу ярой гонительницы Сталина и образец гражданского мужества — и не рядили б ее.

* * *

В 1965 году А.А. рассказывала; *Единственный раз, когда меня вызывали в прокуратуру, это было не так давно, для «закрытия дела» Бенедикта Лифшица, расстрелянного в 1938 году. <… > им непременно нужен кто-нибудь <… > чтобы свидетельствовать о невиновности расстрелянного. (Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой. По: Дела и допросы. Я всем прощения дарую… Стр.*

255.)

* * *

Когда я вернулся, то тут для меня был большой сюрприз и такая неожиданность, которую я и представить себе не мог. Мама моя, о встрече с которой я мечтал весь срок, изменилась настолько, что я ее с трудом узнал. <…> Она встретила меня очень холодно. Она отправила меня в Ленинград, а сама осталась в Москве, чтобы, очевидно, не прописывать меня. (В. Н. Демин. Лев Гумилев. ЖЗЛ. Стр. 112.) Выражение *чтобы, очевидно, не прописывать* — это подарок для проахматовских толкователей — такие конструкции слишком легко принять за сарказм или преувеличение. А с другой стороны, освободившемуся зеку что самое главное? Правильно, прописка. К кому в Ленинграде или Москве или хоть где в СССР можно было прописаться? Только к близкому родственнику. У Льва Николаевича кроме матери никого не было. Он говорит *очевидно* — значит, прямо о нежелании прописывать сказано не было. *Очевидно* — значит, формально были заявлены какие-то причины, какие-то более важные дела.

* * *

Меня прописала одна сослуживица, после чего мама явилась, сразу устроила скандал — как я смел вообще прописываться?! (А не прописавшись, нельзя было жить в Ленинграде!).

С. Куняев. Наш современник

Одна из первых ее тревог вызвана рассказом о мемуарах Ольги Мочаловой <…>, где приводились, например, слова Гумилева: «Меня почему-то считали ревнивым мужем, а ведь я давал Анечке полную свободу. Когда она опаздывала на свидание, я сам отвозил ее на извозчике» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 64.) «Гумилев был настоящий мужчина! Никогда в жизни он не стал бы возить жену к любовнику!» <…> «Дайте мне адрес этой О.П., — сказала она, — Лева к ней пойдет объясняться». (Н. Роскина. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 424.) Защищать честь семьи. Она ОЧЕНЬ ХОРОШО знала дуэльные правила и кодекс дворянской чести. Не говоря уже о правилах приличия. Она хотела, чтобы Лев Николаевич, крепкий мужчина 45 лет, отправился на дом к старухе. Что делать?

Таскать ее за волосы? Выламывать пальцы, чтобы не писала? Ах, просто поговорить? Могла снять трубку и Анна Андреевна. Взять ручку и написать резкое письмо. Попросить подругу съездить и переговорить… Она хотела, чтобы в дело вмешался Лев, сын Николая Степановича. Логично (предполагая в нем патологическую щепетильность и интерес к делам более чем полувековой давности, о которых он не мог иметь собственного мнения). Истинно по дворянским законам и прочим высоким правилам возможность выполнения долга перед честью покойного отца, не марая рук о старушечьи щеки, была одна — идти объясняться с мужем, отцом или братом этой самой *О.П.,* оскорбить их, и — дуэль. Этим ведь угрожала Анна Андреевна? Или нет, все попроще? *Я нашлю на нее Леву, он с ней разберется по-своему. Он сделает из нее свиное отбивное.* (Лева ведь из тюрем не вылезает. Правда, в его статусе «освободившегося» любая бытовая ссора могла закончиться более серьезно, чем для вольного хулигана.) *Он не был таким — таким мне его сделали* — ей же, как видим, на пользу.

* * *

Софья Казимировна рассказала мне, что, когда Анна Андреевна вернулась в 1965 году из Англии, где получила степень доктора литературы в Оксфорде, она привезла оттуда много подарков, которые продемонстрировала перед Островской, навестившей ее. Среди прочих вещей она показала роскошный мохеровый шарф и сказала: «Этот шарф я привезла для Иосифа (Бродского. — *М.К.)». — «А для Левы, Анна Андреевна, Вы что привезли?». Последовало досадливое молчание.*

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 236

Письмо А.А. Л. Н. Гумилеву на бланке почтового перевода (из Москвы в Ленинград)… (Летопись. Стр. 533.) Письмо называется письмом по привычке — она ведь и раньше, в лагерь, писала ему на оборотах бланков на почте, а его лимиты на переписку с волей этими посланиями гасились…

* * *

Ближе к весне Л.Н. заболел и долго не появлялся в Эрмитаже. Купив в диетическом магазине на Невском любимое им желе разных сортов и ужасно волнуясь, я отправилась навестить

больного на улице Красной Конницы, где он жил у матери. В маленькой комнате, где почти не было мебели, возле лежащего в постели Л.Н. уже сидел гость, человек средних лет с детским именем Лелик, брат лагерного друга Л.Н. <…>, потом в дверях появилась высокая полная, но статная седая дама в длинном сером платье. Л.Н. представил меня матери и попросил: «Мама, дала бы ты нам чаю». Анна Ахматова удалилась. Она появилась вновь долгое время спустя, в руках у нее была единственная чашка на блюдце, которые она протянула сыну со словами: «Лева, ты хотел чаю». Я не обиделась за себя и Лелика, но мне было горько видеть такое явное невнимание матери к сыну, никогда не имевшему собственного дома, высказавшему скромное желание угостить в доме матери чашкой чая своих гостей. (Н. И. Казакевич. Живя в чужих словах… Стр. 206–207.) Если бы она не принесла и ему, то эпизод можно было бы и проигнорировать. Мало ли кто там припомнил, что Анна Ахматова не захотела их, воспользовавшихся вроде пристойной ситуацией, обслужить. Ну и не обслужила.

Принеся только Льву, она убила двух зайцев: и осадила двух хамов, раскатавших губы на ее прислуживание во вроде бы безвыходной с точки зрения этикета ситуации, и показала сыну — только показала, не сделала, поскольку он не при смерти был и обошелся бы без ее глотка чаю — что уже его единоличное хамство она готова терпеть и даже покориться. Поскольку все эти доброхоты считают, что она что-то ему должна.

Ахматова была неуклюже-чванлива и, как все переполненные комплексами люди, нервно-обидчива на знаки возможного пренебрежения. Светский человек нашел бы множество выходов из ситуации с разным градусом уничижения непрошеных гостей. От «Лева, я только что рассчитала дворецкого, а прямо обращаться к кухарке я не умею» до «С удовольствием. Пойдемте, милочка, вы мне поможете. Вон кухня в конце коридора, ваша очередь на конфорку — седьмая, возьмите ведро на зеленой табуретке, вода — во дворе в колодце. Желаете с девонскими сливками?».

Брат лагерного друга… Жив ли брат-то? Служащая девочка… Ленинградские расстояния, никаких теплых иномарок, тряслись на мерзлом трамвае, шли к дому, ближе к весне — это конец зимы, ветер, как без чая-то отпустить?

* * *

Она от меня требовала, чтобы я помогал ей переводить

стихи, что я и делал по мере своих сил, и тем самым у нас появилось довольно большое количество денег. Я поступил работать в Эрмитаж, куда меня принял мой старый учитель Артамонов, с которым я был вместе в экспедиции. Там я написал книгу «Хунну», написал свою диссертацию «Древние тюрки», которую защитил в 1961 году. Маме, кажется, очень не понравилось, что я защищаю докторскую диссертацию. Почему — я не знаю. Очевидно, она находилась под сильным влиянием.

С. Куняев. Наш современник

Письмо А.А. И. Н. Пуниной: Дорогая моя! Посылаю тебе доверенность на почтовые деньги. Купи хорошие чулки Акумцу младшему (Ане), заплати за квартиру и т. д. Остальные Леве, если ему нужно. (Летопись. Стр. 509.) Это январь 1957 года. Лева семь месяцев как освободился, и два — как смог устроиться на работу.

Ноябрь 1958. *Милая Ирочка, посылаю тебе доверенность. Деньги возьми себе на икру и сливки. Все ли теплое есть у Ани? Смотри, чтобы она не простужалась. Очень скучаю по дому. (Летопись. Стр. 527.)*

С деньгами Льву поначалу также помогала мать, получившая очередной гонорар за переводы зарубежных поэтов. Она и сына Льва всячески старалась склонить к переводческой деятельности: как хорошо — он бы давал подстрочник (например, персидских классиков), а она (а может быть, и вместе) превращала бы сухой перевод в поэтические шедевры.

Валерий Демин. Лев Гумилев. Стр. 111

* * *

Книга Ивана Франко «Стихотворения и поэмы». В оглавлении, *над заголовком раздела «Увядшие листья» (Перевод А. Ахматовой)» рукой Л. Гумилева вписано: «а точнее — ее сына. Л.Г.». (Летопись. Стр. 555.)*

В одном из писем Анна Андреевна пишет сыну, что, по мнению академика Струве, Лев был бы ей очень полезен в ее «азийских» переводах (27 марта 1955 года). (М. Г. Козырев. В. Т. Воронович. Дар слова мне был завещан от природы. Стр. 14.) Струве помог Леве, вытащил его из лагеря, перевернул его судьбу, высочайшим

образом ценил его как ученого — у Льва Николаевича были все причины, чтобы уважать Струве, преклоняться перед ним и чувствовать себя ему обязанным. Анна Ахматова этим пользуется — сообщает сыну, что Струве велит ему… Нет, она щелкает по носу еще больнее — Струве считает, что талант и гений Льва достаточны для того, чтобы сгодиться в изготовители подстрочников для великой Ахматовой.

* * *

Лев очень много переводил с восточных языков. И, кстати, многие переводы ему давала мать, и они вышли под псевдонимом «Ахматова». Деньгами она потом частично делилась с ним, но считала, что довольно сильно потратилась, отправляя посылки ему в лагерь, и теперь он должен их отработать.

С. Куняев. Наш современник

Он <Лев Гумилев> рассказывал о последней встрече с матерью в 1961 году, перед тем как они расстались (это было за месяц до защиты им докторской диссертации). В те времена он часто ее навещал. Порой она встречала его холодно, иногда с важностью подставляла щеку. В тот раз она сказала Льву, что он должен продолжать делать переводы. На это он ответил, что ничего не может сейчас делать, так как на носу защита докторской, он должен быть в полном порядке, все подготовить.

— Ты ведь только что получила такие большие деньги — 25 тысяч. Я же знаю!

— Ну, тогда убирайся вон!

Лев ушел.

С. Кунаев. Наш современник

30 сентября 1961 года мы расстались, и больше я ее не видел, пока ее не привезли в Ленинград, и я организовал ее похороны и поставил ей памятник на те деньги, которые у неё на книжке остались и я унаследовал, доложив свои, которые у меня были».

С. Куняев. Наш современник

Он — хороший сын. Он был за нее и даже ощущал себя ее защитником. По-ахматовски — гены — опровергает очевидное, лишь бы не писали.

Отзыв на «документальный роман» М. Кралина «Артур и

Анна»: Предвзятый отбор сведений неизбежно создает искажение в любом изложении событий. Это абсолютно так. Предвзятый отбор создает искажение, но непредвзятого отбора не бывает. Суть только в совпадении предвзятостей.

Подлинный текст ценен лишь постольку, поскольку он достоверен, а дамы любили лгать всегда. Текст письма, написанного Ириной Грэм, несомненно достоверен, поскольку подлинно написан ею. Других документов, составленных лгущими дамами, в книге нет. Лгут, может, господа: Корней Чуковский, Маяковский. Хлесткий пассаж Чуковского о Лурье издан в дневниках Чуковского. Это к нему.

Интерес к сексу имел место во все века до и после н. э., но подменять им действительные, а не вымышленные биографии — непристойно. У Анны Ахматовой секса нет. Особенно в отношениях с Лурье. Правда, если это отношения, из которых можно изъять секс — то это будет слишком вымышленная биография.

> *Л. Н. Гумилев. Дар слов мне был обещан от природы. Стр. 294–295.*

Отношения были холодными, требовательными. Высота тона, взятая в *Ты сын и ужас мой,* сказанном чужим, для чужих, — была спекуляцией, а при живом и страдающем человеке — циничной спекуляцией.

* * *

Ахматова действительно была плохой матерью? — Бесспорно. Так сложилось, что моя собственная мать — известный адвокат, была знакома с Ахматовой. Когда та умерла, возникла тяжба из-за наследства. К моей матери обратились сразу две стороны: Пунины и Гумилевы. Понятно, что ей пришлось влезать во все это. Так что я это знаю, если уж не из первых, то из вторых уст — точно!

> *В. Топоров. Интервью. СПИД-ИНФО № 23, 2007*

Когда умерла Анна Ахматова и жившая с ней в одной квартире дочь Н. Н. Пунина, Ирина, завладела архивом покойной и даже начала понемногу распродавать его <…>, я всей душой сочувствовала Л.Н., слушая его жалобы: «[Ирка] <…> не отдает мне даже мои детские фотографии».

* * *

В любом книжном магазине есть полка с книгами Л. Н. Гумилева. Студенты с других факультетов и из других вузов приходили на его лекции, он сказал новое слово, неопровергнутое, в науке. Он нашел ненавистную Хазарию. Он знал множество европейских, тюркских, персидский языки и очень много работал, даже в лагере. Его имя носит Евразийский университет в столице Казахстана. Он знал, что такое война и сталинские застенки. У него была любовь и его мать была его Яго. У него не было никакого розового детства. Он прожил жизнь, быв там, где его народ, к несчастью, был.

Горькая любовь

Du mauvais cote de la quarantaine…[1]

После Берлина она нашла себе новый предмет — ленинградских мальчиков. Вернее, не сама нашла, как и с Берлиным, когда она, брошенная Гаршиным — она несомненно была брошенной, она вела себя как брошенная — оскорбленная, цепляющаяся, забывшая свое имя (это она, а не он забыл ее гордое и громкое имя), — она уже ни на что не надеялась, хоть и чувствовала, что слава — остов мощности ее личности — окрепла и возвышала ее над людьми. Вроде бы можно было и выбирать, только вот выбор был бедноват, уровню ее притязаний не соответствовал. Берлин сам вышел на нее, случайно наткнулся — уж он-то точно не искал — и исчез. Ей было даже так лучше выстраивать роман. В сквош играют с ровной стенкой, все зависит только от атлета, партнеров здесь не предусмотрено.

Мальчики тоже появились независимо от ее чар. Притягательность в ней создало время — прожитое ею и то, в котором жили они. Как всякий старик, она завидовала и не хотела отпускать их туда одних.

Так удивительно совпало, что они могли реально ревновать ее к Берлину, считать его достойным соперником, он мог занимать их мысли, ее желанность становилась очень реальной. Что им было б до того, если б у Анны Андреевны был роман с каким-нибудь ленинградским почтенным филологом или с относительно молодым — для них все равно *папиком,* в силу двадцатилетней разницы в возрасте с Анной Андреевной ряженным в клоунские балахоны «молодого человека» — физиком!

Другое дело — с настоящим — полунастоящим, но несомненно официальным — англичанином. ЖИВУЩИМ В АНГЛИИ ИНОСТРАНЦЕМ! Не каким-нибудь коммунистическим деятелем, борцом за мир, живущим подачками от командировок в СССР, а так вожделенно-буржуазно профессорствующим скучным интеллигентом.

Только тень Блока — пусть упорно, излишне, многозначительно упорно отрицаемая, но абсолютно реальная — посмотрите ее паспорт — волшебная, головокружительно приближающаяся от близости живой Анны Андреевны, — могла соперничать со смирным сэром.

* * *

Кокетство совсем в духе городничихи — хоть в городничихины времена до Анны Андреевны лет особенно и не доживали. Что она хотела услышать в 56-м году в ответ на дерзкие заявления о своем возрасте? Что все прекрасное в жизни у нее еще впереди?

* * *

Фотография Ахматовой 1927 года, сделанная Лукницким. Красивая, композиционно неожиданная. Ракурс недоработан — ложбинка над *горбинкой* визуально заполняется скулой, получается прямая линия ото лба до кончика носа, линия не ахматовская, взгляд замерший, стеклянный, поэтический. Темное платье с раскрытыми плечами. Милая улика — выбившаяся белая бретелька бюстгальтера или еще какого-то dessous. *Для таких отношений еще не настало время.* Это так. Это сейчас (впрочем, мода десятилетней давности) девушки (мода для молодых; Анне Андреевне 37) стали надевать черное белье под белые облегающие рубашки, а бретели — конструироваться с расчетом на то, что они будут на всеобщем обозрении, как всякая другая часть одежды. Но, как известно, нагота модного фасона или купального костюма преследует совсем иные цели, чем внезапно подсмотренная. Анна Андреевна при первом визите Лукницкого в темноте коридора (разруха) падает, оступившись, ему в руки, и он несет ее в комнату — непосредственно на диван. *Легкие руки обвивали шею,* а тут — бретелька, какой пустяк.

* * *

«Поэму без героя», конечно, можно было начать писать только тогда, когда замаячило какое-то благополучие — но уже стало и видно, что не вернешь — молодости, поклонников (стройных, с подведенными глазами, в мехах — и чтобы не зазорно было бы с ними смеяться и даже о них страдать). Вот в такие минуты и пишется о козлоногих…

* * *

Дату 14 сентября 1922 года Ахматова обвела карандашом в

своей тетради, и потом в этот день они отмечали с Пуниным свои «годовщины». У Ахматовой это всегда строго: когда, с кем. Кто был первым у нее? «И вы сказали?» — А.А., тихо-тихо: «Сказала». Вот и после 14 сентября появляются письма к ней с гордым и трагическим: «Анна!». Как-то мало кто звал ее так — почему-то все больше просто Аня, хотя бесспорно на Анну она вполне тянула. Но как только узнавали ее поближе, те, кто имел право выбирать: Анна Андреевна или Анютка — сразу без колебаний использовали свое право. И не одна Надежда Яковлевна Мандельштам, которая залихватски в своем письме к своему (тоже против его воли, Ахматовская школа) мужчине называет ее *Анька, стерва,* — тому надо дать понять, на каком коротке вдова мертвого Мандельштама с ныне живущей великой поэтессой — но и Пунин, как только первоначальная страсть схлынет, всякие там *твоим пальцам больно* и пр. — зовет ее только *Аня. (Н. Н. Пунин. Мир светел любовью. Дневники и письма. Стр. 156.)*

* * *

Быть массово любимой и требующей любви Ахматова стала в Ташкенте. *Читала свои Ташкентские записки. А.А. выглядит там так, что многое вырезываю… Так оставить нельзя. Я думаю, что если бы я перечла эти строчки в 52-м — я не вернулась бы к ней. (Л. К. Чуковская. Т. 1. Стр. 520.)*

В самый расцвет ахматовского предсмертного триумфа, когда она реальнее, чем когда бы то ни было еще в жизни, была окружена почти что действительно влюбленными молодыми мужчинами, знающим ее давно людям было ясно, что это все отлакированная версия Ташкента. Чуковская смотрит, как Ахматова лебезит перед Бродским:

Вспоминать Ташкент мне вредно. Город предательств… После Ташкента я десять лет не видела А.А., потом подружилась с нею снова и дружила до гроба, но не забывала о ее ташкентских поступках никогда. Простить можно, но ЗАБЫТЬ (то есть видеть человека прежним, до проступка) никак нельзя.

Л. К. Чуковская. Т. 1. Стр. 518

* * *

Ахматова Бродскому: *Сейчас получила Вашу телеграмму.*

Благодарю Вас. Мне кажется, что пишу это письмо очень давно. Анна. Какая она ему Анна? Всем она подписывается «Ваша А. Ахматова». Но юноше на пятьдесят лет младше, какая она Анна? Забывшись, водит пером по листу?

* * *

Нумерология. Иосифу Бродскому. *Так как число моих писем незаметно стало трехзначным, я решила написать Вам настоящее, т. е. реально существующее письмо.*

Записные книжки. Стр. 636

* * *

О манерах: Анатолий Найман в больнице. *Ахматова несколько раз навестила меня и регулярно, с кем-нибудь, передавала маленькие письма, присылала букетики цветов.*

А. А. Г. Найман. Сэр. Стр. 160

Иосифу Бродскому посылается фотография. Какая? Ну конечно — *«От третьего петербургского сфинкса».* Известный *фотопортрет одиночный. — А. А. Ахматова в позе «сфинкса» во дворе Шереметьевского дома. <…> Фотография сделана летом 1925 года. (Материалы П. Н. Лукницкого. Стр. 115.)* Летом — то есть платье легкое, летнее, облегающее приподнятый зад, оставляющее открытыми руки, голую шею. Поза если не из йоги, то из Кама-сутры. «Темная цикада»… Эта же фотография отправлялась Борису Пастернаку — дважды (с первого раза он не понял. Не понял и потом, но Ахматова так долго ждала и надеялась, что после его смерти стала говорить, что он ей делал предложения руки и сердца. Этого не было, а вот она ему, как видим, делала).

Гумилеву — там все уже масштабнее, уже не до эротики: *Люблю ведь тебя, господи…* Господа ли любит, нелюбимого ли Гумилева — Бог весть, но звучит красиво… Напыщенно — ну Гумилев и не среагировал.

* * *

Ахматову ловят на нелепой, пошлой ревности. *Лида <…>*

решила, что «красотка» — кто-то, не знала, что такое адажио Вивальди. (Записные книжки. Стр. 401.) Которое Анна Андреевна слушала три месяца назад, в неугаданный день Успенья.

Вечером мальчики… Примечание: *Кто-то из друзей Ахматовой, молодых поэтов, начинающих литераторов: И. Бродский, Д. Бобышев, М. Мейлах, О.* (конечно, А.) *Найман и др. (А. А. Ахматова. Т. 3. Стр. 561.)* На заре юности — *мальчики,* и на закате — *мальчики.* С одним и тем же пафосом жеманства и театральности. *Мальчик сказал мне: Как это больно/И мальчика очень жаль.* Бродский жалеть бы себя не дал и больно ему было не от нее, и не «от ее лица». Она удерживалась из последних сил. Если это видели, однако, все — почему он сделал вид, что не замечает? Скорее всего, ответ все тот же — ему было не до нее. *Читали стихи А. А. Исаю Бродскому. Это молодой, 22 лет, поэт, очень талантливый, и она в него влюблена и такие стихи ему пишет — как в молодости писала. А он влюблен в какую-то молоденькую красавицу Марину… (Письмо Т. Ю. Хмельницкой, По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 588.)*

Бродский в это время любил другую.

То есть ей можно простить пятьдесят лет разницы, внимательную выстроенность судьбы, которую он видел, талант, который не дотягивал до гениального, род этого таланта, который не был талантом великого поэта, ее потуги, которые были очевидны (некоторым), ее социальные притязания — этого он мог и не замечать, будучи действительно слишком юным, — на все это можно было закрыть глаза и сказать: все бывает.

Но он не был свободен, как были свободны Найман, Бобышев, — они просто не полюбили ее, хотя могли бы, — а Иосиф, не менее выстроенно, чем она, уже никого не смог полюбить до конца жизни.

Почему она писала любящему другую мужчине? По привычке?

У нее даже такой привычки за жизнь не выработалось — все те ее, которые — *не любишь, не хочешь смотреть,* — они просто не были способны к любви: ни сами ее не вызвали, ни ответить не могли — так, любовное броуновское движение.

* * *

…От Гончаровой начиная, конечно. И кончая этой «Красотка очень молода». Ревновала? (Р. Зернова. Иная реальность.

Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 27.) Казалось бы, ну и ревновала. Разве не имеет право? Зачем только искать эпиграфы из Катулла?

* * *

Анатолий Найман в поддавки, несомненно, играл. На его жалобы было написано: *Кто тебя мучит такого?* Выяснение отношений ведется публично и не для личных нужд. Она считает, что ей очень повезло, что ее жизненный круг замкнулся очень эффектно, что делать больно все время было кому, *совенок замученный мой* ее старости нашелся, дающая рука не оскудела. Найман был красив. *«В молодости А<натолий> Г<енрихович> был очень хорош собой. Более того, ослепителен. У меня есть фотография сорокалетней давности — А.Г. в профиль, в свитере. Мои девицы — сослуживицы по Ленгипроводхозу — брали ее с собой в командировки, чтобы показывать тамошнему начальству. Пусть посмотрят, какой у них муж красавец, и не лезут с «гнусными предложениями». (Л. Штерн. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. Стр. 253.)*

Все это казалось подарком судьбы. Собственно, так все и было. Под конец жизни ее поставили на нелимитированное довольствие, она получала все, о чем только могла мечтать; в чем только люди ни могли ей позавидовать — ей незамедлительно выдавалось. Тот ли только набор, который должен выдаваться великой душе — вот что смутительно.

* * *

Приглядитесь к торговкам, которые в ряд стоят в молочном ряду на рынке. Кто-то суетливо привлекает клиента, кто-то ревниво оттирает конкуренток, какая-то распустеха просто постреливает глазками по сторонам, а какая-то — стоит матроной, на покупателей взглядывает хозяйкой, разговаривает властно, перед такой робеет и важная заказчица в норковой шубе в пол. Это врожденный тип личности, психологический склад, и больше ничего. Никакой титанической работы над собой, явления в мир гения, никакого назидания живущим.

Найману и Бродскому подписывается — *Анна.* Больше никому. Пуниной-Каменской — *Акума* (у них такие искусственные, натужные отношения, что тоже чувствуется неловкость). Надежде Мандельштам — и давнишняя знакомая, и

столько связано, и знак равенства между нею и Мандельштамом, и совместное житье и шутки, даже квартиру предполагали получать в Москве и жить — вместе, и разница в возрасте такая, что предоставляла варьировать обращения и подписи, однако — *Ваша Анна, Ахматова, Анна Ахматова,* даже — *А. Ахматова.*

Изысканный роман подходит к концу. *Потом Толя. Печально и мирно. Это уже настоящий конец. Остается уладить подробности. Он сравнительно все хорошо понимает. (Записные книжки. Стр. 427.)* Если она имела в виду не окончание какой-то интимной истории, а, например — конец поэмы, окончание холодной войны, закат Европы — в этом предназначенном для публичного ознакомления дневнике она обязана была это сделать более очевидным. Обязана — несомненно, для себя — для нас, читателей, сомнений нет: перед нами не повесть, а уже роман.

Дневник свой Ахматова пишет из последних прозаических сил, на пределе своих литературных способностей.

Ясно, что каждая строчка ею прочитана глазами будущего потомка-читателя, но пишет она совершенно искренно, кровью сердца, именно такими словами она думает о себе.

* * *

Письмо А.А. А. Г. Найману: *Вы сегодня так неожиданно и тяжело огорчились, — что я совсем смущена. Я часто и давно говорила Вам об этом, и Вы всегда совершенно спокойно относились к моим словам. <…> Мы просто будем жить как Лир и Корделия в клетке, — переводить Шекспира и Тагора и верить друг другу. Анна». (А. Г. Найман. Сэр. Стр. 157.)* Как поясняет ситуацию А. Найман — *это было послесловие к одному из разговоров <…> о близкой ее смерти,* но о *смущении* сказано как-то невпопад.

19 января. Надо (непременно), чтобы Толя уехал в Ленинград. <…>

19–20 января. Черновик письма А.А. А. Г. Найману: *Теперь Вы свободны — Ленинград не худшее. (Записные книжки. Стр. 695–696.)*

11 октября 1964 г. *А.А. подарила А. Г. Найману свою фотографию с переписанным на обороте четверостишием З. Гиппиус:*

Не разлучайся, пока ты жив,

Ни ради дела, ни для игры,
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отымет свои дары.

Летопись. Стр. 654

Отымет — слово скорее ахматовское, для чего-то взятая простонародная форма — вроде бы хотелось что-то такое сказать, не получалось, ну и поразим лексикой. Впрочем, Гиппиус — уж точно не великий поэт.

Какая ветреница — с Бродским тоже не разлучается ни днем ни ночью.

20 октября 1964 года. Письмо А.А. И. А. Бродскому: *Из бесконечных бесед, которые я веду с Вами днем и ночью, Вы должны знать о том, что случилось и не случилось». (Летопись. Стр. 655.)* Видите, как все загадочно — и в то же время просто. Есть ли только желание разгадывать тайны? У Бродского вроде не было, а вот другие поклонники, кажется, не переводятся.

* * *

Ее ошеломляющая «Анна», вне всяких рамок приличия намекающая на царское, королевское величие. Или — жалкая, играющая в наивность, в спонтанность попытка заставить видеть в себе Анну, чуть ли не Аню — навязываемая интимность. Как ей Бродский или Найман должны отвечать? Так и писать: «Здравствуй, Анна»? Героиня ненавистного романа так и подписывалась, самое великосветское произведение русской литературы — все из ее привычного быта, обихода…

Мур

…я не в силах окунуться в ташкентские ужасы — самый ужасный период моей жизни после 1937-го — измены, предательство, воровство… некрасивое, неблагородное поведение А.А., нищета, торговля и покупка на рынке, страшные детские дома…

Л. К. Чуковская. Т. 1. Стр. 518

* * *

Эвакуация — полигон чистоты социального эксперимента. Московским номенклатурным и полуноменклатурным (четверть — уже слали в Алма-Ату) семьям вместо с годами и десятилетиями наживаемых семейного уклада и добра в один момент выдали номерок, паек, жизненное пространство — все в точности с порядковым номером по мере возрастания его класса. Не нужно было ни работать, ни выбирать своего пути, достаточно было только функционировать в рамках выданного предписания, — и было еще сколько угодно времени для интенсивной светской жизни. Она в Ташкенте била ключом. Некоторым захотелось даже чего-то еще и изящного, подзабытого, с декадентским душком — чем-то же надо было заполнять досуг.

Там родина моего Пролога, от которого нет спасения.

Ташкент — родина читателей Ахматовой. Там родились толпы почитателей, там она впервые попала в президиумы, в первые ряды на престижных концертах. Там впервые бездельные люди присмотрелись, что она одна из немногих оставшихся в живых представителей казавшегося галантным века, и готовились вставать при ее появлении — а она готовилась писать то, что им было бы приятно иметь для прослушивания.

Помощь читателя (особенно в Ташкенте) [продолжалась все время]. (А. А. Ахматова. Т. 3. Стр. 218.)

* * *

В Ташкенте <…> она пополнела и ничуть не была похожа на себя зимы тридцать шестого года: красивая, элегантная старая дама. Благополучная. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские

чтения. Вып. 3. Стр. 32.) Не про каждую полную, и красивую, и элегантную даму скажут именно это. Что ж с того, что выглядит прекрасно, — увидят то, что дама хочет показать. А в Анне Ахматовой видят благополучность именно потому, что это то, что важно для нее самой.

* * *

Домашняя вечеринка в Ташкенте. Вспоминает бывшая подростком дочь командующего Среднеазиатским военным округом. *Не думаю, чтобы. [*Ахматова*] была польщена — генеральский дом, светский генеральский дом. А Анна Ахматова живет в нищете вместе с вдовой Мандельштама. Мы не знали о том, как она живет.* (Действительно — не знали. Повторяли то, что говорят другие.) *Когда к дому подъехала машина и некую пыльную старушку (так я восприняла Анну Ахматову в свои шестнадцать лет) стали с почетом и поклонами высаживать из машины <…>. Женский голос меня поразил — «пыльная старушка» говорила как знатная особа. <…> Эфрос ворковал: «Я вас видел в 1914 <…> году на благотворительном вечере у графини Орловой». <…> Голос был влюбленного человека. Ахматова помедлила с ответом и <…> сказала: «Да, я была тогда в черном бархатном платье с большим кружевным воротником». (Л. С. Эйдус. Под знаком Кафки. По: Я всем прощение дарую. Стр. 27–28.)*

* * *

Родители балуют детей по-разному. Девочка, избалованная матерью, — унылая, бездеятельная, неряшливая. Балованная отцом — своевольница, капризница. Ничего страшного, что у Марины Цветаевой был «невообразимо избалованный сын».

* * *

Полный достоинства, волевой и нечеловечески (человеческих сил у него было не с избытком) выносливый. Образованный, чтущий (не тщащийся) своих отца и мать. Резонер, железной волей накладывающий житейскую суматоху на графику своих резонов — готовый мудрец. Пишущий как писатель — западного толка, обстоятельно-профессиональный, без советской

опереточно-продажной готовности. Полный жизни, красавец. Светский лев семнадцати лет в рабочей спецовке и разваливающихся башмаках, прагматик и поэт. Ахматовой повезло, что убили и его.

99 % «товарищей» по армии — выпущенные уголовники. Мат, воровство страшное, люди абсолютно опустились. Голодают все, все ношу с собой, иначе — украдут <…> Я две недели болею только потому, что заставляют ходить на работы, несмотря на освобождение, заставляют, например, обувать ботинок на больную ногу и рыть — бессмысленно — 10 м снега. Заключение Мура (у Ахматовой — наоборот): *Пусть внутренне человек будет каким угодно, но внешне он должен суметь быть на определенном уровне, и только на этом уровне.*

Г. Эфрон. Письма. Стр. 172–174

* * *

Сведенная в Ташкенте с сиротой Марины Цветаевой и вдовой Мандельштама, Анна Ахматова поняла, в чем смысл жизни — в силе, в славе, в почестях.

* * *

Я его хорошо знала в Ташкенте. Он там жил в том же доме, что и я. Я ему на полке хлеб оставляла, а он приходил брать; этот ташкентский хлеб, тяжелый, как камень, я есть не могла. Как он умер, осталось неизвестным; никакого официального сообщения о том, что он пал смертью храбрых, не было. Он такой был, что мог быть убит и как дезертир или еще как-нибудь. (П. Струве. Восемь часов с Ахматовой.) Юноша Бабаев пишет, что ташкентский друг его Мур очень высоко ставил понятия чести, военной службы, офицерства, считал, что перед ним могут открыться пути, по которым он не повторит дорог своей матери, своего отца, своей сестры — дорог к безымянным могилам. Как бы мы высоко ни ценили творчество Марины Цветаевой, она — не наша мать и не нам судить сына, который из своей жизни хочет сделать что-то принципиально свое. То есть Бабаев видел все так романтично (будем считать, что попался на удочку хитрого лицемера Георгия Эфрона, который лицемерно разыгрывал перед ним высокопарные чувства. Или на секунду поверим, что

восемнадцатилетний юноша, сын белого офицера и пр., Мур, все-таки и сам искренне рвался на поля чести и славы), а вот многомудрая Анна Андреевна при личном, довольно близком общении (весьма для нее полезном — он был для нее немалым источником информации о новой поэзии во Франции) с Эфроном в Ташкенте убедилась, что все могло обернуться и чем-то противоположным, своим опытным взглядом определила, что Мур был слишком умен, слишком много видел, был слишком полон жизнью — и мог развернуться на 180 градусов, захватиться романтикой зла. Просто благородства исполнения солдатского долга Ахматова не понимала. Ее круг и ценности ее круга были другие, она их выразила полно и точно в своем предположении: как должен поступить юноша, если заступиться за него некому: он, вероятно, стал дезертиром.

…своих детей Толстой от армии освободил. <…> Просила и Наталья Васильевна [Крандиевская]. *<…> Никита упал на колени перед отцом, умоляя его сделать все для того, чтобы его не призвали в армию… «Не для того я учился, чтобы быть пушечным мясом в этой войне», — со слезами говорил он. Также и Дмитрий… Толстой испытывал вину перед сыновьями за то, что бросил их… Толстой был очень влиятельным человеком.» (В. В. Петелин. Жизнь Алексея Толстого. Красный граф. Стр. 934.)*

МУР просил о железнодорожном билете в Москву.

Ахматова действительно играла роль королевы, а все вокруг, включая Толстого, ей подыгрывали, но граф был особенно предупредителен и почтителен…

А. Л. Варламов. Алексей Толстой. ЖЗЛ. Стр. 541

Она живет припеваючи, ее все холят, она окружена почитательницами, официально опекается и пользуется всякими льготами. Подчас мне завидно — за маму. Она бы тоже могла быть в таком «ореоле людей», жить в пуховиках и болтать о пустяках. Я говорю: могла бы. Но она этого не сделала, ибо никогда не была «богиней», «сфинксом», каким являлась Ахматова. Она не была способна вот так просто сидеть и слушать источаемый ртами мед и пить улыбки. Она была прежде всего человек — и человек страстный, не способный на бездействие, бесстрастность, не способный отмалчиваться, отсиживаться, отлеживаться, как это делает Ахматова.

А. Н. Варламов. Алексей Толстой. ЖЗЛ. Стр. 540

К Ахматовой по лесенке поднимались хорошо одетые, надушенные дамы, жены известных и не очень советских писателей, с котлетами, картошкой, сахаром — с дарами. Нарядные дамы порой выносили помойное ведро и приносили чистую воду. Бывали и такие дни, когда ее никто не посещал. Тогда она смиренно лежала на своей кушетке и ждала или нового посетителя, или голодной смерти.

Н. А. Громова. Все в чужое глядят окно. Стр. 53

Цветаева не могла главным образом потому, что даже Ахматовой, которая делала это профессионально, приходилось работать на это, на поклонение.

Однажды случилось, что днем всем потребовалось уйти одновременно и Анна Андреевна на некоторое время должна была остаться одна. <…> Анна Андреевна решительно заверила меня, что тревожиться нечего, что для нее это нормально и привычно, что она даже любит побыть одна. Мы собрались уходить, но в последнюю минуту я замешкалась и вернулась к себе в комнату, а дочка моя убежала, не став дожидаться. Едва за ней захлопнулась дверь, как я услышала, что Анна Андреевна звонит по телефону. Она вызвала одну свою молодую приятельницу и стала настойчиво просить ее немедленно приехать, потому что она совершенно одна… Она с таким отчаянием повторяла «совершенно одна», что чувствовалось: для нее это невыносимо. Я дождалась, пока она ушла к себе, и постаралась выйти как можно тише, чтобы не смутить ее. (М. Алигер. Воспоминания. Стр. 363–364.) Ахматова любила молодежь, ей с молодыми было легко, но не со всеми молодыми — с такими, которым она могла рассказывать свои песни, они же пластинки. Георгий Эфрон мог стать, мог, скорее всего, не стать Бродским, но в Анне Ахматовой для него тайн не было.

* * *

Весной 1944 года Мура призвали, а 7 июля того же года рядовой красноармеец Георгий Эфрон погиб. Место его упокоения так же неизвестно, как могилы его отца и матери.

А. Н. Варламов. Алексей Толстой. ЖЗЛ. Стр. 540

Let my people go

С Мандельштамом отношения были самыми прозрачными, Лукницкий простодушно их описал: она своим неошибающимся чутьем вычислила его место и заняла безупречную позицию рядом, он — проявил свой обычный наивный прагматизм, ни от чего его не спасший.

Так случилось, что арестовывали Мандельштама в присутствии гостьи.

Ахматовский «обезьяний документ» и предназначенный ей знак ордена — последнее из созданных [Алексеем] *Ремизовым в России. В 1934 г. Ахматова продаст этот знак Литературному музею, чтобы иметь деньги на обратный билет из Москвы, куда ездила навещать Мандельштама, арестованного 13 мая в ее присутствии.*

> *Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 58*

В 1934 г. Ахматова, после того как навестила в Москве Мандельштамов, продала один из экземпляров статуэтки [фарфоровой скульптуры сестер Данько] *московскому Литературному музею, чтобы оплатить обратный билет в Ленинград. (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 82.)* Что ни продано из архива — все на оплату билета. Сколько же стоил этот билет? Леву заставляла отрабатывать посылки, не спросить ли и с Мандельштамов за плацкарту?

* * *

Со вдовой Мандельштама хотела потихоньку раззнакомиться, избегала ее, потом был Ташкент, она Надежде Яковлевне даже в больницу запрещала заходить проведать. Когда бедной вдовице вышло послабление участи, а Мандельштаму вроде стали готовить сборник (Ахматова считала, что он *не нужен — непонятен,* а тем, кому он нужен, — у них и так он есть) — знакомство возобновилось.

В годах Анне Ахматовой под нажимом общественности решили дать жилплощадь и в Москве — ведь у нее столько дел, столько друзей здесь. По две квартиры в Советском Союзе лауреаты Государственных премий и депутаты Верховного Совета

не имели.

Решили дать одну на двоих с Надеждой Мандельштам, той было чрезвычайно лестно.

А Воронков только спросил, какие у нас отношения и не сочтете ли вы такую квартиру коммунальной, на что я нагло объяснила, что мы обожаем друг друга.

Н. Я. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 244

Начальство беспокоилось также, чтобы и дом не был слишком старый, чтобы все — первый класс.

* * *

Дорогая Надюша, очень хочу жить с вами в Москве, лишь бы сохранился мой дом в Ленинграде. <…> В воскресенье еду к себе на дачу в Комарово. Ваша А. Ахматова.

Н. Я. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 242

Все это — гонения. Ну и счеты с Надеждой Яковлевной — той всегда надо было как бы невзначай демонстрировать различие в статусе.

* * *

Как всегда, явились народные чаяния.

Ей удалось немыслимое: она добилась у Суркова московской квартиры для Надежды Яковлевны Мандельштам (На самом деле Надежда Яковлевна через несколько лет сама купит себе кооперативную квартиру). *Она была этим смущенно счастлива, так мне показалось. (Р. Зернова. Иная реальность. Стр. 35.)* Представить себе Ахматову смущенной невозможно. Она легко изображает нужное смущение, когда все обстоятельства складываются так, как только она могла бы себе пожелать в самых жестко выстроенных мечтах, и угроза действительно смутиться абсолютно исключена — вот в эти моменты она может изобразить СМУЩЕНИЕ.

* * *

Наденька, при всей своей скандальности и экстравагантности,

не стала затевать каких-то склок и выходок против Ахматовой. Она написала книгу.

…«новая» Н.Я., с написанием мемуаров окончательно порвавшая с тою прежней, почти бессловесной <…> «Наденькой», прекрасно понимала, чем им [Н.Я. и А.А.] *это обеим грозит. Крахом, полным разрывом отношений — причем почти независимо от того, что именно об А.А. она написала. (Н. Я. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 11.) А* ведь было ясно, что Надежда Яковлевна ничего не придумает, не напишет никакой клеветы, не раскроет секретов, не вытащит каких-то грязных историй, — что же тогда? Просто Надежда Мандельштам докопается до того, что Анна Андреевна — просто человек, а вот с теми, кого для мемуарства отбирала сама Ахматова, — *этого не случится.* Те будут писать поверху, строго в рамках схемы: *Ее высочество изволили… Она снова явила нам…* Читателей литературы об Ахматовой предполагают достойными только такого. И действительно, это поколение народилось, воспиталось и сорок лет блуждает по пустыне с целями, прямо противоположными тем, с какими *мой народ* в пустыню можно загонять.

* * *

Книга потрясла всех. Даже те, кто не удостоился бы быть упомянутым в ней, защищался на всякий случай или просто — бескорыстно — возмущался бунтарством.

Вениамин Каверин прикрикивает на Мандельштам *(Вы, не написавшая ни строчки): Но находятся слова, против которых она бессильна. Вот они: Тень, знай свое место. (П. Нерлер. В поисках концепции. Стр. 95.)*

Как это, не написала? Написала, две книги. И не обязана была до этого что-то пописывать: художественное, что-то для детей или на историческую тему, пробиваться, проталкивать их в печать, трясти костями мужа и делать из них лакмусовую бумажку, вступать в союз…

Иосиф Бродский относит их к великой русской прозе двадцатого века. Андрей Платонов — а следом она, Надежда Мандельштам. «Двух капитанов» помнят только школьные учительницы, а Надежду Мандельштам читает молодежь. В секции прозаиков СП счет, возможно, другой.

У Анатолия Наймана свои претензии. *Ахматова представлена капризной, потерявшей чувство реальности*

старухой. Тут правда только — старуха, остальное возможно в результате фраз типа: «в ответ на слова Ахматовой я только рассмеялась» — вещи невероятной при бывшей в действительности иерархии отношений. (А. Г. Найман. Сэр. Стр. 114–115.)

Это можно назвать претензиями к сюжету. Хорошо поступила Наташа Ростова, изменив Андрею Болконскому или нет? Могла ли Надежда Яковлевна рассмеяться Анне Андреевне в лицо или нет?

Надежда Яковлевна написала РОМАН о своей жизни — такой роман, какой она хотела, где смеется ее ГЕРОИНЯ. О жизни могла сказать правдивее. Ей даже предсмертной смелости не хватило рассказать об Анне Ахматовой все, что ей довелось увидеть, — и после писать бы уже так, как не писать она не могла. Поскольку она не назвала вещи своими именами, ее упрекают за то, что она расписывала Ахматову просто не теми красками.

Она преувеличивает и степень близости, и степень вовлеченности в жизнь друг друга и нужду друг в друге. Надежда Яковлевна была периферийным человеком в жизни Ахматовой, всегда готовым свидетельствовать со стороны защиты, быть фигурантом по делу о количественном составе топа русской поэзии двадцатого века. В житейской же, весьма приятной в последние десятилетия прогулке она была Ахматовой безо всякой надобности.

* * *

Книги Надежды Мандельштам написаны не в полную силу, всей правды даже она и даже в них сказать не посмела, но *верным* хватило и одной ее запальчивой фамильярности для предания анафеме. Надежда Яковлевна пробовала этот тон — великолепно не замеченный Ахматовой — и в их переписке, писала Ахматовой задирчиво — с показной дерзостью, имеющей на всех направлениях пути к отступлению, непросто. *Ануш!*.. Будто от радостного изумления амикошонство: *обнаглевшая оттого, что не умерла летом (она тяжело болела) и сейчас все ест и пьет. (Летопись. Стр. 555.)*

Начало книги — камертон новой эпики: *…трое своевольцев, три дурьих головы, набитые соломой, трое невероятно легкомысленных людей — А<нна> А<хматова>, О<сип> М<андельштам> и я — сберегли, сохранили и через всю жизнь пронесли наш тройственный союз, нашу нерушимую дружбу. Всех нас тянуло на сторону — распустить хвост, достать «крысоловью*

дудочку», «проплясать пред ковчегом завета», все мы дразнили друг друга и старались вправить другому мозги… (Н. Я. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 144.)

Анна Андреевна не хотела — да и никто бы не захотел — быть ни дурьей головой, набитой соломой, ни стервой, ни Ануш.

Под фонарем осталась плясать одна Надежда Яковлевна.

* * *

Л. К. Чуковская нашла разгадку: при жизни Ахматовой Надежда Яковлевна *не решилась бы написать ни единой строки этой античеловечной, антиинтеллигентской, неряшливой, невежественной книги. (П. Нерлер. В поисках концепции. Стр. 94.)* Кто бы спорил. Вернее, написать — как знать, может, и писала бы — писал же, например, чтобы за примерами не ходить далеко, Осип Мандельштам при жизни Сталина своего «Осетина», даже если это в глазах Лидии Корнеевны ничто в сравнении со смелостью людей, дерзающих занести на бумагу свое личное мнение об Анне Андреевне Ахматовой. А вот читать бы точно не дала и опубликованным увидеть мало бы имела надежд. Публиковать даже сейчас, даже за границей, что бы то ни было против Ахматовой, — чревато. У Ахматовой длинные руки.

Штрихи к портрету

Заботится о чистоте своего политического лица, гордится тем, что ей интересовался Сталин.

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 227

* * *

Николай Пунин в 1926 году составляет для английского издательства биографическую справку и недрогнувшей рукой выводит: *Замужем А.А<хматова> была два раза: первый — за поэтом Н. С. Гумилевым, второй — за ассирологом В. К. Шилейко. (Н. Гумилев, А. Ахматова. По материалам Н. Лукницкого. Стр. 106.)* По-ахматоведчески Ахматова уже вовсю была «женой» Пунина (*тогда не обязательно было регистрировать брак* и т. д.), по крайней мере жила она уже на Фонтанке, в квартире Пуниных, и кто чья была жена, определялось тем, в какой из комнат коммунальной квартиры г-н Пунин ночевал. Он не написал — в настоящее время состоит в браке с… У него уж точно бы не спросили свидетельства о браке. Положим, ему показалось немного эксцентричным писать, что певица любви замужем в третий раз. И эту проблему можно было бы легко исправить, если б он считал себя ее мужем и позволил бы ей его таковым считать. Достаточно было пожертвовать г-ном Шилейко. Союз их сердец давно распался, Шилейко жил в Москве, был женат, на Ахматовой женат никогда не был. Можно было бы просто-напросто не упоминать его, никто за язык не тянул, но назвать себя — и все было бы окружено таким же флером интересности. Сообщить, что Ахматова была замужем единожды, — это как-то не комильфо, ведь вдовой назваться Ахматовой не удалось бы (в те времена, когда заграница была набита живыми свидетелями матримониальных перипетий семейства Гумилевых и все знали, что у Николая Степановича осталась законная вдова. Это потом уже легенда эта стала практически официальной). А быть разведенной женой, которой впоследствии замуж выйти не удалось, — для Ахматовой точно не подходит.

В 1926 году Ахматовой 36 лет, «жизнетворчество» еще не расцвело так, как впоследствии, но просьба о биографии сеет большую суматоху в семействе. Ахматова сама писать не хочет, Пунин медлит, Лукницкий привлекается в помощники, — и наконец-то какое-то подобие текста — у обычно вольно и

свободно излагающего свои мысли Пунина — предлагается иностранцам, с большими оговорками.

Препровождая по поручению Анны Андреевны некоторые биографические сведения о ней, считаю необходимым отметить, что сведения эти, конечно, могут служить лишь материалом для биографической заметки; поэтому печатание их в той форме, в какой они изложены, разумеется, не имеет смысла — они не предназначены для печати…

> *Н. Гумилев, А. Ахматова. По материалам Н. Лукницкого. Стр. 103*

К биографии сохранились два карандашных черновика: *родилась 11 июня 1891 г. в одиннадцати верстах от Одессы в дачной местности «Средний Фонтан»* (В. Черных, державший в руках ее метрику, называет нечто более решительное — Большой Фонтан). И *«родилась 1891 г. близ Одессы».* В канонический текст решили год рождения все-таки не включать. В том же сопроводительном письме — большой пассаж: *Что касается сведений, которые могут оказаться напечатанными в некоторых русских повременных изданиях за границей, то таковые, насколько нам известно по рассказам приезжающих из-за границы лиц, весьма недостоверны, а иногда ([писания] фельетоны Георгия Иванова) просто вымышлены, поэтому Анна Андреевна просила меня сообщить Вам, что пользоваться ими ни в коей мере не следует. (Н. Гумилев, А. Ахматова. По материалам Н. Лукницкого. Стр. 103.)* И то — Ахматова говаривала с сарказмом об эмигрантских дамах: они там все убавили себе по десять лет, а она — только два годика.

* * *

Очень возмутилась, что в какой-то статье <…> написано о письме Блока к ней, как он писал, что «не надо ни кукол», ни «экзотики», и что-де «вероятно поэтому-то после этого письма А. изменилась в стиле.

> *Е. Лопырева. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 512–513*

Про *кукольность* ей писали и Блок, и Тальников — мужчин написанное черным по белому слово *ловушка* раздражает. Вот если просто в жизни, наяву глаза голубые распахнула, пухлые губки приоткрыла — ну, еще ничего, можно и попасться — а

когда себя очень наивно, но некоторым тиражом, за известную цену, расписывает — это уже совершенно неприемлемая манерность для начитанного джентльмена. *Мой городок игрушечный* написала, когда все уже поумирали — и многим стало нравиться снова.

* * *

Ведь это же он [Бродский] *всем своим авторитетом, всей силой личности пусть не создал, но мощно и безоговорочно подпер пьедестал памятника Ахматовой, так что эта точка зрения стала непререкаемой, и именно из-за нее изредка предпринимаемые попытки демифологизации поэтессы находят себе дорогу с таким трудом.*

Р. Аллой. Веселый спутник. Стр. 48

У нее была фактура и что-то, без чего у женщин не бывает талантов, — желание нравиться. Она знала, что он этому хотел учиться у нее.

* * *

Вот ее рецептура: «дама хорошего тона» — до 46 размера, «императрица» — в формате XXL, литературный стиль — «от Пушкина», «от Анненского», «от Блока». Правда, те — внутрироссийского хождения, а ее накрывает всемирная, всевременная слава Данте, Сафо…

* * *

Е. с товарищами была у Ахматовой, там на столе лежала машинопись с чем-то очень интересным про Гумилева, но Ахматова быстро отняла, «вы не там читаете», и раскрыла на другом месте, где было написано, что юная Аня Горенко была просто прелесть.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 378

* * *

По поводу же того, как она разошлась с Ш<илейко>, мне недавно, с ее слов неожиданно рассказал Е. Рейн: «Вл<адимир> К<азимирович> вдруг стал делать вид, будто нашего брака не существует.

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 401

* * *

Проглядев тогда же разговоры Стравинского с Крафтом, она удивилась, не найдя его в числе своих почитателей.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 160

* * *

«Весной я умру, — говорила она себе, — умру, как Снегурка. <…> Она оказалась правой и по отношению к себе, когда говорила, что умрет весной, как Снегурочка. (О. Дымов. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 592.) В предсказании даты смерти бывает только два варианта: угадать или ошибиться. Предсказывать себе Снегурочью смерть — это только сравнивать себя со Снегуркою. Зачем — это и есть исследуемый предмет. Тайна.

* * *

19 февраля 1966 А.А. выписали из больницы. Тем временем государство расставило точки в деле двух писателей, о которых А.А. в эти дни говорила: «Пусть потеснятся, мое место с ними». Далее, вместо того чтобы просто назвать этих писателей (этого так и не случится, это фирменный стиль), идет длинная цитата. *Как известно, они поставляли тайно, в нарушение закона, свои антисоветские сочинения враждебным нам зарубежным центрам пропаганды, а те использовали их в целях подрывной деятельности против советской власти, против советского народа. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 283.)*

Я тоже печаталась за границей. И это тоже было с моего согласия». (В рассказе В. Муравьева. По: Р. Тименчик. Анна

Ахматова в 1960-е годы. Стр. 731.) Ахматова печаталась в большевистской заграничной прессе.

* * *

…она указала мне, где должны стоять 4 строки: «Я всем прощение дарую…» — в цикле «Б.П.» и С ДАТОЙ 1947. Теперь вы обнаружили точную дату: 8 апреля 1946. Почему же она хотела 1947? ЗАБЫЛА? Нет. Она хотела, чтобы «всем прощение» было объявлено ПОСЛЕ АВГУСТА 1946 года… После массового предательства. (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970.) Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 398.) А ведь более величественно было бы объявить о своей недосягаемости для людского коварства заранее, гораздо меньше похоже на истеричный выкрик: «Прощаю всех!» А уж понять бы смогли — раз публикует, не вычеркивает ПОСЛЕ всех событий. Но — боялась перетончить, ведь не поймут!

Кстати, о массовом предательстве: Лидия Корнеевна в 1946 году не общалась с Ахматовой. Она прекратила с нею общение на 10 лет в 1944 году. Ср. со свидетельством близкой подруги Ахматовой, заодно и доносительницы. *Рассказывает, что неизвестные присылают ей цветы и фрукты. Никто от нее не отвернулся. Никто ее не предал. «Прибавилось только славы, — заметила она. — Славы мученика».*

Чуковская занимается посмертным изданием стихов Ахматовой. *Так как же МНЕ быть? Давать две даты, где-то оговорив? Но прилично ли писать <…>: «Берем в скобки те даты, которые проставил автор, а без скобок даем настоящие?» Выходит, что я уличаю автора… А м.б., по-другому — просто СНЯТЬ даты в тех случаях, где А.А. уж очень врет…* (Это не текст Тамары Катаевой, это Лидия Корнеевна Чуковская академику Жирмунскому)… *Но тогда исчезнет и некоторый оттенок ее мысли* (не место иронизировать, но такие краски не называются «оттенками»). *(Напр.: «Кровью пахнет только кровь» — 1938. На самом деле гораздо раньше.) (Л. К. Чуковская, ВМ. Жирмунский. Из переписки (1966–1970.) Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 398.)*

* * *

«ААА» — красиво. Минимализм, находка конца двадцатого века. Скорее всего, она об этом не думала. *По существу же — это страшный крик, / младенческий, прискорбный, вой смертельный*

Бродского — это его наблюдение, его придумка. Тогда на это моды не было, а Ахматова ничего не начинала сама, подхватывала самые едва шелохнувшиеся веяния — и развивала. Конечно, могла проставить фальшивые даты — мол, знала, что такая мода придет: «Я всегда все знаю заранее, это мое несчастье» и пр. Однако никаких «ААА» в ранних подписях Ахматовой не встречается.

Женщина, неосмотрительно подписывающая свои первые стихи псевдонимом АННА Г. — до ААА не додумается. Эта случайная счастливая находка, ее имя — ей подарок. Как и красота, долгий век, география биографии. Но на все ей есть отпор (она заставила никого не обращать внимания):

на имя — Анна Г.,

на красоту — похожесть на бронтозавра,

на долгий век — сенильное расстройство личности,

на Царское Село — Большой фонтан.

То, что она усердно выдумывала, — ее знаменитая перечеркнутая прописная «А» — невдохновенный, тяжким усилием придуманный дизайн, вычурность, не имеющая никакого — ни графического, ни смыслового содержания.

Вырисованы «А» так, как все, что нарисовано рукой А.А., — несмело, неумело, настойчиво. Так она исправляла рисунок Тышлера, так она рисовала свой карандашный автопортрет — что-то вроде изобразительного манифеста, канона — визуального «опуса Аманды Хейт», чтобы впредь не отступали и не вольничали: полные поэзией прозрачные глаза, прямо ранний Илья Глазунов, нос — горбинкой, в профиль (сам портрет — анфас, но ведь на дворе двадцатый век, все так рисуют), губы — более полные, чем на самом деле, — чувственные, *сексуальные* — мы-то с вами насмотрелись на произведения инъекционной косметологии. Шея — ну лебедь, челка хорошо подстрижена, блестит (маска для волос, жидкий шелк, укладочный гель), небрежно, никак, вольным полетом руки художника едва обозначенная шаль вокруг плеч — это как полагается.

* * *

Кстати, *Берлины* были еще в ее окружении… Наверное, ей было неприятно знать, что есть Берлин — не сэр, не иностранец, не causeur, не гость —…*одаренные литераторы Политехнического института и Дома культуры «Трудовых резервов», среди которых выделялись самобытностью творчества Игорь Ефимов, Марина Рачко, Виктор Берлин, Виктор Соснора, Галина Прокопенко-*

Галахова. (Н. В. Королева. Анна Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов. Стр. 118–119.)

Наверное, плохо было еще и то, что фамилия возлюбленной Бродского Марины Басмановой — Басманова. Зачем она ей! Вот бы Горенку такой наградить! *Басмановой око во гневе* — это от хроник Ивана Грозного — сама изысканная и флегматичная особа глазами, очевидно, сверкала нечасто.

Чеченская поэтесса Раиса Ахматова, такая же, как Анна Андреевна, делегат съездов и видный деятель литературы, — не беспокоила. Она сообщала какую-то невыдуманность ее собственному псевдониму.

* * *

Российская Газета: *Самое яркое впечатление об этом человеке?*

Вячеслав Иванов: *Если коротко, она была с искрой Божьей! И реально ощущала особенный характер того дара, который ей был дан.*

То, что Анна Андреевна ОЩУЩАЛА, тем более «реально», может знать только она. Очевидно, имеется в виду то, что она РЕАЛЬНО давала почувствовать другим.

* * *

Ахматова немного рассказывала о больнице, о том, как к ней внимательно относились. Я рассказала, что два дня назад была там, но уже не застала ее. Она удивилась, пошутила.

Потом: «Жаль, что напрасно ездили. Знаете, тогда запишу вас в число меня посетивших… Можно? Хорошо? Я записывала всех моих гостей. Москвичи шли ко мне просто валом, предъявляя московские паспорта. Запишу вас — вы будете пятьдесят девятая!»

Меня поразила и растрогала ее детскость! Детскость большой личности…»

И. Наппельбаум. Угол отражения. Стр. 109

Когда <…> ставили в кино горьковскую «Мать», никому не пришло в голову справиться, как в самом деле одевались участницы революционного движения того времени, и нарядили их в парижские модельки 60-х, кажется, годов. Очень интересно было бы посмотреть, как барышня в таком виде пришла бы агитировать

рабочих и что бы они ей сказали. Я пробовала протестовать, но Алеша Баталов, который играл Павла, только рукой махнул: «Ну, это вы одна помните». Почему я одна? (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 338–339.) Поклонник Ахматовой великий режиссер Алексей Герман, благородный сын поклонника Ахматовой писателя Юрия Германа: *Дорогая А.А. <…> В русской поэзии были Пушкин, Лермонтов, а теперь есть вы. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 338.)* Никаких ошибок в костюмах своих героев не делает, очень тщательно одевает своих героев, очень тщательно выбирает, какие стаканы поставить им на стол и каким звуком дать дребезжать трамваю, но кадр за кадром уводит нас от этнографической робкой корректности в мир выдуманных лично им людей, чувств и историй. Собственно говоря, если б он захотел, он мог бы мистифицировать зрителя, нарочно вводя нереальные, тщательным образом выполненные детали — и зритель оставался бы в плену несуществующего, но реального, как собственная жизнь, мира.

Анне Ахматовой хотелось лишний раз показать, что она знакома с парижской модой (пусть даже за двадцать лет до своего рождения), — и она это показала.

* * *

Мои прабабки, монгольские царевны…

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 277

Ух ты.

* * *

Вот так и Анна Ахматова после революции вдруг почувствовала себя хранительницей дворянской культуры и таких традиций, как светский этикет.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 165

* * *

Когда приезжал Стравинский, мадам написала мне. Она забыла, что мы не были знакомы.

Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы литературы. 1997. № 2

* * *

Набросок: *Модильяни как-то очень хорошо говорил о путешествиях…» (Записные книжки» Стр. 524.) Как-то* — это в один из многочисленных разговоров, происходивших в течение долгого времени. Попутчик может что-то рассказать во время путешествия, но не *как-то говорил.* Как бы лестно вам ни было соседство в самолетных креслах с какой-то важной персоной, не отказавшейся завязать с вами недолгое знакомство, вы не можете спустя годы пересказывать, небрежно начиная с «N как-то мне говорил…». Пятьдесят лет спустя знакомство с Модильяни — это крохотная точка. Он говорил — очень хорошо — о путешествиях — именно в этот момент, в этой точке времени и пространства — а не «как-то», в совместных бесконечных блужданиях по жизни.

Впрочем, она ведь не очень четко умеет выразить свои мысли. Возможно, она имела в виду, что у Модильяни была трогательная способность как-то очень хорошо говорить о путешествиях. Как-то так ему удавалось. А вот ЧТО он о них говорил — история умалчивает. Хорошо — и все. Как ХОРОШИМИ были и его ДЛИННЫЕ письма к ней, Анне, не сохранившиеся, разумеется. *ТАКИМ МИЛЫМ И ТАКИМ ХОРОШИМ* был и Александр Блок. Вы еще что-то хотели о нем услышать?

Анна Ахматова в этой жизни получила все, что человек хотел бы увидеть в ЭТОТ раз. Соперницы ее были привезены к ней в дом сухонькими старушками с пенсионными квитанциями в руке и встречали их секретари, которых робели даже сановные литературные дамы. Враги ее на ее глазах умирали мученической смертью — и никто им не засчитывал. *Анна Андреевна говорит, что ей рассказывали о том, что Жданов умирал в мучениях, у него была стенокардия. Говорит, что Сталин стал к Жданову относиться враждебно, запретил его лечить. (Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы литературы, 1997. № 2.)*

А некоторые опасаются, что дождаться отмщения слишком многого при жизни — это как-то уменьшает размер заготовленной впрок, в компенсацию, награды.

* * *

Как человеку стоять перед лицом исполнившихся желаний? Признать их тщету и сокрушиться, что забыл о Боге, или, отрадовавшись, со сладким ужасом подумать о себе: кто ж я такая, что в этой жизни раздаю награды и наказания?

* * *

Ахматова была с царственностью, со стилем обреченности. <…> Но говорила весьма просто, если продолжала слегка кривляться (стиль бывшей, дореволюционной эпохи, который мне казался самым подходящим, но моей маме, например, привыкшей к другому стилю, более естественному — «XIX века» — казался неприятным).

О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 153

Говорила слепневской соседке, парижанке, при встрече через полвека: «Вот ты, которая меня хорошо знала и нашу жизнь в Слепневе, ты должна написать…» (По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 702.) Актриса, после которой должны остаться афиши и рецензии…

* * *

Это салонный портрет, портрет модели такой, какой она предстает в своих восторженных мечтах о себе.

* * *

Читала она и из «Трагедии» и в нескольких словах коснулась ее содержания:

— Там у меня свой театр на сцене и свои зрители… Очень этой моей трагедией интересуется Дюссельдорфский театр, шлет телеграммы, просит выслать рукопись для постановки, даже не зная, в чем там дело. Перед самым отъездом получила телеграмму, не остановлюсь ли я в Дюссельдорфе, обещали целиком оплатить пребывание… Вообще, прямо как пятьдесят лет назад. (Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой.) Что пятьдесят лет назад?

* * *

Лучше обстругать все прошлое, сохранить как можно меньше — главное. Вот так поступала Ахматова — в жизни и в стихах — это выгодно для славы и для памяти…

О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 246

Как-то, во время первой беседы, Ахматова обратилась ко мне и с веселым любопытством спросила:

— А вы думали, Ахматова такая?

Я ответил совсем искренно:

— Да, такая.

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

Возможность говорить о себе в третьем лице — это то, ради чего стоит — и нужно — жить. Во всяком случае, для Ахматовой — это главная награда за труд бытия.

* * *

Секрет истины: кто дольше живет, кто кого перемемуарит (В. Шаламов). Иногда кажется, что именно ради этого долго жила Ахматова.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 376

Анна Ахматова написала о Модильяни короткие воспоминания, которые сделаны как отстраненный деловой очерк о большой любви художника к ней. <…> Николай Харджиев написал о вдохновленных Ахматовой рисунках Модильяни, что в них уже виден будущий Модильяни и поэтому можно сказать, что именно встреча с Ахматовой предопределила развитие художника. <…> это преувеличение, искусствоведческий комплимент великому поэту. Ахматова комплимент оценила, назвав в своих воспоминаниях очерк Харджиева весьма содержательным.

Г. Ревзин, КоммерсантЪ, 21 марта 2007 года

Я спросил Анну Андреевну, считает ли она целесообразным, чтобы я писал о Мандельштаме, выразив при этом скептический взгляд на литературную критику, стоит ли, мол, облеплять

поэзию скучной прозой. Но Ахматова была другого мнения о критике:

— Это ведь тоже творчество. Конечно, пишите о Мандельштаме, а я вас благословляю писать о «Полночных стихах».

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

Теперь человеку не отвертеться. Сонму верных прибудет.

* * *

Спустя месяц, в больнице, ЗАПИСЫВАЯ ПУНКТЫ ДЛЯ СТАТЬИ М. В. АРДОВА О НЕЙ, после ПЕРЕЧНЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ВОСХВАЛЕНИЙ (выделено *Т.К.), А.А. наметила фразу: «Мы, соотечественники, видим ее гораздо проще, знаем ее САМОИРОНИЮ* (тут уж подчеркнула сама А.). *(Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 723.)* Интересно бы почитать перечень зарубежных восхвалений. В больнице, не имея первоисточников под рукой, перечисляла на память. Сколько было? Не забыла ль чего? «Зарубежный», во-первых, кажется приличнее, а во-вторых, лишний раз напоминает, что таковые имеются. Ну, а уж далее — «мы» — нам имя легион, соотечественники — те, кому посчастливилось быть соотечественником, — видим — не недостатки — боже упаси, не насмехаемся, — а вот все, что есть у нее из не самого привлекательного, — так она сама первая над этим смеется. Мы-то знаем ее самоиронию!

* * *

Портрет свой она живописует с богатой палитрой. Каких только красок нет!

* * *

Говорит Анна Андреевна тихо, как будто нет в ее словах ни уверенности, ни убедительности, а есть только русское, луговое от пастушков. (М. В. Борисоглебский. Доживающая себя. Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 225.) Как тут не вспомнить этого же наблюдателя: *Шаль — это театральный занавес, за которым никогда не прекращается действо.* Русское, луговое,

непосредственно от пастушков.

* * *

Пунин *из Самарканда прислал ей письмо, которое она прочитала мне вслух: о том, как он виноват перед ней и как теперь только понял ее великую жизнь. (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970.) Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 402.)* Выдает, выдает себя Лидия Корнеевна своей скороговоркой. О великой жизни инвентарными перечислениями не сообщают.

* * *

Белль: *«Я очень рад, очень горжусь, что увидел главу русской литературы. Достойную главу великой литературы». Анна Андреевна говорила потом: «А он, пожалуй, лучший из иностранцев, которых я встречала». (Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 290.)*

* * *

Лукницкий так и остался галантным кавалером. *20 января. П. Н. Лукницкий принес А.А. написанные им ночью стихи «Мгновение встречи». А.А. поместила их в папку с посвященными ей стихами. «Какая странная слабость… собирать посвященные ей стихи! В этом есть что-то от очень уязвленного самолюбия, чудовищно гипертрофированного самовозвеличивания» (Летопись. Стр. 574.)*

* * *

А причину неприятия Ахматовой я раскрыл. — Ведь решительно каждое ее стихотворение как бы произносится перед зеркалом. — «Вот я грущу. Красиво грущу?» «Вот я села. Красиво села?» — Я был поражен, когда прочитал о ней у Блока почти то же самое. <…> Но все же очень многое заставляет меня хотеть думать об А.А. как только возможно хорошо (это не так уж просто!), а моя формулировка мягче блоковской. Однако, как бы там ни было, забота о позиции перед мужчиной или перед

зеркалом, вообще забота о своем портрете не может быть основанием творчества великого художника.

Переписка с Н. Я. Мандельштам. Стр. 169

* * *

О чем был разговор Берлина с Ахматовой: о шпиках и агентах, о жене и любовнице Пастернака, *она говорила <…> часто употребляя трогательно красноречивые слова* (те, которые она со своей точной, ироничной, тонкой манерой не употребляла в разговоре с русскими). *(И. Берлин. Подлинная цель познания. Стр. 658.)* А иногда, чтобы сократить время, коротко рыдала.

* * *

Конечно, если б ее ревновал сам Сталин — сам бы любил и сам бы ревновал, — было бы шикарнее, но на всякий случай подбрасывается и версия о том, что Ахматова была кумиром его дочери. Это должно было циркулировать только в форме самых неформальных слухов. Берлину она все довела до сведения, тот поделился со знакомым журналистом, но как очень проницательный человек сразу понял, что, записанная, появившаяся на страницах «буржуазной» печати, легенда сразу выдаст авторшу. *Быть ее бедствий виной* он не хотел, даже выполняя ее поручение. *Я <…> упомянул анекдот о том, как дочь Сталина и т. д. способствовала реабилитации г-жи А. <…>, я рассказывал Вам это не как подлинный случай, о котором у меня есть основательные свидетельства, а как ходовой анекдот. (И. Берлин. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 362.)*

* * *

Ахматова все знала. Знала, как слаба позиция мемуариста, когда он *занят главным образом, тем, что современники думали и говорили о нем. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 423.) Раздумывая о планах мемуарной книги, А.А. припомнила о предостережении Георга Брандеса* (цитированное выше). Для чего писала свои «антимемуарии», «псевдомемуарии» Анна Ахматова — чтобы о ней думали и говорили определенным, ею подсказанным образом.

* * *

Толстой был самый противоположный Ахматовой писатель, самым чуждым для него была ее эстетика французской эффектности, величия, фразы, положения.

* * *

Ей нагадали в конце жизни большой удар и сумасшествие. Она призналась, что, когда ей было 12 лет, ей кто-то предсказал, что она умрет в тюрьме». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 724.) Называется вышеизложенное так: *«Интересное свидетельство Л. В. Горнунга».* Интересное — потому что свидетельствует об ахматовском интересничанье, разбираться в этом совсем не надо. Как это далеко от пушкинского *страха белого человека* — там мы имеем дело с известной чертой характера, совпадением или даже реальным действием потусторонних сил, а в случае Ахматовой — только с методичным созданием собственного имиджа. В чем только не признается!

Когда меня ввели к ней, она сидела у стола с благосклонной улыбкой. Во всем ее облике было что-то царственное. Да, иначе не определишь.

И. Л. Михайлов. Я всем прощение дарую. Стр. 61

* * *

1932–1933 гг. Ленинград.

Столовая Союза писателей. *Когда мы, получив по карточкам свою еду, устроились за столиком, то увидели, что к кассе подходила женщина — высокая, очень худая, в пальто осеннем сером, но укутанная в большой шарф (плед) и платок теплый шерстяной на голове. <…> Ее глаза (их не спутаешь ни с чем) были полны такой скорби, такого глубокого горя, что становилось невыносимо тяжело на душе. (А. В. Смирнова-Искандер. Воспоминания об Анне Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 69.)*

* * *

На переводы ей не везло. *Меня переводят плохо. Видимо, меня*

нельзя перевести. <…> Она не унывает: С меня хватит и двухсот миллионов наших читателей». (ОМ. Малевич. Одна встреча с Анной Ахматовой. По: Я всем прощение дарую… Стр. 51, 56.)

* * *

A poet is a hero of his own myth.

Иосиф Бродский

И не только поэт.

* * *

А мне он [Борис Анреп]сказал: «Вам бы, девочка, грибы собирать, а не меня мучить» (А. Ахматова. Т. 5. Стр. 6). Поразительно и подозрительно похоже на: А Николай Гумилев говорил, когда хвалили мои стихи: Моя жена еще и по канве отлично вышивает. Маловероятно, чтобы кто-то из поименованных господ с такой нарочитой, служащей для снижения своего истинного — страстного и восхищенного — чувства простотой стал бы выражаться. Анной Андреевной такие реплики придумывались легко.

Все парами: сейчас встречу Маяковского. Сейчас встречу Ахматову. Какой красивый француз, какая красивая француженка.

Это должен был быть кто-то знаменитый, кто-то вроде Блока. Первое, что я услышала об Ахматовой — «она любила Блока». Легенда, к которой она, по-видимому, сама была причастна.

Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 29

Дело Бродского

К этому времени у А<хматовой> накопился сорокалетний опыт ходатайств за преследуемых, видимо, с сопутствующим подобному опыту фатализмом, — ср. воспоминания <…> об эпизоде еще 1929 года: «Наш разговор прервался приходом дамы, которая начала просить А<хматову> похлопотать, походатайствовать за арестованного писателя, кажется, Замятина. А<хматова> с волнением ответила ей: «Вы сами понимаете, что это бесполезно. Вспомните, что нам сказали в 1922 году: «Талантливый поэт, но не менее талантливый заговорщик» (А. А. Русанова, Т. А. Русанова. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 622.) Сорокалетний опыт заявлений: Это бесполезно. Раз в семь лет отвечаешь просителю: *Это бесполезно* — и слывешь ходатаем за преследуемых.

* * *

Вчера подписала документ <в защиту И. Бродского>. *Там будет всего 10 подписей. (Летопись. Стр. 655.)*

Подпись Ахматовой появилась, когда суд уже давно состоялся, Бродский отбывал наказание, петиция была — о снисхождении к нему, о проявлении милосердия, о смягчении участи. Это не был один из тех настоящих, деятельных — бесполезных, опасных для подписантов — предшествующих суду протестов, воплей о том, что над Бродским творится беззаконие. Там Ахматовой не участвовало. Ахматова подписывалась в том, что за спасение души и преступничков надо жалеть. К этому времени планка строгости закона была зафиксирована — и для обвиненного, и, что единственно занимало Ахматову, для заступника.

Л. Чуковская привезла А.А. запись Ф. Вигдоровой обоих судов над И. Бродским. А.А. отказалась их читать.

Летопись. Стр. 634

Тем не менее, как известно, в истории с Бродским она делала для его освобождения все, что было в ее силах. В качестве иллюстрации этих усилий приводится ее собственноручная запись в ее собственном дневнике. *Я рада, что осталась ему верна до конца (тел.<еграмма?> Микояну), хотя гордиться этим решительно не стоит. (Записные книжки» Стр. 669. По:*

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 622.)

Она рассматривала вариант быть ему неверной?

Рада и *горда* в казенной речи так часто стоят вместе, что уже стали восприниматься как одно слово, выражающее советский восторг. На самом деле, особенно когда речь идет о деле помощи ближнему, радоваться (радоваться, естественно, не за себя, что смогла превозмочь трусость или злорадство и поработала для другого, а за то, что помощь оказалась действенной) — это одно, а гордиться — это другое. Это возвыситься над теми, кто заставить себя к такому подвигу не смог, и это уж совсем плохо, и Анна Андреевна совершенно справедливо отмечает — для тех, кто даже такого не понимает, — что гордиться этим РЕШИТЕЛЬНО — еще ее одно казенное, надуманное («старомодная», «пахнущая стариной» лексика) слово — не стоит. Она, конечно, знает, что она РЕШИТЕЛЬНО ничего для освобождения Бродского не сделала. Его отец по следам приговора писал куда-то очередное (родители бьются до последнего) письмо, поименовывая всех, кто в его сыне принял участие, — Ахматову не вспомнил (на всякий случай — для защитников: «беречь» ее было совершенно незачем, она была в гораздо большей силе и гораздо меньшим рисковала, чем названные живые и старые Чуковский, Маршак и др). Она — решительно, в письменной форме заявляет, что гордиться не будет, что знает хорошо, что это не подобает, такая настойчивость нужна для того, чтобы скрыть то, что гордиться РЕШИТЕЛЬНО, абсолютно нечем. *Тел. Микояну* никаких не было, звонить не могла, телеграмм не слала. Дневник писался на публику. Всей «истории с Микояном» было вот что:

Идея личного обращения А.А. к председателю президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну принадлежала писательнице Ольге Чайковской: «Я изложила суть дела, А.А. ответила, что хорошо знает молодых ленинградских поэтов, все они у нее бывают, Бродский среди них, безусловно, самый первый, и если это нужно, она пойдет к Микояну. <…> А через некоторое время встретила я Сергея Наровчатова, поэта, он был в ту пору секретарем Союза писателей СССР. «Какой-то идиот, — сказал он мне, — уговорил А.А. идти к Микояну просить за Бродского, я ее ЕЛЕ ОТГОВОРИЛ (выделено Т.К.*). <…> Неужели люди не понимают, что весь Бродский не стоит одной минуты волнения А., вредного для ее здоровья?*

О. Чайковская. Неточные, неверные зеркала. «ЛГ». 2001, 7 февр. Р. Тименчик. Стр. 623

Вот и весь *тел.*

Если вы сделали многое, но не смогли спасти свою собаку, что тут говорить, что вы РАДЫ, что остались ей верны до конца, какие варианты могли быть — разве только если ваша совесть не совсем чиста? Никто не рад, что собака погибла, а уж радоваться тому, что не провалялись под ее визги на диване, и тем более с гордостью записывать свои подвиги вроде ни к чему — и так понятно, что пытались сделать все. Если ее удалось спасти, то радуются не тому, что с брезгливостью от нее не отвернулись, а тем счастливым случайностям, которые привели к правильному решению: я так рада, что вспомнила об N, который в таком же случае обратился к такому-то врачу… ТЩЕТНЫМ, или без ваших записей о том незаметным, усилиям радуются, когда они были предприняты для очистки совести.

Ахматова рада, что осталась Бродскому верна до конца. Поскольку она НИЧЕГО не сделала реального в его защиту, ее верность заключалась в том, что она публично от него не отреклась и не предала анафеме в печати. Порадуемся и мы за нее.

* * *

Кроме того, А.А. пыталась воздействовать на Д. Т. Хренкова, чтобы он опубликовал стихи Бродского: «Не будете печатать?» (книгу находящегося под судом поэта) — *«Не буду». — «Тогда и я свою книгу вам не дам» (Д. Хренков. День за днем. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 623.)*

Такое мы уже слышали: *«Я им скажу, дайте мне Иосифа, а то я не поеду!»* (В Италию). Чем только не рискует для спасения молодого поэта!

Портреты

Портрет претенциозный (автор действительно что-то хотел выразить и в этом преуспел), *но сама Анна — изумительно хороша. Это какая-то невиданная породистость». (В. С. Бабаджан. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 445.)*

* * *

Ахматова в синем трикотиновом платье — была тогда такая материя, из которой в Советском Союзе шили платья, а на Западе — белье…

Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 26

* * *

В. П. Астапов лепит портрет А.А.*: Анна Андреевна мне заметила: «А для чего вы лепите холку? И неужели она такая огромная? <…> Я надеюсь, что модель вполне заслуживает того, чтобы художник не на всех деталях заострял внимание». (Летопись. Стр. 606.)* Такой дремучий барский соцреализм. Задача портрета видится в точности и приятности изображения *деталей*. А скульптор, может, через холку-то все свое видение и передать хотел…

Существуют скульптурный автопортрет Лили Брик и карандашный — Анны Ахматовой. Брик училась ваянию, Ахматова изобразительному искусству — нет. Дамы на собственного изделия портретах хороши. Лиля Брик — потому что так сложились художественные идеи, которые она вкладывала в работу, Ахматова — как хороша головка, цветными карандашами нарисованная девочкой в альбоме — такой, какой она хочет, чтобы ее видели подружки. В бриковскую женщину можно влюбиться, ахматовская до неловкости за нее влюблена в себя сама.

* * *

Бродский: *власть любит оды, которые до нее не дотягивают. Так Ахматова предпочитала портреты, которые не дотягивают, и Альтмана не любила. (М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 151.)*

* * *

В чертах у Ольги Сед<аковой> смысл есть — точь-в-точь советской примадонне (то есть прима-балерине):

Остра, черна лицом она и т. д. (В. Ерофеев. Записные книжки. Книга вторая. Стр. 343.) Определенностью и остротой лица, и особенно необходимостью держать на нем всегда определенное и осознанное выражение, Седакова действительно похожа на Майю Плисецкую. Особенно если вспомнить раздражение Майи Михайловны перед дряблыми, ускользающими и размытыми лицами — можно вздохнуть с облегчением: Ольга Седакова плисецкого негодования избежит.

На самом деле значительность своего лица Седакова посвящала Анне Ахматовой.

А первое впечатление от Ольги было не то чем-то заколдованности, не то кем-то замордованности. Не то в чем-то замурованности. (В. Ерофеев. Записные книжки. Книга вторая. Стр. 344.) Анной Ахматовой, в Анне Ахматовой.

* * *

«Портрет А. я писал в своей московской мастерской, — говорит Мартирос Сергеевич. — В подъезде не работал в те дни лифт, но А.А. приходила на сеансы точно без опоздания, хотя идти надо было на восьмой этаж»

Молодой Сарьян. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 659

* * *

Ахматова, несмотря на возраст, была красива. Черные, необычного разреза глаза. Гордая осанка. Ироническая улыбка. <… > хотя сама она уже расплылась, под халатом — просто шелковая рубашка (при всей бесформенности русских женщин как-то слишком часто люди не могут не вспомнить, что А.А. забывала или ленилась надеть бюстгальтер). *Все же она, видимо, хотела произвести эффект этим черным японским шелковым*

халатом с большим красным цветком на спине. (О. М. Малевич. Одна встреча с Анной Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 57.) Ох, вот так мы жили. Из доноса в КГБ штатной осведомительницы Софьи Островской: *«…единственный ее красивый туалет — японский халат, привезенный в подарок из Германии» (М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 228.)*

* * *

Французская женственность в толстовские времена, вернее, в толстовском мировоззрении, была синонимом фальшивости, нарядно упакованной уловки. Сейчас (да и Толстых нету) немеркнущий французский шарм — это женщина без возраста или даже в возрасте. Она не отбеливает зубы; лечит их, но не покрывает винирами, не выравнивает (правда, она и не англичанка и зубы сами по себе растут у нее достаточно ровно), не носит каблуков, не выжигает волосы, не носит круглогодичного загара, не любит не только люрекса, но даже просто цвета, разве что как знак того, что она не зациклена на обязательной монохромности. Она даже не растет — француженки невысоки — и на конвейере рядом с Барби, следовательно, не лежит. Шарм Анны Ахматовой вневременной, она для каждой культуры была бы красавицей.

* * *

Анна Ахматова в 1936 году. *…такая худая, каких я никогда не видела, с выпученными огромными светлыми глазами, с длинной шеей, с длинной головой и с длинной сизой челкой, непричесанная, в каком-то халате безнадежного цвета. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 20.) Брат ее был уже определенно похож на динозавра. Такие семейные черты не прячутся, с годами они окончательно уродуют людей — с Ахматовой этого не случилось. С ней произошло наоборот — исчезли длинная шея и длинная голова. Блестящими и выразительными стали старческие глаза, полнота — если не думать о том, что там, под платьем, — стала царственной. Такое случается только с настоящими красавицами. Я только пялилась, пялилась на живую Ахматову, страшную, как баба-яга, которой детей пугают. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 20.)*

* * *

Почему Александр Родченко не фотографировал Анну Ахматову? Почему бы ей не повернуться к нему классическим профилем, не посмотреть скорбным взглядом, не лечь на живот, выгнувшись сфинксом? И она оценивала бы потом его творчество по высоте холки и вместо ластика использовала бы фотошоп.

* * *

На стене у Л. Я. Гинзбург в окантовке профиль Анны Андреевны, рисунок Тышлера, на котором горбинка носа стерта и исправлена мягкой и неуверенной линией другого карандаша. «Да… Это Анна Андреевна исправила. Они были вместе в эвакуации в Ташкенте, и Тышлер там ее рисовал. Он сделал, кажется, четырнадцать рисунков, один она подарила мне. Она считала, что нос он нарисовал неверно, и исправила».

Н. В. Королева. Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 123

* * *

Рост, посадка головы, походка и это рубище. Ее нельзя не заметить. На нее на улице оборачиваются.

А. А. Осмеркин. Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 120

* * *

Дамы на семейном портрете Сергея Городецкого — жена, племянница, дочка. Друг семьи Анна Ахматова — такая же львица, так же напудрена, так же нарумянена, так же по моде взбиты волосы с подсиненной сединой. А острый подбородок в ямочках, а голая полная рука с сигаретой в тонких пальцах! Сколько таких выхоленно стареющих прелестниц сиживало по эвакуационным салонам!

* * *

Сестры Данько — создательницы ее скульптурного портрета — фарфоровой статуэтки, доброго и податливого реального воплощения ее тщеславных фантазий, — обе погибли в ленинградскую блокаду. *В марте 1942 года их, полумертвых, эвакуировали из Ленинграда на Урал. Елена скончалась во время пути, в эшелоне, Наталья — вскоре после приезда в Ирбит. (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 82.)* Это и для них, стало быть, эпически воспевала Ахматова свою знаменитую эвакуацию спецрейсом: *Все вы мной любоваться могли бы,/ Когда в брюхе летучей рыбы/ Я от лютой погони спасалась…*

Во всех моральное разложение. В некоторых — и физическое. Потерявшая в блокаду детей и мужа, пережившая выкидыш от побоев в НКВД Ольга Берггольц стала алкоголичкой. Сломанные — пусть реальными — трагедиями люди кажутся Ахматовой не такими олимпическими, как она, унижающими своим видом человеческое высокое достоинство. А тут еще эта Берггольц отказалась лететь вместе, парой, в брюхе летучей рыбы, осталась в этом Ленинграде. Работать! Хотела упрекнуть, что ли? Но никто этого, разумеется, не заметил. Кто будет обращать внимание на пьяную дрожащую сумасшедшую?

Друг Пунина, автор одних из самых декоративных, черно-белых, сочных, сделанных в технике ламповой копоти — очень нарядной — портретов Анны Ахматовой, Н. А. Тырса *умер в 1942 году от последствий голода по дороге в эвакуацию. (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 98.)*

Умерла Нина Иосифовна Коган (художница, ученица Малевича, автор нескольких портретов Ахматовой) *в 1942 году. Она не пережила ленинградской блокады… (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 106.)*

Т. Н. Глебова: Известно, что Ахматовой второй портрет не понравился. В 1960-е гг. Татьяна Казанская записала: «Анна Андреевна <…> хотела выкупить этот портрет в красном с тем, чтобы его уничтожить». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 112.) Так что Тышлер должен бы был свечку поставить, что его-то портретик всего лишь подправили.

Денег хватало и для таких забав — это к счетам с сыном.

Портрет Глебовой, конечно, некрасив — нос откровенно перекошен, на подбородке глубокие экземные пятна, глазки маловаты, редка челка. Но — и только некрасив. *В этой работе Глебова оставалась верной своему учителю — Павлу Филонову, создавая образ «архаично-примитивный» и используя «цветовой вывод, то есть напряжение всей картины через внезапное появление нового цвета». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 112.)*

Портрет Сарьяна был просто ужасен. *«Самый ненужный и плохой портрет — это портрет Сарьяна — он вульгарен по ощущению с руками, которыми нужно чистить картошку, но никак не писать стихи. Анне Андреевне он тоже не нравится. Его нет среди ее фотографий. <…>, — писала Любимова. По словам Харджиева, о сарьяновском портрете Ахматова не любила вспоминать. «Не нравился ей <…> портрет работы М. Сарьяна (масло), превратившего ее в этнографическую «обитательницу горного аула». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 136.)*

Но Сарьяну предложить выкупить его, чтобы уничтожить, она, конечно, не посмела бы. Сарьян с 1947 года был академиком, с 1960-го — народным художником СССР.

Не этим ли портретом, однако, вдохновился Владимир Сорокин?

Разделись подруги-колхозницы догола,
Возлегли рядом с товарищем Ахматом.
Ай-бай!
Всю ночь пахал их товарищ Ахмат:
Гаптиеву три раза,
Газманову три раза,
Хабибуллину три раза.
Ай-бай!
Утром, как солнце взошло,
Встали подруги, оделись, самовар раздули,
Напоили чаем товарища Ахмата,
Брынзой накормили товарища Ахмата,
В путь снарядили товарища Ахмата,
На коня посадили товарища Ахмата.
Поехал по степи товарищ Ахмат,
По широкой степи товарищ Ахмат,
В город Туймазы товарищ Ахмат,
На большие дела товарищ Ахмат.
Ай-бай!

В. Сорокин. Голубое сало

* * *

Тогда я спросил у Анны Андреевны, могу ли я порисовать еще полчаса. «Валяйте», — сказала она. <…> Когда я туда приехал,

оказалось, что Анна Андреевна заболела. Она была в постели, но попросила меня зайти к ней. «А вы рисуйте, — сказала она, не прокиснет».

М. В. Лянглебен. Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 164

Позировала А.А. великолепно. Она обернула вокруг шеи шаль, чтобы несколько скрыть свою полноту.

Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 164

Иосиф Бродский рисовал свой портрет Ахматовой по памяти, в вагоне электрички, ему никто не позировал, она на его портрете толще, чем у кого бы то ни было. Нет не только шали, но и волос, только абрис головы сбоку, с мелкого рисунка выпуклостями на месте носа и сжатых губ. Глаза — закрыты. Щелки. Этот портрет — самый выразительный из всех ахматовских. Иосиф Бродский изобразил то, что хотел бы видеть, смотря на нее. Она старалась корреспондировать — но иногда все-таки показывалось ВСЕ и ему. Но он предпочитал не глядеть — на его карикатурном по приемам и щедром, верноподданническом, конспирологическом по сути рисунке она выглядит так, что и Данте не смог бы предъявить более величественного зрелища...*являет собой поразительную адекватность не просто ее облику, но тому ее состоянию, свидетелями которого были лишь немногие «допущенные», в том числе сам Бродский. В профильном портрете схвачен тот момент, когда она будто «выпала» из среды общения, разговоров в пространство молчания, — погруженная в себя, в только ею слышимый приближающийся гул… (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 168.)* Губы сжаты, чтобы не метнуть свиньям ни бисеринки, нос не собирается демонстрировать своей исключительной породистости, глаза знают, что внутри этого черепа они увидят более, чем им может предоставить внешнее. До волос ли тут!

* * *

Слоним лепил Ахматову в своей московской мастерской. Там был высокий подиум для натуры. Мария Слоним рассказывает, что, поскольку Ахматова была в то время грузной, то, чтобы она могла подняться на подиум, скульптор ставил ей в качестве ступени мраморную плиту. «И она всходила на подиум, как на

престол. Садилась на свой трон и читала стихи». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 162.) За возможность таких перфомансов Ахматова благосклонно воспринимает скульптурный портрет (не нравившийся самому автору), похожий на заготовку для надгробного памятника Хрущеву Эрнста Неизвестного.

* * *

Открылась дверь, и в кабинет редактора вошла Анна Ахматова. Высокая, стройная, с гордо поднятой головой, в каком-то переливающемся плаще — шелковом или атласном. <…> Весь ее облик был отмечен какой-то завершенностью линий <…> Сказала несколько слов редактору и вышла из кабинета. И Герта Михайловна [Неменова]*, как завороженная, встала и пошла за ней. <…> На лестничной площадке она окликнула Ахматову, и та остановилась. Герта Михайловна назвала себя, Анна Андреевна сказала, что помнит ее отца. <…> С удивлением Герта Михайловна увидела, что плащ на Анне Андреевне, который ей показался шелковым или атласным, оказался обыкновенной плащ-палаткой, <…> но, промокнув под дождем, переливался.*

Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 154

* * *

Немолодая шея. Но как она великолепно выставлялась, эта шея! Если в молодости Ахматова делала челку, насколько челка была продуманна! — абрис волос, небольшой наклон головы… А тут наоборот: голова всегда немножко кверху. И отяжелена сзади собранными волосами. <…> А ведь это была невероятная красота». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 158.) Это Лев Сморгон — невиданный пошляк, о нем ниже.

* * *

Если б с начала двадцатого века были так распространены пластические операции, Ахматовой стоило бы сделать себе горбинку на носу. Впрочем, до такого «тюнинга» ей додуматься, скорее всего, не удалось бы, но зато «подахматовки» — известно, с какими заказами стали б обращаться в отделения

ринопластики.

Карандашный портрет работы жены Жирмунского Ирины — официальной портретистки Надежды Константиновны Крупской — привычно проработан а-ля Леонардо да Винчи. Профиль каким-то неуловимым движением повернут слишком дидактически выверенно. Это анатомическое пособие.

«Я пытался ее рисовать, а она все время старательно позировала, — рассказывает Сморгон. — Я старался сделать так, чтобы она не позировала, но это было невозможно. Время от времени она кричала: «А-аня! А-аня! Анечка, причеши меня <…>. Ну? Как вы считаете, теперь лучше, да? Вы меня пишите обязательно в профиль. Вы знаете, я в профиль всегда лучше выхожу. Меня портретировали 28 художников. И все старались сделать в профиль». (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 158.) Лев Сморгон — художник, имя которого было занесено в список портретировавших Ахматову художников (знак отличия, орден), а потом вычеркнуто. Хотя сделанный им рисунок Ахматовой понравился. Он должен был по нему изготавливать литографию, но рисунок пропал (пропажа ЕГО рисунка будет ему дорого стоить). По памяти, однако, он изготовил литографию, которой гордился, понес показывать Анне Андреевне (и дарить отпечаток) в комаровский Дом творчества. *«Здравствуйте, Анна Андреевна». Надо сказать, что Ахматова недавно вернулась из Италии. Она была под впечатлением своего триумфа. Держалась так, как будто все еще получала премию. «А, Лева! Здравствуйте, здравствуйте. Проходите, проходите. Ну, как поживает моя акварель?» <…> Рассказываю. <…> Анна Андреевна сидит, барабанит пальцами по столу <…> Говорит: «Да?» Повела глазами вниз, сделала вид, как будто произошла какая-то неловкость: «Ну-ну, бывает. Знаете, когда я в детстве опаздывала в школу, я всегда говорила, что у меня часы отстают. Но, надеюсь, вы что-нибудь привезли?» Я, предвкушая торжественность минуты, отвернулся от всех присутствующих и стал разглаживать свою литографию. Лист был довольно большой, я его развернул… Тишина… И вот Анна Андреевна сказала: «Вы знаете, подобной работы я не видела уже мно-о-ого лет. Большей, катастрофической пошлости я еще просто не знала. Кого вы изобразили? Здесь какал-то сонная чванливая старуха. Что она? Кто она? Неужели это я? Да, если вы хотели меня разоблачить, то вам это удалось. Но, наверно, вы не виноваты. Виновата я. Не надо мне было вам позировать». Я тихо свернул свою литографию и уехал.* Литографию Сморгона было не подправить — техника не

позволяла, идея художника — идея преклонения перед гением, выражающим гениальность каждой чертой, — не могла быть подкорректирована одним росчерком ахматовского карандаша, здесь надо было предавать огню все. На уровне собственных идей чужое творчество не имело права существовать. *Она очень тонко и так… трепетно, что ли, относилась к своему женскому облику. Хотя мне казалось, что я сделал ее просто красавицей. Я из нее сделал <…> монумент <…> Есть подлинная страдальческая нота у Ахматовой. А есть, на мой взгляд, в ее поэзии <…> модернистское любование страдальческой нотой, что подспудно у меня вызывало улыбку. Весьма добрую, как мне казалось. Все вместе укладывалось для меня в образ <…> женщины-поэта начала века. <…> И она это уловила. (Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 158.)*

Портрет похож на восхитивший — естественно — Ахматову портрет Бродского — тот же шар головы, подчеркнутая — не царское дело двойные подбородки скрывать — отвислость щек, щелочки-глаза (вся — грозная поэзия). Сморгон еще и большее внимание уделил лично ей: фоном — обои, подсвечник, все как-то очень изящно, простые и элегантные предметы для ее *точного акмеистического глаза,* Бродский — только то, что интересно ему. Ее *оконные лучи* его не интересуют. В рисунке ей в подарок на ее день рождения этим он не озаботился; у него включен свой счетчик — она пусть дотикивает свое.

* * *

Ахматова в 1921 году. *Римлянка. Испанка, образ, который легко можно обыграть в искусстве, гримерно-сценический явственный образ! (В. А. Милашевский. Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 146.)*

Она долго сохраняла тот внешний облик, который запечатлен на портретах Ю. Анненкова и Н. Альтмана, правда, без того «духовного», что явно исходило от облика поэтессы. (В. А. Милашевский. Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 146.) Исходящее поэтическое ранее, очевидно, также входило в отработанный *гримерно-сценический* образ.

1959 год. …*объемистая помещица-бабушка, в платье, которое должно было скрывать все формы, как серое покрывало закутывает незаконченное творение скульптора! Жесты, осанка Екатерины II или владетельной особы из третьего акта*

«Лебединого озера». (В. А. Милашевский. Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 146.)

* * *

Ее эффект — это то, что она была последним представителем Серебряного века в сочетании с ее внешностью. *Ахматова уже читать кончила, сидела в президиуме за красным столом, в середине, в черном платье, с гладкой прической наверх. Сразу же, как вошла, я увидела ее, узнала, стало как-то страшно. Даже точно увидела человека из другого мира, так она была хороша и непохожа на других, выше, лучше. Она гармонична в каждом жесте, это, помимо красоты, придает ей что-то совершенно особое… (А. В. Любимова. Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 130.)*

* * *

Ахматова знала это про себя, любовалась собой, но, как и всякому человеку, ей было себя мало. Она придумала про себя еще и *мне больно от ее лица. Мне — это собирательному персонажу, герою, о котором все должны были догадываться, что это реальный человек, непростому, завидному жениху, иностранцу, виновнику холодной войны и прочих вселенских катастроф.* Как просто в фантазиях — в отличие от желаний они никогда не реализуются — это было то, чего не было на самом деле. В ее лице, при всей его правильности, точености, породистости, оригинальности не было как раз того, о чем она мечтала — заставляла мечтать других, — недоставало того, от чего бывает больно. Не доставало боли. Скорбь, возведенная в прием «отстраненность», не нуждающийся в прикрытии холод, показное, очень замысловато прорисованное горе. Не было своей, незаемной линии.

Ахматова — как произведенный опыт. Какие-то герои, героини, яркие поэты, начинающие художники — какими бы они стали, что было бы, доведись нам знать старость Пушкина, Мандельштама, Моцарта? Мелкий деятель от литературоведения Перцов произвел перл прозорливости: посокрушался, что Ахматова забыла вовремя умереть или опоздала родиться. Вот нам и пришлось приписывать подлинное величие — сановной позе, барским окрикам, высчитанной поэзии.

Предложения Пастернака

Запись слов А. А. Тарковского: *«А. мне рассказывала, что в ту пору Пастернак сделал ей предложение. А. говорила: «Я отказала Борису», а потом, когда разразилась эта гроза с его Нобелевской премией, думала: «Вот была бы парочка — баран да ярочка». (М. Синельников.* Статья с красноречивым названием: *«Там, где сочиняют сны». По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 436.)*

У Ахматовой для описания *отношений* с Пастернаком — ну помилуйте, Анна Андреевна, ну ведь должны же быть какие-то отношения, какой-то роман, прежде чем дойти до предложения? — не нашлось ни слова. Ведь если не было НИЧЕГО, кроме — только — предложения, — тогда оно делалось или в бреду, или во временном помешательстве, или еще как — но такую историю ни к чему и рассказывать. Правда, если делал предложения неоднократно… Никогда никому никаких подробностей. Если чувствует, что собеседники ждут — и как не ждать, раз уж разоткровенничалась ОНА, никто не просил, сама стала рассказывать, — то вот, снизошла до подробностей, что-то добавляет к сенсационному заявлению. *Вот была бы парочка — баран да ярочка.* И все.

Будто бы тихо радуется, что очередную беду отвела.

К припевам да к присловьям Анна Андреевна прибегает, чтобы себя поровнее с Пастернаком поставить — проблемы одни, горести одни — все слава да почет, — а там пусть и шито белыми нитками.

* * *

Событие без событий, но оставить себя в стороне она не позволит, при нобелевских историях она тоже должна быть рядом, а вот событие уже настоящего, исторического, ахматовского масштаба:…*а также приближающийся юбилей ЛЕГЕНДАРНОГО СОБЫТИЯ* (выделено *Т.К.) — «как дочь вождя мои читала книги и как отец был горько поражен» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 79.)*

* * *

Во время поношений нобелевского лауреата [Пастернака] *имя*

А<нны> А<хматовой> как будто никто не помянул.

Помянем.

Осень 1958 года ознаменовалась вакханалией («ее» постановление никто *вакханалией* назвать не посмел — требовались немаскарадные слова) *по поводу Нобелевской премии Бориса Пастернака, с которым молва, не без известного основания* (известного только ее стараниями), *ассоциировала А<нну> А<хматову>: «она рассказывала мне о приписанных ей романах, о бесцеремонных вопросах вроде: «Как, разве с Пастернаком у вас уже все закончено?» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 79.)* Такие байки Ахматова могла рассказывать только очень далеким от ее круга людям (не постеснявшись, правда, вводить их в свои личные дела: ведь даже для того, чтобы высмеять тех, кто предполагает наличие у нее романа с Пастернаком, нужна большая степень доверительности — она же сообщает собеседнику, что на самом деле никакого романа не было, то есть охотно и прямо отвечает на вопрос (непоставленный, заданный ею самою) о своей интимной жизни. «С Пастернаком — не было». Сам рассказ — выдумка, вернее, вкладывание в уши. Кто это имеет право задать женщине вопрос: «А что, у вас с ним все уже кончено?» — Только близкий человек. Ее близкие знали, что не начиналось.

* * *

Кто же это мог распространять такое про Анну Андреевну? Может, те же, кто запустил утку о пастернаковских предложениях руки и сердца?

Пастернак уклонился от встречи за границей с родителями, которых не видел полтора десятка лет. *Но пусть вас не удивляет, не огорчает и не потрясает то, что мы не свиделись: в Париже я был в состоянии полубезумья: из этого бреда нельзя было предпринять ничего волевого, осмысленного. (Б. Пастернак. Письмо к родителям. Стр. 640.)*

Я прибыл в Ленинград <…> в состоянии совершенной истерии (от неспанья и <…> боязни, что она делает меня житейски несостоятельным). Как только я попал в гостиницу, я по телефону вызвал к себе Олю, перед которой разрыдался так же позорно, как перед Жоничкой. Тетя Ася и Оля предложили мне пожить и отдохнуть у них неделю-другую. Я не только их предложение принял, но <…> в абсолютной тишине и темноте Олиной

комнаты провел первую нормальную за три месяца ночь. <…>… то, чего мне не могли дать снотворные русские, французские и английские яды <…> [дали] *тишина, холод, чистота и нравственная порядочность тети Аси и Оли.*

Б. Пастернак. Письмо к родителям. Стр. 638–639

Нравственная чистота вдовы-тетки и старой девы-кузины давали Пастернаку отдых от удушающего воспоминания-фантазма, которое он пересказал — РЫДАЯ ПОЗОРНО — сестре Жоне в Берлине, пересказывая «сюжет» романа, который он начал хотеть писать. Так легче переносить то, что кажется непереносимым.

Переночевав у сестры, ученой-филолога, в чистоте и холоде ее петербургской квартиры, у сестры, с которой его связывал раннеюношеский, платонический, *чистый и холодный* роман, он, по утверждению Ахматовой (*небрежно заметила* — когда Пастернак был уже мертв), снова взялся за свое: *все делал и делал мне предложенья, особенно настойчиво после антифашистского съезда.*

* * *

Как не повезло Ахматовой! Ее ироническое *Как известно из дневников Блока, я занимала мало места в его жизни* опубликованными источниками подтвердилось с нелестным для нее креном: она не занимала никакого. Дневники его были опубликованы — и даже при ее жизни (так хотя бы в лицо не было повода ей рассмеяться), как опубликовались письма (дневников он не вел) и Пастернака. Но неловкости за Ахматову испытывать не полагается — полагается придумывать величественные объяснения.

Когда меня посылали в Париж и я был болен (любовью к Зинаиде Николаевне) *<…> мне очень хотелось иметь большее с ней* (с Зинаидой Николаевной*) продолженье, оставить будущему живую память о нас* (о нем самом и жене его Зинаиде Николаевне). *<…> Я чувствовал на себе дыханье смерти <…> Я прощался тогда со всей той бездонной неподдельностью, правдой и очарованьем, которые есть земля и жизнь, и на прощанье хотел от нее ребенка. Но странно, причины физические мешали в этом именно ей, а не мне. Она ходила к врачам и лечилась.*

* * *

За то, что, как предполагают самые преданные биографы, в тяжкую минуту, когда невмоготу стало быть второй, неженой, при Пунине, а самой самостоятельную жизнь налаживать было невозможно из-за лени, нашелся Пастернак и посоветовал ей перебираться в Москву, где у него возможностей с устройством друзей было больше, как-никак первый поэт страны (хоть сам был и болен, и в расстройстве) — размазала его по своему всегдашнему мещанскому сценарию: *Пастернак мне делал предложение трижды… Но мне-то он нисколько не был нужен…*

* * *

Драматическая «невстреча» с Цветаевой, главной темой в которой был вопрос о «возвращении», — обострила общее ощущение «всемирной бездомности». Все — предлог для витка развития отношений с Ахматовой: *Здесь можно усмотреть психологическую основу для любопытного* (у Быкова — «глухого» — как сказано! — ранящего сердце, сдавленного, покрытого мраком) *свидетельства Анны Ахматовой, зафиксированного в записи Л. К. Чуковской от 8 октября 1960 г.* (через четыре месяца после смерти Пастернака): *«Мне он делал предложение трижды, — спокойно и неожиданно продолжала Анна Андреевна. — Но мне-то он нисколько не был нужен. Нет, не здесь, а в Ленинграде; с особой настойчивостью, когда вернулся из-за границы после антифашистского съезда. Я тогда была замужем за Пуниным, но это Бориса нисколько не смущало* (как не смущало — и ее и его — то, что он сходил с ума от любви к жене). *А с Мариной у него был роман за границей».* Сказала про себя, сказала и про МАРИНУ. От слов Ахматовой отмахиваться не положено, надо очень серьезно комментировать. *Трудно судить о том, насколько «матримониальная» сторона в данном случае соответствует действительности и не была ли она несколько преувеличена Ахматовой, точно так же, как явно преувеличенной* (просто ОПОШЛЕННОЙ под свои — назовем более корректно — обывательские вкусы) *выглядит оценка пастернаковских отношений с Цветаевой <…> но в высшей степени знаменательным представляется обращение к «внутренней эмигрантке» Ахматовой под воздействием потрясения от «невстречи» с находившейся в парижской эмиграции Цветаевой.*

(Л. Флейшман. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. Стр. 355.)

У него, может, и был мотив «всемирной бездомности» (в этом достоверно неустановленном случае), а у Анны Андреевны — вполне бытовой, буржуазный, насмешливо-отрезвляющий мотив — вот с какими курьезами приходится иметь дело. *Мне-то он нисколько не был нужен… Я тогда была замужем за Пуниным. Муж* Пунин в эти послесъездовские антифашистские дни был на курорте: в Сочи, со своей настоящей женой Анной Евгеньевной и своей дочерью Ирой.

* * *

Удивительно — что она лжет, знают все. Каждый, кто это читает — понимает, что это — неправда. Заявление тем не менее ошеломительное. Одного выставляющее идиотом, другую — тут определений на маленькую дамскую повесть с роскошной героиней. Остается следующий шаг — как-то комментировать многоуважаемую мемуаристку. Про Ахматову ведь не скажешь вслух, что лжет?

Вот и придумывают определения к ахматовской сенсации. *Глухое свидетельство, любопытное…* Кто жеманней скажет.

В том же 1931, когда был написано «Я пью за военные астры», недавно очень идиотически интерпретированное я забыл кем…» Из зала: «Жолковским!» — «Я не хотел никого обидеть».

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 380

Гаспаров, видимо, очень уважал Жолковского и был уверен, что тот тоже в этом не сомневается, — поэтому все смеются и знают, что никто никого действительно не хотел обидеть. У поклонников Анны Ахматовой с чувством юмора все не так просто, да и слово нужно бы употребить не в сердцах и не для смеха.

* * *

С Мариной у него был за границей роман. Если у Пастернака был с Мариной *роман* — может, и был. Их письма писались по какому-то сюжету. По любовному, несомненно. Если *роман* был ЗА ГРАНИЦЕЙ (письма-то — между границами, речь НЕ о письмах), — то Анна Андреевна намекает на что-то гораздо более

конкретное. Ей доподлинно известное. Не удержалась, подпустила намеков Марина Ивановна при единственной встрече? Что, мол, с Борисом нас связывают и пр. — про предложения руки и сердца, конечно, не приплетала — а Анна Андреевна все быстренько прикинула: ладно там про письма, БЫЛО-ТО когда? А, вот ездил за границу. *За границей* — в Париже — Пастернак был 4 дня. Ну что ж, там не в Совдепии — номера в отелях для «романов» сдаются и по часам. Ахматова еще и великодушна — называет эту кроличью возню *романом*…

Конечно, ее история, *смутившая двадцатый век,* тоже длилась всего одну ночь. *Ночью* она была, правда, только потому, что пришлась на ночное время, НОЧИ у них не было. Раз уж они смогли бы: она с незнакомым, другого поколения человеком, из другой страны и другого ассортимента судеб, — то Пастернаку-то с *Мариной* куда проще за несколько дней сойтись. Ахматова считает, что здесь совершенно допустимая параллель.

Остается только сравнить пересказ Берлина его культурной беседы с Ахматовой и тон переписки Цветаевой с Пастернаком, ноту ее голоса, высоту, на которой эти бабочки порхают и хотят ли на землю, в номера.

И это все о ней

Группа истерических характеров

Главными особенностями психики истеричных являются: стремление во что бы то ни стало обратить на себя внимание окружающих. <…> Шнейдер предложил заменить само название «истеричные» термином Geltungsbedurftige — «требующие признания».

Это субъекты, не достигшие еще, несмотря иной раз на пожилой возраст, действительно духовной зрелости.

Каждый поступок, каждый жест, каждое движение рассчитаны на зрителя, на эффект; дома в своей семье они держат себя иначе, чем при посторонних; всякий раз, как меняется окружающая обстановка, меняется их нравственный и умственный облик. <…> они хватаются за любое средство, будь то даже возможность привлечь к себе внимание необычными явлениями какой-нибудь болезни.

Боясь быть опереженными кем-нибудь в задуманном ими эффекте, истеричные обычно завистливы и ревнивы. Если в какой-нибудь области истерику придется столкнуться с соперником, то он не упустит самого ничтожного повода, чтобы унизить последнего и показать ему свое превосходство. <…> По отношению к тем, кто возбудил их неудовольствие, они злопамятны и мстительны.

Они лучше всего чувствуют себя в атмосфере скандалов, сплетен и дрязг.

В общем, они ищут легкой привольной жизни.

Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путем <…> развертывания действительно имеющихся у нее способностей, толкает ее на путь неразборчивого использования всех средств воздействия на окружающих людей, лишь бы какой угодно ценой добиться привилегированного положения.

Недостаточная выносливость по отношению к

травматизирующим переживаниям. <…> В области реакции на психические травмы нарочитое выдуманное часто заслоняет у истериков непосредственные следствия душевного потрясения.

Человек с истерическим складом не углублен в свои внутренние переживания, он ни на минуту не забывает происходящего кругом.

Они сообразительны, находчивы, быстро усваивают все новое, владеют даром речи и умеют использовать для своих целей всякое знание и всякую способность, какими только обладают. Они могут казаться широкообразованными, даже учеными, обладая только поверхностным запасом сведений.

Они умеют держаться с достоинством <…> очень заботятся о своей внешности и о впечатлении, ими производимом на окружающих.

Важно то, что, обладая недурными способностями, эти люди редко обнаруживают подлинный интерес к чему-нибудь, кроме своей личности, и страдают полным отсутствием прилежания.

Они капризны в своих привязанностях и обыкновенно не завязывают прочных отношений с людьми.

При их страсти к рисовке, к пусканию пыли в глаза они совершенно не в состоянии бороться с искушением использовать для этой цели легко у них возникающие богатые деталями и пышно разукрашенные образы фантазии. <…> Лгут они художественно, мастерски, сами увлекаясь своей ложью и почти забывая, что это ложь, <…> подстегиваемые желанием порисоваться все новыми и новыми возникающими в воображении образами.

Понятно, что мой компьютер без труда выдаст по нескольку иллюстраций к каждому тезису, но ясно также, что каждый без исключения человек имеет свои особенности, подлежащие психиатрической классификации с каталогизацией как «положительных», так и «отрицательных» черт. Поэтому под клиническую разборку личность Анны Ахматовой попадает только для того, чтобы почитатели не навязывали уж чрезмерно представления о ней как об оригинальном, необыкновенном, стоящем надо всеми людишками индивидууме, — все, как видим, давно известно и описано, ничего имманентно ахматовского в ней нет. А главное — закончу тем, чем заканчивает свой труд

уважаемый цитируемый автор:

Наконец, нельзя не упомянуть здесь также и об отношении, существующем между психопатией и гениальностью (или высокой одаренностью). <…> Как правило, чем резче выражена индивидуальность, тем ярче становятся и свойственные ей психопатические черты. Немудрено, что среди людей высокоодаренных, с богато развитой эмоциональной жизнью и легко возбудимой фантазией количество несомненных психопатов оказывается довольно значительным. <…> Историю интересует только творение.

> *П. Б. Ганнушкин. Клиника психопатий. Стр. 15–50*

Что ж, переходим к великим творениям Анны Ахматовой.

Дар

Если кто-то сдается, готов уже допустить ужасное, кощунственное, но кажущееся все-таки очевидным, что поведение Анны Ахматовой, ее жизнь в чем-то небезукоризненны, — то тогда он достает вроде бы несокрушимый аргумент: «Кому какое дело до того, какой она была в жизни? Надо разделять личную жизнь и творчество». Спорить не приходится. Единственное — что славна Анна Андреевна по большей части не своим творчеством, а именно величием своей жизни. Раз есть миф — ею созданный, — то есть дело и до того, чтобы воспротивиться, если что-то в этом мифе не так. А творчество — да, оно тоже сервируется отдельно. Кто-то и о нем невысокого мнения.

Величие замысла

День рождения И. Бродского. Черновик телеграммы: *Примите и мои поздравления и светлые пожелания. Постоянно думаю [о величии замысла] о нашей последней встрече и благодарю Вас. Анна Ахматова. (Записные книжки. Стр. 601.)* Слишком робко. «И мои» — значит, что она понимает, что другие поздравления важнее — или одинаково важны, но это может быть еще оскорбительнее — для него. Не только потому, что они сейчас все — моложе, ближе, но потому, что Бродский предвидит их будущее более значительным, чем ахматовское (не случилось, но он, как всегда в молодости, ждал или хотя бы был готов). И *помню о встрече* — а он мог забыть, и *благодарю Вас* — наверняка за что-то такое утонченное, что осознать невозможно, если, как она, не перебирать в уме постоянно, придумывая, как это использовать. И *Анна Ахматова* — то есть что ему дарится автограф — но только потому, что *Анну* ставить она побаивается.

К чему она хотела пристроить «величие замысла»? Понятно, что она только об этом и думала, но как было это ввернуть в письмо так, чтобы ему напомнить, что замысел ее — непрост?

* * *

Слишком буквально поняла *Самое главное — величие замысла.* Ничего не делала, успокаивая себя тем, что ее замысел был поистине великим: сделать Анну Ахматову равной Богу. И она сидела, проводила целые дни с самыми никчемными людьми за самыми никчемными разговорами — и время от времени напоминала им и нам о главенстве величия замысла.

Бродскому напоминала настойчиво. Не вдаваясь в подробности, он согласился и сделал дело за нее.

Утром на Ордынке, в 6 Шервинский, в 7 часов вечера — Лукницкий. (Главное — величие замысла.) И. Б<родск>ий.

Записные книжки. Стр. 418

Величие замысла — это как сказать слова «страшно», «двадцатый век», «сон во сне». Повторить их — проза! — в другом порядке. Предварить чем-то вроде «а в это время…» и закончить — «но меня это уже нисколько не занимало». За это покажутся уместными «ей предстоял тяжкий труд — быть создателем новой книги Бытия» и «книга, которую я никогда не напишу, но люди

заслужили ее».

Письмо А.А. И. А. Бродскому: Мы с Толей заканчиваем перевод Леопарди, а в это время стихи бродят где-то далеко. <…> И в силе остаются Ваши прошлогодние слова: «Главное — это величие замысла». <…> Читаю дневники Кафки. Ну, это к слову. (Летопись. Стр. 688.) А про величие замысла она не может не говорить. Эпический напев: «И в си-и-и-ле остаются-а-а…» немного смешон и работы не заменяет.

* * *

Проблема еще и в том, что она не в курсе, что это выражение, про величие замысла, стало расхожим присловьем у молодежи.

* * *

Анатолий Найман присылает телеграмму. Он в Ташкенте. Анна Андреевна вспоминает. *Там родина «Пролога», от которого нет спасения. А где спасительное «величие замысла», спасшее Иосифа?(Записные кн. Стр. 679.)*

И снова Ахматова Бродскому: *И снова всплыли спасительные слова: «Главное — это величие замысла». Небо уже розовеет по вечерам, хотя впереди еще главный кусок зимы. <…> Анна. (Я. Гордин. В сторону Стикса. Большой некролог. Стр. 35.)*

* * *

Про себя она знает, что величественного замысла воплотить ей не удалось. Собственно, он и не задумывался. Когда она прожила уже столько, сколько прожила, — спохватилась: надо было бы хотя бы задумать что-то величественное. Стала говорить, что задумывала. А воплотить — помешали.

Диагноз любительства

Зачем она называла себя пушкинисткой?

Просто думать и писать о Пушкине — такое бывает. Трудно найти лучшей отдушины человеку, живущему в Советской России в тридцатых годах двадцатого века. Закрыться в своей комнате или хотя бы наклониться над своим столом и забыться: какие-то интересные соображения, точные характеристики, неожиданные интерпретации. Для чего она непременно хотела титула: *пушкинистка?*

А девицы той эпохи все играли «в кого-то».

> *О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо. Стр. 141*

Обычно ей хотелось иметь что-то — чтобы с презрением насмехаться над этим, как над чем-то ненужным. Желанным для других — несчастных, исступленно стремящимся к тому, что у нее есть, но ею с усталым пресыщением отвергнутым.

Все свои реальные дары она меняла на эти сомнительные игры — и везде была поймана, везде находился кто-то, кто мог посмеяться над ее претензиями.

Прочитаем еще раз письмо Пастернака Берлину. Что остается от ее столь укоренной славы искусительницы, обольстительницы аристократов и иностранцев?

С Пушкиным немного по-другому. Пушкина она действительно любила, ему удалось все то, чего она желала бы добиться для себя. Плюс он был настолько велик, что был добрым, он не давал чувствовать пропасть между собой, гением, и всеми другими — не только не гениями, но и теми, кто хотел других обмануть и гением показаться. До этого-то ему точно не было дела.

И «пушкинистка» — это было единственное почтенное занятие, которое кроме самого респектабельного недававшегося статуса «замужней дамы» было бы прилично занять Анне Андреевне, чтобы быть полностью *comme il faut.* Нафталинное декаденство «поэтессы», потное разночинство «литератора», недостижимость (ни Нобелевской, ни Сталинской премии не дали) «великого писателя» — все это с большим отрывом уступало чеканному цеховому определению.

* * *

Интерес к Пушкину был специфическим, ахматовским.

* * *

А. В. Любимова: *«Говорила с азартом о жене Пушкина. <…> Сказала, что в дуэли виновата целиком она* (Натали, понятно)». *А.В. пыталась возражать. А.А. строго спросила: «Вы спорите со мной?» Я тотчас умолкла. (Летопись. Стр. 649.)* Вот так нашего Пушкина трактуют на уровне кухонной склоки. «Целиком она» — «Нет, целиком он». И на беду своей собеседницы, которая интуитивно чувствует, что здесь какая-то более многоплановая история, «пушкинистка» напичкана знаниями того, что можно с легкостью трактовать как неопровержимые улики: цепочка, агентка, змеиный шепот, котильонный принц. Вы спорите со мной?

* * *

Наконец разговор вновь коснулся пушкинизма. Анна Андреевна, советуясь с Лидией Яковлевной [Гинзбург], *изложила свою концепцию знаменитой араповской сплетни о крестике Александрины Гончаровой, якобы найденном в постели Пушкина. Анна Андреевна утверждала, что эту сплетню выгодно было распустить Дантесу <…> в противовес облетевшей общество фразе Пушкина, что Дантес женился на сестре Натали под дулом пистолета.* (Противовес, скажем прямо, весьма легковесный: если не наоборот — соблазнять всех женщин вокруг себя, хоть и жениных сестер, — это плейбойская доблесть. А вот жениться — это пожиже, да еще не по уже постыдной слабости любви, а из трусости.) *Что не мог Пушкин влюбиться и тем более совратить некрасивую* (будущая баронесса Фризенгоф, право, все-таки не была настолько дурна, чтобы внушать уж такое отвращение в темноте петербургской ночи в тесной комнатке между детской и выходом на кухню*) доверенную его заботам свояченицу, но, так как в эти годы у него не было связей и любовниц, то Александрина была самой удобной мишенью, ибо жила в его доме. Лидия Яковлевна признала рассуждения Анны Андреевны убедительными. Хотя на улице на мой вопрос: разве это литературоведение? — признала, что ее эти любовные проблемы волнуют мало. (Н. В. Королева. Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 130.)*

* * *

Можно ли назвать научной работой текст, где страницы испещрены терминами вроде «неслыханное жизнелюбие»?

* * *

Анна Андреевна сказала мне, что не станет писать книгу о гибели Пушкина, потому что из опубликованных ныне писем Карамзиных все уже ясно и так.

Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 456

В науке те же законы, что и в искусстве. Научное открытие — это не только и не столько открытый факт, это его объяснение, интерпретация, определение места в системе мироздания. Мало открыть, что писать стихи можно лесенкой или что существует, например, серийная система додекафонии. Надо этими средствами создать свой мир. Написать «Облако в штанах» или «Весну священную». Старательный исследователь раскапывает в заграничном архиве важный документ. Он производит сенсацию, но не становится от этого великим ученым.

* * *

Запись в дневнике: В Ташкенте возникла тема: «Достоев<ский> и Толстой». (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 322.) После Ташкента прошло двадцать лет. О факте возникновения темы свидетельствует письменно — значит, задумывалось что-то грандиозное. Мы должны почтительно склонять головы.

Ахматова, как известно, «использованных» тем трогать не любит.

* * *

Алексей Толстой написал «Заговор императрицы» — Ахматова отказывается от эпохального замысла. Стравинский писал о «Петербурге в запахах и красках» — ну и как можно после него писать О ТОМ ЖЕ САМОМ? Переписывать его — не моя очередь… Оставляем. Вот Булгаков был не опубликован — так и не помешал выдавать приемы и картины за свои. Тема

«Достоевский и Толстой» кажется ей целинной. Не читала ли она часом хоть Мережковского?

* * *

Ахматова — ученая-пушкинистка. В научном обиходе достаточно первым публично заявить о своей идее — и приоритет признается ученым сообществом. Вовсе не обязательно свое сообщение предварять делано наивным недоумением: как странно, что коллеги не додумались до сих пор, что… то есть Ньютон не пишет: «Как странно, что господа физики нигде не отметили, что яблоки падают им на головы в силу земного притяжения». Он пишет так, как это открыл: яблоко, мол, упало мне на голову (или не упоминая яблок) потому-то и потому-то. И не ерничает по поводу коллег-недоумков.

Раз научные открытия нейдут пушкинистам в голову, Ахматова щедро (и разве что самую малость назидательно) делится тайнами ученого ремесла: *самопризнания в его произведениях так незаметны и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа. (Анна Ахматова. «Каменный гость» Пушкина.)*

Пушкинские штудии открываются статьей о «Каменном госте». Статья — рассуждением о том, почему к тридцатым годам слава (мы — о славе) Пушкина стала убывать.

Приводится цитата из наброска Пушкина к статье о Баратынском, о несовпадении фаз развития поэта и его читателей. Пушкинский текст комментируется: *Странно, что до сих пор нигде не отмечено, что эту мысль подсказал Пушкину сам Баратынский в письме 1828 года… (Анна Ахматова. «Каменный гость» Пушкина).*

Диагноз любительства легко устанавливается по характерной симптоматике <…> — суетная и суетливая озабоченность приоритетом…

Р. Тименчик о книге М. Кралина «Победившее смерть слово»

Анна Андреевна: Мне рассказывали содержание фильма Феллини «Восемь с половиной». У меня эта тема раньше.

Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы литературы, 1997. № 2

При чтении А.А. пометила: «устрицы — морем» (у меня в 1913 г. см. «Четки», у Хем<ингуэя> в 1960. <…> Имеется в виду фраза из «Праздника»: «Пока я ел устрицы, сильно отдававшие морем…» <…> Русский перевод слегка сблизил стихотворение «Вечером» с хемингуэевским текстом. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 661.) Как тщательна в наблюдениях: когда, источники, как по-научному бесстрастна.

Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу,
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

Находки (заимствования у запрещенных в стране авторов) и приоритеты хотела б и узаконить…

* * *

— Я осведомился, скоро ли будут перепечатаны ее три статьи о Пушкине.

— Валяются в ногах, чтобы, их издать, но у меня нет времени, все переводить надо.

— А разве они не кончены?

— С Пушкиным никогда ничего не кончено.

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

Сказано красиво, но профессионал намечает себе начала и концы работ.

* * *

Но, между прочим, и Пушкин тоже будь здоров драл. Но это был человек гениальный. Дело в том, кто дерет, а не у кого.

И. Бродский. Книга интервью. Стр. 357

Вот что значит школа.

Особенности женской сексуальности при менопаузе

…Кто скажет о ней так, как она сама хочет услышать? Ей не нужны дежурные комплименты, она в своей зрелости точно знает, что хочет услышать о себе.

Она не может больше ждать; распаленная, она берет в руки перо — писать, писать… о себе… — так, как она хочет, чтобы кто-то писал о ней…

Вот так, например:

Она (ее поэма, «Поэма без героя») *не только с помощью скрытой в ней музыки дважды уходила от меня в балет. Она рвалась обратно, куда-то в темноту, в историю <…> Другое ее свойство: этот волшебный напиток, лиясь в сосуд, вдруг густеет и превращается в мою биографию, как бы увиденную кем-то во сне или в ряде зеркал. <…> и вдруг эта фата-моргана обрывается. На столе просто стихи, довольно изящные, искусные, дерзкие… (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 223.)*

Посчитайте, сколько безудержных, на разрыв кишок, комплиментов можно вместить в несколько фраз. И каждый — продуманный, повторенный, прошептанный, исступленно проговоренный своему лицу в зеркале — где же ты, приди, скажи сам, повтори за мной, ничего не надо придумывать!

Поэма — волшебное зеркало, в котором каждый видит то, что ему суждено видеть.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 246

Я начинаю замечать еще одно свойство Поэмы: ее ВСЕ принимают на свой счет, узнают себя в ней. В этом есть что-то от «Фауста».

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 245–246

И куда только она от меня не уходила. Даже в гран-гиньоль, потому что как иначе назвать мысль всех их <…> заставить видеть в волшебном зеркале колдовского шарманщика свой конец вместе с Фаустом, Д<он> Жуаном, Гамлетом…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 239

Рядом с ней, такой пестрой (несмотря на отсутствие красочных эпитетов) и тонущей в музыке, шел траурный Requiem, единственным аккомпанементом которого может быть только Тишина…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 234

Поэма как последнее звено Петербургской Гофманианы.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 238

И только сегодня мне удалось окончательно сформулировать особенность моего метода <…> 1. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух стихах, но для всех понятно. 2. Строки с двойным дном. (А. Ахматова Т. 3. Стр. 239.) <…> «И открылась мне та дорога (За Уралом)/ По которой ушло так много/ По которой сына везли…» В этих строчках каждый из нас узнает ежовщину и бериевщину. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 244.) Примечание: *— путь в ссылку Л. Н. Гумилева. Против строки ахматовское «ДА!». (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 683.)*

Этот метод дает совершенно неожиданные результаты <… > И вот это «развертывание цветка» (в частн<ости> розы) дает и читателю в какой-то мере, и, конечно, совершенно подсознательное, ощущение — соавторства. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 244–245.) РАБОТАЕТ ПОДТЕКСТ.

Еще одно интересное: я заметила, что чем больше я ее объясняю, тем она загадочнее и непонятнее. Что всякому ясно, что до дна объяснить ее я не могу и не хочу (не смею) и все мои объяснения (при всей их у зоркости и изобретательности) только запутывают дело, — что она пришла ниоткуда и ушла в никуда… (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 239.)

Итак, вы видите, что когда говоришь об этом авторе (это А.А. о самой себе), *то кажется, что говоришь о многих, не похожих друг на друга людях.*

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 252–254

Она (поэма, поэма) *заставляет меня испытывать весьма лестные для авторского самолюбия ощущения курицы, высидевшей лебединое яйцо.*

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 228

И мне приходит в голову, что мне ее действительно кто-то продиктовал <…> Особенно меня убеждает в этом та демонская легкость, с которой я писала Поэму: редчайшие рифмы просто висели на кончике карандаша, сложнейшие повороты сами выступали из бумаги.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 229

Начинаю думать, что <…> это огромная, мрачная, как туча — симфония о судьбе поколения. <…> поэма звучит все время, как суд у Кафки и как Время…

…из гулких и страшных недр моей поэмы…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 251

* * *

Говорить только от себя становится мало. На бумагу ложатся слова, будто бы сказанные о ее поэме другими людьми. Ход мысли, выражения, направленность взгляда — ахматовские, старательно бесстрастный голос. Иногда фамилии называются, чаще — нет.

Кто-то <…> предположил, что поэма не всем понятна из-за своей аристократичности.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 251

Читательница о триптихе: *«Это голос судьи. Это действительно лира Софокла».*

Поэма — ТРАГИЧЕСКАЯ СИМФОНИЯ. Каждое слово прошло через автора. В поэме никаких личных счетов и даже никакой политики. Это поверх политики.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 222

Вот эту возможность звать голосом неизмеримо дальше, чем это делают произносимые слова, Жир<мунский> и имеет в виду, говоря о «Поэме без героя».

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 221

Она — Трагическая Симфония — музыка ей не нужна, потому что содержится в ней самой. Автор говорит как Судьба <…>,

подымаясь надо всем — людьми, временем, событиями. Сделано очень крепко. Слово акмеистическое, с твердо очерченными границами. По фантастике близко к «Заблудившемуся трамваю» (мимоходом — возведение в ранг эталона супруга Николая Степановича). *По простоте сюжета, который можно пересказать в двух словах, — к «Мед<ному> вс<аднику>».*

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 220

«Поэма без героя» обладает всеми качествами и свойствами совершенно НОВОГО И НЕ ИМЕЮЩЕГО в истории литературы прецедента произведения, потому что ссылка на музыку не может быть приложена ни к одному известному нам лит. произведению.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 273

О музыке в связи с «Триптихом» начали говорить очень рано, еще в Ташкенте (называли «Карнавал» Шумана).

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 221

«…очень похоже» (отзыв современника).

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 222

«…шедевр историч<еской живописи>»

«…трагедия совести…»

«…магия ритма, волшебство видения…»

«…объяснение, отчего произошла Революция…»

«…ветер канунов…»

Но при этом все твердят одно и то же: «Музыка, музыка, музыка»…

ЭрГэ ищет и находит ее корни в классической русской литературе. (Пушкин <…> Гоголь <…> Достоевский <…>).

Некто Ч<апский> в Ташкенте церемонно становится на одно колено, целует руки и говорит: «Вы — последний поэт Европы».

А некто из Зазеркалья <…>: «Это реквием по всей Европе».

«Прошлое и настоящее судят друг друга и обоюдно выносят друг другу приговор».

Берковский <…> видит в ней танец — она вся движение и музыка.

«Поэма без героя» — это исполненная мечта символистов, это то, что они проповедовали в теории, но когда начинали творить, то никогда не могли осуществить. (Магия.)

К моему огорчению, эти куски часто называют «жемчужинами»

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 220–274

Просто люди с улицы приходят и жалуются, что их измучила Поэма.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 229

«Вот это чувство незаполненных пустот, где что-то рядом, т. е. мнимо незаполненных, потому что, может быть, ГЛАВНОЕ как раз там и создает чувство, близкое к волшебству».

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 237

«Вечный допрос? — Нет. Нечто более реальное — тождество поэзии и совести, расплата стихами».

Многим в ней чудится трагический балет (однако Л. М. Гинзбург считает, что ее магия — запрещенный прием — why?)

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 221

Х.У. («Икс-Игрек», как расшифровывает Ахматова <…> — Анатолий Генрихович Найман сказал сегодня, что для поэмы всего характернее следующее: если ПЕРВАЯ строка строфы вызывает, скажем, изумление, ВТОРАЯ — желание спорить, ТРЕТЬЯ — куда-то завлекает, ЧЕТВЕРТАЯ — пугает, ПЯТАЯ — глубоко умиляет, а ШЕСТАЯ — дарит последний покой или сладостное удовлетворение, — читатель меньше всего ждет, что в следующей строфе для него уготовано опять все только что перечисленное. Такого о поэме я еще не слыхала. Это открывает какую-то новую ее сторону.

Вообще все, что этот человек говорит о моих стихах,

нисколько не похоже на то, что о них говорили и писали (на многих языках) в течение полувека. Ему как будто дано слышать их во сне или видеть в каком-то заколдованном зеркале.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 256

Поджиоли пишет что Ахм<атова> пишет свой огромный, похожий на траурную симфонию Триптих…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 252

…в хамской упрощенности мира «без чремухи» этой поэтессе голубой крови делать было нечего. Она замолчала, ушла в частную жизнь, глубоко страдальческую, почти нищенскую.

В. Кадашев. История русской литературы. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 432

Нам надо хоть на чем-то прерваться — ну, а она, конечно, может продолжать до бесконечности.

…А накануне Марина Влади проповедовала у нас на кухне превосходство женского онанизма над всеми остальными видами наслаждения. В разгар ее разглагольствования пришел Высоцкий, дал по роже и увел.

Ю. Нагибин. Дневник. Стр. 350

Феноменология физиологии

…отсюда всякие, понятные в нашей профессии фанаберии: что ты сходишь с ума и так далее.

И. Бродский. Большая книга интервью. Стр. 160

Ахматова была холодна и рассудочна.

* * *

Смолоду был блуд в словах, что *создавало даже атмосферу пошлости, не убеждая, впрочем, никого в личной «порочности» поэтессы, чего ей, по-видимому, хотелось. (Д. П. Якубович. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 593.)* Рецензия тех времен, когда она, как говаривали в шестидесятые, «писала о Боге».

Правы были те, кто не верил в ее страстность. Никакие отношения ей были не нужны — личные, эротические, главное — публично выраженная похоть слов. Пока не раскачалась.

После выпивки Ахматова лезет целоваться, но специфично: гладит ноги, грудь, расстегивает платье. Отсутствие реакции ее раздражает, и она томно приговаривает: «Я сегодня лично в меланхолическом настроении». Во многих отношениях беспомощно царственна: ничего не убирает за собой.

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 227–228

31 декабря 1965 года. Заснула днем, во сне ко мне пришел Х. <…> На вершине острой горы он обнял и поцеловал. Я смеялась и говорила: «И это все?» (Посмотрим, что будет дальше, за таким началом. Имеет полное право на эротические сны. Записывать их — тоже. В дневнике, бесспорно предназначенном для всеобщего прочтения — сомнительно по части вкуса, но дадим слово автору. *Нет, пусть видят пятый развод.* (Пардон, подумали неподобающим образом — сон не об интимностях, а об общественных уложениях: поцеловал — женись, сон в канун последнего года — об этом.) *Это первый сон, куда он вошел. (За 20 лет.)* Как во сне можно считать разводы? Что о них помнить и как

представлять, какой момент РАЗВОДА? Как УВИДЕТЬ разлад в отношениях, охлаждение, принятие решения расстаться, объяснение, переговоры, разъезд, официальное оформление? Как это видится во сне? *«Пусть ВИДЯТ»* — кто? Как видят? О чем этот сон? О светском успехе? Пять разводов — большое поражение в жизни. Сделать что-то — пусть видят, пусть обсуждают, пусть восторгаются или завидуют — это жизнь, закончившаяся поражением.

Никакой личной порочности, главное — чтобы видели…

* * *

Я долго и странно буду верна тебе и холодными глазами буду смотреть на все беды… (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 333). Что странного, *«что осьмидесятилетняя старуха не понтирует»?* Что ж странного, что семидесятипятилетняя хранит верность? *Я десять лет буду одна, совсем одна! Десять лет и одна. (А Ахматова. Т. 3. Стр. 340.)* (С 1946-го по 1956-й — время от первой и единственной встречи до телефонного звонка, тоже единственного, это не был «звонок» в романтическом смысле слова, когда кто-то РЕШИЛСЯ И ПОЗВОНИЛ. Это был ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР, состоявшийся по требованию приличий. После звонка, очевидно, пояс верности развязала. … *ты изменишь мне в десятую годовщину нашей встречи. Так делали все. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 344.) Ахматова на меня рассердилась <…> потому что я женился: я не имел права этого делать. Она считала, что между ней и мной какой-то союз <…> А я совершил невероятную вульгарность — женился. (И. Берлин. Беседы с Дианой Абаевой-Майерс. Стр. 90–91.) «Вы женились? — Долгое молчание. — Поздравляю». (Из телефонного разговора 1956 года.)*

* * *

Могла ли она полюбить так кого-нибудь из соотечественников — не ЗАМУЖ выйти, а вот так страстно, жадно полюбить: Рихтера, например, или какого-нибудь художника-академика? Было бы лучше кого-нибудь из ученых-филологов, пушкинистов с квартирами с видом на Неву, но это уже было не по силам — хотелось расслабиться, собираться в компаниях молодежи за шуточками, небольшой выпивкой (*немного — граммов двести водки за вечер* — даже для почти стокилограммовой дамы вполне достаточно) — это было не так

затратно, в плане душевных сил. О музыке и живописи можно было бы ограничиться краткими (воспоминатели этой краткостью потом изумятся и потребуют изумления всеобщего) экспромтами, с мужем-филологом пришлось бы наполнять свои афоризмы конкретным содержанием, до которого уже не было большого дела. А потом наступали ночи. Ночами, после выпитого и близости (все — маленькое, тесное — и комната, и веранда, и кухня) молодых, крепких (никто не был тренирован и накачан, все были щуплы, но — молоды и подвижны) тел, она тоже становилась молодой. Кто отнимет мысли? Она с обстоятельностью выстраивающей свои романы девушки придумывала свой — только с ним, с Берлиным. Разговоры, которые девушка придумывает, перебирает, проговаривает по тысяче раз. Девушка любит ушами, утешается ими же.

* * *

…когда она ему отомстит, когда он увидит, чем он пренебрег, — *Ты прочтешь об этом во всех газетах на всех языках. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 341),* когда ее бесчисленные и несравнимые достоинства станут ему явны — вот как он тогда с нею заговорит? Записываем… Он ей скажет так:

Гость: *Я хочу быть твоей Последней Бедой… Я больше никому не скажу те слова, которые я скажу тебе.*

Х.: *Ты повторишь их много раз и даже мое самое любимое: «Что Вы наделали — как же я теперь буду жить!»*

Гость: *Как, даже это?..*

Х.: *Не только это — про лицо: «Я никогда не женюсь, потому что могу влюбиться в женщину только тогда, когда мне больно от ее лица…*

В двухтомнике издательства «Правда» 1990 года с восторгом сообщается научная находка: *«Что же вы наделали — как же я теперь буду жить!» и «Я никогда не женюсь…» и т. д. — Обе эти фразы, ВОЗМОЖНО (*выделено *Т.К.), произносились КОГДА-ТО КАКИМ-ТО конкретным лицом». (Это из справочного аппарата двухтомника «Избранного».)*

Гость: *И я забуду тебя?*

Х.: *Да. Но дух твой без твоего ведома будет прилетать ко мне.*

Или так:

Он: *Хочешь, я совсем не приду?*

Она: *Конечно, хочу, но ты все равно придешь.*

Он: *Я уже вспоминаю наши пять* (было всего две, но это даже

для такой раскаленной фантазии несерьезно) *встреч в странном полумертвом городе… в проклятый дом — в твою тюрьму в новогодние дни* (все верно, конкретное лицо однажды посетило ее именно в предновогодние дни), *когда ты из своих бедных, нищих рук вернешь главное, что есть у человека — чувство родины* — пишет обо всем на свете, воспоминания о единственной встрече поворачиваются перед ней и так и этак, и она же не может бесконечно молчать многозначительно перед читателем, вот придумывает ведь она, Ахматова, не может без высокого, без великого: интимнейшая, судьбоносная сцена, и пожалуйста — про чувство родины), *а я за это погублю тебя.*

Она: *И я ждала или буду ждать тебя ровно десять лет* (это знаменитые ахматовские предсказания. Пишет в 1962-м о том, что в 1956-м, когда он приезжал — исполнялось 10 лет после того, как они встретились. Для нее — юбилей, невстреча, гость из будущего. На самом деле — все прошло — то, чего не было). *И ты не вернешься. Ты хуже чем не вернешься* (а только что было — все равно вернешься?). *Но вместо тебя придет ОНА:*

Легконогая, легкокрылая,
Словно бабочка весела,
И не страшная, и не милая…

(Да, такие стихи вернут чувство родины — и чувство детства, как в пятом классе писали такие стишки.)

Он: *Это ты про Музу?*

Она: *Да.*

Он: *Она заменит Тебе* (прописная буква в оригинале) *меня?*

Она: *Да, так же, как она заменила мне всех и все.*

Он: *А я забуду тебя?*

Она: *Забудешь, но раз в году я буду приходить к Тебе во сне — Ариадна — Дидона — Жанна, но Ты будешь знать, что это я. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 333–334).*

Мечтала, как говорят теперь, не по-детски.

Ночь длинна. В ход идут уже и стоны.

Голос: *Я никогда не зову тебя, я всегда с тобой и даже больше… Я знаю — я отравляю тебя, а ты меня. Я становлюсь тобою, ты мной, мы оба гибнем друг в друге. А жажда все растет. Только твой стон может меня спасти. Не губи меня. Скорее, скорее.* (Vien! vien!)

Она: *Что ты называешь моим стоном? Неужели <…>*

Х.: *Нет, только не это.*

Голос: *И я понял, что мне нужно только одно — твой стон,*

что без него я больше не могу…

* * *

Анна Андреевна, наверное, тоже больше не может…

…На чем мы остановились? Ах да — *мне нужно только одно — твой стон, без него я больше не могу…* Продолжаем:

…и пусть я знаю, что я один виновник всего, всего. Мне довольно тебя с другими! и твоих стихов — другим, всего, всего твоего.

Х.: *Но ты во мне, и я в тебе…*

Голос: *Неправда. Слушай.* <…>

Х. *(Встает, потягивает руки): Что я дам тебе, чтобы ты узнал меня: розу, яблоко, кольцо?*

Голос: *Нет.*

<…>

Он: *Ты спишь?*

Она: *Да.*

Он: *Не просыпайся.*

Она: *Это ты?*

Он: *Да, и может быть, в последний раз.*

Она: *Ты знаешь, что у нас нет последнего раза.*

Он: *Но нет и первого.*

Она *(стонет)*

Он: *Не надо — не могу слышать твой стон. Он напоминает мне тебя в тюрьме, на плахе и на костре.*

Она: *Ты знаешь, что он перестал быть стоном, а стал…* <*стихами*> (и прозой).

Он: *Потому я от них теряю рассудок, в них все.*

Она: *И еще то, что будет.* (Стонет, стонет, стонет!)

3 августа 1964. Будка.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 349–353

Это произведение — эту прозу — можно перепечатывать без комментариев всю — и без купюр. Это — физиология, тяжелые, тяжело пережитые одинокие ночи.

* * *

За поэзией Пастернака числила многие грехи, наверное, неисчислимые, если доходило и до «самого страшного» (всего-навсего — что поэт мало, как на ее суд, вспоминал).

Судить это можно по-разному, но, помимо всего прочего, обращение к воспоминаниям — это просто закон нейрофизиологии. В этом нет никакой заслуги утонченного ума и углубленного сознания. В этом — лишь печальный знак того, что период золотой зрелости, когда человек сам управляет собой и может хоть вспоминать прошлое, хоть мечтать о будущем, — закончился. Теперь им управляют неумолимые законы…

* * *

В солиднейшей книге цитируется большой кусок гениального текста Ахматовой. Из такого трудно что-то выбрать. Приведем целиком и здесь.

И ЭТО БЫЛО ТАК. Беседа длилась много ночных часов. И можно ли это назвать беседой. Произносились ли слова или в них не было надобности? Шло ли дело о смерти или о поэзии, тоже не совсем ясно. Несомненно одно: в этом участвовало все мое существо с [такой] той полнотой, о кот<орой> я сама до этой ночи не имела понятия.

Я была так поглощена происходящим со мной чудом, что не пустила бы НИКОГО [в мою] на порог комнаты, даже самого собеседника, кот<орый>, кстати сказать, очень учтиво уехал в начале вечера. Чувствую, что, записывая, теряю очень много, но у меня нет выбора. Вероятно, такие вещи не повторяются, но они еще (по редкости своей) не изучены, и едва ли я могу рассчитывать на ответ.

Скажу только, что на сон это было ничуть не похоже, на стихи тоже.

Скорее, скорее, походило на утренний луч азийского солнца, еще не сжигающего, но блаженного в своей равномерности, горячего и, мне почему-то хочется сказать это слово — ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО. А за окном жаловалась на что-то классическая финская метель, спали дятлы, стоял весь готовый к весне и совершенно не замечающий ничего вокруг, налитый юной и свежей силой [стройный] тополь.

Март, 1963.

Кажется, под конец прояснилось.

P.S. Ах да. Стоит ли спрашивать «собеседника» про эту ночь. Если прочесть ему мою заметку, он очень складно и мило изложит очередные «чудеса в решете», если спросить просто, он скажет, что не может вспомнить, потому что с этой ночи прошло уже больше месяца или что-нибудь в этом роде.

Записываю на всякий случай: нечто подобное предсказано во

втором стихотворении из цикла «Cinque». <…>

14 марта 1963. Комарово.

Там же присутствовал «заповедный кедр», [пришедший посмотреть] подошедший взглянуть — что происходит из гулких и страшных недр моей поэмы, «где больше нет меня»…

> *Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 592*

Здесь можно бы у каждого слова ставить насмешливый комментарий, но лучше от этого воздержаться, потому что это просто физиология. Если же все-таки исследователи безжалостно решаются рассматривать это как текст, не принимая во внимание ее возраст и психофизиологический статус, отсутствие полового партнера и разжигающий образ жизни, обходя все эти неумолимые налитые молодой силой тополя и кедры, — то пусть так.

Публикатор называет ЭТО так: *Прозаический набросок о чуде возвращающегося и проницаемого прошлого, многими чертами воспроизводящий стилистику модернистской прозы начала века.*

На самом деле здесь уже блоковского суждения о ее стихах «Все так писали» не хватит. Здесь уже надо добавлять: все очень плохие, беспомощные, манерные писательницы так писали.

Научила говорить

Она научила женщин говорить. Разумеется, не только женщин. Говорить только на одну тему — о ней, об Анне Ахматовой — о другом-то таким стилем как-то странно, а о ней — в самый раз. Иной и не допускается.

Страшное мучительное лицо у А. — обреченной, подточенной горестью, с дрогнувшими бровями, с острыми, жесткими линиями у скул и углом неожиданного излома у правого плеча. Черный бархат волос, тяжелый, мертвый… <…> Не закалышется воздух подле забегает по коже бес ехидной усмешки. Бледное, застывшее лицо, глухая кровь у нее, перебойная.

Меня спрашивают, зачем я писала свою книгу? Для того, чтобы исправить общественный вкус. Чтобы *глухая у нее кровь, пе ре бой ная* считалась бы очень, очень дурным тоном, привитым ею. А ведь по-другому о ней писать запрещают — я уже предвижу крики: ОНА ХОЧЕТ ИСПРАВЛЯТЬ НАМ ВКУС!!! Ну ладно, читайте дальше, раз нравится:

Только чувственные, глубоко вырезанные губы цветут еще последним горьким цветением. Так торжественно-печальны первые аккорды «Funerailes». (З. Елеев. Ю. Анненков. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 711.)

* * *

Зеркало — анаграмма ее стиля. Жест застылости, знак почета и немоты, величия. А цвет — всегда черный. Кого ни спроси — какого цвета Ахматова? — и всякий скажет: черного. <…> Таков же аристократизм А. — алмазное зеркало в обрамлении Санкт-Петербурга, Царского Села (Версаля), которые под стать ее позе, всегда позе, играющей роль фона. Точнее сказать, роль и фон, на котором она играет, медлительная, важная, чтобы не потревожить эту завороженную воду, — слились в позе А, в неподвижном, зеркальном состоянии Королевы.) (А. Терц. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 597.)

Вот ей пишет снова мужчина: *В «Тринадцати строках» мне показалось кружение памяти, может быть, неправильно. У Вас стали очень тайные обращения в стихах, поэтому все так открыто. Как природа ничего не прячет, кроме одной и той же, и всегда самой главной, тайны.* (Правда, просто настоящая А.А.?)

Предел поэзии, когда все очевидно, и чем очевиднее, тем потаеннее. (В. Муравьев. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 610.)

Послание кролика к удаву.

Я тогда еще не знал, что для стихов Ахматовой нужно перейти Рубикон сердечных мук. <…> И стихи она ценит, как «молитвы губ надменных», потому что все отнято — сила, и любовь, и кровь уже похолодела. И недаром она слывет печальной. Ничто не может быть уделом, кроме печали, для того, кто высказывает свое сокровенное так: Ты был испуган нашей первой встречей/А я уже молилась о второй. <…> За четким алмазным сплетением стихов видно, что у поэта отнято многое и потеряно все. <…> (М. В. Борисоглебский. Доживающая себя. Я всем прощение дарую. Стр. 220–223.)

Она учила их говорить так.

* * *

[На] днях слушала стихи 74-летней А.А. — совсем новые, совсем личные. В них была мраморная твердость и непререкаемая высота. И все-таки каждое слово в них окружено тайной недосказанности… и т. д. *(Т. Ю. Хмельницкая. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 588.)*

* * *

Чудесная! Как хорошо, что Вы все-таки сошли к нам — грешным — из Вашей горней страны… Но если уж сошли, так пусть все человеческое да не будет Вам чуждо. (Письмо Г. Чулкова — А.А. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 726.) Но здесь может быть все-таки и ирония.

И самое заветное желание, которое вы, неслышным вздохом, бросите в новогодний бокал — да будет вскоре исполнено.

Письмо П. О. Гросс. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 728

По привычке ей приписывают какие-то заветные желания, которые она выдыхает *в бокал.* А что там за желания, когда сын на свободе, карибский кризис, ею, очевидно, вызванный иль накликанный, благополучно завершился, жилплощадь отдельная

есть, семьдесят пятый день рождения пышно отпразднован, а в молитвах — если она молится — она ежевечерне просит избавить ее от праздных своевольных желаний?

* * *

Зима. Она одета плохо. Шла мимо какая-то женщина… Подала Ане копейку. — Прими, Христа ради. — Аня эту копейку спрятала за образа. Бережет… (Г. Иванов. Петербургские зимы. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 578.) Ее все — и друзья и недруги — хотели возводить в святые (такой был типаж). Она злилась, когда получалось топорно или слащаво. Сама она вышеприведенную сцену переписала, но все уже собиралось в гораздо более величественную картину — копейка уже не одна, а — множество дают по копейке, так что *стала б я богаче всех в Египте.* И подают не ей как юродивой, а юродивые припадают к ней, немые и калеки — за исцелением, — вы чувствуете, о ком это?

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, —
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы…

По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 171

* * *

Запись Д. С. Самойлова: *Она как-то сказала Копелеву, что Гумилев школы не создал, а она создала. Среди своих продолжателей она числит меня и Бродского. Отчасти (и внешне) это верно. (Летопись. Стр. 608.)*

* * *

Ахматова пригласила к себе литератора, переведшего с чешского стихотворение о ней, просит читать: *Я, старица Анна Ахматова,/ весталка мертвых… <…> я/ утопленница,/ черная лебедь Невы,/ Анна Ахматова. <…> «Великолепные стихи!» —*

сказала поэтесса, когда я кончил читать. (О. М. Малевич. Одна встреча с Анной Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 49–51.)

* * *

Кто бы ему, следующему автору, мог подсказать такие (таких никто от себя не скажет, только под диктовку) слова: *«Вы дышите тем разреженным воздухом, который не был бы легким даже самой Сапфо, — не многие поэты — даже у нас в России — дышали таким. От такого воздуха Вам должно быть легко и УЖЕ НЕ СТРАШНО. (Арсений Тарковский. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 713.)* Сапфо — это хорошо для сравнения, как метафора, — ведь не похожа же она на нее в самом деле? Поэты могут быть похожими, только если они совсем уж средненькие, никакие, похожие друг на друга. Сапфо трудно быть на кого-то похожей, скорее все-таки за первоисточник надо принимать ее — ну и что за лесть для Анны Ахматовой быть чьим-то двойником? Смысл здесь только один — в имени Сапфо ее устраивала его повсеместная известность, мировая слава, да еще и протяженная во времени — вот для этого-то с безотказностью рабыни она Сапфо эту и таскает за собой. *Дурак! Олух царя небесного! Какую ахинею несет! При чем тут Сафо?* (Это она не про Тарковского — словечко многие подхватили, а тут еще так разошлась, потому что француз.) *Что? Я воспеваю любовь? Призываю к самоубийству? Живу не в Петербурге, а на острове Лесбос?* Это серьезная причина, чтобы поэтам ни в чем не совпасть. *(В. Сосинский. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 713.)*

Я боюсь, когда меня сравнивают с Пушкиным. Такая громада — и вдруг я с горсточкой странных стихов. Уж лучше с Сапфо. От нее остались только начала стихов… (Г. Глекин. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 713.)

Ну и наконец. В 1950-е годы ей сказали фразу Мандельштама: «Величайшая в мире поэтесса после Сафо». (Я. Рогинский. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 713.) Как же это раньше про Мандельштама было такого не узнать — в Ташкенте, например, когда проводила с Надеждой Яковлевной *наши ночи в бабьей болтовне?* Та, наверное, все «фразы» Мандельштама наизусть помнила.

* * *

Письмо Д. Е. Максимова. Поздравляет с Новым годом и выходом «Поэмы без героя». *Но почему, почему, почему она не целиком напечатана!! За это хочется кого-то побить, повесить на дыбу и выворачивать суставы — того или То, что вынудило их к этому. И все-таки сдерживаю себя… (Летопись. Стр. 624.)*

* * *

Тема *диссертации* (предложенная Анной Андреевной): «*Ахматова и ее читатели*». Какими могут быть «читатели Толстого»? Что о них написать? Библию? «Читатели Достоевского». Кто они? Какие писали ему письма, стихи? А Пушкину? Как исследовать круг его читателей? Чем меньше поэт, тем сплоченнее группа вокруг него, тем яростей и нетерпимей.

Нерукотворное

…очевидность того, что «Поэма без героя» диктовалась свыше, что это — божественное произведение, рожденное не просто светозарным талантом изящной трагической поэтессы:

Иногда я вижу ее всю сквозную, излучающую непонятный свет… распахиваются неожиданные галереи…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. С. 223

Вот так можно писать самой о себе, о своих работах — излучающих непонятный свет… Что уж тут непонятного!

На месяцы, на годы она [Поэма] *закрывалась герметически, я забывала ее, я не любила ее, я внутренне боролась с ней. Работа над ней (когда она подпускала меня к себе) напоминала проявление пластинки.*

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 216–217

* * *

…и раня меня самое. Попытка заземлить ее <…> кончилась полной неудачей. Она категорически отказалась идти в предместия.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 223

* * *

Но все это из «Другой», от которой (пора признаться) я прячусь, как умею, и бываю сериозно повреждена (орфография автора — то ли южнорусские представления об изысканном слоге, то ли, как будто невзначай, как будто аутентично стародавние правила), *когда она меня настигает. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 229.)*

* * *

Кажется, сегодня кончила «Поэму без героя» («Триптих»). Позднее приписано: «Нет». (Записные книжки. Стр. 248.) Время от времени Анна Андреевна перечитывала дневник и, изредка,

делала исправления: вот, грустно покачав головой, пишет краткое — «Нет», Поэму закончить нельзя, это — время, музыка, «Фауст»…

* * *

…Всего этого Поэма не захотела. Интересно, чего же еще она захочет?

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 231

Читатель и слушатель попадает в этот вращающийся воздух, отчего и создается магия, вызывающая головокружение…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 232

Все это я, разумеется, говорю неизвестно для кого и неизвестно зачем; читатели же должны верить, что она, как опытная космонавтка, вот так и спустилась с неба, никогда другой не была, никогда другой не будет и не может быть.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 234

И наконец произошло нечто невероятное: оказалось возможным раззеркалить ее (поэму, конечно), *во всяком случае,* ***по одной линии****. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 251.)*

Свыше диктуется не только поэма — все, выходящее из-под ее пера.

Стихи замерли где-то за дверью.

Записные книжки. Стр. 151

Теперь она (пьеса «Энума Элиш», «сожженная») *вздумала возвращаться ко мне.*

Записные книжки. Стр. 229

Статья как бы пустила ростки (как клубника) и пошла, пошла, на глазах превращаясь в автобиографию. Пришлось отрезать в самом интересном месте.

Записные книжки. Стр. 445

Утром боролась со стихами, которые хотели существовать — а я не хотела.

Записные книжки. Стр. 489

1965 год? Дарственная надпись: *Томашу Венцлова тайные от меня самой мои стихи — благодарная Анна. (Летопись. Стр. 676.)* Венцлова 1937 года рождения. Интересная особенность, не правда ли, смиренной, царственной и в любом случае безвозрастной «Анной» Анна Андреевна подписывается только в письмах и записках молодым мужчинам.

Ты, Моцарт, недостоин сам себя. *Вы сами не знаете, что Вы делаете, Анна Андреевна.* Если кто не понял, что за Анну Андреевну пишет та самая Муза, что и диктовала г-ну Данте страницы «Ада», — казалось бы, тут уж не понять невозможно, но на всякий случай, чтоб в вечности уж наверняка не затерялось, — она все повторяет и повторяет.

Так возясь то с балетом, то с киносценарием, я все не могла понять, что, собственно, я делаю…

Записные книжки. Стр. 185

На днях В.М. Ж<ирмунский> очень толково объяснил мне, что, собственно, со мной произошло.

Записные книжки. Стр. 527

Вот если бы не было всего этого — сдержанно-делового тона, инициалов, *очень толковых* академиков, *что, собственно,* и пр., — то ей можно было бы простить изумление от собственной гениальности…

Сейчас я поняла: «Вторая» или «Другая» <…>, которая так мешает чуть ли не с самого начала (во всяком случае в Ташкенте), — это просто пропуски, это незаполненные пробелы, из которых, иногда почти чудом, удается выловить что-то и вставить в текст…

Записные книжки. Стр. 147

* * *

А.А. уезжает из Комарова в Ленинград. Все не так просто. *Этот отъезд кажется мне предательством. Думается, что я здесь чего-то не доделала, не додумала. А Она (Муза) без меня не может. (А Ахматова. Т. 6. Стр. 303.)*

Похвальба себе

А.А. <…> записывала, резюмируя собранные ею высказывания читателей о цикле: «Это Carmen о любви, но любовь ни разу не названа и соединено с ужасом запретности, о преодолении которого было бы просто нелепо мечтать».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 196

Ну почему *резюмируя*? Ведь видно же, что это — мысли, слова, красивости — все свое, рукотворное, самой Анны Андреевны домашнее печенье. Эти *читатели,* продукт советской уравниловки — поэту нужен ЧИТАТЕЛЬ, не ЧИТАТЕЛИ — почему она даже в дневнике не прогонит их? Может, без ссылки на *читателей,* просто от себя, удалось бы найти менее выспреннюю интонацию?

Кстати, эти «читательские высказывания» можно сравнить с наставлениями Анны Ахматовой Эренбургу, что и как, какими словами (*запретное, ужас* и пр.) надо описывать ее творчество.

* * *

25 декабря А.А. сказала, имея в виду отпущенный в мир «Реквием»: «Боюсь, что снова буду центром землетрясения».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 169

* * *

В последние месяцы своей жизни, составляя список тем для будущих <…> ахматоведов, А.А. наметила и такую: «Лир<ическая> героиня Ахм<атовой>.

* * *

Об ахматовских устремлениях наметить контуры «ахматоведения» сын ее рассказывал: «<…> в конце 1950-х — начале 60-х, когда все писали диссертации, она тоже собралась

писать диссертацию на тему «Молодая А<хматова>», но я отговорил, сказал: «Тебе не сдать «Основы марксизма-ленинизма».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 595

Такое бывает и в более благородных семействах.

То, что она (Софья Андреевна Толстая) *в последнее лето жизни отца сделалась невменяемой, к сожалению, верно. Это не отрицала впоследствии и она сама, это, конечно, видел и знал Лев Николаевич. <…> Она купила пугач и часто ночью, без всякой видимой причины, стреляла им из форточки.*

И. Л. Толстой. Мои воспоминания. Стр. 261, 271

Лучше бы Ахматова купила тоже себе пугач.

Пример Лысенко вскружил ей голову, она хотела своей «Молодой Ахматовой» (что за название? диссертантка путает жанры — «Юность гения», «Детство Богородицы» — это не научные труды) заложить фундамент новой лженауки. Ведь хоть в ахматоведении и трудно ожидать критически настроенного исследователя, но того и гляди всякого понапишут. *И как он смел! Это черт знает что такое!*

* * *

Список тем для будущих диссертаций, составленный на досуге собственноручно Анной Андреевной.

Приводится с восстановленными сокращениями без, в виде исключения, угловых скобок, поскольку сокращено в оригинале почти каждое слово, вариантов прочтения практически нет. Читать со скобками невозможно, а биение мысли понятно. *I. Ахматова и наследие классической русской поэзии. II. Ахматова и фольклор. III. Лирическая героиня Ахматовой. IV. Влияние на следующие поколения.* Бах! Бах! Снайперский огонь из пугача! *Подражатели за границей (Багряна) и дома. V. Ахматова и ее читатели. (Стихи, письма.) 10-е годы — выступления, мода — 20-е (Л. Рейснер), 30-е, 40-е, 50-е, 60-е.*

Нумерация грядущих диссертаций ведется римскими цифрами.

Годы, в которые была мода на Ахматову, — арабскими. Все десятилетия поименованы по отдельности, слишком эпохальны были свершения в каждом. Автор начал писать о десятых — когда НАЧАЛОСЬ, но потом пришлось написать и «двадцатые», потому

что влияние Ахматовой только окрепло, потом — «тридцатые», потому то она становилась легендой, потом — «сороковые», потому что появилась новая волна ее славы, потом — «пятидесятые», потому что, кроме нее, уже никого в этой стране не было, а потом — бешеная мода на Ахматову шестидесятых, когда все стало на свои места, она — это наше все… Автор не мог этого не писать…

Р. Тименчик предваряет цитирование ТЕМ ДЛЯ БУДУЩИХ ДИССЕРТАЦИЙ фразой: *Список тем имеет смысл привести полностью. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 595.)* Не может быть, чтобы он не насмехался над ней.

* * *

В злополучной статье А.А., во-первых, должен был насторожить отголосок тыняновского эссе «Промежуток», с которым А.А., похоже, спорила в «Поэме без героя». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 213.) Стоит писать ПОЭМУ, чтобы спорить с критиком? Для этого существует жанр литературного фельетона.

* * *

Уста народа открылись, и уста эти — А.А. Поклонимся ей земно. <…> «Это не статья, это вопль!», — сказала А.А. с явным одобрением.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 212

* * *

А. придиралась к каждому слову его (хвалебной) статьи о ней, величественно поворачиваясь в профиль…

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 213

* * *

Разбросаны в строках, строфах звенья цепи чувств, но не свяжешь их в одно, они — недосказанные…(Из статьи 1916 года. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 706.) *Недосказанные* — слово непростое, редкое — отчего так часто встречается у Ахматовой про Ахматову? Как видим, даже не ею придуманное.

Напевная инверсия — *но не свяжешь их в одно,* никаких прилично-нейтральных: *их не свяжешь в одно,* не говоря уж о критической или исследовательской интонации. В разборе Ахматовой это недопустимо. Это все только для Жданова.

* * *

В дневниковых записях Ахматова сообщает, что читала либретто по «Снежной маске» В. Ходасевичу, отзыв которого о сценарии она назвала «ослепительным». (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 712.) Это примечание составителя. Дневник с оценками — все-таки будем смотреть правде в глаза — не отзыва, а отзываемого — писался не по горячим следам, а когда все уже виделось великим.

Либретто слушал и Корней Чуковский. *Она лежала на кровати в пальто — сунула руку под плед и вытащила оттуда свернутые в трубочку большие листы бумаги. <…> Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже. (К. Чуковский. Т. 1. Стр. 184.)* Как только она напишет либретто, Артур Сергеевич быстренько напишет балет, а Дягилев, оставив эйфорию оттого, что во Францию вернулся Стравинский и получил от него заказ, — бог с ним, подождет! — его сразу поставит в Париже. Он уже познакомился с Коко Шанель — она несомненно даст денег на постановку и создаст костюмы, Пикассо бросит свои декорации к «Пульчинелле» и будет работать для Артура Сергеевича — даром что, скорее всего, не знаком с его революционными песнями, которые он писал и, будучи комиссаром музыки, РЕКОМЕНДОВАЛ для изучения в массовых школах. В общем, все выйдет вроде задуманного в середине шестидесятых годов семейного (всемирного, соответствующего Ахматовой по значению, несостоявшегося) издания:

Триптих
Поэма без Героя
(Юбилейное издание)
1940–1965
С предисловием Анатолия Наймана.

Музыкой Артура Лурье и Ал. Козловского.

Оформление: Борис Анреп, Натан Альтман, Дм. Бушей.

Истор<ико>-арх<ивная> справка о Ф<онтанном> доме Ирины Каминской.

Ленинград, Ташкент, Москва.

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 225–226

* * *

Поэтесса Виттория Колона, которая <…> «в старости стала предметом поклонения за свои высокие нравственные достоинства: на нее смотрели, как на святую», умерла, и Микеланджело горевал, что не поцеловал ее мертвое лицо, а только руку. А.А. сравнила с Микеланджело кого-то из своих современников, «Икса», с таким же строгим целомудрием относящегося к ней.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 274

* * *

В больнице А.А. показывала ей европейские газеты: «Вот последнее, что обо мне написали. Это перед смертью». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 273.) Вы лежали в палате с соседями? Показывали им газеты? Показывали вам? Величественна ли старуха, показывающая перед смертью газеты?

* * *

Модильяни очень жалел, что не может понимать мои стихи, и подозревал, что в них таятся какие-то чудеса, а это были только первые робкие попытки.

Анна Ахматова. Амедео Модильяни

* * *

А.А., как это может заметить читатель З<аписных> К<нижек>, фиксировала все замеченные ею упоминания своего

имени в советской печати. По кривой индекса цитируемости она старалась угадать свое сегодняшнее положение.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 576–577

Положение ее было однозначно: на пороге смерти. А уж для чего тогда *фиксировала* — предположения могут быть разными.

* * *

Я сказал: «Вот прекрасная тема для статьи — «Эпиграфы Ахматовой» Подарите это кому-нибудь из ахматоведов». Она мне ответила: «Никому не говори. Напиши сам. Я тебе кое-что для этого подброшу»

М. Ардов. Возвращение на Ордынку. Стр. 71–72

Каждый эпиграф выбран не для прояснения или углубления смысла, а для вызывания определенного уровня ассоциаций об Ахматовой, культурной и образованной женщине. Эпиграф из Овидия — неплохо, жаль только, взят из эпиграфа к другой книге другого автора.

Что за филолог, что за литературовед был Михаил Ардов, кому не прочь она была бы вручить, минуя преданных профессионалов, прекрасные темы? Кого люблю, того дарю.

Ахматоведов она представляет сворой грызущихся и соперничающих дельцов. Ардов подбрасывает льстивую реплику — она знает, как отблагодарить.

Я говорю: «До чего же сложную работу вы даете будущим исследователям. У вас тут стихи, телефонные номера, даты, имена, адреса… Кто же сможет в этом разобраться?»… Ахматова поднимает голову, смотрит на меня серьезно и внимательно, а затем произносит: «Это будет называться «Труды и дни». (М. Ардов. Возвращение на Ордынку. Стр. 12.) И не без гесиодовских параллелей, и задать трудов и дней исследователям. Чтобы не завидовать пушкинистам, будто они на кого-то более сложного работают.

* * *

Ахматова узнала, что Льву Копелеву знакомые из-за границы прислали статью про ее торжества в Италии. *В те дни Анна*

Андреевна вышла из больницы после инфаркта. Она несколько раз звонила нам, приглашала. <…> И она каждый раз говорила: «Пожалуйста, не забудьте захватить с собой статью этого немца, говорят, она занятная». Но как показать ей тот лихой репортаж, с шуточками по поводу ее возраста, внешности? <…> Анна Андреевна звонила снова. Уклоняться было уже невозможно. Она сказала, что приготовила нам свои новые книги…

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 290–291

Письмо А.А. — К. И. Чуковскому: *С каждым днем у меня растет потребность написать Вам (писем я не писала уже лет тридцать), чтобы сказать, какое огромное и прекрасное дело Вы сделали, создав то, что Вам угодно было назвать «Читая Ахматову». (Записные книжки. Стр. 222.)*

Лидия Корнеевна не зря писала про какой-то «выключатель» внутри Ахматовой — что-то у нее действительно перемкнуло не в ту фазу, раз она называет ОГРОМНЫМ И ПРЕКРАСНЫМ ДЕЛОМ статью О СЕБЕ. Она сама может так думать, и весь мир может быть с нею согласным, но говорить об этом уже не называется нескромно, это просто глупо, потому что она забылась: Чуковский писал не о Пушкине и не о Данте. Это письмо может жить только как черновик, который ей надо было бы дать кому-то переписать от своего имени. Например, Лидии Корнеевне (она самая безотказная) — вот пусть она и пишет отцу: «Какое ты сделал огромное и прекрасное дело…» — и далее по тексту.

За прошедшие тридцать лет ничто ей не показалось достойным ее эпистолярной милости. А сын Лева еще сокрушался, что мама в лагерь ему не пишет…

* * *

Записывает свои впечатления о посещении Солженицына. Строго, не скрывая ничего, с величественной скромностью — о себе ни слова, все о нем:

Про мои стихи сказал недолжное.

Записные книжки. Стр. 253

Вот ведь — и не передала дословно, что конкретно было сказано (а вдруг что-то не столь уж запретное?), но найденное ею самой определение для комплимента Солженицына производит такое ошеломляющее впечатление, что лучше уж бы она по-

простому написала, что Солженицын упал ей в ноги и ни за что не хотел подняться — я, мол, недостоин и пр. Какое-то тяжеловесное слово, редкое и мощное, какой-то безоговорочной силы, против чего ни у кого язык не повернется хоть что-то сказать. Не-долж-ное!

* * *

Начало октября 1961 года. Второй инфаркт. Лидия Корнеевна Чуковская называет его «третьим». Когда был первый? Тот, о котором ленинградская знакомая напишет *«после инфаркта, перенесенного в Москве…»* — в Москве Лидии Корнеевне *«неизвестно, то ли микро, то ли не микро, но во всяком случае велено лежать, и она лежит»* — был *тяжелым сердечным приступом. (Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 269.) В* Ленинграде он стал безоговорочно инфарктом, первым, а настоящий первый — по ее счету второй — она назвала приехавшей ИЗ МОСКВЫ Лидии Корнеевне уже третьим. То есть поезд Москва-Ленинград возит еще в багажном отделении и ахматовские инфаркты.

В. А. Манулов со знакомым посетили Анну Ахматову в больнице. *Когда мы уходили, Ахматова вышла с нами на лестничную площадку, и тут я вспомнил и рассказал ей, что на днях в Комарове на даче у академика М. Л. Алексеева я встретился с профессором из Люксембурга, специалистом по русской литературе. Он недавно был в Париже и посетил в Сорбонне специальный семинар, посвященный творчеству Ахматовой. До этого сдержанная и спокойная Анна Андреевна вдруг вспыхнула и с негодованием воскликнула: «Вы с этим шли ко мне, мы говорили почти целый час, и вы могли уйти, не рассказав мне этого!» (Летопись. Стр. 572.)*

Почти гениально

Раскрывает перед читателями (дневник — на читателя) свои тайны, свои будто бы бытовые обстоятельства, за которыми — все особенное, непростое, что происходит только с великими:

Завтра (23 окт<ября>) покидаю Будку. Этот отъезд кажется мне предательством. Думается, что я здесь чего-то не доделала, не додумала. (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 303.) Сказано сильно. Что же или кого предает? Что-то под стать своему величию — народ, или поэзию, или, как ни удивительно, музыку — музыку вообще.

О ней — просто так, с середины фразы, с эпического союза «и», разорванная страданиями мысль (или ее графоманские блуждания):

…и музыку, которая пила мою душу, я тоже как бы оставляю без питья и от этого сама испытываю ее жажду. Одним соснам решительно все равно…». (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 303.) То ли действительно — съезжает с дачи на зиму, а водопой у музыки — только комаровская будка, то ли — думает о смерти, и — на кого музыку оставлять? — Печаль! — Ведь она напиться-то только ее, ахматовской, душой может, да и то только когда тело ее находится в определенном месте, на финских берегах.

…У Ахматовой есть поклонники. Некоторым все это нравится.

* * *

Взрослый человек, взрослая, пожилая женщина выводит в своей тетради: *Стихи из ненаписанного романа.* Форма эта — стихи из романа — только что стала известна и даже принесла их автору Нобелевскую премию. Не бог весть какой новаторский или плодотворный прием — ну получилось так. Легло в строку — но нет никакого смысла активно его использовать, разве что у кого тоже просто так получится. Ахматова без всяких отсылок к Пастернаку тяжеловесно — ее слова на вес золота — выводит: *стихи из романа.*

Роман никакой не написан. Она считает, что невзначай сказать о *ненаписанном* — почти так же значительно, как объявить, что у нее в портфеле кое-что есть. Вызрело. Ну и плюс ненаписанность придает этому ненаписанному какие-то дополнительные очки — то ли он лучше того, подразумеваемого, вознесенного минутной славой до небес, то ли таинственнее, то

ли нужнее миру… да только жизнь у несостоявшегося автора — сплошная трагедия, не пастернаковская литературная поденка, уж не до романов…

К ненаписанному роману стихи тоже как-то не написались.

* * *

Нет, не на московском злом асфальте (ср. не под чуждым небосклоном).

№ 1. Ты написала до конца? № 2. Почти. № 1. Но до какого места? № 2 (небрежно смотря в рукопись): Окровавленная и пустая, но она должна быть, наша связь… (Записные книжки» Стр. 480.) По какому признаку отбирались эти тексты как значимые для помещения в летопись ее жизни и творчества? Если б стихи, то понятно — у поэта все должно быть знаково, каждый стих — веха. А что было найдено в этих вот надрывных словах: *окровавленная и пустая*? К чувству ее, к раздирающему желанию любви и ответа претензий нет, чувство это было реально и не гасло в ней. Она садилась к столу — оно разгоралось, рвалось, она вытаскивала из себя крики, она не верила, что должна когда-нибудь прекратить, и еще менее — что она не докричится, что ОН и все не поймут, как действительно все это ЕСТЬ между ними, — и неспешные многозначительные разговоры, непонятные и недоступные для всех остальных, простых, и величие ее таланта, признанного во всем мире, но которым она пренебрегает ради трудности и жертвенности своей любви, вот этого величественного, шекспировского, всемирно-исторического — и в то же время интимного, личного для них — *окровавленная и пустая… наша связь…*

Текст этот только трудно признать литературой.

* * *

…доска в честь Веры Комиссаржевской, которая умерла в Ташкенте в 1910 году от черной оспы. *«В 1910 году, — сказала А.А. — До всего!.. И дом — как глухая исповедь». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 722.)*

Краткость — не сестра таланта. Никто и ничто не кратко. Жизнь бесконечна. Кратки только ярлыки. Анна Ахматова писала кратко, потому что больше — было не о чем, а к тому же — получалось не так красиво. *И дом — как глухая исповедь.* Зачем она так сказала? Ну да, дом заброшен в Ташкенте, церкви в

Ташкенте всегда были, может, не в самой близости, можно за батюшкой не добежать к сроку, вообще глухая исповедь — не самый лучший расклад, неблагодатно, невезение. Мысли о Комиссаржевской и — сразу — о глухой исповеди (когда уж умирающий ничего не говорит, а ведь могло бы быть все и по-простому, почему бы и нет, слишком часто — для атеистов, приверженцев разве что теории совпадений — умирающие в самый нужный час решаются оставить надежды и исповедаться «нормальной» исповедью) могли прийти одна за другой (смерть — исповедь — какие бывают исповеди), но оставались все равно слишком далекими, на краях слишком широкого круга. Смерть Комиссаржевской была для такого разброса слишком конкретной, но фраза *дом — как глухая исповедь* все-таки должна была быть сказанной. Подумалось — и было понято, что пришло в голову красиво. Не сказать, не велеть записать — нельзя. Было услышано… Не разгадано… Тайна…

Нам дано знать друг о друге многое, вероятно, даже больше, чем нужно…

Записные книжки. Стр. 395

* * *

День смерти <Пастернака>. Была в Переделкине у Бориса. Могила, сосны, серебряный горизонт. (Записные книжки. Стр. 233.) Право, это излишне. Ну все знают, твердо помнят, что она — поэт, в собственных записных книжках могла бы и расслабиться, описывать горизонты без оригинальных эпитетов.

А вот прекрасное начало для повести. Вчера приехала в Будку. Почему-то все чужое. Живу пока одна. Погода серая, свежая.

Записные книжки. Стр. 234

Была в Коломенском и несколько раз каталась по Подмосковью. В этом году оно ослепительно.

Летопись. Стр. 588

Из нежной призрачной комаровской весны <…> въехала в яркое, пышное, почему-то спелое московское лето.

Записные книжки. Стр. 367

Вот традиционное перемещение Москва-Ленинград-Комарово.

Сегодня заканчивается мое призрачное пребывание в Москве…

Записные книжки. Стр. 372

Ленинград. Приезд. Город, как омытый — весь сияет. Ехали мимо Фонтанного дома. <…> Летний сад — сама тайна (даже от меня). Иосиф — библейское. Ивановский с розами. <…> Т<оля> у меня.

Записные книжки. Стр. 372

Комарово. Ехали по белой ночи. Уже обжитая дача, мнимая тишина.

Я в Москве. Москва какая-то новая, тихая.

Эсхатологические небеса почти с грозной надписью.

Записные книжки. Стр. 486

Еще три дня июля, а потом траурный гость — август <…>, как траурный марш, который длится 30 дней.

Записные книжки. Стр. 644

Август, оказывается, был вовсе не таким уж мирным, а наоборот, завершал бурное сорокалетие <…> Зрелище почти величественное, и завершал ли? Неужели опять думать и говорить о поэме? Хренков просит интервью…

Записные книжки. Стр. 734

Выписываюсь в субботу. Рада ли? Не знаю.

Записные книжки. Стр. 711

Написать «Восп<оминания>» о Блоке, который все предчувствовал и ничего не почувствовал.

Записные книжки. Стр. 652

В этот месяц, когда я, кажется, нуждалась в утешении, мне прислал его только Элиот. (Записные книжки. Стр. 654.) А Бах? А Моцарт? А Данте? Нет, в этом месяце только Элиот.

В Герм<ании> вышел мой двухтомник <…>. Однако мне не прислали. Как все это скучно!

Записные книжки. Стр. 655

Накануне на приеме у французов посол просил передать мне, что Франция открыта для меня в любой момент. (Записные книжки. Стр. 691.) Это дневник. Для самой себя она хочет записать, что о ней знает посол, что у нее никогда не будет проблем с визой. Для нас с вами — что ФРАНЦИЯ для нее открыта и пр.

* * *

«Дневник» пишется с трудом. Мысли она бережет для стихов. Литература, считает она, это записанные мысли. Ее дневник даже до такой литературы не дотягивает, хотя она часто прибегает к палочке-выручалочке — записи повседневного. Собственно, дневники так и делаются: человек пишет дату — и пошло. Мы потом читаем не отрываясь. Задумывается о жизни и Анна Ахматова.

В четверг поеду в город за пенсией. Поможет мне на этот раз Володя.

Да здравствует Леопарди! Начинаю.

Записные книжки. Стр. 668

Кончается осень. Начинается Она. А что с ней делать — неизвестно.

Записные книжки. Стр. 674

Воскресенье. Ночь. Один из чернейших дней моей жизни. Утром милое письмо от Иры.

Записные книжки. Стр. 697

20 октября. Опять требования «Пролога» из ФРГ. Поздравление от Корнея. Пишет, получил запрос из Англии и Америки о моем здоровье. Мило!

Записные книжки. Стр. 692

Комарово. Сегодня у посетителей, очевидно, просто выходной день.

Записные книжки. Стр. 609

* * *

Стихотворение Бродского «Осенний крик ястреба». Пусть оно — непосредственно о жизни на этой земле и об уходе в небеса с криком, темы могут быть и скромнее, но осмысленность текста все равно должна присутствовать.

Ахматова пишет где-то прочитанные слова, к большинству из которых она вполне равнодушна, выводит их — попарно, тройками, большего объема не нарабатывается — и любуется, отстраняясь — понравится ли читателю? читательницам?

Жемчужины эти лопаются пузырями на уплывающей от стираного белья воде по гниловатой речке.

* * *

Дневник Л. М. Андриевской: В прошлом году Анна Андреевна меня спрашивала: «Как вы ощущаете весну в этом году?» — «Никак». — «А я слышу ее, и вижу, и чувствую. Мне хорошо». (Седьмые ахматовские чтения. Стр. 34.) Вот человек запомнил такие точные — и смелые, и неповторимые слова. Так некоторые всю жизнь помнят и ахматовские стихи.

* * *

Какую античность она воскрешает своей колесницей, о какой глубине христианского миросозерцания сообщает, какую фольклорность студенческого капустника демонстрирует? Возьмите любые дневники — Пушкина, Толстого, Достоевского, Блока, Вен. Ерофеева, откройте наугад и прочитайте хоть страницу — и попробуйте вставить задумчивую фразу: *«Сегодня Илья* (Анна Ахматова не скажет даже «Ильин день», а уж совсем обыденно, по-народному — Илья). *Вчера всю ночь он катался на своей колеснице по небу»* (Анна Андреевна церкви не посещала, поэтому в датах путалась, но сейчас не об этом). Что скажете? Кого могли бы заинтересовать видения катящейся колесницы? Катится — и что? Если б такая фраза могла случиться в юношеской части дневника, то это наверняка дневник человека, который никогда не вырастет и никогда не станет значительным человеком. В годы ясности рассудка таких рассуждений тоже не бывает.

* * *

Еще из «Пролога». Гость: Хочешь, я возьму тебя с собой? (за границу, имеется в виду) *Х. (с отвращением): Это уже было… и много раз.* Наверное, хочет напомнить. *«Мне голос был…» и пр.*

* * *

У судеб не так уж много принципиальных схем. Многие похожи. Фет писал свои лучшие стихи на старости лет. Ситуация, похожая на ахматовскую, — начинал в молодости, потом замолчал (работал по хозяйству). К 1877 году разбогател, купил красивое и богатое имение, получил дворянство — и стал заново писать прекрасные стихи. Ахматова тоже легко не жила, к старости стала благополучна — были деньги, признание, окружение. Писала «Энуму Элиш». «Пролог, или Сон во сне». Подзаголовков очень много. Можно списать на то, что рука в предвкушении вдохновения выводила вензеля на бумаге. А вдохновение все не шло. Остались одни подзаголовки, вторые названия, посвящения, прологи, варианты, *м.б. вместо предисловия, м.б. дневник, м.б. письмо к Х., второе письмо к Х. (просто мне нравятся четные числа, какое вы хотите: седьмое?)*… Из сожженной тетради, из ненаписанного романа, титульный лист, отрывок, приписываемое (найденное в приплывшей по морю бутылке), планы, темы для будущих диссертаций.

* * *

Вот подзаголовок: *Проза* (хотя это все-таки драматургия, полная булгаковских перепевов: телеграмм о том, что пьеса принята к постановке, одноглазые иностранцы в директорской ложе, бойкие домработницы…).

Из нее — отрывок. По совету критиков — без комментариев.

Некто на стене: Ты звала меня?

Х.: Ты кто?

Некто на стене: Я тот, к кому ты приходишь каждую ночь, плачешь и просишь тебя не губить. Как я могу тебя губить — я не знаю тебя и между нами два океана.

***Х.:** Узнаешь. Сначала ты узнаешь не меня, а одну маленькую книжку, потом… <…>*

***Он** (молча закрывает лицо руками): Зачем ты такая, что тебя нельзя защитить? Я ненавижу тебя за это. Скажи, ты боишься?*

Она *(протягивая руки): Я боюсь всего, а больше всего — тебя. Спаси меня!*

Он: *Будь проклята.*

Она: *Ты лучше всех знаешь, что я проклята, и кем, и за что.*

Он: *Ты знаешь, что ждет тебя?*

Она: *Ждет, ждет… Жданов.*

Слетаются вороны и хором повторяют последнее слово. (Жданов! Жданов! Жданов! — зрители с гневной скорбью переглядываются.) *Адские смычки.*

Она: *Я разбудила моих птичек. Смотри, не проснись и ты.*

Он: *Я проснусь только, если коснусь тебя.*

Она *(выходит из стены и становится на одно колено): Все равно — я больше не могу терпеть. Все лучше, чем эта жажда. Дай мне руку.*

Удар грома. Железный занавес.

Сцена записана еще раз от слов: *Мы* (изменяется число) *разбудили моих птичек…*

(А. Ахматова. Т. 3. Стр. 329–331.)

Мрачное слово — Жданов… Анна Андреевна записывает в 1962 году, ей уже и дачи дали, и медали: *Казалось, этот гос<ударственный> деятель только и сделал в жизни, что обозвал непечатными* (вполне печатаемыми) *словами старую женщину, и в этом его немеркнущая слава. (Я всем прощение дарую. Стр. 468.)* Казалось только ей — он и других гадостей понаделал, ну а то, чтоб и к ЕЕ немеркнущей славе лепту подбросить, — это так, было.

Сказала о Блоке: «Не было более ненастного человека». (Вяч. Вс. Иванов. Летопись. Стр. 628.) Такое впечатление, будто она перед разговором листает словарь и составляет впрок какие-то, как ей кажется, необычные словосочетания, чтобы поразить собеседника свежестью своего взгляда. Блок не был человеком ненастья — для этого надо было быть унылым, длинноносым, с бледной тестообразной кожей, с холодным потом, с запахом холодного пота и влагой рукопожатья, большим и слабым. Блок был все, что наоборот. Она этого не знала — тогда (до разных публикаций) этого не знали, видели только то, что было на виду. Она не была ему близким человеком и ничего о нем не знала. А вот недавшийся — *недоступный, гордый, чистый, злой* — конечно, ее бесил, в меру сил она добавила в его образ мутной краски. «Ненастье» — вообще слово не ее лексикона, для нее слишком «погодное», простонародное. В ненастные дни королевы не гуляют, в ненастье только простолюдинки хворост тащат. Ну а в

Блока можно бросить. А может, и не думала о нем слишком — просто mot созрел, к кому-то его надо было приставить.

* * *

Я выписываю из книги Романа Тименчика те отрывки из записных книжек А.А., которые заинтересовали его. Я не хочу комментировать сами ее записные книжки, не хочу и читать их. Я не хочу быть ее исследовательницей, она мне неинтересна. Я читаю то, что о ней написали люди, чем она захватила их, как она их себе подчинила. Феномен Анны Ахматовой — в этом, не в ней самой. Сама она более или менее проста и ясна. Пресловутой ТАЙНЫ в ней нет.

* * *

Может быть, Ахматова действительно умно и остроумно рассказывала (должны верить на слово, поскольку все, что записывали за нею — не поражает, а характеристики блеска ее разговора могли родиться и от ослепления ее актерским даром). Говорунов много. Но все-таки поэтов мы знаем не по байкам. То, что писала она сама в своих записных книжках — представляет собой всего лишь смесь банальности и претенциозности. В простоте нет ни одного слова. Разумной, трезвой мысли, над которой она бы размышляла сама — нет ни одной, она путает дневник с госзаказом на панегирик. Почему же все-таки ее записные книжки не изданы? Издали 18 лет назад в Турине — и молчок. Ну, что там вперемежку бытовые записи — мы как-нибудь переживем (да нет там ни одной бытовой записи, Ахматова бытом не занималась, там — перечисление посетителей — но это она вела счет, чтобы поражались, сколько к ней припадало, письма — с той же целью. А всякие — *в городе свежо и серо, прозрачная весна* и проч. — помилуйте, писалось не для себя, а если для нас — то для чего нам «описания» из дамских повестушек?

* * *

А. К. Гладков в дневнике: *Н.Я. говорит, что А.А. давно ведет дневник и пишет мемуары. (Летопись. Стр. 550.)* Словам Надежды Яковлевны было бы невозможно не поверить. Как же такой

заслуженной, давнишней писательнице, поэтессе — и не писать? Даже удивительно, что она на самом деле ничего почти не писала.

* * *

2 июля 1963. Сегодня <…> мы (6 человек) одновременно видели Великое Небесное Знамение. (Летопись. Стр. 612.)

* * *

Чего только не напишет!

Смерть Неру. Особенно горестно после Тагора и приближения к буддизму, кот<орым> я живу последнее время.

Записные книжки. Стр. 464

Это уже заготовка для частушки. *Приближение к буддизму* — а там и что-то более или менее смелое про миленка: с насмешкой или с законной гордостью.

Приближалась я к буддизму
Та-та-ТА-та, та-та-ТА…

Ахматология

Ахматоведение — лженаука. Трудно назвать научной деятельность, когда всем возможным исследователям заранее объявлена истина, окончательное суждение и вывод, которые должны родиться в результате их исследований.

А в науку идут за открытиями. В ахматоведении все открыто. И избави вас боже заняться какой-то отсебятиной. Ученым дозволяется только изощряться, кто тоньше и пронзительнее напишет о чем-то подразумеваемом. Ну и конечно, не возбраняется строить замки, наполняя невеликие ахматовские тайны пересекающимися смыслами в меру собственных фантазий.

Ахматова не питала никакого специального интереса к классической древности.

Е. Рабинович. Ресницы Антиноя. Стр. 216

Ахматова интерпретировала его [Князева] *самоубийство именно в согласии с беллетристической логикой, а затем еще поддержала свою интерпретацию созданием текста, в котором эта логика приобрела совершенно мелодраматическую отчетливость <…>, а затем эта мелодраматическая интерпретация многие годы дополнительно поддерживалась авторским или авторизированным комментированием. (Е. Рабинович. Ресницы Антиноя. Стр. 218.)*

Вот таких исследователей она и ждала: которые будут со вкусом вчитываться и всматриваться в такие великолепные обстоятельства: *герой убивает себя прямо на пороге жестокой возлюбленной! (Е. Рабинович. Ресницы Антиноя. Стр. 218.)*

Общеизвестно, например, что Ахматова — по крайней мере в годы создания «Поэмы» — относилась к Кузину неприязненно, а при этом зависимость «Поэмы» от «Форели» совершенно очевидна.

Е. Рабинович. Ресницы Антиноя. Стр. 218

Специфика комментирования «Поэмы без героя» Анны Ахматовой в том, что текст этот не просто доступен комментированию, как <…> всякий вообще текст, но решительно на него ориентирован.

Е. Рабинович. Ресницы Антиноя. Стр. 205

Ахматова <…> «ахматоведением» всех видов интересовалась откровенно.

Е. Рабинович. Ресницы Антиноя. Стр. 205

Метафизика научной работы была ей неведома. Она видела пушкинистов — пишущих статьи, толстые книги, имеющих большие квартиры с видом на Неву, личные виды на звание академиков, числящихся при разных солидных институтах и комитетах, дающих непререкаемое положение своим более или менее ученым женам, радующихся толкованиям новонайденных или давно известных пушкинских строк. Все это она хотела зарядить на изучение себя — тайной, непонятой и горестной. Характеристика получалась не особенно академической. Здание академии можно построить только на хорошо подготовленной строительной площадке — ровной, надежной, видной всем, тайные закоулки ахматовской души академикам как-то неинтересны. Но другой Ахматовой у Анны Андреевны не было, и поскольку задача сделать из ахматоведения респектабельную школу казалась самой значимой под конец жизни — за неимением непосредственных творческих задач, — то она плодовито — урывками, бессистемно, неотступно — создавала вокруг себя — своей биографии, своей поэмы, своих задуманных (промелькнувших в воображении), но ненаписанных трудов — корпус фактов, текстов, шитых белыми нитками мистификаций, почтительно, со всей серьезностью распутываемых исследователями. Из ничего ничего не создашь.

Как она попала в круг первоклассных поэтов?

Советское литературоведение было акмеизмостремительным, центром его был, естественно, Мандельштам — и рикошетом так же значительна становилась Ахматова. Научный метод универсален. Ахматову изучали так же тщательно, как изучали Мандельштама, не давая ее поэзии оценок, то есть изучали параметры ее поэзии, тем самым вознося ее в ранг значительных поэтов.

«Сероглазый король» ее старости — «Шиповник цветет».

Перечитайте этот цикл. Перечитайте ее «прозу» — все эти бесконечные, болезненно не кончающиеся «Мне больно от твоего лица», «Что же ты наделала», «Я хочу слышать твои стоны» и пр. Любовь ее к Берлину была невыдуманной, она действительно существовала, это не были бойким пером записанные страсти — в ней была настоящая боль, живой нерв. Нескончаемой — все это было подлинным, как подлинна трагическая любовь подростка — и также беспомощной в художественном выражении, как то, что

пишет среднестатистический первично влюбленный в свою заветную тетрадку.

* * *

Институтка, кузина, Джульетта — не вошедшая в поэму строка.

* * *

Но последних стихов Анны Андреевны он не любил, вернее — просто с трудом читал. Очевидно, раздражала манерность сюжетного построения.

О. В. Ивинская. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. Стр. 173–174

Ахматова с высоты своего безупречного вкуса прохладно относилась к пастернаковской экзальтации…

Д. Быков. Борис Пастернак. Стр. 802

Так научила говорить.

* * *

Проза Ахматовой (а «Проза о поэме» — самый типичный ее образец) — такая «краткая», «чеканная», «афористичная» — состоит из двух моментов — банальностей и жеманных вводных или сопутствующих словечек, создающих, как ей кажется, незаметно нужный настрой. Эти последние тоже по большей части бывают двух родов:

— эпические союзы (…и я уже слышу голос, предупреждающий меня…),

— ужастики (ужас в том, что на этом балу были «все»),

— покорность тяжкому бремени гениальности. *(Гораздо хуже то, что делает сама Поэма. По слухам, она старается подмять под себя…* Впрочем, *по слухам* — это отдельный, часто используемый прием.)

О поэме

Каждому слову о себе она дает эпитет, каждый эпитет возводит в превосходную степень. Эпитетов мало — «страшный», «непонятный для меня самой», «странный», «сложный», «глубокий», «горький», «Сны и зеркала» — *quantum satis,* в каждом абзаце.

…чего я, конечно, не смею сказать о моем бедном «Триптихе».

Все очень многозначительно, вот заголовок:

М.Б., ИЗ ДНЕВНИКА.

Это не чистовик, но как пером поэта выводятся слова «может быть»? Так из дневника или нет? Поэт не всегда знает, что конкретно он станет говорить — из-под его пера могут литься самому ему не совсем понятные строфы. Но если он выводит: «может быть», «знаете ли», «вероятно» — и прочее, это создает не многозначительность, а — мусор.

В стихах Анны Ахматовой (и ее прозе) можно многие слова заменить на словечко «как бы». Пробуйте — и смысл (и музыка) нисколько не изменятся.

Практически к «как бы», к «на самом деле», к «м.б.» сводятся бессмыслицы вроде:

К ПРОЗЕ О ПОЭМЕ.

Если можно.

* * *

Она воображает себе буйство мистификаций, легенд, мифов, которые возникнут вокруг поэмы. Задолго до того, как наступить бы этому времени, она сочиняет их сама. Заносит в записи, озаглавленные «Примечание автора», «Предисловие к примечаниям автора».

В каком-то будущем она видит следующие картины (и записывает их уже сейчас):

Сотрудник [nomina sunt odiosa](об именах лучше умалчивать или имен называть не следует) извлек из «розовой папки» (почерк не Ахматовой) явно не имеющие к «Поэме без героя» отношения, и безуспешно старался (см. его доклад <…>) убедить читателя, что строки:

От меня, как от той графини,
Шел по лестнице винтовой,

Чтоб увидеть рассветный, синий
Смертный час над [страшной] зимней Невой.

(А. Ахматова. Т. 3. Стр. 273.) К сему следует примечание*: Текст строфы, которую Ахматова включала в некоторые списки поэмы, представляет собой литературную мистификацию — (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 710) — должны находиться где-то в тексте… <…>*

Недавно в одном из архивов Ленинграда был обнаружен листок, на котором находятся шесть стихотворных строк <…> Приводим для полноты и эти довольно бессвязные строки:

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну «Чакону» Баха,
А за ней войдет человек…
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится двадцатый век.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 273

Говорят, что после этой находки автор попросил прекратить поиски пропущенных кусков поэмы, что и было исполнено. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 274.)

Некто вернувшийся из тех мест, где стихи запоминают наизусть, принес две неизвестно кем сочиненные строфы и маловероятную новеллу, которую я не стану пересказывать. Сама сочинила, а пересказывать — не станет. Пусть и литературный прием, но прием — это только название, а содержание уже должно быть безупречным. *Текст.* (Действительно, идет гениальный ахматовский текст — волшебные невключенные строфы.)… *Дальше будто бы была еще одна строфа — совершенно волшебная, но полусмытая океанской водой, попавшей в бутылку, в которой якобы приплыла рукопись поэмы* (приплыла, как мы помним, в места не столь отдаленные). *(Рукопись в бутылке! Пошловато. Ну, ничего! — В крайнем случае сойдет.+ Прим<ечание> уже черт знает кого.) (Стр. 274–276.)*

Чертовщину и первобытный хаос (она ведь создает нечто абсолютно новое, не существовавшее прежде) она деловито и спланированно (здесь будет — трагическое) компонует сама: *там будут шутки, умные и глупые, намеки, понятные и непонятные, ничего не доказывающие ссылки на великие имена <…> главным же образом строфы…> При этих строфах будет написано*

невесть что… (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 272.)

* * *

Литературная мистификация — жанр неблагодарный. Набоков мог бы быть мистификатором, если б не включал добродетельным образом свои стилизации в свои, своим именем подписанные произведения. Ему это удалось бы, поскольку он не считал ни своих читателей, ни своих мнимых авторов глупее себя — оттого его экзерсисы увлекательны.

Итак, эта шестая страница неизвестно чего почти неожиданно для меня самой стала вместилищем этих авторских тайн (признаний). Но кто обязан верить автору? И отчего думать, что будущих читателей (если они окажутся) (Она считает, что мы не услышим пушкинского голоса *(«если Бог пошлет мне читателя»)* — вернее, она сама не замечает, что сама поет по-пушкински, по-другому она ведь и не может) *будут интересовать именно эти мелочи.* У Пушкина не было возможности оправдаться перед вечностью и пасть к ногам Анны Андреевны.

Блок на домашнем вечере один раз прочитал свою поэму и записал услышанные отзывы. От Анны Андреевны получил такое, что не отмыться. У нее же бесконечно:

Сегодня М. Л. Зенкевич долго и подробно говорил о «Триптихе»: Что в ней присутствует музыка, я слышу уже 15 лет…

О поэме. Список: кто, что, когда и почему говорил о поэме. Редактирует под себя, конечно, а уж рецензенты и сами под ее высокие запросы формулировки отшлифовали.

Отзыв современника! Кто же еще мог дать Анне Андреевне отзыв о поэме? Предок (Пушкин)? Потомок? Надо ждать, когда потомки народятся и подрастут и разверзнут уста для хвалы.

Списков довольно много:

Отзывы Б. Пастернака и В. М. Жирмунского (Старостина, Штока, Добина, Чуковского и т. д.). (Стр. 235.)

Поразительно бедна фантазия рецензентов, все повторяют одни и те же слова — чьи бы это могли быть?

Иногда Анна Андреевна изменяет своей патентованной краткости и передает целые речи (знатных иностранцев): *Чтобы поделиться с читателем моим горем и показать, как глубока и безысходна западня, в которую я попал* (это такой вычурностью выражений sig. Pagioli хочет доказать, что произведенное на него

впечатление было поистине колоссальным), *приведу несколько высказываний о поэме. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 252.)* Матрешка — Анна Андреевна записывает, что сказал г-н Паджиоли, г-н Паджиоли намеревается процитировать других столь же восторженных читателей — наверняка и те найдут на кого сослаться, но голос будет слышаться все тот же, самой поэтессы.

Приводит записи из чужих дневников: Показывали? Давали переписать? Я не исследователь чьего-то творчества, не составляю и не комментирую собраний сочинений классиков. Но если б я этим занималась, то непременно бы нашла в архиве и письмо читательницы о Софокле, привела бы соответствующее случаю высказывание Якова Захаровича Черняка из его дневника. Если таковые имеются.

Маскарад. Новогодняя чертовня

Ужас в том, что на этом маскараде были «все»
Дело за малым — ужаснуться этому ужасу.

* * *

Каждый любит свое детище. Это в природе человека. Садясь к письменному столу, человек становится автором. То, что написала Анна Ахматова о своей «Поэме без героя», — это ее текст.

Стихи — это те иллюстрации, которые она создавала к своему non-fiction, главному делу своих последних лет. Поэт должен начать писать прозу, она тоже рвалась к прозе. Она — о поэме — ее написала.

* * *

Хороша поэма «Сказ про Федота-стрельца» — хоть пой, хоть танцуй. И так ловко, хорошо — в общем, *«ти-ти-ти, а что — непонятно».* Пастернак ведь умел читать стихи?

* * *

«Аграфия» — деликатно говорила о себе Ахматова, боявшаяся письмами скомпрометировать себя перед потомством.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 155

А вот «Прозой о поэме», дневниками, записками к Бродскому — не побоялась.

* * *

П<отому> ч<то> слова о стихах не помогают, нужны — стихи.
МАРИНА ЦВЕТАЕВА — БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

* * *

..мнение Владимира Набокова о «Поэме»: «Grustno vsyo zhe, chto I eyo oprovintsialil strashnij muravejnik» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 477.) А ей казалось — «впервые», «нет прецедентов», «симфония», «страшно» — первый признак провинциала: что за городской стеной жизни нет. Как писали на заре ее литературной карьеры: *жалко только, что эта плохая песня так нравится самому автору*. Трепет Ахматовой, предчувствующей, как она удивит поэмой мир, почувствовался Набоковым.

Шестьдесят шестая проза

Бытовую сатирическую прозу Ахматова пишет («Буфетчица Клава», например) замечательно, в роде Зощенко, Булгакова и Ильфа и Петрова. Краткость, юмор, яркие зарисовки. Пару страничек, конечно, но смешно.

То есть литератор был небесталанный. Зачислен в чемпионы без боя, в результате околоспортивной борьбы — и не в своей весовой категории.

* * *

ПРОЗА. *Озерову заказали мой литературный портрет. А я решила написать сама — так, для баловства». (Л. К. Чуковская. Т. 3. Стр. 198.)*

7 сентября. Начать улаживать прозу для Милана.

Записные книжки. Стр. 554

10 сентября. Начинаю улаживать книгу прозы для Милана.

Записные книжки. Стр. 489

Заметка «Опять проза. I. О прозе вообще.

Записные книжки. Стр. 674

Взять бы хорошие переводы, а еще писать прозу, в кот<орой> одно сквозит сквозь другое, и читателю становится легче дышать.

Записные книжки. Стр. 697

Хочу простой домашней жизни. А прозу почти слышу.

Записные книжки. Стр. 701

«L'anne'e derniere a Marienbad» оказался убийцей моего «Пролога», <…> Читаю его с болью в сердце. <…> Кто поверит, что я писала «Сон во сне», не зная эту книгу.

Записные книжки. Стр. 711

* * *

Даже Анатоль Франс: *«Искусство — это в сотый раз увидеть по-новому то, что до тебя видели другие».*

* * *

Много думаю о прозе. Досадно, что я так поздно (1965 год) *спохватилась, но одну книгу я еще успею сделать.*

Записные книжки. Стр. 619

* * *

Во время встречи К. Симонов прочитал стихи, а А.А. спросила: «Вы прозу пробовали писать?» — «Нет», — ответил Симонов. «Будете, наверное», — сказала А.А.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 295

* * *

Читал [Сергей Антонов] *свои стихи. Но я ему напророчила прозу.*

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 309

* * *

Какую прозу ей писать? С кем становиться в ряд? Ждать новых форм, нового языка, новых тем, очевидно, не приходилось. Она сама задала свой уровень — сценарий о летчиках. Что она знала о летчиках? Видела ли она когда-нибудь живого летчика? Видела ли она когда-нибудь кого-то, погубившего друга из-за его жены? Что она стала бы о них писать, какие слова из ее лексикона приложимы к летчикам? Если ее обычные, то при чем тут летчики? Она «написала» этот сценарий — кто его заказывал? Кто его оплатил? Кто дал ей заказ? Просто так, по зову души. По

творческому зуду пишется все что угодно, кроме сценария. Где она видела сценарии? Вот она приносит эту весть (что она его написала, ей кажется это удачным ходом) своим ленинградским пажам. Они знают, что такое сценарий. Если б кому-нибудь из них удалось получить заказ на сценарий, или они, написав его — действительно, сценарии тоже пишутся без заказа, — а потом, взяв ноги в руки, автор пытается его пристроить, отдать в конкретное производство (этим хотела заниматься Анна Андреевна?) — вдруг перед ними забрезжила надежда, что сценарий может быть куплен — и вот Анна Ахматова объявляет им, что она написала сценарий. Никто не посмел задать ей ни одного вопроса… Для кого, почему? С Ахматовой — о сути.

О чем ваш сценарий? О летчиках. Неужели ей не было стыдно или стыдновато?

* * *

О прозе она вела какой-то болезненный, реагирующий как на горячее, воспаленный разговор. Проза значила нечто большее, чем «не поэзия». Какой-то еще один новый, формальный критерий, по которому она определяла — или направляла — людей: будет ли он ее соперником в мировой славе. Слава — мировая — могла быть только прозаической.

* * *

…«Листки из дневника», которым я продолжаю постоянно заниматься. Вероятно, кончится небольшой книгой». (Н. Я. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 269.) Как обычно, кончится ничем. То есть это даже не дневник, который пишется сам по себе, — книга в форме дневника, которым регулярно занимаются.

* * *

О прозе она мыслит категориями готовой продукции: «книга» («небольшая книга»), сценарий, либретто, проза. Писатели, которые пишут о том, что они хотели бы сказать, а не о том, в каком виде они хотели бы видеть написанное, пишут так: «работаю над романом», «мой роман продвигается», «мой роман о войне 12-го года», «пишу повесть о молодых врачах, уехавших

в…». Если имеют заказ, то тогда «сценарий до половины дописан». Собственные «книги», да еще «Книги» с большой буквы, подозрительно требуют к своему названию слов вроде «Бытия» или «Чисел», что уж тут прикрываться таинственным «Х»!

«План Книги Х», состоящий из двух разделов: I. «Pro domo mea» (ну что я говорила — если не древнееврейский, то хотя бы латынь) *(автобиографические и мемуарные заметки) и II. «Marginalia» (заметки о Шекспире, Достоевском и Л. Толстом).* То есть о маргиналах. *(Летопись. Стр. 515.)*

* * *

Вернулась домой после больницы, где эта тетрадь со мной не была. Сегодня так называемый «Старый Новый год». В больнице чуть ли не с первого дня писала стихи и прозу».

Летопись. Стр. 573

* * *

— Это просто музыка.

— Да? Проза поэта?

Я пояснил свое впечатление:

— Да, но это прежде всего проза. Анне Андреевне этот отзыв очень пришелся по сердцу.

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

* * *

…зазвучала пристальная проза <…>, ветвящаяся и дающая ростки: «Чем дольше я пишу, тем больше вспоминаю. Какие-то дальние поездки на извозчике, когда дождь уютно барабанит по поднятому верху пролетки и запах моих духов (Avia) сливается с запахом мокрой кожи, и вагон царскосельской ж.д. (это целый мир) …»

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 275

Как обозначение темы — почему бы и нет? Писать можно обо всем, о чем еще писать женщине, как не о своих духах — это тоже

может быть интересно, а как «пристальная» проза — не проходит, скорее — приблизительная. Как сказал (о ее стихах) Блок — *все так писали.*

* * *

Кто видел Рим, тому больше нечего видеть. Я все время думала это, когда в прошлом году смотрела на него прощальным взором, во мне зрела 66-я проза. Номер выбран весьма солидный.

Записные книжки. Стр. 689–690

В. И. Даль уважительно соглашается:…*Баба с печи летит, 77 дум передумает. (В. И. Даль. Пословицы и поговорки русского народа.)*

Постановление

Отношения Ахматовой с властью и всеми ее ветвями так значительны, отчетливы, во всех подробностях вымерены, как будто она состоит на службе и по этому служебному положению вступает с начальством, сослуживцами и смежниками в бесконечные, регламентированные, тщательно прописанные и обязательные бюрократические отношения.

Загадка: зачем она общалась с агентами и агентками, ведомыми по каким-то тайным признакам ей? Отгадка: она знала все! Поддерживала эти отношения сознательно… *переводчица С. К. Островская, осведомительница. О второй ее профессии А.А. догадалась, но продолжала встречаться, следуя своему правилу: «А.А. говаривала, что зачастую имеет смысл иметь дело с явными негодяями, профессиональными доносчиками, в частности. Особенно, если тебе нужно сообщить что-нибудь «наверх», властям. Ибо профессиональный доносчик донесет все ему сообщенное в точности, ничего не исказит». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 101.)* Казалось бы, что за нужда поэту доносить что-то «наверх», какие такие идеи? После свидания с Берлиным Ахматова захотела похвастать.

Вот результат — докладная записка, слово в слово записанная с голоса Ахматовой: *«Когда Берлин приехал в Ленинград в ноябре 1945 г., Орлов привел его к Ахматовой. Когда их познакомили, Б. сказал: «Я приехал в Ленинград специально приветствовать Вас, единственного и последнего европейского поэта, не только от своего имени, но и от имени всей старой английской культуры. В Оксфорде Вас считают легендарной женщиной. В Англии Ваши стихи переводят с таким же почтением, как стихи Сафо». (М. Кралин. Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках.)*

Постановление: играй, но не переигрывай.

* * *

Из доноса: *Объект, Ахматова, перенесла Постановление тяжело. Она долго болела: невроз, сердце, аритмия, фурункулез. Но внешне держалась бодро. Рассказывает, что неизвестные присылают ей цветы и фрукты. Никто от нее не отвернулся. Никто ее не предал. «Прибавилось только славы, — заметила*

она. — Славы мученика. Всеобщее сочувствие. Жалость. Симпатии. Читают даже те, кто имени моего не слышал раньше. Люди отворачиваются скорее даже от благосостояния своего ближнего, чем от беды. К забвению и снижению интереса общества к человеку ведут не боль его, не унижения и страдания, а, наоборот, его материальное процветание, — считает Ахматова. — Мне надо было подарить дачу, собственную машину, сделать паек, но тайно запретить редакции меня печатать, и я ручаюсь, что правительство уже через год имело бы желаемые результаты. Все бы говорили: «Вот видите: зажралась, задрала нос. Куда ей теперь писать? Какой она поэт? Просто обласканная бабенка». Тогда бы и стихи мои перестали читать, и окатили бы меня до смерти и после нее — презрением и забвением».

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 225–226

* * *

Текст докладной записки Жданову (не Сталину) поразительно смахивает на голос самой Ахматовой. Потом приводится список из четырех осведомителей, снабжавших информацией по ней — первой идет Софья Островская, ближайшая подруга Ахматовой, от свиданий с которой Ахматова не могла удержаться ни на день. *Живет она нормально: по утрам сердечные припадки, по вечерам исчезает, чаще всего с Софьей Казимировной. (Н. Л. Пунин. Мир светел любовью. Дневники и письма. Стр. 412.)* Темами встреч были — попойки (Пунин) и интимные утехи (Островская — разумеется, можно не верить — ни одному из свидетельств не верит).

По-видимому, О. Калугин прав, когда отмечает: «Возьмите в качестве примера Постановление 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ведь оно, в сущности, подготовлено по материалам КГБ. Там даже оценки некоторые — чисто КГБ-шные, они прямо взяты из доносов».

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 22

Ахматова об Островской: *«А вы знаете, что [она] посадила целый куст людей?» (А. Любегин. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 465).*

Тамара Юрьевна, будучи в обществе Анны Андреевны и Софьи Казимировны, очень удивилась, услышав, что Ахматова ни с того ни с сего вдруг начала безудержно расхваливать одно бездарное

стихотворение модного в то время стихотворца на актуальную политическую тему. Когда же Островская отлучилась и они остались вдвоем, Ахматова сказала Тамаре Юрьевне, что в присутствии Софьи Казимировны «можно и должно вести себя только так».

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 229–230

* * *

Ночь на 22 сент. 1946. Пьем у Ахматовой — Ольга (Берггольц. — М.К.), матадор (Г. П. Макогоненко. — М.К.) и я. Неожиданно полтора литра водки. По радио и в газете — сокращенная стенограмма выступления Жданова… Ольга хмельная, прелестная, бесстыдная, все время поет, целует руки развенчанной. Но царица, лишенная трона, все-таки царица — держится прекрасно и, пожалуй, тоже бесстыдно: «На мне ничто не отражается». Сопоставляет: 1922-24 — и теперь. Все — то же. Старается быть над временем».

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 226

* * *

После Постановления, когда А.А. лишили продовольственных карточек (это уж было чем-то вроде «нормативного акта» — резвого самодеятельного административного перегиба*), Берггольц носила ей еду в судках. <…> «…ее тогда предупреждали: «Не ходи к А. Это может иметь тяжелые последствия». <…> А я говорила: «Она кушать хочет». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 302.)* Как быстро стало известно, что у Ахматовой проблемы, и сколько людей бросилось ей на помощь! Сколько людей задокументированно рассказали, что они ей приносили обеды «в судках»: Томашевские, Берггольц — это из тех, кому безоговорочно можно верить, сколько тех, кто делал это, не быв никем вспомянут. Анонимы присылали свои карточки — до десятка в день — и *«Мне приносили апельсины и шоколад».* И ее собственные карточки вернули через две недели. Легенда, бережно подогреваемая — о голоде Ахматовой — живет до наших дней. Она не раз писала о нем сама (и здесь и за границей, и гневно и смиренно) — и до сего дня всем полагается верить.

Эту неиспользованную возможность пострадать, как

расковырянные стигматы, время от времени, будто по графику, продолжала эксплуатировать десятилетия спустя: *А я была просто голодная.* Вот она, *простая русская бабья душа, в платочке.*

Это какой же аппетит надо было иметь.

* * *

В России XX века получить титул мученицы за то, что твое творчество назвали безыдейным и какое-то время не печатали новые стихотворения про розы и про любовь к годящемуся в сыновья иностранцу, бывшему в послевоенной стране со шпионской миссией! Давали вдосталь работы по специальности — переводческой. Закрывали глаза даже на то, что она стала «цеховичкой» — ставила свою подпись под стихами, переведенными начинающими ленинградскими поэтами. Борис Пастернак все переводил сам. Если были какие-то переводы сделаны Ивинской — то их отношения были все-таки не цеховыми, на него работало не его литобъединение. Впрочем — рыбак рыбака видит издалека — Ахматова считала, что Ивинская писала Пастернаку «Доктора Живаго».

* * *

Как-то не помнил никто, что Постановление 46-го года — это не только против Ахматовой, не только спор добра со злом, стервятника с голубицей. Ну, иногда кое-кто вспоминал, что был еще и Зощенко, а их там вон сколько было!

Не мог понять: зачем это нужно именно сейчас, после таких побед. Почему именно Ахматова, Зощенко, Хазин и уж вовсе непричастный Гофман — опасны, требуют вмешательства ЦК, разгромных проработок?… <…>… послевоенная разруха в стране, начало холодной войны. Так ведь из-за Ахматовой и началась, вы просто не знали ничего, не были допущены! *(Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 267.)* Когда речь шла об одной Ахматовой, все было ясно — кто придумал это Постановление, против кого и по какому поводу. Даже кто его писал (физически — Лидия Корнеевна находит текстологическую идентичность слога Сталина и письмоводителя, сочинявшего постановление). Немного, правда, не стыкуется, что Сталин по такому серьезному поводу — изобличению женщины, которая предпочла ЕМУ другого и наказанию виновницы холодной войны — не придумал отдельного мероприятия, а выпросил для себя

лишь права вписать в общий документ несколько абзацев от себя лично по поводу одной особы. Когда поименовывается целая компания литераторов, с которыми советской власти не по пути — то цели и задачи Постановления делаются какими-то узкими, так, бои местного значения, позиционные столкновения. А ведь там, где Ахматова — должны вершиться судьбы мира! И смутится двадцатый век!

* * *

Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» застало меня в поездке. Я тогда работала в ВОКСе, и меня послали с делегацией корейских писателей на Кавказ. <…> Меня это постановление ЦК не возмутило, не испугало, просто не задело. В моем тогдашнем мире Ахматовой не было.

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 268

* * *

Вот описание судьбоносного Ленинградского общегородского собрания писателей. *В зале появились странного вида незнакомцы, которые заняли места между членами союза.* (Сама Анна Андреевна этого не видела, в других воспоминаниях эти подробности тоже отсутствуют.) *Двери почему<-то> заперли и никого не выпускали, даже тех, кому стало дурно* (а лежало, очевидно, в дурноте ползало — немало*). Ко мне пришел некто и предложил 1 мес<яц> не выходить из дома, но подходить к окну, чтобы меня было видно из сада. В саду под моим окном поставили скамейку, и на ней круглосуточно дежурили агенты. (Записные книжки. Стр. 265.)* Прошло 2 недели. *Рассказ Н. А. Ольшевской?? <…>. Пробыла у Анны Андреевны три дня и привезла ее к нам в Москву. (Летопись. Стр. 422.)* А ведь месяца еще не прошло после выданного предписания. Что это был за «некто»? Почему бы было ситуацию парой достоверно выглядящих штрихов не раскрасить? Скорее всего, это она сама подумала, что было бы неплохо подходить к окну и показываться — если кто-то следит, не будет лишних вопросов. (А уж там следят ли и не чрезмерна ли такая заботливость о гипотетических тюремщиках — это уже неважно.)

О. Берггольц с мужем навещали Ахматову после Постановления демонстративно, у них же она встречала Новый

год.

* * *

С ухода Н.С.Г. [Гумилева] *и брака с В.К.Ш* [Шилейко] *началась человеческая трагедия, которая надолго затормозила жизнь и творчество А.А. — гораздо больше, чем постановление инстанций.*

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 380

А как может быть иначе? Уход мужа и новые отношения — это ее реальная жизнь, постановление — карьерные обстоятельства.

* * *

1962 год. Анна Андреевна сейчас очень бодра, в явном подъеме. Вид у нее «победный», блестят глаза, молодой голос, легкие и свободные движения. У нее сегодня были гости из Болгарии, заезжал А. А. Сурков, без конца звонят друзья. Газеты и журналы просят стихов.

Летопись. Стр. 593

* * *

Пишет драму. <…> Содержанием будет произошедшая с ней самой драма 1946 года. Любимова. (Летопись. Стр. 617.) Дело происходит в 1963 году.

* * *

Дневник. *14 августа 1964 года. Сегодня минуло восемнадцать лет с того дня. И… довольно о нем. (Записные книжки. Стр. 480.)* Действительно, пора бы уж успокоиться. Почестей, льгот, привилегий — мало у кого столько было, как у нее, в эти годы.

* * *

Вчера безобразничала Ольга Берггольц — я ее такой страшной никогда не видела. <…> Напрасно ищу в душе жалость. Там были, весьма кстати, парижские Воронцовы — друзья оксфордских Оболенских. (Записные книжки. Стр. 689). Если застали безобразничающую Ольгу, то уж точно некстати. Или даже для этого у Ахматовой жалости не нашлось, чтобы огласке Ольгиного позора не порадоваться? Конечно, можно проявить морально-бытовую принципиальность и судить Ольгу строго, без жалости — да уж больно легкий случай, слишком легко оправдания для такой жалости найти, в случае Берггольц они просто бросаются в глаза — несчастья ее, и мужество, и безоглядная помощь самой Ахматовой после постановления.

* * *

Критик Д. М. Молдавский даже в 1982 году уверял меня [М.М. Кралина] *в разговоре по телефону, что «Жданов поднял Ахматову из забвенья, старуха за это должна была ежегодно носить цветы на его могилу». Некоторая толика правды в этом ерническом высказывании все же имеется: ждановское анафемствование поставило Ахматову в совершенно неожиданный для нее исторический ряд.*

> *М. Кралин. Ахматова и деятели «14 августа» Стр. 185*

Как всегда, Ахматова не очень верит, что народ все поймет правильно, и пишет каноническую концепцию правильной трактовки Постановления. В стихах.

Здесь и самодельная раскачка в рифму: *Это и не старо и не ново,/Ничего нет сказочного тут,* и газетное: *Так меня тринадцать лет* (а на следующий год с какой цифрой прикажете рифмовать?) *клянут,* и, после «сказочных» мотивов — *неуклонно, тупо и жестоко/И неодолимо, как гранит.* Все это неважно, главное — у Ахматовой появилась законная возможность сравнить себя с несомненно историческими персонажами — *«КАК ОТРЕПЬЕВА И ПУГАЧЕВА»,* так и ее. *Грозная анафема.*

Для верности — *«…кроме того, Анна Ахматова оставила потомкам заметку «Для памяти»… (М. Кралин. Ахматова и деятели «14 августа» Стр. 185.)* Уверенная в том, что аудитория жадно ловит каждое слово, поджав губы, чеканит: *Считаю не только уместным, но и существенно важным возвращение к 1946 году и роли Сталина в постановлении 14 августа. Об этом в*

печати еще никто не говорил. Мне кажется удачной находкой (для PR-кампании это действительно так) *сопоставление того, что говорилось о Зощенко и Ахматовой, с тем, что говорили о Черчилле. (А. Ахматова. Т. 5. Стр. 190.)*

Фаты либелей

Каждый имеет собрание сочинений, какого достоин.

Многотомное собрание сочинений Ахматовой, выпущенное в 1998–2005 гг. московским издательством «Эллис Лак», по своему составу, методам воспроизведения текстов, по расположению материала и характеру комментария не соответствует требованиям, которые принято предъявлять к научным изданиям.

В. Черных. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Стр. 7

* * *

Есть и не такие лаконичные разборы Собрания Сочинений:

Н. Г. Гончарова. «*Несколько наивных вопросов к составителям ахматовского шеститомника» в сборнике ахматовских чтений.* Семнадцать пунктов крика души, последний — с подпунктами а), б), в) — и до п). Впрочем, любой, кто возьмется листать ахматовский шеститомник — кажется, уже разросшийся до восьми — или даже девятитомника — найдет недоумений (может, даже и не очень наивных) хотя бы на пару страниц.

Полно ТАЙН и украшение ахматоведения последних лет — монументальный — по объему, не по архитектуре, не по открытиям, там — тончайшие, мелкие, мельчайшие, микроскопические, архиважные для служителей культа подробности — том Романа Тименчика — «Анна Ахматова в 1960-е годы».

Больше половины книги занимают примечания. Очень солидно. Ахматова была бы польщена таким академизмом. Но, поскольку примечаний этих набрал не посторонний комментатор, а сам автор, то возникает справедливый вопрос: а не логичней бы было эти «примечания», представляющие собой по большей части нормальное развитие темы, оставить там, где они писались, и не выносить их в другое место, так, что читатель вынужден читать книгу одновременно с начала и с середины?

И еще там одна ТАЙНА, прямо сон во сне: мало кто называется сразу по имени. Практически всегда надо обращаться к примечаниям, а в основном тексте проявляются прямо-таки чудеса изобретательности, чтобы не проговориться, не сказать по-простому, не назвать имя и дать краткую характеристику — и уж

только за не идущими к делу отдаленными подробностями отослать к примечаниям. Многоуважаемому автору беспрестанно приходится прибегать к сложным искусственным конструкциям, чтобы избежать называния нужной информации, легко ложащейся в основной текст — и вынести ее в примечания.

Во второй половине мая редакцию «Нового мира» навестил человек, имя которого есть в ахматовской записи <…> В редакции ему сказали… (Стр. 218.) Следует долгое описание взаимоотношений Ахматовой с властями, история публикаций, мероприятия по случаю юбилея и планы по празднованию в «Новом мире». Кто таков? На стр. 637 долгожданное разъяснение: *редакцию навестил Филипп Бен, корреспондент парижской газеты «Монд» и тель-авивской «Маарив».*

Однако в июне возникли новые осложнения. О них вспоминал сотрудник журнала: <…> Цитируется почти страница воспоминаний — казалось бы, воспоминателя можно бы и поименовать здесь же, не в примечаниях, читатель вправе знать, чей текст ему предлагается.

Даже когда в книге цитируется уважаемый и известный человек, специалист — он со сбивающей с толку таинственностью называется «собеседником», «обитательницей», «обличительницей», «мемуаристом», а по имени — незакодированному, многое проясняющему, более чем уместному сразу после цитаты — зовется только в примечаниях. Это, конечно, *игра, забава.*

Разоблачающее собрание свидетельств о водовороте ахматовского омута.

Текстовки

…речь идет об Ахматкиной, которую расчистил Маяковский, обозвав ее «вовсе не поэтессой», а романсисткой.

А Крученых. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 635

* * *

Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

Все равно, что ты наглый и злой…
Все равно, что ты любишь других…

* * *

Каждый глянцевый журнал полон роковых, очень злых и холеных красавцев на рекламных фотографиях. Но они совершенно безопасны, и на них можно сколько угодно смотреть.

Сероглазого короля предлагалось петь на мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец». Редкий стих Ахматовой не просится на музыку.

Ранняя поэзия, может, и годилась для жестоких романсов, поздняя — это поднимай выше — *шансон.* В том его замечательном значении, которое *в этой стране* стало единственно употребительным — простенькой, приблатненной и выжимающей слезу песенкой.

Сборник песен из молодых стихов можно назвать «Зачем топтать мою любовь», а из поздних — уже прямо «Ягода-малина».

Это — Анна Ахматова:
Не вороши того, что было/И не было — не вороши (1960).
Конечно, это не «Я их хочу обнять,/о белые розы!»
И вот это — не «Ласковый май»:
Это были черные тюльпаны,/Это были страшные цветы.

(1959)

* * *

К своей прозе Ахматова относилась так же серьезно, как к поэзии.

Вызывающее трепет поклонников *Что же ты наделала — как же я теперь буду жить?* (Шепчут: «Конечно, так говорил какой-то реальный человек!») Ну чем вам не дембельское

Что же ты наделала-а?
Надела платье бе-е-ло-е…

Я никогда не женюсь, потому что я могу полюбить женщину, только если мне больно от ее лица. Такого насобирать в одном предложении — густовато. *Больно* — это, конечно, годится хоть куда, украсит любой текст. А вот *не женюсь* — перебор даже для шансона. Женюсь не женюсь — это для куплетов.

В русской литературе она была последней, которая своим авторитетом позволяла выдавать такую цыганщину за стихи, потом это естественно юркнуло в эстраду, в ресторанные песни. *(Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 182.)*

* * *

Страшный — он же черный — цикл стихов 1961 года «Из черных песен», о том, какой она видит себя в жизни бросивших (в шлягере самой благополучной исполнительнице необходимо представать брошенной да разлюбленной): *Я стала песней и судьбой,/ Сквозной бессонницей и вьюгой.*

* * *

21 августа 1959 года: год спустя после Нобелевской премии и меньше чем за год до смерти. Тридцатилетие Комы Иванова (Вяч. Иванова).

Она, видимо, поднялась наверх и долго не показывалась. На разогреве у Пастернака работать не будем!

Ждали Пастернака. Время от времени проносилось известие, что он скоро придет, потом, что он опять задерживается. Наконец он появился. Он прошел через боковую калитку, которой его дача —

соседняя — соединялась с дачей Ивановых, и поднялся на террасу. <…> Его приход был встречен радостными возгласами, и все стали усаживаться за стол. (А. К. Жолковский. Эросипед и другие виньетки. Стр. 132–133.)

Сцена проиграна. Ахматова явно была здесь не первым лицом. Сколько могла — выдержала, отсиживаясь наверху. Потом сполна отыгралась.

А вот игры с «великим русским Словом», которые радостно узнает любой эстрадный поэт-песенник.

Ахматовой в то время было уже семьдесят лет. Это была величественная старая женщина, императрица. Зубов у нее, видимо, оставалось совсем мало, потому что, когда она стала читать:

Подумаешь, тоже работа —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое… —

слышны были, казалось, только гласные. Но это было великолепное, торжественное, звучное чтение, может быть, именно потому, что требовало от нее усилий, «танца органов речи» <…>

В то время, что она читала, Пастернак в такт ее голосу гудел, напевая и повторяя слоги и строчки. Когда она кончила, он тут же начал вполголоса читать только что услышанное стихотворение, заменяя или перевирая отдельные слова:

Прекрасная, право, работа —
Чудесное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать потом за свое…

Так же гудит и напевает песенник за композитором, составляя из своей «рыбы» — предварительного черновика песни, что-то, наиболее подходящее мелодии, наиболее эффектные слова.

— «Что вы, что вы, Анна Андреевна, чудесные стихи. Зачем вы им [в «Правду»] *давали? Нет, право, чудесные стихи, Анна Андреевна, чудесные стихи. — «Нет уж, Борис Леонидович, это уж известно: вы когда мое читаете, то все улутшаете.*

И они еще долго обменивались тщательно отмеренными приятностями, как какие-нибудь восточные вельможи, уверенные во взаимном уважении и преданности окружающих, лениво и с достоинством. Пастернак — немного по-женски и с уловками, Ахматова — с мужской прямотой.

А. К. Жолковский. Эросипед и другие виньетки. Стр. 135–136

Ахматовой важно было говорить законченными формулировками — ведь их кто-то должен был записать?

«Волшебный лицемер». Поскольку лицемерие Пастернака, в отличие от ахматовского («Первому поэту», смененное на паспортные данные), было вполне бескорыстным, его можно было бы назвать и каким-то более почтенным словом — любезность, вежливость, даже — человеколюбие, снисхождение к слабостям.

* * *

Анна Андреевна выступала часто и много. Мне запомнилось особенно ее выступление в зале Тенишевского училища <…> На эстраду <…> вышла молодая, высокая, стройная женщина в светлом платье с легким большим шарфом. При свете прожекторов она была очень хороша, можно сказать, ослепительна. <…> Исполняла она полюбившиеся нам стихи «Сероглазый король», «Сжала руки под темной вуалью»… <…> Выступала она и в концертах среди артистов. <…> Короче говоря, успех на вечерах и концертах она имела в те годы большой и постоянный, на эстраде была обаятельна и своеобразно хороша.

А. Л. Смирнова-Искандер. Воспоминания об Анне Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 68

* * *

Тогда многие любили «по Ахматовой». Осознавали или придумывали свою любовь, свои страсти и свои беды по ее стихам. Со мною не было ничего подобного.

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 267

* * *

Ахматова и ее бешеная слава — вполне эстрадного толка. Не зря она себя сравнивает с Шаляпиным, «мы не тенора», не зря так ревнует к «эстрадникам». Она хотела такой славы. Не ТОЛЬКО такой, «попсовой», но и без нее она была не согласна. Женщине такого ума, такого таланта, такой долгой жизни — почему не отстать, не цепляться было! Один раз вкусив той славы, можно мгновенно от нее устать без показухи, действительно перестать нуждаться в этом, отметиться и заняться другим.

Бродский знал об этой славе, она так расписала ему ее, что он тоже захотел такой, всеобщей, не элитной. Как у Высоцкого, у Барышникова, у Ростроповича. Во всяком случае без нее не хотел. Есть фотография: Владимир Высоцкий — с равнодушным, вежливым лицом, занятый какими-то своими мыслями — и Бродский. В необыкновенном энтузиазме, излучающий звенящее напряжение интеллектуальной энергии, с резким, напряженным, замершим движением раскрытых рук. Весь — порыв. До «Подмосковных вечеров», что давали разрядку в подвластном ему, Бродскому, кругу, теплота этого собрания, с Высоцким, не поднялась. Бродскому оставалось показать, что он тоже не лыком шит, что он не собирается уступать хоть даже и Высоцкому — непосредственно блестя своим умом. На фотографии изображено ЭТО. Все круги Бродского — и ближние, и дальние (кроме западных знакомств, там все было четко) — были из людей, которые были гораздо, гораздо ниже его — и гораздо ниже уровня того круга, который без труда можно было найти в его время, — но с ранней юности была привита какая-то ревность, нелюбовь, боязнь и холодность к ровне.

Даже классика он подобрал себе послабже — ну что ему было не мотаться метельными ночами быстрыми поездами в Подмосковье посравнивать себя с Пастернаком? Зачем ему был нужен заискивающий взгляд хватающейся за молодую жизнь старухи?

* * *

Странно, что в отечественной поп-культуре не появилось фигуры — актрисы, певицы, теледивы, которая через слово бы, через жест, через ситуацию, как бы нехотя, как бы проговариваясь, поминала бы какие-то церковные атрибуты: моленья, образки, вербы, страшный суд да божью волю. Такая была бы фишка — а она бы в интервью рассказывала, что на эту тему она говорить не хочет, что это сокровенное, не напоказ, что она не понимает тех, которые… и так далее. А уж Ахматова бы

при этом поминалась как клятва. Быть такой героине чтицей или эстрадной звездой — за репертуаром бы дело не стало, тут все ясно. В тусовке чужой бизнес уважают, когда человек окреп бы и стал на ноги — вслух бы не смеялись, говорили б с уважением. Известный пародист сделал бы пародию — не трудно, — но его ругали б за дурной тон.

Не сущий язык

Итальянцы не любят каламбуров, их язык четок в фонетике, нет льезонов, неожиданно меняющих смысл высказывания, игра с Алигер и Алигьери маловероятно, что пришла бы кому-то в голову. Для итальянцев заметить здесь сходство — значит признаться в своей невнимательности, неряшливости в прочтении слов.

* * *

И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.
Ближайший собеседник этих лет

(для научного труда слишком интригующая недоговоренность; впрочем, это повторяющийся прием, что-то долженствующий означать) *вспоминает, как однажды она неожиданно спросила его: «Что такое притин?» В одном автографе она попробовала другое написание* (строго говоря — другое слово — имеющее, естественно, другое написание, как, например, «собака») — *«притын» <…>, еще более подчеркнув перемещающиеся смыслы, и наметила сделать к слову сноску* (для непонимающих, для неумеющих одновременно объять гениальным взором и лайм-лайт, и притын, и притин, и Данте). *Строчка отточий обозначала неназываемый рубеж. Для его лексического воплощения избрано было слово с множащейся, ускользающей семантикой. Едва ли не его имел в виду молодой поэт* (фамилию можно узнать в примечаниях через четыреста страниц), *говоря о последних стихах А.А.: «Сплав старинных русских слов, коренных, столетие лежавших в фундаменте русского стиха.»*

Намечать делать сноску или вопрошать присутствующих, знают ли они какое-то слово, хоть поражающий блеском лайм-лайт, хоть заскорузлый притин, — значит только одно: она сама недавно нашла его в словаре. В стихах неведомыми неучам словами можно пользоваться, наверное, только тогда, когда их малая употребительность неведома самому поэту, когда ему без них не обойтись, когда только ими можно сформулировать свои мысли. До того ли тут, чтобы интересоваться, тянет ли почтеннейшая публика на такой уровень или нет.

Ахматова сказала: «Ну вот, Борис Леонидович, вы когда мое читаете, то всегда улутшаете. — Она произнесла «улутшаете».

> *А. К. Жолковский. Эросипед и другие виньетки. Стр. 135–136*

Такое фонетическое оттопыривание мизинца при поднесении чашки ко рту, послушайте на старых пластинках, как деликатно коверкают язык певцы: «стчастье»…

* * *

Иосиф Виссарионович, я не знаю, в чем их обвиняют, но даю Вам честное слово, что они ни фашисты, ни шпионы, ни участники контрреволюционных обществ. (Л. Флейшман. Стр. 375.) Кто написал «ни»? — Анна Андреевна, проф. Флейшман или корректор издательства «Гуманитарное агентство «Академический проект»? В конечном итоге, безусловно, последний, но чью безграмотность он не осмелился исправить?

* * *

Полученную мною сегодня из Переделкино.

> *Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 531*

* * *

Все бревенчато, дощато, гнуто — досточка, прими, насыпь супу.

* * *

В суб<боту> мой «Моди» в Риме (вез La Strada) (Летопись. Стр. 635.) Имеется в виду Витторио Страда, никакого артикля перед своей фамилией не требующий.

* * *

Ахматова действительно знала французский язык, и потому она никогда не использовала его для заголовков, эпиграфов, тумана.

Довольно неуважительно по отношению к языку. По определению непонятную графику китайского (древнеегипетского, греческого, арабскую вязь) используют иногда как декоративный элемент — Анна Ахматова пошла дальше: времена упрощаются, и вот для виньетки пускается в ход уже не только ее осмеянная «кухонная латынь», но и вполне современный и простой для изучения — даже похвалиться нельзя — итальянский язык. *Cinque* — ведь это просто «пять». Переведено переполненным благоговения Михаилом Кралиным загадочным словом «пятерица». Назвать сборник «Cinque» — это все равно что назвать его «Five». Потайная мысль автора, конечно, ясна — представить себя женщиной мира, которой доступны тайны культур всех народов. Пока, правда, продвинулись до пятого класса: один сборник назван латинским простым числом, другой — итальянским. Что бы было так прямо цифрой и не писать? «5». Книгу русскому поэту Борису Пастернаку она надписывает по-английски, демонстрируя уже владение порядковыми числительными: «To our first poet…»

* * *

А.А. говорила: «Я пять раз читала «Улисса».

А. Сергеев. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 669

* * *

Анна Андреевна Ахматова, прекрасная поэтесса, культурнейший человек, говорила нам, что восемь раз перечла «Улисса», прежде чем до конца осилила и поняла его.

Г. Г. Нейгауз. Размышления, воспоминания, дневники. Избранные статьи. Письма к родителям. Стр. 116

* * *

Бёлль в гостях. *Анна Андреевна говорит по-французски, Белль*

отвечает по-французски с трудом. Потом они переходят на английский, это ей нелегко. (Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 289.) А как же *Всю жизнь читала «Фауста» в оригинале?* Если ее английский можно извинить отсутствием практики и/или грамотного преподавателя, то немецкий в плане произношения все-таки непреодолимой преграды не представляет: если в слове из пятнадцати регулярных — гласная-согласная — слогов какой-то звук совсем уж по-русски произнести, смысл не ускользнет.

* * *

Воспоминания П. Нормана. Ахматова захотела послушать мои переводы из «Реквиема» <…>. Ее английский оставлял желать лучшего, но все же она могла оценить сделанное. (Летопись. Стр. 649.) Сюжет, как мы понимаем, трудностей не вызывал. Любой лингвист подтвердит, что по прочтении восемь раз «Улисса» в оригинале — 800 страниц — английский все-таки доводится до состояния, когда пожелать лучшего все-таки трудно. Даже если испытуемого безо всякой языковой подготовки посадить в камеру-одиночку без словарей и грамматического справочника — просто как шифровальщика — он все равно поймет что к чему, а на восьмом прочтении, пожалуй, уже и будет знать язык свободно.

Сон во сне, зеркала и тайны

Алла Демидова «Ахматовские зеркала».

О. Чайковская «Неточные, неверные зеркала».

В. Я. Виленкин «В сто первом зеркале (Анна Ахматова)».

«В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников».

Т. В. Цивьян. «Античные героини — зеркала Ахматовой».

О. Голубева «В ста зеркалах».

Р. Зернова «Тройное зеркало».

Т. Н. Красавченко «Ахматова в зеркалах зарубежной критики».

Е. Рейн «Сотое зеркало».

О. Рубинчик. «В ста зеркалах».

О. А. Седакова «Шкатулка с зеркалом. Об одном глубинном мотиве А. А. Ахматовой».

Б. Филиппов «Зеркало — Зазеркалье — Зерцало Клио».

О. Федотов «Зеркало и поэт. Н. В. Недоброво как зеркало поэтического будущего Ахматовой».

Ему как будто дано слышать их во сне или видеть в каком-то заколдованном зеркале.

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 256

…видеть в волшебном зеркале колдовского шарманщика свой конец…

Поэма — волшебное зеркало…

…мою биографию, как бы увиденную кем-то во сне или в ряде зеркал…

В недрах возникающего цикла вызревала уже идея, которая на некоторое время стала его названием: «В дальнем зеркале».

«В дальнем зеркале» — незаконченный, неначатый, *вызревающий* и *возникающий* цикл стихов Ахматовой.

«Хотите, я вам прочитаю стихи. Это стихи о смерти. Одна строчка не готова, я ее пробормочу». <…> На мой вопрос, почему написаны эти стихи, А.А. отвечает туманно: «О смерти писали Пушкин, Лермонтов… Смерть — это загадка». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 191–192.) Более по-ахматовски было бы сказать: «Смерть — это тайна». Смысла бы, разумеется,

не прибавилось бы.

* * *

Нельзя, не погрешив против хорошего вкуса, назвать что-то в себе самой — «тайным». Если поэт вдохновился кем-то, то надо объявить, что он пишет подражание или пародию, если он помимо своей воли запел на чужой мотив — значит, здесь нужно разобраться, неизжитое ли это ученичество или с благодарностью принятая форма для самовыражения, но не так:*…о первом стихотворении этого цикла А.А. спросила меня <…>: «Вы слышите, что в его глубине звучат терцины? (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 406.) «В первом цехе <поэтов>, — вспоминала впоследствии Ахматова, — кто-то (Лозинский или Мандельштам) заметил, что мое «В то время я гостила на земле…» — тайные терцины». (Ж. О. Хавкина. Я всем прощение дарую. Стр. 408.)*

* * *

Анатолий Найман. «Я нахожу в его стихах много тайны… (письмо А.А.) (Летопись. Стр. 697.) А у Бродского стихи, как мы помним — «страшные». У кого лучше?

* * *

Поэму я читаю первый раз, до этого знал только небольшие кусочки из эпилога. Когда я заканчиваю, Анна Андреевна, улыбаясь, говорит: «А теперь будет самое страшное. Я спрошу ваше мнение о поэме». Я чувствую растерянность и отвечаю, что в поэме для меня много тайного, непонятного.

> *Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы литературы. 1997. № 2*

Большего и не надо.

* * *

Снятся ли запахи? (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 315.) Меня часто спрашивают, могут ли сниться запахи? Вот уж действительно: *«С*

Ахматовой часто бывало — сидишь перед великим человеком и не знаешь, что сказать» И тут выручает: надо задать вопрос, на который только она может ответить. *Снятся ли запахи?* Спрашивают часто.

* * *

Стихотворение «Красотка», которое впоследствии Анна Андреевна назвала, естественно, «В зазеркалье» и соревновалась сама с собой, какой из бессмысленных громоподобных символов в него еще включить, чтобы задавливать попытки догадаться о простом смысле любовного ревнивого стихотворения. *А.А. спрашивала читателя: «Вы знаете, что я имею в виду, когда пишу: «Красотка очень молода, но не из нашего столетья»? Я сказал, что не знаю. А.А. промолчала, а я упустил возможность ее спросить. (Н. Готхард. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 188.) В октябре А.А. «решила дать латинский эпиграф (м.б., из Горация), кот<орый> разъяснит, кто такая «Красотка», и ввела имя Киприды. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 189.)*

* * *

На мой вопрос, над чем теперь работает, ответила, что пишет драму <…> главная роль в ней — «Сомнамбула», она в ночной рубашке, живет в пещере, играет ее сам автор. <…> Одно из действующих лиц — «Человек, которому кажется, что к его уху приросла телефонная трубка», и в ней все время слышится голос с грузинским акцентом.

А. В. Любимова. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 653–654

* * *

Блок — написать «Воспоминания» о Блоке, который все предчувствовал, но ничего не почувствовал.

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 327

Ср: Он знал секреты, но не знал тайн.

* * *

Летний сад — тайна даже для меня, Толя у меня.

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 310

Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время (какое? — вот вопрос вопросов) после ее уничтожения. Кажется, все бы отдала, чтобы забыть этот сон! (Записные книжки. Стр. 485.) На «что отдать?» ответ был приготовлен давно — *отними и ребенка и друга,* но пострадать все равно хочется еще.

А можно бы было порекомендовать сделать над собой усилие и забыть сон — даром, ничего не отдавая взамен за то, что и так само по себе происходит. Произошло, надо думать, и с Анной Андреевной. А то у нее — как надо чем-то пожертвовать, так она нет бы своим — здоровьем, славой, красотой — сразу предлагает других людей. Понятно, что и она как-то будет переживать от потери: что ребенка, что друга, но все-таки ни к чему раскидываться чужими жизнями. К тому же она хорошо знает, что записанное в стихах — сбывается.

* * *

Я зеркальным письмом пишу…

* * *

Я стояла [в очереди] на прокурорской лестнице. С моего места было видно, как мимо длинного зеркала <…> шла очередь женщин. Я видела только чистые профили — ни одна из них не взглянула на себя в зеркало… (Записные книжки. Стр. 509.) И, казалось бы, что тут удивительного? Вот если б каждая смотрелась — при несомненности горя и озабоченности — могло бы выглядеть более неожиданно, да и тому объяснения можно бы было найти — привычка, уловка безнадежности, — и тоже объяснение такое не требовало бы от наблюдателя большой интуиции и тонкости чувств. Тюремные коридоры и зеркала — сочетание, конечно, эффектное, но пустое, тщеславное, рассчитанное на изумление публики.

* * *

Мысли о приближающейся старости (скоро тридцать) *мучают меня. Смотрюсь в зеркало по целым дням. Работаю лениво. (Л. Толстой. Дневник. Стр. 229.)*

От других причин зеркала и не чудятся.

Стенгазета

Осенью 1957 года группа советских писателей была делегирована в Италию. По-видимому, какие-то переговоры о поездке велись с А.А. В разговоре с Ю. Г. Оксманом в 1963 году она «вспомнила, не скрывая своего брезгливого отношения к этой истории, как вместо нее поехала в Италию Вера Инбер».

> *Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 71*

Обошли, отодвинули.

А.А. стала 26 сентября 1957 года набрасывать стихотворение-обиду:

Все, кого и не звали, в Италии, —
Шлют с дороги прощальный привет.
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни Рима, ни Падуи нет.
Под святыми и вечными фресками
Не пройду я знакомым путем
И не буду с леонардесками
Переглядываться тайком.
Никому я не буду сопутствовать,
И охоты мне странствовать нет…
Мне к лицу стало всюду отсутствовать
Вот уж скоро четырнадцать лет.

Кто-то из секретарей Союза писателей <…> предложил, чтобы от ее имени в Риме представительство вела Вера Михайловна Инбер. <…> А. ответила: «Вера Михайловна Инбер может представительствовать от моего имени только в преисподней».

> *Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 71*

Обида такого сорта — не из тех, которые можно простить. Go to Hell!

* * *

Стихи А.А. в это время становятся каталогом обид. В начале июня 1958 года она предает бумаге когда-то «додуманную до конца» и потерянную седьмую «северную», или «ленинградскую», элегию…

А я молчу — я тридцать лет молчу. <…>
Так мертвые молчат, но то понятней
И менее ужасно…

Все-таки нельзя не возразить, что кому-то гораздо более *понятно* молчание ленивой и неряшливой Анны Андреевны и совершенно невыносимо — ничуть не *менее* ужасно — молчание Мандельштама.

Мое молчанье слышится повсюду, <…>
Оно могло бы — и, подобно чуду,
Оно на все кладет свою печать.

Оно во всем участвует, о Боже!
Кто мог придумать мне такую роль? <…>
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,
О Господи! мне хоть на миг позволь.

И разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла, <…>

Мое молчанье в музыке и в песне
И в чьей-то омерзительной любви…

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 71

Здесь можно бы было и прерваться, но вдруг для кого-то слова о чьей-то омерзительной (а какой же еще, раз «чьей-то», не ахматовской?) любви — это музыка, и он их одно от другого (стихи от музыки и музыку от стихов) отличает — не поленюсь, наберу далее.

Я и сама его… пугалась,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня… надвигаясь, скорей…
Защиты нет, нет — ничего.

Кто знает, как оно [молчание] окаменело,
Как выжгло сердце [иссушило ум] и каким огнем,
Подумаешь, кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем
<…>
Оно мою почти сожрало душу…

И т. д.

«И повторял все те же тридцать фраз все тридцать лет.

Все помнили все это наизусть, все с каждою сроднились занятою».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 73–74

Пожалуй, действительно хватит.

* * *

Ее жизнь ей интересна только в плане того, что было в ней замечено другими, что о ней было написано. В стихах поэт не может скрыть своей сущности — стихи тоже о писаном, не о прожитом. *Она <…> говорила в упрек Пастернаку (ограничившему во время писания романа рацион своего чтения), что поэту, как кормящей матери, в это время надо питаться всем.*

<…> пробиваясь к полноте смысла ее поздней лирики, мы должны осознавать, что энергия поэтического удара всякой ее строки была производил от вложенной туда дозы согласия или чаще несогласия с услышанным или прочитанным.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 9

А мы еще скромно прибавим, что питаться писателю хорошо бы не книжками, а жизнью. Когда Анна Андреевна сокрушается, что во время написания поэмы о море ей не попалось модной в те годы книги о тамошних местах, трудно отделаться от ощущения, что нам хотели подсунуть жеваный бифштекс.

* * *

Постоянное, изначальное, едва ли не врожденное полемическое

отторжение у нее стоит в какой-то связи с бросающейся в глаза склонностью к поэтической негации, к отрицательному эпитету, к апофатическому описанию, к стихам, начинающимся с «Нет…». По свидетельству Н. Я. Мандельштам, стих Осипа Мандельштама про человеческий рот, который негодует и «нет» говорит, портретирует Анну Андреевну. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 9). Продукт портретирования малосимпатичен, но для поэзии мало что имеет значение, кроме самой поэзии, поэтому оставим суждения и оценки вечно всем и всеми недовольной дамы.

Иосиф Бродский был негативистом похлеще Ахматовой, но это не отразилось на его поэзии. В жизни он был невыносим, потому что жизнь эта была создана не им, без учета его личных пожеланий, мерок и идей. Зато свою поэзию он создавал сам и ни с кем в ней свои счеты не сводил, а просто строил свой мир.

Судьба могла повернуться в другую сторону. Михаил Кузмин дал характеристики участникам пьесы — трагедии, комедии, жизни — двадцатых годов. Блок был Анна Радлова — игуменья с прошлым. Анна Ахматова, несмотря на заранее взятый княжеский псевдоним, на рост, — «бедная родственница». Она была тиха, строга, молчалива, но могла быть такой от стеснения, от неуверенности в себе, действительно ничем особенно не подкрепленной. Могла остаться бедной родственницей. Так получилось, что судьба, просто жизненные обстоятельства, шаг за шагом, как каждого по его предначертанному пути — вывела на красную дорожку.

Самое нелепое — это страх Ахматовой перед Радловой!

Дневник М. Кузмина. Стр. 148

Проделан путь — от «Четок» до «Шиповник цветет». Ведь поздняя Ахматова — это «Шиповник цветет»?

…Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж…

Надо ли жить жизнь, чтобы об этом писать?

…сознательной наивности и бессознательной манерности. Сама их естественность кажется болезненной, а простота их тона наводит на мысль о каком-то искусственном приеме»

Ж. Шюзевиль. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 651

Победа стоит у наших дверей… Как гостью желанную встретим! Как говорится, а какие варианты — раз уж пришла: кто-то привел или сама притащилась. Уж встретим. Но это ерничество простого читателя, который привык уж если читать, то готовую продукцию, что-то покультурнее. Профессиональные же литературоведы к таким строчкам относятся вполне серьезно, называя их *«упорядочивающим приступом»,* который *«пришлось добавить» «ввиду невозможности почти авангардистского или комического приема в патриотической теме».* А мы-то думали, что

обращение к Победе, как к какой-то Костроме, стоящей под воротами, — это и есть *комическое.* Нет, первоначально был текст, начинающийся *противительным союзом в духе общей «вопрекистской» стихослагательской установки А.А. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 299.)* Все вместе получается так:

Победа стоит у наших дверей…
Как гостью желанную встретим!
…Но что нам сказать долгожданной ей,
Что ей мы сейчас ответим…

Вы сбились с ритма? Вы с опаской ждете, ЧТО ей (ей — кому? чему? ах да!) сейчас ответят? Зато без авангардистского и без трагического. Как поясняла Ахматова в «прозе» к своей «Поэме без героя», *иногда трагическое начинается в предпоследней строке* — может, и здесь тоже что-то есть… Нравится же оно людям: *То «великое русское слово», на защиту которого звала тогда в своих патриотических стихах А.А., не было пустозвонным и лживым официальным штампом, а было только таким…(С. С. Оболенский. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 299.)*

* * *

Потомственный толкователь языкознания Светлана Аллилуева пишет Илье Эренбургу: *С юности я люблю точность слов у Ахматовой («Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха…») — как можно сказать точнее? (Летопись. Стр. 516.)*

Как подлинно русская женщина, она в своих стихах почти не знает счастливой любви. Подлинно еврейская или нанайская женщина, очевидно, в любви всегда счастлива. В доказательство несчастности приводится неожиданное:

Сколько просьб у любимой всегда.
У разлюбленной просьб не бывает.

То есть подлинно русская женщина несчастна тем, что у разлюбившего она уже не может ничего попросить. Впрочем, любимая тоже иной раз ничего не просит — просто по уши занята своей любовью и не ловит момент, так что это утверждение, что у любимой СТОЛЬКО просьб ВСЕГДА, — тоже неверно. Ну, когда разлюбили — тут уж да, локти кусаешь: что ж не просила и того,

и этого, пока любили, но уж поздно — ученая, знаю, что бесполезно. У разлюбленной просьб не бывает. Она ищет новые объекты.

…фигура простой русской женщины, которая признается:

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.

Не всякая женщина признается. Не всякую, даже простую русскую женщину хлещет муж. Не всякая хочет писать об этом стихи. Кто-то сядет и плачет с этим мужем вдвоем, кто-то пишет письмо в профком, что, пожалуй, все же красивее, чем писать такие стихи.

* * *

Что в двадцатом веке можно написать в стихотворении, называющемся «Последняя роза»? Даже если оно действительно одно из последних у поэта и эпиграф к нему из Бродского?

* * *

Список двух стихотворений из цикла «Пять стихотворений» с пометой А. Крученых на стихотворении «И <sic!> дышали мы сонными маками…»: «В наше время так писать стыдно, А.А.».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 636

* * *

…истерическая надорванность…

Д. Якубович. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 593

* * *

Ахматова… «*имела мужество, отбросив «игру нюансов микроскопических малостей»… (А. Синявский. По: Р. Тименчик.*

Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 632.) Если поэт пишет о том, что он видит и чем живет, — как ему это отбросить? Отбросить можно только ненужное, лишнее, взятое из интересничанья. Ахматова действительно жила сюжетами романсов — увидел, победил, бросил — а вот беличьи шкурки в небе действительно были чем-то излишним, что можно было и отбросить.

* * *

Блок про Кузмина: *Художник до мозга костей.*

* * *

В молодости: *лампадка, злой, игрушечный, желтый, мальчик, раба, больно, забава, лебеда, песня, таинственный, жутко, слава.*

В старости: *страшный, страшно, зеркало, мнимый, темный, мой народ, двойник, мировая слава, шиповник, тайна, сон во сне.*

* * *

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.
<…>
И у окна белеют пяльцы…
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

(Вместо того чтобы пойти помыть руки. Как тут не вспомнить Блока, который говорил: *«Твои нечисты ночи». Она ошибалась, она, вероятно, хотела сказать: «Твои нечисты ноги».* Вот их бы и спрятать брезгливо под одеяло.)

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска…
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

Корнею Чуковскому такое стихотворение очень понравилось. Он пускается в его разбор, ведь оно же могло и остаться непонятным для профанов. *Для изображения всякого, даже огромного чувства она пользуется мельчайшими, почти незаметными, микроскопически малыми образами, которые приобретают у нее на страницах необыкновенную суггестивную силу. Читая у нее, например, о какой-то девушке, в косах которой таится «чуть слышный запах табака», мы, по этой еле заметной черте, догадываемся, что девушку целовал нелюбимый, оставивший у нее в волосах табачный запах своих поцелуев, что этот запах вызывает у нее гадливое чувство, что она поругана и безысходно несчастна. Так многоговорящи у А.А. еле заметные звуки и запахи. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 655.)*

Не совсем так. *Чуть слышный запах табака* может быть для женщины слаще всякого другого и кружить голову лучше самых жарких воспоминаний, о том же, что ее целовал нелюбимый, мы догадываемся по несомненной суггестивной силе образа заслюнявленных пальцев.

* * *

А.А. прочитала <…> новые строфы «Поэмы без героя»: «И со мною моя «Седьмая»…» и «А за проволокой колючей…». Чтобы придать некоторое исключительное звучание, лучше всего, если стих начинается с союза «а» или «и».

* * *

Примерно в это же время у «Реквиема» появился эпиграф — «Нет, и не под чуждым небосводом…»

Летопись. Стр. 595

* * *

Ахматовой приписываются добродетели, вовсе ей не свойственные. Замечательный, но в основном камерный поэт вырастает в мыслителя и пророка.

А. К. Жолковский. Анти-Катаева. Стр. 392

* * *

А Пастернак не признавал никого. Я была дружна с ним, но ни разу не слышала ни одной похвалы. О моем стихотворении «Мужество» он сказал Коме (Вячеславу Всеволодовичу Иванову)*: «Лучше ее об этом никто не напишет». И это все. (О. М. Малевич. Одна встреча с Анной Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 57.)* А за Вяч. Ивановым — не Комой — она спустя полвека записала с восторгом еще менее содержательный образ: *А дословно: «Вы сами не знаете, что делаете». (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 558.)* Про такое (впрочем, скорее всего, выдуманное) она не сказала с горечью: «И это все». ЭТО ей кажется очень информативным.

* * *

Стихи Ахматовой называли «маразмическими» — злобные критики, непонимающие… *снижением и маразмическим оттенком стихов А<хматовой>. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 437.)*

* * *

Ти-ти-ти, а что — непонятно. То, что Пастернак «опустился» до междометий, говорит — поскольку даже поклонники Ахматовой не могут сослаться на ограниченность его способностей к анализу поэтического текста — о достоинствах самого текста.

Ахматова много стихотворений писала на смерть. Ото всех веет холодом и заботой об элегантности собственного вида. Особенно это видно в стихах о тех, кто не умер на самом деле, а только слухами о собственной смерти подбросил ей тему, или, как в случае с Левой, слухов не было, но так уж велика была вероятность, что Анна Андреевна поторопилась. Неприятное, должно быть, чувство — выжить, вернуться и прочитать стихотворение, которое поспешила написать родная мать на твою ожидаемую смерть — как, мол, она бы переживала. Неприятного осадка не перебить, наверное, никакой отдушкой в виде красоты стиля и свежести образа. Впрочем, сравнить себя с Богоматерью у креста — свежесть не бог весть какая, не первая по счету во всяком случае.

А вот стихотворение о якобы расстрелянном младшем брате.

«На Малаховом кургане/Офицера расстреляли./Без недели двадцать лет/Он глядел на Божий свет». Так штатные пропагадисты писали о пионерах-героях.

О достоверно погибших — не лучше. Такое ощущение, что она чувствует себя свободной от суда оплакиваемого (-ой): *Ты меня любила и жалела,/ Ты меня как никто поняла,/ Так зачем же твой голос и тело/ Смерть до срока у нас отняла.*

Эпитафия <…> содержит похвалу достоинствам умершего. (Словарь литературоведческих терминов.) Вам хочется узнать, чем знаменита была при жизни Марина Цветаева? Вот — все ее достоинства наперечет: любила, жалела и поняла Анну Андреевну Ахматову.

Марина Цветаева из гроба действительно не встанет, не прочтет, о силе и глубине (тайна, трагическое и пр.) не выскажется — пиши что хочешь.

* * *

В тот вечер Анна Андреевна и сама прочла несколько стихотворений. Как вы думаете, что записывает молодой человек в дневнике о своем впечатлении от услышанного? А записывает он вот что: «Читала стихи. Хорошие и так себе, библейские». Какова наглость! И глупость, и самоуверенность.

А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 135

Слушатель казнится, что не смог оценить величия поэзии, но, как оказалось — он не одинок в невосприимчивости.

* * *

Все присутствующие слушают молча, не раздается ни единого звука или восклицания,— и каким шестым чувством она улавливает, что библейские стихи оставили нас равнодушными? Прочтя про Саула и Давида, она кокетливо признается: «Ужасно старомодно, да?» (Н. В. Королева. Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 127.) Она сказала *ужасно старомодно,* а кокетство заключалось в том, что старая — мода тех старых лет, к которым она, на своей царственной позиции, принадлежала. Что это за старые времена? Когда Саул и Давид жили? Никакой Фоменко не додумался. Когда о них писали? Кто это серьезно писал о Сауле в

десятых годах? Те же, кто может написать и сегодня. Если напишет хорошо, мы будем слушать. Анна Андреевна написала — «нас не заинтересовала». Пришлось напомнить, что это потому, что пишет о милой и известной ей старине *старомодно.*

* * *

«Поэма — это то, что не выходило у символистов, то, о чем они мечтали в теории, — магия», — сказала она. (А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 137.) Сказала о себе, о своем произведении. Молодые поэты сидят и слушают. Почему они не встают и не уходят? Ведь вроде все ясно, введение в профессию прочитано. Если отвлечься от безвкусного предмета разговора — МАГИИ — то остается удивиться представлениям Анны Андреевны. Ведь ТЕМА, на которую удалось высказаться, используя приемы первоисточника, шестьдесят лет спустя, называется не магией, а — пародией, подражанием, анахронизмом. Попробуйте, читатель, может, вам удастся нарисовать ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ? Полчища копиистов зарабатывают свой честный хлеб, удовлетворяя потребности обывателя, не называя плоды своего труда — а бывают прямо-таки восхитительные — МАГИЕЙ.

* * *

Однажды я пришел к поэту,
Ее давно меж нами нету.
(Вот такими стихами и надо писать об Ахматовой.)
Я записал потом беседу,
Она спросила, например:
— Что важно выбрать для поэмы,
Помимо смысла, кроме темы,
Что кое-как умеем все мы?
— И важно молвила: «Размер».

<…> Тогда я еще не читал книгу Кузмина «Форель разбивает лед» и не знал, что прелестный мотив поэмы, которым А.А. так гордилась, пришел к ней, по-видимому, оттуда, может быть, неосознанно. (А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 137.) Осознанно или неосознанно — это дело сотое. Первое — это то, что она знала, чьей находкой пользовалась,

выдавая за свою.

* * *

…знала ли Ахматова, что «ее» строфу после Кузмина уже запустил в эпос Амари?

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 178

* * *

Она Кузмина не только не любила, но как-то почти ненавидела, хотя была очень любезна.

О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 130

* * *

Учитывая, что после «Форели» — тираж 2000 экземпляров — Кузмин не издавался ни в СССР, ни на Западе и никто его из ленинградской молодежи, скорее всего, не знал, понятно, какой первооткрывательницей Анна Андреевна собиралась себя чувствовать.

Подтекст Ахматовой: «Не оглядывайся назад, ибо за тобой пожар Содома» — фраза из М. Швоба. «С новым годом, с новым горем» — фраза была в письмах Шенгели к Шкапской (1920-е гг.). А общий их подтекст — Северянин 1908: «С новолетьем мира горя, С новым горем впереди!»

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 396

* * *

Типичные ахматовские — можно бы было сказать «проделки», если б дело было не в глубокой старости, если б цель не была прагматичной и не совсем почтенной. Речь идет о стихотворении из парижской жизни (естественно, о КАФЕ, что еще Ахматова знала о Париже!), с твердой надписью: *Париж, 1911 год* — но написанном на листке из блокнота, которым пользовалась Ахматова в пятидесятые годы и с записью на нем телефона врача

— тех же пятидесятых, шестидесятых годов. Сконфуженный исследователь, из самых щадящих, дает такое объяснение «мистификации»: *Стихотворение написано в 1911 году в Париже и позднее (через 50 лет!* Повторим и мы: через 50 лет!) *восстановлено автором по памяти. (М. Кралин. «И уходить еще как будто рано…». Стр. 112.)* Вернее, его *она «вспомнила» в последнее десятилетие жизни, когда занималась приведением в порядок своей поэтической биографии, или «легенды» <…> надо заметить, что тема Франции, Парижа вновь привлекает внимание Ахматовой <…> начиная с 1958 года. В последующие годы внимание к этой теме становится неизменно интенсивным. «Вспоминается», сколь интенсивной была творческая жизнь…*

Итак, Париж, кафе… *«В углу старик, похожий на барана,/ Внимательно читает Фигаро»* — ошеломительная метафора, человек ни о чем не может думать, кроме как о баране: за что так старикашку? Даже если у него убегающие лоб и подбородок, отсутствует ложбинка по линии лоб-нос, кончик носа закруглен и губы плоски, а остатки волос вьются колечками — довольно распространенный тип, — то это все равно не повод писать, что он ПОХОЖ на барана. Эта похожесть — то, что видит поэтесса, когда ей больше нечем удивить своего читателя, даже если ей на старости лет хочется блеснуть в высоком жанре социальной сатиры. *В описании парижского кафе выделены самые общие признаки, которые Ахматова могла припомнить через много лет или прочитать, например, у Жоржа Сименона.* Да, именно так пишут о *точном акмеистическом слове Ахматовой* ее самые верные рыцари… С ГНЕВОМ как-то отвергает она будто бы существующие попытки сравнить ее с Франсуазой Саган, но признаем, что Франсуаза Саган писала свои повести не для того, чтобы поверили, что она сиживала за столиками кафе в Париже, и рисовала мизансцены не по прочитанному у Сименона. *Опилки густо устилают пол./И пахнет спиртом в полукруглой зале. — Это характерные, но самые общие признаки, которые могла подметить не обязательно Анна Ахматова.*

Слова, найденные с такой же степенью точности, как и *Вокруг пререканье и давка/ И приторный запах чернил…*

Поэзия Ахматовой напоминала модное в 60-е годы искусство любования корнями: любители находили в лесу корни деревьев или кустарников, отпиливали их, приносили домой, тщательно отмывали, сушили, покрывали лаком, выискивали похожесть на что-то — все равно на что: на лицо человека, фигурку животного, инопланетянина и пр. — и ставили на полку в ряд с другими. Приходящим гостям полагалось созерцать, задумываться и высказываться.

Журналистка, по образованию актриса, бравшая у меня интервью, рассказала мне, как произошло ее личное отпадение от Ахматовой. После первого или второго курса театрального вуза во время летней практики она работала в приемной комиссии. Их, студентов, сажали отслушивать самые первые волны абитуриентов. Большинство девушек доставали шали и читали стихи Анны Ахматовой. Почти все были однозначно бездарны, и заодно читаемые стихи казались необыкновенно плоскими, банальными и манерными. Но вот что удивительно — когда эти же абитуриентки следом читали Цветаеву, актерского таланта из ничего не возникало, но поэзия при этом никуда не девалась. Будущая журналистка задумалась и сделала свой вывод.

«Взрослые» приемные комиссии театральных вузов уже почти пятьдесят лет не разрешают абитуриенткам читать Ахматову: настолько недостоверен поэтический материал, что невозможно понять, способен ли абитуриент выразить и донести до зрителя что-то настоящее. «Спасибо, не надо. Что вы еще приготовили?»

Две великие русские актрисы нашего времени — Маргарита Терехова и Алла Демидова — боготворят Ахматову. Это то исключение, которое припечатывает правду.

У Ахматовой длинные руки

Бродский ей — поклон через моря, она ему — щелчок через океан, с родной земли. В *родном городе* Бродскому не нашлось места для музея, кроме как комнатки в ахматовском мемориале. Город и страна, литературная общественность указали ему его место — в точном соответствии с представлением об этом «патронессы» — как называет хитрую старуху директор дома-музея.

Ахматовский пасьянс принят за карту сокровищ.

Вышла книга заунывных, сладчайших, самых на поверхности лежащих, Анной Ахматовой со смехом подсунутых «догадок» и комментариев — «А. А. Ахматова и православие».

Тут можно дать так давно рвущуюся — царскосельскую античность и открытую мною доязыческую Русь (в музыке, живописи — Рерих, в поэзии — Хлебников, «Яръ» и т. д.). (А Ахматова. Т. 3. Стр. 265.) На открытую Анной Андреевной «доязыческую Русь» есть даже комментарий: *Возможно, Ахматова имеет в виду поиски истоков пракультуры русичей на скрещении Индии и Византии у Рериха, а также культуры скифов и сарматов, у Хлебникова и далее. (Видно, лавры Льва Николаевича Гумилева не дают Ахматовой покоя.) Не прошло мимо внимания Ахматовой, по-видимому, начавшее выходить в 1914 году собрание сочинений Н. Рериха. В отзыве на первый том рецензент <…> писал: «Самого серьезного научного внимания заслуживают слова отгадки — о древности и высокости культуры, давшей расцвет Киеву времен Ярослава* (это — не доязыческая Русь)… *— что через Византию, через ее эмали, грезилась нам Индия <…> подход к иконе* (надо полагать, даже не дохристианской) *через искусство. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 701.)*

Роман Тименчик, конечно, так подставляться (и подставлять Ахматову) не станет *…в прилагательном просто описка-контаминация <…> которую напрасно публикаторы подвергают «содержательной» интерпретации. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 416.)* Однако же и Светлана Коваленко, ПУБЛИКАТОР, — доктор филологических наук и в любом случае заканчивала среднюю школу. Но она не смеет даже повспоминать, какие это у нас доязыческие Руси были — придумывает «интерпретации». Ведь не может же Ахматова не то что ошибиться, зарапортоваться, понести околесицу — даже просто сделать ОПИСКУ! Надо придумывать какие-то загогулистые, недоступные простым смертным объяснения. Это как со

Сталиным. Такой священный ужас при одной мысли о том, что вот сейчас профессору, ученому надо подписать себе смертный приговор — вывести своим пером слова: «Он (Сталин), Она (Ахматова) — Оно! (божество) сделало описку». ДО языческой Руси по ее территории (не называвшейся Русью, конечно, т. е. не по «доязыческой Руси») бродили какие-то племена, занимавшиеся собирательством, не имевшие даже языческих верований и обрядов — даже через костер не прыгающие, просто обрывающие что-то с ветвей. Какой тут Рерих, тут работа для Герасимова. Картинки эти легко представляет себе любой школьник, но д-р Коваленко не смеет этому поверить — и не хочет, чтобы этому поверили читатели собрания сочинений Анны Ахматовой. Это — провокация, товарищи! А если, впрочем, мы будем смелы и образованны, и отважно признаем, что Анна Ахматова — да! — сделала описку, и вместо «доязыческой» хотела написать «языческой» (или «дохристианской») Руси, то, извините, при чем здесь *которую я открыла*? Какую дохристианскую Русь считает, что открыла, г-жа Ахматова? Ну, на это ответов у комментаторов найдется сколько угодно.

* * *

Просто упал взгляд: красивое описание Ахматовой двадцатых годов. С французского: *худая, стройная, бледная, как фарфоровая статуэтка, хорошо сложенная и несколько манерная. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 385.)* Тут же оригинал. «Несколько манерная» — это перевод «*tres manieree*» (ложный друг переводчика — «трижды манерная»). Как бы эти переводчики перевели пунинское «она невыносима в своем позерстве»? Немножечко позерка?

* * *

У Ахматовой длинные руки. Исайя Берлин вовсе не боится Ахматову. Все его разгромные признания (игнорируемые ахматоведами) делаются, когда Ахматовой нет уже в живых. Все: «и больше у нас отношений не было», «я совершил преступление — женился», «я вовсе не кричал: "Она не Дидона"» — все это написано после ее смерти. «Встречи с русскими писателями» были написаны в 1980 году. Исайя Берлин пережил Анну Ахматову на 32 года. Что естественно — ввиду разницы в возрасте и образе жизни. При ее жизни он вел себя не так. Ну да,

остерегался встречаться (остерегался не Большого Дома, а не хотел становиться объектом смешной сплетни. Не уберегся), был краток и вежлив — казалось бы, оскорбительно краток и вежлив — в единственном разговоре по телефону, писем не писал, приветов не передавал, подарков не слал, во снах не видел.

Боялся. Когда какие-то его слова (невинные, никакие, почти никаких слов) просочились все-таки в печать — а он знал, что она, подстраивающаяся под все окружение, подстроившаяся под систему слежек и подозрений, могла бы все разузнать, — на «простого» человека, на западного журналиста обрушила весь гнев своей осторожности человека, пусть и из-за занавеса, но лицом к лицу столкнувшегося с мраком и бесчеловечностью тоталитаризма. Пусть даже в облике «изысканной женщины».

Берлин сказал так: *Она сказала о нем не больше этого, насколько я помню.*

Журналист подрасцветил так: *Исайя навестил ее. Свет в комнате был тусклым, стены грязные, обстановка ветхая и уродливая. Но посреди всего этого на одной из стен он с удивлением увидел шедевр постимпрессионизма — великолепный модильяниевский портрет юной женщины. «Какая чудесная картина, — заметил он за чаем. — Это кто?» — «Это я, — старая женщина счастливо вздохнула, — когда я девушкой была в Европе перед войной». «Кто рисовал?» — спросил он невинно. Она улыбнулась. «Такой славный парень, красавец с черными кудрями, у него был только один старый свитер — он был ужасно беден. А когда закончил рисунок, отдал мне его за батон хлеба и бутылку вина. Больше я его не видела. Моди… Моди… Модильяни его звали, — задумчиво произнесла Б.: — Амадео (так в тексте) Модильяни! Меня всегда занимало — что сталось с беднягой!» Берлин в ужасе пишет автору четыре страницы письма: Откуда же взялись эти черные курчавые волосы, фуфайка, бутыль вина, ломоть хлеба и все прочее в вашем сценарии?.. <…> Живы еще люди, хорошо знавшие г-жу А., и если они читали Ваш отчет о моем разговоре с ней, они решат, что я лгун и пошляк, невыразимо омерзительный, и будут правы). <…> Мысль о том, что однажды эти слова могут быть предложены для прочтения самой г-же А., — это нечто такое, о чем мне непереносимо даже подумать. Г-жа А., помимо того, что она гениальная поэтесса, еще и чрезвычайно изысканная женщина великой чувствительности… (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 362.)*

Берлину было чего реально бояться: если написать о ней что-то не то, можно стать объектом ее преследования. *Она была уверена, что поэт Георгий Иванов, которого она обвиняла в том, что, уехав в эмиграцию, он написал лживые мемуары, был какое-*

то время полицейским шпиком и состоял на содержании царского правительства. (И. Берлин. Разговоры, с Ахматовой и Пастернаком. Стр. 664.) Но и «сценаристу» было бы трудно выдумать и тусклый свет, и грязную комнату, и старость собеседницы, разве что о нищете Модильяни он сам знал. *У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами. <…> Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет. (Анна Ахматова. Амедео Модильяни).*

* * *

Кстати, об Ахматовой. Как-то я говорил по телефону с уважаемым мной коллегой-славистом, в свое время диссидентом. <…> он продемонстрировал знакомство с моей ахматовской (анти-ахматовской) *статьей в «Звезде», одобрительно о ней отозвавшись. Я поблагодарил его за поддержку, ценную как по существу, так и прагматически — ввиду ее редкости. «Хочу уточнить, — сказал он, — что поддержка эта, хотя и искренняя, является сугубо частной, публично высказать ее я бы не решился». <…> «Как же вы с этим живете, вы, не боявшийся КГБ?» — «Видимо, Ахматова посильнее КГБ!» — «Чем именно — тем, что любовь к ее стихам делает для вас нежелательным какое-либо обсуждение ее личности?» — «Да нет, стихи дело особое… Дело именно в боязни открыто занять эту позицию. Вы, впрочем, можете опубликовать наш разговор, не называя моего имени, и хотя бы таким образом я послужу делу свободы совести». — «С вашего позволения, я так и сделаю».*

Страх моего американского коллеги — очередное подтверждение власти того, что я назвал «институтом ААА». В этой власти нет ничего мистического. Если мой коллега посмеет высказать свое мнение вслух, его, полного профессора престижного университета, с работы, конечно, не выгонят, но в русскоязычном истеблишменте могут перестать приглашать, печатать, признавать за своего…

У Ахматовой длинные руки.

А. К. Жолковский. Эросипед и другие виньетки. Стр. 478–479

* * *

Лев Кассиль внес в ахматовиану свой вклад, сообщив, в числе

многих мемуаристов, о шутке Маяковского: «Как вы относитесь к А.?» — «Обожжаю!» — и Маяковский поет на мотив «Ухаря-купца»: «Здравствуй навек, неизбывная боль, Умер вчера сероглазый король…» Разве любое СВИДЕТЕЛЬСТВО мемуариста — достоверное, не слух или сплетня (в данном случае достоверность подтверждается тем, что факт приводили многие) — не является безусловно нужным? Мемуаристы вольны высказывать свои оценки, выражать приязни и неприязни, за это они в свою очередь могут быть любимы и нелюбимы, но за донесенные до потомков ФАКТЫ мы должны поклониться им в ножки. За правду Лев Кассиль получил колкость — *внес в ахматовиану свой вклад.* Надо же уметь сортировать воспоминания, писала же Анна Андреевна (тоже с иронией — но не имея в виду нежелательные для себя лично свидетельства): *Ни слова правды — ценное качество для мемуариста.* Но Лев Кассиль исправился: *в последующих изданиях он этот эпизод исключал. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 571.)*

Профанное пространство

Она профанирует все, чего касается. Ей всегда надо дать понять, что ей внятно все. Описывать свои размышления — если вообще размышлять — о посещенных местах лень. К тому же наступило время, когда она может пожинать плоды, ей достаточно только называть — и все трепещут, предполагая, какие великие мысли навевают ей географические названия, какие бездны мысли и впечатлений они содержат для нее.

С тех пор была Этна-Таормина. О ней когда-нибудь потом. (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 320.) Вот так надо уметь себя поставить: написать — «потом» — и будут почтительно перепечатывать, терпеливо ждать, соглашаться, что, может, и недостойны были, чтобы это «потом» когда-нибудь наступило.

* * *

…сразу поехала смотреть Коломенское. Ничего похожего я в жизни не видывала, это прекраснее Notre Dame de Paris/ (Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 44.) Не ска-жи-и-те! *Notre Dame de Paris,* пожалуй, и попрекраснее будет!

Почему их надо сравнивать? Кому она отвечает на вопрос: что прекраснее?

* * *

Кто видел Рим, тому больше нечего видеть. Я все время думала это…

Записные книжки. Стр. 689–690

* * *

Мы едем через ФРГ и Брюссель — это почему-то нельзя себе представить.

А. Ахматова. Т. 5. Стр. 321

Ее суждения о МЕСТАХ — как ее суждения о музыке, одни и

те же обороты. Пустая многозначительность, не говорящая никому и ничего.

* * *

Доморощенная гофманиана. Италия — это сон.

«Впечатление от итальянской живописи было так огромно, что помню ее как во сне». (Летопись. Стр. 75.)

* * *

Юля Живова приносит известие, что А.А. разрешена поездка в Италию. Там ей присудили какую-то премию и идет что-то вроде фестиваля поэзии. До этого все время отказывали. <…> А.А. узнает это впервые вот тут. Она заметно <…> оживляется и просит, чтобы проверили. Звонят Маргарите Алигер, и та подтверждает (у нее дочь Маша служит в иностранной комиссии ССП). После и, видимо, вследствие этого сообщения в Москве написано четверостишие, которым год спустя намечалось открыть <…> цикл «В пути», назвав его «Предпуть»:

Светает. Это Страшный Суд.
[Здесь]И встречи горестней разлуки.
[И]Там мертвой славе отдадут
Меня твои живые руки

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 220–221

И путь, и предпуть, и Страшный Суд, и горести — все это заграничная поездка. А уж премия на *чем-то вроде фестиваля поэзии* — это уже мировая слава.

Кто организовал мировую славу — ей доподлинно известно, так же, как и то, какие у НЕГО руки. Время идет.

…В блокноте появляется набросок собственных стихов:

Но кто подумать мог, что шестьдесят четвертый
На самом донышке припас такое мне

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 662

О предпутье писать, конечно, только гекзаметрами…

* * *

На обратном пути в Риме она была на площади св. Петра к часу еженедельного благословения, которое Папа дает с балкона Ватикана. Этой церемонией А.А. была растрогана до слез.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 231

* * *

1 дек<абря> на Белорусском вокзале. Толпа провожающих. Полное безобразье на самом вокзале. Это уж как всегда, просим извинить. *Ночью Минск. Невообразимые вьюги, метели. От них похолодело сердце. (Т. 6. Стр. 319.)*

* * *

Она рассказала, как ночью ехала в поезде и кто-то сказал, что недалеко Венеция. Стояла у окна. Хмурый, туманный рассвет. Горбатый, покосившийся мост (не дощ**а**тый ли? — д**о**щатый?) *Фонари. Цепочка фонарей словно проводы на кладбище. Подумала: о такой Венеции еще никто не писал.*

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 287

Бродский пожил в Ленинграде. После этого можно жить уже где угодно. Ленинград прививает большую внимательность к месту. Ему, во всяком случае, привил. Мосты в Италии по преимуществу каменные — могут, конечно, покоситься, как небезызвестное пизанское строение. С мостами чаще случаются другие казусы. Но Ахматова, как известно, деревянное с каменным путает. Бродский патентует добычу своей, как он выражается, сетчатки. Анне Андреевне важно то, что уже можно продать, — НАПИСАНО или нет? Она не написала сама, но с ревностью оглядывается: ведь никто же другой не смог? Хотя если поставить вопрос так, как в ее случае, собственно, нужно — видел ли кто-нибудь до нее ТАКУЮ Венецию (это была не Венеция) — то можно ее сразу огорчить. Миллионы туристов видят ее

ежегодно в туманах и дымках, в предрассветной полумгле и в самых малохоженых закоулках. Это специальное мероприятие, провести которое настоятельно советуют все туристические путеводители. Пишут (во множестве) — конечно, по-разному. Анна Андреевна, во всяком случае, не будет. (Вот узнала же, что Стравинский написал книгу о Петербурге «в звуках и запахах» — и все, сказала как отрезала — все уже описано, и она не будет ПОВТОРЯТЬ кого-то.) *Черновик письма А.А. итальянскому издателю («Синьору Х») <…> Описать же для вашего изд<ания> мое путешествие по Италии (1912), к моему великому сожалению, не позволяет мне состояние моего здоровья. (Летопись. Стр. 579.)*

* * *

«мне Рим не понравился. Он все время за вами гонится.»

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 287

* * *

Запись Д. Самойлова: *«Лондон очаровательно провинциален. Париж холодно красив». (Летопись. Стр. 688.)* С такой восприимчивостью и таким свежим взглядом ей не предложило бы сотрудничество ни одно туристическое издание.

* * *

Воспоминания К. Риччо: *<…> Мы гуляли по вечному городу, но Анна Андреевна мало что в нем успела посмотреть. Она видела кафе «Греко», «Моисея» Микеланджело, была на площади Св. Петра во время папского благословения и была этим так потрясена, что в собор даже не вошла. (Летопись. Стр. 661.)*

* * *

«Cafe» Греко. Автограф Гоголя. <…> Старомодно и очаровательно. (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 319.) Удивительно, что она имела в виду, называя римское кафе — впрочем, действительно открытое в восемнадцатом веке и одно из самых старых в мире — *старомодным.* Конечно, новомодные и

ультрасовременные могли так ей поднадоесть в советском городе Ленинграде, что нечто старомодное вызывает уже и умиленное недоумение. Но не слишком ли строг ее вкус? Если же она в своей записной книжке щебечет, как туристка в самолете, для которой и римское кафе, и египетская пирамида, и безрукая статуя — все трачено молью, то тогда, со скидкой на приблизительность и незначимость слова, идея становится понятной.

Dé modé, вроде Марины Цветаевой.

* * *

1 декабря 1964 года. А.А. с И. Н. Пуниной выехала поездом в Италию.

Летопись. Стр. 660

31 мая 1965 года. А.А. в сопровождении А. Г. Каминской выехала поездом из Москвы в Англию. (Летопись. Стр. 682.) Сколько раз можно доехать до места заключения Льва Николаевича, когда ему в тюрьме (10 лет назад) разрешили свидание (только с матерью) — но *маму поднимать ради двух дней нельзя.* Очень слабое здоровье.

1965 год. 26 октября. Меня опять зовут в Париж. А что там делать?

Записные книжки. Стр. 681

27 октября. Завтра выяснится про Париж. Я бы в крайнем случае — полетела. (Записные книжки. Стр. 681.) На мероприятие, на которое не слишком заблаговременно (чтобы почтенная особа могла с большим для себя комфортом — и безопасностью для здоровья в преклонных годах — доехать на поезде) позвали.

* * *

В 1964 году Анна Андреевна совершила поистине историческую поездку в Италию, в Катанью на Сицилии.

В. А. Шошин. По: Н. Гумилев, А. Ахматова по материалам П. Лукницкого. Стр. 146

* * *

Но Петербург оказался возвращенным ей.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 261

* * *

Критические литературные оценки А. часто поражали своеобразием внезапного подхода: «Хемингуэй почему-то считается американским писателем. Но ведь это неверно. Он американец лишь по рождению, он почти и не жил в Америке (однако дольше, чем Анна Андреевна в Царском Селе)*, и все, о чем писал, происходит в иных странах: в Париже, в Испаниц, на Кубе. (И. Метнер. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 447.) Но ведь это неверно* — можно спросить у самого Хемингуэя, чьим он считает себя писателем. Впрочем, чужие, пусть и заинтересованного лица, мнения для Ахматовой ничего не значат, так — источник раздражения. *Это — неверно.* Не пускаясь в рассуждения о том, что за герой действует в Париже, в Испании, на Кубе, можно, по указке Анны Андреевны, пересмотреть свое отношение и к другим писателям: индийскому писателю Киплингу, лицу кавказской словесности Михаилу Лермонтову, действие всей прозы которого происходит на Кавказе, — ну новый Шота Руставели, а уж как назвать автора «Незнайки на Луне» — это она бы подсказала. С Хемом можно решить проще — Анна Андреевна упустила из внимания «Зеленые холмы Африки» — вот пусть будет великим африканским писателем.

Страшилки, или трагическое на второе

Луна с правой стороны, но ущербная и страшная.

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 309

Его страшная сжигающая любовь… (к ней, Ахматовой). (А. Ахматова. Т. 5. Стр. 100.)

Их много, и они очень страшные (стихи Гумилева об Ахматовой). (А. Ахматова. Т. 5. Стр. 102.)

Так страшно, точно ваша поэма…

Страшный фон моей жизни и моих стихов…

Я увидела такой страшной северную Францию из окна вагона.

…песни пролетают по черному страшному небу…

Как все близко! — (и страшно…).

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 325

Это были черные тюльпаны,/ Это были страшные цветы…

Абсолютно чужая и страшная [«Поэма без героя»]…

А. Ахматова. Т. 3. Стр. 244–245

* * *

В Риме есть что-то даже кощунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно!

А Ахматова. Т. 5. Стр. 320

* * *

Это как будто листки из дневника. Странно и страшно читать эти записи. Я не могу цитировать в журнале эти стихи.

Мне кажется, что я выдаю чью-то тайну. (В. Шкловский. Анна

Ахматова.) Статья 1922 года. Красивой женщине подпевали с охотой. Всем уже тогда было страшно. *Она стройна и странна — мужчинам только того и надобно.* Это Пушкин, об уездной барышне. Ну а мы — столичные. Нас читать уже и страшно.

* * *

…что происходит из гулких и страшных недр моей поэмы… (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 592.)

А есть недра?

* * *

Люди вежливо молчат — выдавить из себя ничего не могут. Тогда она говорит сама. Об этом стихотворении: *как-то в разговоре о нем А.А. <…> призналась, что она сама его «немножко боится» (В. Виленкин, По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 604.)*

Вам не кажется, что это очень страшная вещь (поэма, конечно)*? Мне всегда страшно, когда я ее читаю. (Н. Струве. Восемь часов с Анной Ахматовой. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 604.)* Ну надо ж!

* * *

Как было страшно, когда Анна Андреевна болела тифом… И сейчас страшно, хотя она цветет, хорошеет и совершенно бесстыдно молодеет. (Н. Я. Мандельштам Н. И. Харджиеву. Летопись. Стр. 363.) Прием подхвачен: когда нечего сказать (правду не скажешь), но нужно произнести что-то значительное, таинственное, гулкое, то и чуткие ученицы быстро осваивают прием. Страшно!

* * *

Летом 1961 года А А. познакомилась с Иосифом Бродским. Как будто она сказала о его стихах: «страшные». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 142.) «Страшные» — это, по-ахматовски, значит — «хорошие». У нее все страшное — музыка

Шостаковича *(Все прямо так и говорили — страшная, как моя поэма), ее* стихи, ее жизнь, любовь Гумилева, его стихи. Все это — хорошее. Стихи Блока — не страшные, он — тенор. Пастернак пишет «о погоде», чего бояться-то! Марина Цветаева — *тон рыночной торговки.* Базар, гулянка, веселье. Что страшного она знает о жизни?

В том доме было очень страшно жить…

И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою своей…

Самой страшной я становлюсь в «Чужом небе» (1912)…
Да полно!

* * *

Я не узнала Париж. Ни дом на rue Bonaparte, 10, ни тихую шелестящую старыми книгами набережную. Казалось, он заснул в 1910 и видит страшный сон, сам себя 1965 года. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 273.) Что было уж такого страшного в Париже 1965 года? Я, конечно, там не была, но видела фильмы с молодой Катрин Денев — там страшно все, кроме Парижа. Что с ним случилось за 55 лет? В шестидесятых стал обновляться и реконструироваться — не все же брюзжать по поводу нововведений — кажется, уже тогда более продвинутым считалось хвалить. Ахматовой казалось, что *он заснул, видит сон,* но это она говорит всегда, когда нечего сказать. И — куда же без этого — *страшный.*

Я увидела такой страшной северную Францию из окна вагона. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 272.) Объяснение тому — *День, конечно, оказался годовщиной Ватерлоо, что мне сказали в Париже.* Днем, страшным для одного человека, который уже все что мог для Франции сделал. Если себя с ним не ощущать ровней — не давать почувствовать эти ощущения окружающим, то осеннее небо над Францией может подарить и менее школярские ассоциации.

* * *

Я боюсь, что ко мне приедет Сартр. Это не дежурное *I'm afraid…* Это встреча двух мегаастероидов, с гулом проходящих

сквозь вечности и галактики, грозно безразличных к судьбам копошащихся белковых наростов на второстепенных планетках. Событие, которое оценить могут только равные…

Боюсь, издание книги придется повторить.

Потом часто с ужасом вспоминала, как человек хотел отсидеть полжизни в каземате, лишь бы получить мою книгу.

Летопись. Стр. 92

* * *

Первоначально главу предполагалось назвать «СТРАШНЫЕ ТАЙНЫ».

Выписать тайны отдельно, а страшности — отдельно, расположить главу в виде двух колонок. Пока ограничимся страхом.

* * *

Читаю Пруста с ужасом и наслаждением.

Из письма Н. Н. Пунину. По: В. Виленкин. В сто первом зеркале. Стр. 81

* * *

Это страшно, его стихи — страшные. *Ужас его юности — его любовь.* (Николай Гумилев — к ней.) Когда совсем нечего сказать.

Николай Гумилев — совсем не трагический поэт. Наоборот, он такой полнокровный, тщеславный человек. Полная событиями жизнь, женщины, ученики, литературные интриги. Незаурядный, несомненно. Повезло — в юности встретился с оригинальной девочкой, влюбился. Конечно, добивался. С такой биографией его жизнь можно было бы укладывать в какую хочешь схему, Анне Андреевне особенно нравилась своя. Она, как это ей свойственно, заводила сама себя, говоря о Гумилеве. Ни одной строчки не обходилось без *страшный* и *ужасный.*

* * *

Толстой ворчал: «Трагический, трагический… Придет Тургенев,

тоже будет все повторять «трагический».

Г. Адамович. Одиночество и свобода. Стр. 102

* * *

Удивительное свидетельство: Ахматова комментирует свою поэзию. *СТРОФЫ, СОДЕРЖ<АЩИЕ> ТРАГ<ИЧЕСКОЕ>*. Строфы, содержащие трагическое… И это еще не все: *Иногда «траг<ическое>»* (где закрывать кавычки — не знаю) *начинается в предпоследней строке. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 259.)* Это не пародия, это у Ахматовой так написано. В пародии можно было бы написать: *«иногда же трагическое начинается в третьем от левого края слове»* — но это уже будет не так смешно. *Вот в предпоследней строке* — это в самый раз.

* * *

Я не буду объяснять, какой мерой измеряется страдание творческого человека, но то, что и 1913, и 1940 годы для Ахматовой были исключительными по глубине страдания, доказательств не требует. (Алла Демидова. Ахматовские зеркала. Стр. 86.) Действительно, у творческого человека могут быть какие-то необыкновенные, непонятные и необычайные страдания. Все может быть. Но вот когда у этих страданий имеются простые, всем доступные даты — то здесь явно что-то не то. А если кто-то все-таки захочет доказательств — и тоже так, с цифрами и схемами?

* * *

А.А. создала, например, цикл «Черный сон». (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 409.) То есть собрала некоторые свои стихотворения в цикл под таким эффектным названием. Инерция подобострастия, которую она создала в приближенных к себе орбитах, позволяла ей выдавать такие перлы, не опасаясь насмешек, только испуганных (будто взаправду) вычеркиваний карандашом пугливого редактора. На следующей странице — *«Сказка о черном кольце».*

Мир

Обманутые вкладчики

Об Ахматовой — только в восхитительном ключе, воспоминателей неформатных фактов — анафеме.

Т. 2. Комментарий к стихотворению: «Зачеркнутый [эпиграф]: «Humility is endiess» T. S. Elliot» («Смирение бесконечно»). (Стр. 576.) Кто сделал ошибку в слове Endless — Ахматова или составители сборника (в любом случае они пропустили эту ошибку), — во всяком случае не Томас Элиот. Звучит пафосно, значит — подходит.

Зачеркнуть эпиграф — будто бы ловко найденный прием.

* * *

С такими же гениальными стихами, где вновь поминается окровавленный путь, Анна Андреевна обращается и непосредственно ко Льву:

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.
Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.

В. Л. Демин. Лев Гумилев. ЖЗЛ. Стр. 114

Такие слова, теперь считается, можно обращать к сыновьям? СЫНОВЬЯ мечут под ноги мамашам величье, славу и власть? Это при каких же жизненных обстоятельствах? Да и золотом пытаться от тоски вылечить — это ведь ну совсем не про сыновью заботливость. Впрочем, с золотом у Льва Николаевича тоже не слишком.

Что ж, прощай. Что за прощания, что за разлука? *Я живу не в пустыне.*

Ночь со мной и всегдашняя Русь. (Ночи ее до Льва Николаевича касательства не имели, а вот *сэру* Исайе Берлину, к которому, конечно, обращено стихотворение, понятно, нужно

лишний раз напомнить, что всея Русь — она-то никуда от нее не денется, девушка не растрясла приданого.)

Так спаси же меня от гордыни. Вот тут и пригодился бы эпиграф про бесконечное смирение — для обозначения полюсов и бездн.

В остальном я сама разберусь.

* * *

Не верь глазам своим.

Утверждения Островской о том, что Ахматова склоняла ее к лесбийской любви, делают ее воспоминания абсолютно неприемлемыми для искренних поклонников поэтессы.

Э. Файнштейн. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х. Стр. 280

О лесбийских наклонностях Ахматовой С. К. Островская не раз упоминала в разговорах со мной (в связи с баронессой Евгенией Розен и Т. М. Вечесловой), но мне не хочется приводить этих подробностей.

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 22

Да и кто посмел бы их привести!

* * *

— А Вознесенский, который в то время был в Англии, даже не удосужился приехать. Он просился, ему был дан эффектный и малопонятный ответ*: на этой церемонии должен присутствовать один-единственный человек: я.* А приветственная телеграмма при гостях выброшена в корзину. *Зато Райкин был. Как? Вы не знаете, кто такой Аркадий Райкин? Самый знаменитый человек в России… Он потом пришел меня поздравить.*

И, показав большим и указательным пальцами размер яйца, добавила:

— Вот какие слезы у него были на глазах!

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

Будто бы ирония, но, с другой стороны, скорее всего, Райкин от протокола не отступил.

* * *

А.А. хотела придать СЕДМИЦЕ (выделено *Т.К.) любовных стихотворений статус сочинения об Апокалипсисе, связав их с Откровением Иоанна Богослова. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 198.)* Намерение похвальное — почему бы поэту, взявшемуся за любую тему, особенно на пороге смерти, да хоть и за стихи о любви (пусть немного легковесен ее ахматовский, социально-бытовой — женится не женится — и сенильно-эротический аспект), и не иметь в виду Апокалипсис.

Ну а седмица — даже если писать о великой Анне Ахматовой, — это все равно не то же самое, что просто число «семь». И наоборот, даже если кто-то говорит о величайшей и т. д. поэтессе, он не должен падать ниц и вместо «семь» писать «седмица». Понеже «семь» — это 7, например, «семь любовных стихотворений», а «седмица» — это, согласно могущему быть доступным и Анне Ахматовой словарю, любому, самому распространенному, Волина и Ушакова, например, — «неделя». Только неделя и ничего больше. Помета: «церковно-книжн. устарев.», но все равно — неделя. Даже по словарю Даля, откуда Анна Ахматова ни с того ни с сего вытащила слово «притин», не зная его значения, а потом приткнула в неожиданное (и неправильное) место, а потом еще взялась его «улутшать» (Жолковский) — «притын», — даже по Далю, это только «неделя». Тименчик за Ахматову, естественно, не отвечает, но свита делает короля, а король — свиту. Про Ахматову — это только седмица, схима, благовест…

* * *

До некоторых, впрочем, не доходило, с кем имеют дело…

…история из времен эвакуации: <…> однажды выступали А.А.А.<хматова> и поэт Луговской, который, несмотря на свою курсантскую, что ли, венгерку, на фронт никак не хотел. Натурально, они сидят в президиуме, Луговской читает первым; был он, как водится, вполпьяна, что никак не мешает, мы знаем, вдохновению; отчитав, он откланялся, но отправился не на свое место в президиуме, а в глубь сцены; А<хматова> уж было приготовилась выйти к рампе, как заметила, что весь зал, замерев, смотрит куда-то за ее спину; обернувшись, она обнаружила, что Луговской преспокойненько тут же, на сцене, мочится в кадку с фикусом… (По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 334.) Все чтили Ахматову как императрицу.

Луговской, видевший ее в Ташкенте — не очень.

Лотман тоже уклонился от знакомства с Ахматовой…

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 378

Уверена, что обошлось без демаршей.

* * *

Она так выстроила свою стратегию, а частью эта стратегия выстроилась сама <…> что ее безмерно и многократно преувеличили, восторженно раздули, превратили в святую, в этический эталон, в Анну всея Руси, порабощая читателей, третируя и изгоняя несогласных, исключая возможность не только спора, но и анализа.

Я не люблю, чтобы меня порабощали.

А. К. Жолковский. Анти-Катаева. Стр. 392

* * *

О. М. Шагинян: *Я случайно столкнулся с нею в Гослите, ее вели по коридору, бережно поддерживая с двух сторон, оплывшую, похожую на пикового туза. (М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 160.)* Ахматова была похожа скорее на ферзя. Но ВОДИЛИ даже Шагинян! Про которую никто не помнил, какова она была в молодости, — а про Ахматову даже сейчас можно вспомнить фасон ботинок, цвет шалей и прозрачность чулок.

* * *

Были в Оксфорде, когда А. получала диплом доктора филологии. Познакомился с ней и остался недоволен ею и собой. Хвастливая и балованная советская барыня Говорит с подчиненными, как генеральша Ставрогина, одним повелительным наклонением. Влияние грубой совдепской жизни чрезвычайно выпирает. Разговора с ней у меня не вышло, и уходил я из ее гостиницы в Лондоне с большим чувством облегчения. Много фальши, она в ней одета; она на ней как хорошо сшитое платье. Кругом было много противного ухаживанья и вранья.

Р. Гринберг. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 698

Все любили в ней себя: свою молодость, свои романтические представления о Серебряном веке. Бежали знакомиться и все отдавали за возможность встречи. Встретясь, видели, что она и сама полна этих призрачных, тщеславных мечтаний — и собирается деловито получать с этого собственные дивиденды. Не она для нас — а мы для нее. Не нравилось никому. У некоторых наступало отрезвление.

Воспоминания К. Риччо: *Она хотела, чтобы я сразу прочитал и перевел посвященные ей стихи Пазолини. В стихах Ахматова и все присутствующие почувствовали нечто оскорбительное. Обиделась она на то, что именно из Италии ей преподали такой утонченный урок социалистического реализма. (Летопись. Стр. 678.)*

* * *

За что испытывать какое-то необыкновенное уважение к ней? Что писала хорошие стихи — да, кому-то нравится, но — не уважать же человека за умение делать тройное сальто так, что делай все, что он скажет. У всякого свои таланты, у нее — не более других, она — не великий поэт, не светоч человеческого гения. Другой повод для почтения: она — пожилая дама, даже можно сказать — пожилая женщина (потому что, при несомненных задатках: стати и удавшемся трюке, она — не леди). Но возраст — это не подвиг, не свободный выбор, это — привилегия. Ей дано, и она воспользовалась. Тут только позавидовать и заняться тогда уж собственным здоровьем. Горести вызывают уважение, когда были перенесены с достоинством. Мужественно, героически Анна Андреевна себя никогда не вела, трудности ее жизни — это предмет не уважения к ней, а сожаления за тучу беды, накрывшую всю страну.

* * *

Ее любимый, друг, соратник, муж, поэт Гумилев (60 процентов неверного в определениях) — *расстрелян в 1922* (так!) *году. Это окончательно начертало трагический путь Ахматовой. Сын их — олицетворение сердечных страстей <…>, сын,*

которому во время гибели отца было пять лет (опять Sic!), *сын, может быть, лучших надежд и помыслов… (М. Борисоглебский. Доживающая себя. Я всем прощение дарую. Стр. 225.)* Тут уж все.

* * *

Она продолжала читать.

И если когда-нибудь в этой стране/ Воздвигнуть задумают памятник мне…

Глаза у меня были мокрые. Она, вероятно, и это заметила. Сдавленным голосом я попросил: «Пожалуйста, можно это еще раз?» <…> Она прочла еще раз Эпилог. Музыка стихов рождалась где-то в груди и в глубине гортани. Я уже не слышал шепелявости, не видел ни морщин, ни болезненной грузности. Я видел и слышал царицу, первосвященницу поэзии. Законная государыня — потому так безыскусственно проста, ей не нужно заботиться о самоутверждении. Ее власть неоспорима.

> *Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 269*

Годится.

* * *

В книге «Мы вспоминаем» Адмони писал: *Все пошло по-другому в Ташкенте, осенью 42 года на другой же день после того, как мы поселились в «Тамаре Ханум», кто-то передал мне, что Анна Андреевна требует, чтобы я как можно скорее пришел к ней домой. И в первое же мое посещение, прочтя мне «Поэму без героя», <…> Анна Андреевна сказала: «Ну, теперь приведите ко мне Тамару* (жену Адмони, Тамару Сильман, вот какая честь, ведь раньше к себе Ахматова Адмони не звала, зайти к нему и встретиться с его женой не соглашалась). *(Анна Ахматова в портретах современников. Стр. 152.)*

Требовали у всех, кто этими требованиями гордился. Некоторые от такой чести отказывались. Ахматова отступала мгновенно.

* * *

Она совершенно точно знала, кого можно попросить, а кого

нельзя.

Н. Ильина. Воспоминания. Стр. 582

* * *

Дочь известного ленинградского пушкиниста Зоя Борисовна Томашевская рассказывает, что Ахматова могла позвонить и попросить поставить чайник. Не правда ли, это уж слишком? (Почему слишком? Это нормальная проверка на прочность: кто пойдет, а кто нет.) *А только Томашевская, у которой был маленький ребенок и жила она не в соседнем доме, бросала все и шла ставить чайник. Так ей отец внушил: делать все, что Анна Андреевна попросит. Объяснить почему? Потому что она не такая, как все. Вот и весь сказ.*

(М. Зайонц. Даем подробности! Ж-л «Итоги». 20 августа 2007 года, М 34.) В подъездах у ЗВЕЗД для ловли таких случаев дежурят команды поклонниц. Это всего лишь такой склад личности.

Воспоминания З. Б. Томашевской: Анна Андреевна потребовала меня на Красную Конницу. «Зоя, что-то случилось. Мне уже несколько раз звонили из Москвы и спрашивали, как я себя чувствую. <…> Спуститесь, купите газету». (Летопись. Стр. 526.)

Анна Андреевна приехала и требует, чтобы я как можно скорее предстала пред ее ясные очи.

Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 321

Здесь Ахматова напала на золотую жилу.

* * *

Но очень хорошо, что Вас лечат в чудной больнице. Там ведь чудные врачи и чудный персонал (так считается в Москве). <…> Молюсь за Вас той «Державе непобедимой», которую мы посетили перед приходом к Вам… (Жена В. В. Виноградова Н. М. Малышева)

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 724

* * *

5 марта — день смерти Ахматовой — в 2006 году совпало с Прощеным воскресеньем. Посвящаем сборник «Я всем прощение дарую…» 40-летней годовщине со дня смерти великого русского поэта Анны Ахматовой.

Н. И. Крайнева. Ахматовский сборник. Стр. 6

* * *

Есть стихотворение, озаглавленное некой датой. Там и сон, и праздник милого, и солнце, наполнившее комнату желтой пылью. Задача — определить адресата. Чего же проще: дата — день архистратига Михаила. Михаил, Лозинский, у ахматоведов на примете есть — *было нечто вроде романа.* Из-за слова *причастница* стихотворение кажется исследователям поэзией высокого религиозного накала, а последний, как известно, у Ахматовой — барометр самых потаенных эротических переживаний, то есть наш добропорядочный герой не годится. И весьма уважаемыми учеными принимается решение примерить более яркое объяснение. На самом деле — притянуть за уши. Дело в следующем: накануне памятного дня, но 11 лет назад, состоялось решительное объяснение Блока с соседкой, Любой Менделеевой. Год же назад в этот день Блок не явился на поэтическое собрание, как *МОГЛО БЫ ПОКАЗАТЬСЯ Ахматовой — ПОТОМУ ЧТО* отмечал эту дату. Его размышление о связанности своей с *Любой* в этот день — приводятся. Связи с неявкой на заседание — не просматриваются. Главное — откуда Анна Ахматова могла знать про эту дату? Исследователям кажется совершенно логическим: *Ахматовой достаточно было спросить Блока о причинах его отсутствия на заседании «Цеха поэтов», где она ожидала его увидеть и не увидела.* Не подлежащим сомнению является, что *Блок, человек предельной откровенности, вполне мог ответить, почему он не присутствовал на этом вечере.*

Могло, впрочем, быть по-всякому. Вот рядом запись в дневнике Блока: *Брожу весь день с чудовищного похмелья.* Мог и не добрести до заседания. Но это, конечно, несерьезно. Не подходит.

Все ясно как божий день, о чем стихотворение: Ахматова просыпается, солнце заливает комнату, она вспоминает, что

сегодня — праздник Блока. Какой же праздник? 11 лет с того дня, как Любовь Менделеева приняла его предложение руки и сердца. Ну и еще маленькое условие — если б она знала об этом или Блок из-за своей *предельной откровенности* (склонности к бездумным откровенничаньям) ее поставил в известность. (Отгоним, отгоним мысль о том, что Ахматова в душе празднует светлый день того, что Блок с чудовищного похмелья год назад не явился на литературное заседание.)

Догадка оглашена и признана состоятельной — и уже на законном основании с восхищением говорится: *здесь звучит безграничное уважение к внутреннему миру Блока. (В. В. Мусатов. Анна Ахматова и Александр Блок. Я всем прощение дарую. Стр. 341, 343.) А* заодно, наверное, и к внутреннему миру Любови Дмитриевны Блок. Остается только снять шляпу перед прекраснодушием ахматоведов. Или даже великодушием. Чему бы (кому бы) ни были преданы люди с такой искренностью — замечательно. Беда в одном — что Анна Ахматова, да, выведена человеком, способным на «безграничное уважение к чужому внутреннему миру» — но ведь она же, как нам известно по другим источникам, способна пренебречь любыми правами другого человека на собственный внутренний и внешний мир. Александр Блок, например, из ее рассказов, недомолвок, прозрачных и туманных намеков предстает связанным с нею больше, чем с какой бы то ни было другой распрекрасной дамой.

* * *

…письмо М. И. Цветаевой к А.А. от 13 сентября 1921 г. в связи со слухом о смерти А.А.: «Я, на блокноте, Аксенову: «Господин Аксенов, ради Бога — достоверность об А.» <…> И учащенный кивок Аксенова. Значит — жива». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 650.) У ранней Цветаевой — безвкусность во многом — особенно во влюбленности в Ахматову. Такие вещи никогда не бывают хорошего вкуса.

Был слух, многие его проверяли — Ахматовой не приходило в голову, что и ее биографию несколько бы украсила ранняя смерть, с профессиональной бесстрастностью пожеланная Маяковскому? Могло бы повезти, как повезло Пушкину — через десять лет, заживись, предназначенному к полному забвению?

* * *

Интервьюировавшая меня немка в ответ на мои заявления о необходимости открыть народу глаза снисходительно сказала: «Это не получится. Вы все — нация обманутых вкладчиков. Вы этого хотите сами». Все хотели поверить Ахматовой, мечтали — кому бы поклониться — и предпочли закрыть глаза.

Обманутые вкладчики хотели стать богаче других. Их предпринимательский потенциал другого хода не выдумал (или лукавый попутал, пожалели — но так и со всеми случается, эти — не более пострадавшие, чем все другие, ошибшиеся в расчетах). Поклонники Анны Ахматовой, потрудясь столь же мало — повесив ахматовский портрет на стенку, процитировав в уже и так нестерпимо-патетическом месте «И упало каменное слово», — хотели признания их нравственного величия. Обманутые вкладчики ненавидят общество, называющее их халявщиками, яростно обманывающиеся ахматолюбцы закатывают в асфальт все вокруг себя, чтобы виднее было, как они — избранные — кланяются своей святыне.

Поверившие в августейшество Ахматовой считают, что имеют патент на духовное превосходство над всеми другими. Духовно они богаче других — и существование более трезвых и скептических сограждан создает угрозу их капиталу, который они намереваются завещать своим детям.

* * *

И вдруг посреди разговора она сказала: «Хотите, я вам стихи почитаю?» И мой чуть не вскрик. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 27.) Да, полагалось вот так.

* * *

Или так: *Мы, прослушав чтение* («научной» статьи, нового слова в пушкинистике), *хором завопили, что это надо печатать.*

Заметив наши умоляющие взгляды, подарила снимок, на обороте дата и ее «А», пересеченное летучим росчерком.

Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 292

* * *

Время, проведенное в Боткинской больнице, она назвала своими «100 днями» <…> Наполеоновские ассоциации вообще сопровождали ее весь этот год — в сто пятидесятую годовщину национального поражения Франции она въехала в нее из страны-победительницы. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 272.) Таких тщательно выверенных совпадений — и, к сожалению (ахматовскому, нам все равно), только совпадений — каждый может подобрать и к собственному почти каждому дню. Откройте календарь да отмечайте знамения.

Для *сопровождения* по целому — предсмертному — году двух ассоциаций вроде маловато. Но у Ахматовой все значительно: два раза наполеоновские приметы встретились в календарном году — все, полагалось и ей завоевание мира.

Поэтесса, которая свою жизнь меряет по Наполеону. С чего бы это? Наполеон — это юношеские ассоциации. После прожитой жизни от обаяния наполеоновских планов остается немногое: эффектные фразы, не снящиеся трупы по заснеженным полям, белые лосины, безделица-корона и совершенно настоящий трон, священный трепет и благоговение подданных, все говорят по-французски. Что из этого сохранило свою ценность для расплывшейся старухи? Без увлечения Наполеоном и стихами Ахматовой не пройдет ни одна юность — из тех, кто доверится шаблонам.

* * *

Декабрь 1962 года. А.А. полна неясных предчувствий. «Я боюсь, что теперь я снова буду эпицентром землетрясения».

Летопись. Стр. 597

* * *

Очевидно, Берлин — или кто-то, кто был с лету понят как действующий с подачи Берлина — предложил перевести на какой-то язык что-то из Ахматовой.

А, тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почем у нас совесть и страх.

Мысль, которую должно было быть совестно записывать в рифму. Обыкновенная житейская, чуть хвастливая патетика. Но приятно.

Юная посетительница. *Из всего, что я ожидала, подтвердилось одно: тишина. И то не тишина — молчание. Никакой светской беседы. <…> Я что-то лепетала — или лопотала <…> вероятно, я бессознательно хотела казаться еще моложе, т. е. притворялась, как могла, а она молча слушала. И только одну ее фразу я помню. Когда я сказала, что не верю себе, что вижу Ленинград, она ответила: «Да, я тоже так, когда была в Париже». «Каково ваше впечатление от Парижа?» — «Я не верю себе, что вижу Париж». Вот и весь ответ. Правда, спросили бы ее действительно — она нашлась бы что сказать более оригинальное — не всегда удавалось — но старательнее выдуманное. Но сейчас речь шла о другом: каковой фразой она меня окончательно добила, потому что Париж — это уже то, чего в реальности навсегда окончательно нет. Только в книжках. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 20.)* Ну, про это Ахматова все знала.

* * *

В свободное время Образцова пишет стихи и по мироощущению отождествляет себя с Анной Ахматовой. Даже хотела поставить ей памятник в Петербурге. Вложила в этот проект большие деньги. Ахматову изваял известный американский скульптор, но пока она стоит дома у певицы.

«Комсомольская правда», http:// samara.old.kp.ru

* * *

Светская дама: Вспоминаю: зимой 62-го года в Комарове я спросила Л<идию> К<орнеевну>, кто это в «Поэме без героя» — «гость из будущего»? Она засмеялась и сказала: «Английский лорд!» Я была так потрясена, что больше ни о чем не спрашивала. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 35.) Очевидно, была потрясена и Анна Андреевна.

* * *

«Для меня в них [стихах] *— связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моего народа». (Анна Ахматова. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 494.)* Говорить «наш народ», «наша страна» — более надежно, более простецки. В «моем народе», «моей стране» больше прочувствованности, выстраданности и — задней мысли. Любовник, Недоброво, в свое время подсказал ей, что неплохо бы было брать пример с его жены и стараться выглядеть дамой высокого тона, Марина Цветаева — на то она и есть — подарила ей титул Анны всея Руси, без всяких актерских тренингов. На Марину цыкнула: провинциальная поповна, Анной — села. «Моя страна», «мой народ» — все законно.

* * *

Ахматова говорит «эта страна» или «моя страна» (*в моей стране получила большое признание* — это она говорит не иностранцам, она — у себя на родине, жители ее страны, ее народ склоняют головы). «Мой народ» — этот народ. Недовольные НАМИ подхватили, говорить «эта страна» — когда ею недовольны, да и просто так, самоотстраняясь, как от мелкой гадости — стало общепринятым. Имеющие уши — или совесть — не соглашаются.

Интервью из глянцевого журнала: *Как вам кажется, в этой стране — точнее, в нашей стране… Леонид Парфенов: Давайте — в нашей. Интервью. (GQ. 2008. № 3. Стр. 234.)*

Тараканище

На его [Вадима Андреева] *другое высказывание я ответила: «Я не стажирую на Елену Троянскую». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 544.)* Как же не *стажирую* — уже на кафедру взошла, вещает, что война холодная началась именно из-за нее? Этого «другого» высказывания — неизвестно какого, не важно, что он там может сказать, и не было, скорее всего, вовсе — ей важно было произнести свою фразу, которую ввести в научный и ненаучный обиход не представлялось иной возможности.

Обманутые вкладчики — не будем спорить, дело духовное, тонкое — хотели бы подчинения добровольного, это возвышает.

Получилось — как всегда.

Поздняя Ахматовщина. Эль Греко, Зарубежная Русская православная церковь, Пруст-Джойс-Кафка (*для меня и обо мне* — не четвертой ли и туда готовилась? вот пригодилась бы ПРОЗА), Данте-Пушкин, классическая музыка, немного балета и вокала, иностранные языки как космополитическая обыденность, кафе — Париж, кокаинисты и содомиты.

Те, кто не имеет права понимать, для чего все это вытягивается наружу на самом деле, все-таки раздражаются.

Что мне делать со строфой об Эль-Греко, я решительно отказываюсь понимать. Моего ума на это не хватает.

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 404

* * *

Домашняя версия о народовольческой юности Инны Эразмовны и ее учебе на Бестужевских курсах, по мнению В. А. Черных, не подтверждается документами.

Т. М. Вахитова. По: Н. Гумилев, А. Ахматова по материалам П. Лукницкого. Стр. 186

* * *

Мне говорят, что я писала о Сталине. Мандельштам тоже

писал.

Вопросы литературы. 1997. № 2. Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой

* * *

В последний год своей жизни А.А. все время возвращалась к одной теме. Она и в Англии рассказывала, что Сталин вытащил ее из Ленинграда во время блокады и отдал распоряжение «беречь (cure) А<хматову>», когда она чуть не умерла от тифа (Frankland M. Poetess of genius <…>), и в Комарове говорила мимолетному знакомому: «А ведь он благоволил ко мне. Что, трудно поверить? Многих это ввергает в сомнение. Еще бы! Присылает за мной в осажденный Ленинград самолет, а затем — метаморфоза — ненависть».

В. И. Выхристенко. Эхо Серебряного века… По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960 е годы. Стр. 301

Благоволил Сталин, выходит, и к Зощенко.

Нравственный императив внутри нас — вещь реальная, неизменная, вроде земного тяготения. «Нас возвышающий обман» сразу кажется понятием достойным, действительно нелишним — ведь возвышает он нас нравственно, морально, пусть даже просто эмоционально, но все равно дает планку, к которой надо тянуться и возвышаться. Обманы — или обманные недомолвки, к которым прибегает Анна Ахматова, унижающая ложь.

Анна Андреевна: Мне говорили, что Сталин спрашивал (продолжает с кавказским акцентом): «Ну, как там эта монахиня?» Я говорю Анне Андреевне, что постановление ЦК 1946 года было, понятно, по указанию Сталина, но я не понимаю, отчего такие нападки на нее. «Я-то знаю, за что он меня». Спрашиваю: «За что?» Анна Андреевна не отвечает. Может быть, не расслышала моего вопроса, а может быть, не хочет говорить на эту тему.

Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы, литературы. 1997. № 2

Запись А. А. Крона: <…> Я спросил: «Чем Вы раздражили Сталина после войны? Зощенко рассказом «Обезьяна», а Вы?»

А<нна> А<ндреевна>: «Он имел основание сердиться. Это было весной 1946 г. Но что именно не скажу».

Летопись. Стр. 629

* * *

Говорила слепневской соседке, парижанке, при встрече через полвека: *«Вот ты, которая меня хорошо знала и нашу жизнь в Слепневе, ты должна написать…» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 702.)* Актриса, после которой должны остаться афиши и рецензии…

Прощаясь с Кларенсом Брауном, А.А. просила передать Артуру Лурье ее настоятельную просьбу («Скажите, что я велела») записать свои мемуары: «Скажите ему, что то, что отдал — то твое». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 535.) Писатель, поэт велит другому человеку, непишущему — начать писать. Призывает не подверженного его страсти поддаться — и тоже начинать писать. Разве что того мучает графоманский зуд и он знает, что в первое время какое-то удовлетворение приносят исписанные страницы… (Ахматова, интересно, перечитывала ли свою прозу?) Но тут дело идет о другом — до самовыражения Лурье Ахматовой дела нет, она призывает его писать воспоминания. Сейчас, когда он уверен в ее всемогуществе, — а он бесславно бедствует в Америке, когда она в силе, — а он просит ее поспособствовать исполнению его произведений в СССР, — он напишет самые правильные мемуары. Она проговорит даже емкую и яркую по-ахматовски фразу, будущую цитату, она обещает ему какие-то блага — «то — твое», «твоего прибудет», она не знает, чем уж его заманить. А что за утешение человеку в мемуарах? Если в них есть какая-то четкая сквозная идея — воспоминание, например, о каком-то великом человеке или событии, где твое перо следует жесткой канве, — это одно, а встать перед неразрешимой задачей осмыслить и оправдать свою жизнь и даже облечь ее в бессмертное слово — вряд ли это радостный труд. Ахматова ради нескольких восторженных строчек о себе хотела изломать финал жизни человека, который только-только устроил себя и примирился с собой перед смертью…

Письмо А.А. В. А. Сутугиной: *Дорогая Вива! Конечно, очень грустно, что мы так редко видимся. <…> Когда буду в городе,*

непременно позвоню Вам. И Вы звоните. Клянусь, что больше не буду требовать от Вас мемуаров». (Летопись. Стр. 691.)

Николай Чуковский, 1904 года рождения, родной брат Лидии Корнеевны, ничего не пишет об Анне Ахматовой. Умудрился, написав о Николае Гумилеве, о Доме искусств, о салоне Наппельбаумов, ни слова не сказать об Ахматовой (не считая упоминания пару раз в перечислениях) в своих «Литературных воспоминаниях».

Правда, писались воспоминания при жизни Ахматовой — и упоминать ее в любом ключе было небезопасно, она не разрешала ничего самовольного.

Профессиональный литератор, он писал только то, что намеревался опубликовать. Нет воспоминаний об отце, нет и об Ахматовой. Первый запрет — в ведомстве его сердца, второй — затылка.

Про Гумилева написал достаточно свободно, как вспомнил и как увидел, а значит — невосторженно. Но она к тому времени еще не объявила кампании о возвеличивании Гумилева для создания достойного постамента себе, поэтому проскочило.

…когда Ахматова надиктовывала Л. К. Чуковской, она понимала, что Чуковская — Эккерман, и она, надиктовывая, очень редко проговаривалась. Л. К. Чуковская записала то, что Ахматова хотела видеть записанным, но очень маленькие «проговорочки» есть. А вот Лукницкий записывал спонтанную речь Ахматовой, той внутренней цензуры, которая была у Ахматовой, записанной Лидией Корнеевной, еще не было. Она была, но была не в такой степени.

В. Л. Мусатов. Анна Ахматова и Александр Блок.
Я всем прощение дарую. Стр. 335–336

«Она разрушена последние дни бесстыдной и наглой книгой Эйхенбаума». Имеется в виду книга: Эйхенбаум Б. «Анна Ахматова. Опыт анализа» Пг., 1923. Отрицательная реакция А. Ахматовой на книгу представляется несколько преувеличенной: в целом исследование выдержано в почтительной или по меньшей мере нейтрально-исследовательской тональности.

Примечания: Н. Н. Пунин. Стр. 162, 477

* * *

Наталья Кочеткова: *Надежда Яковлева Мандельштам, предварительно посоветовавшись с вдовой Гумилева Анной Ахматовой, решила уничтожить некоторые рукописи мужа — те, где он восхвалял Сталина. Она посчитала это минутной слабостью с его стороны.*

ГАЗЕТА http: // www.gzt.ru

Будем знать. Некоторые рукописи Мандельштама были уничтожены по совету Анны Андреевны Ахматовой.

* * *

Ольга Глазунова: Иосиф Бродский: американский дневник (Интернет): *Однажды его очаровал текст Мандельштама, посвященный Ахматовой, «Сохрани мою речь навсегда…» Посвящение Ахматовой, о котором говорится в воспоминаниях современников, не отражено в печатных изданиях. Сам по себе этот факт еще ни о чем не свидетельствует (он мог быть вызван соображениями безопасности), однако и в поэтическом тексте тоже ничто не указывает на присутствие Ахматовой в качестве адресата.*

* * *

Само стихотворение «Сохрани мою речь навсегда…» не посвящалось никому. О.М. мне сказал, что только Ахматова могла бы найти последнее не хватавшее ему слово — речь шла об эпитете «совестный» к дегтю труда. Я рассказала об этом Анне Андреевне — «он о вас думал» (это его буквальные слова) потому-то и потому-то… Тогда Анна Андреевна заявила, что, значит, он к ней обращается, и поставила над стихотворением три «А».

Н. Я. Мандельштам. Третья книга. Стр. 257

* * *

Неожиданная вспышка гнева Ахматовой против семьи Бродского. *«Они негодяи! <…> Также неожиданно она «сменила гнев на милость» и так круто! Перед нами сидела другая Ахматова. <…> Войди сейчас в комнату человек — он не поверит, что секунду назад голос этот задыхался и прерывался в*

запальчивых выкриках.

Л. К. Чуковская. Т. 3. Стр. 157

* * *

Один из признаков истерии — «искусственные состояния». *После вспышки гнева — внезапной! — Анна Андреевна умеет столь же внезапно переводить себя на спокойный тон. Точно выключатель какой-то в себе повертывает. (Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 469.)*

* * *

Можно быть сдержанной царскосельской дамой, выдержанной в каждом слове и жесте, можно быть темпераментной и импульсивной особой, с горячностью бросающейся на противников, — невозможно быть величественной императрицей, *которая с ЯРОСТЬЮ при мне по телефону отменила и запретила свой вечер, предполагаемый Лит. музеем. Долго кричала на них по телефону, не желала ни одного из предлагаемых ей людей. (Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 446.)*

* * *

Про Ольгу Судейкину: У О[льги Судейкиной] была легкая <…> субреточность — вероятно, любившей господствовать Ахматовой эта милая «подчиненность» подруги была самой приятной пищей для поддержания ее слабеющих сил. Как верная Юлия Менгден у низвергнутой Анны Леопольдовны. (О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 153.)

* * *

Еще один однолюб. Вечером ко мне пришла Тамара Вл. Иванова. Она была в <19>62 в Японии. Ей показывали дом Енекавы: большой портрет Достоевского, которого он переводил. На письменном столе мой портрет. Жена через переводчика сказала, что я его любовь. (*Еще один однолюб?!* Как знать, может, разлюбил, может, и еще кого любил…) *(Записные книжки, Стр.*

304.)

* * *

Анна Ахматова слишком часто приводит ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: показывает статьи, называет конкретные имена. Это такой прием, которым пользуются в частной жизни не слишком правдивые, склонные к эффектным фразам люди. Вот говорит о себе, о своей поэзии Бродский, Пастернак — разве станут они ссылаться: «Как говорил обо мне такой-то…» и пр.? Нет, они просто говорят о себе то, что хотят сказать. Разве такое уж большое значение для поэта, что о нем сказал даже самый уважаемый академик? Пусть хоть все академики мира от него отвернутся — он обязан отстаивать свою правду. Хотя бы только для себя.

* * *

Когда я единственный раз разговаривал с Ахматовой, она показала вырезку: «Видите, что там сказано? «Ахматова ведет суровый разговор с эпохой». Помилуйте, это я-то с ней сурова?». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 8.) Ну и с ней, прямо скажем, не суровее всех обошлись. Но мы не об этом, а о том, как часто Анна Андреевна выбирает как тему для разговоров — себя. Само по себе это вроде бы и естественно, но себя она предпочитает обсуждать не в натуральном естестве, а в отражении чужих мнений, чужих определений, чужих слов. Записанных — это, конечно, лучше всего. «Кто-то говорил, что я пишу, как Пушкин» — это одно, а вот показать газетную статью — это другое. Статьи при этом Анна Андреевна не только называет, но ПОКАЗЫВАЕТ. При ее медлительности и величавости демонстрация занимает немало времени. О чем в это время, пока хозяйка лезет в сумочку, в чемоданчик или в комод (может, правда, держит предусмотрительно под рукой), разворачивает, находит, протягивает гостю и указывает, где именно надо читать (или подчеркнуто цветным карандашом?), думает посетитель? «Да я вам верю, верю, Анна Андреевна!» — нет, это грубо, надо ждать.

Просто поговорить о себе и об эпохе — это-то могло бы быть интересно — мало, надо показать написанное каким-то случайным газетчиком. Посетитель и сам бы мог почитать. «Я был в гостях у великой Анны Ахматовой. Она показывала мне вырезку…» — «Да я ее видел, это месяц назад было в газете…»

Показывает вырезки не всегда: когда нечего показать, то — не показывает. Анатолий Найман в своих воспоминаниях так об этом зачем-то и говорит. *Кто и где говорит, допытываться было невозможно.* Реплика Наймана, как всегда, словно инструктаж из американского телевизионного сюжета по выживанию: если под ребро сунуто попутчиком дуло, отвечать: «Да, сэр, все в порядке» — а глазом, скошенным в сторону полицейского, страшно вращать, взывая о помощи.

Считается, что это действенный прием — чередовать ложь и правду, на самом деле внимание обращается только на тщательность выделки, а *барская лжа* остается ложью, пусть изобретательной и филологически емкой, но это тот случай, когда талант и труд лучше бы было употребить на более конструктивные цели. Ахматовой разбрасываться было некогда — остаток жизни она потратит не на строительство этой жизни, сколько бы ее ни оставалось, а на наведение блеска на ее отражение. Сложновато? Да. Сложно, тяжко, ведь она не выдумала себе какого-то зазеркалья, которое само по себе могло стать устойчивым миром, убежищем, а всю свою реальную конструкцию передвинула на чуть-чуть более теплое, но зыбкое, зависимое, неславное поле светских успехов: мужей-иностранцев и профессоров, газетных вырезок, знакомых с большими квартирами.

* * *

Ахматова поражена, что за границей ей задают вопрос о том, кто самые великие поэты в России. Ведь они же знают имена Мандельштама и Пастернака — и она начинает список: «Как это кто? Конечно, Ахматова…» *Много раз, беря интервью, мне по всему миру задавали один и тот же вопрос: кто из балерин, на Ваш вкус, на вершине балетного олимпа? И всю жизнь я называла три имени. Семенова, Уланова, Шелест. (Я, Майя Плисецкая. Стр. 158.)* А надо бы, Майя Михайловна, было девичью гордость отбросить и округлять глаза: «But why? Это, конечно же, Плисецкая, Уланова…» Про Уланову мы помним исчерпывающую характеристику Анны Андреевны: *«Балерина никакая…»* Год, в воспоминания о котором Плисецкая включила этот пассаж — 1949-й. Но раз *называла их всю жизнь* — то это долго. Во всяком случае, в 1965 году, когда Анна Ахматова демонстрировала жесткую неукоснительность в исполнении своего карьерного плана — Плисецкой тоже было уже сорок лет. Как для балерины — вполне могло равняться Ахматовским «под восемьдесят» —

балерины на пенсию уходят в тридцать пять. Так недолго и Фоменко стать — Ахматова и Плисецкая жили в одно время, были ровесницами… Работали на мировую славу, Плисецкая — ногами, Ахматова — локтями.

* * *

Он [Комаровский] *говорил Ан., что она — русская икона, он хочет на ней жениться.*

Н. Н. Пунин. Дневник. Стр. 238

* * *

Бывают осечки.

Горенко, Анна Андреевна (р. 1888), поэтесса. Псевд<оним>: 1) Анна Г. <…> (И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. Стр. 140.) Словарь вышел при жизни Анны Андреевны. Три глумления в маленькой словарной статье. Прибавление года. «Поэтесса» — глумление со следующим порядковым номером. Да ведь об Ахматовой что ни напиши — все глумление. *Анна Г.* — произносить, очевидно, надо «г» фрикативное — по нашим временам, глумление самое очевидное. Но — уже придуманное ею самой. Никто ей его не навязывал.

Эта догадка могла бы и не прийти в голову, если б не шутка, любимая в ее кругу — настолько, что играть и обыгрывать ее продолжают еще и в наши дни: Михаил Ардов пишет, что его остроумный отец любил шутить: «Как правильно выразился товарищ Ж…» *Острота,* обыгрывающая фонетику и орфографию родового имени многочисленнейших по России семейств Ждановых, подхвачена им через полвека — намекая уже на *мистера Ж.,* прожженного американского профессора, зачинателя ахматоборчества.

Анна Г. припечатала себя сама?

* * *

Поэт Комаровский навещает в Царском только что женившегося Гумилева. *Комаровский, <…> сутулясь к руке Ан., сказал: «Теперь судьбы русской поэзии в ваших руках». <…> Ан. <…> сказала мне, что очень сконфузилась. (Н. Н. Пунин. Дневник.*

Стр. 237.) Она еще ничего не опубликовала. Только писала для себя — «Я сошла с ума, о мальчик странный» и пр.

Это снижение образа Ахматовой. Так она у нас проходит в виде Сталина от литературы, диктатором, над которым никто не посмеет подсмеяться, а такие эпизоды — это уже что-то из анекдотов про Брежнева, к которому посоветоваться перед решающей битвой подбегает Георгий Жуков: «Разрешите обратиться?» Подбегает не маршал, но по вопросу глобальной важности. Полотно Налбандяна «Анна Ахматова решает судьбы русской поэзии на Малой земле Царского Села».

* * *

Интеллигентский разговор. <…> *У Ахматовой было очень дворянское поведение. — Это она писала: для кого дуэль предрассудок, тот не должен заниматься Пушкиным? — Да. — О себе она думала, что понимает дуэль, хотя в ее время дуэли были совсем не те.* <…> *А отчего Ахматова стала ощущать себя дворянкой?»* <…> *Собеседниками были И. Бродский, Л. Флейшман и я* [М. Гаспаров]

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 265–266

* * *

[Солженицын] удивился названию — неужели «Реквием» можно служить по простым людям, он думал, что «Реквием» — это только для царей и епископов. Я удивился:

— Как это так?

— Да он в прошлом инженер-химик, прошел советскую школу, это не то что вас тут всему учили…

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

Церковные чины, служащиеся только царям и епископам, — существуют. Это не солженицынское оригинальное низкопоклонство. Стоит удивиться удивлению Солженицына: он что, думал, что если бы реквием как жанр мог относиться только к царствующим или епископствующим особам, то Анну Андреевну Ахматову это могло бы заставить воздержаться от такого названия? Не смешите — ей иного ранга и не полагается.

Алхимия Нобеля

Ахматова говорила, что [Пастернак] очень хотел получить Нобеля. Видишь ли, я думаю, что ничего в жизни не следует хотеть очень сильно. (Иосиф Бродский. Интервью с Адамом Михником.)

И. Бродский. Книга интервью. Стр. 708

* * *

…о Нобелевской премии… Думаю, ты знаешь, в какой степени она зависит от случайностей. Так что из нее самой не так уж много вытекает. А уж если человек искренне считает, что ее заслужил, то это полная катастрофа. (Иосиф Бродский. Интервью с Адамом Михником.)

И. Бродский. Книга интервью. Стр. 702

* * *

Андрей Тарковский: *Получил от Мишаткина сценарий. Весь затрясся, как прочел. <…> это Каннская вещь! (А. Гордон. Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском. Стр. 97.)*

Разные вещи: получать, а особенно желать Нобелевскую премию посередине своего творческого пути или этот путь ею венчать. Особенно разительны отличия в мотивах ЖЕЛАНИЯ премии в расцвете сил и в старости. Андрей Тарковский в 1983 году, еще до невозвращенства, но уже живя в Италии, страшно хотел получить Гран-при Каннского фестиваля. Он сходил по нему с ума, его лицо на фотографиях той поры — страдающее, жаждущее, как пудрой присыпано необходимостью не выражать это слишком уж явно, невинно и как у ребенка и разрывает тем сердце. И что же? Ему Гран-При нужен был для того, чтобы работать дальше. Что бы дала Нобелевская премия Анне Ахматовой в шестидесятых годах, на ее восьмом десятке? Работать она бы вряд ли после нее стала, хоть обычно все внешние условия, организованные государством, политикой, просто партийными директивами, она поспешно претворяла в творчество — припугивалась, призадумывалась, приободрялась. Творческие циклы ее даже не демонстративно, а переработанно

сердцем, будто радостно приемля весну и грустя с осенью — повторяли все параноидальные загогулины государственной идеологии. Премия была необходима всего лишь для того, чтобы щелкнуть всех недощелкнутых по носу — и чтобы каменное слово уж совсем бы стало золотым.

* * *

Для такого серьезного дела необходимо включение серьезных механизмов казавшегося вечным двигателя.

2-й съезд писателей РСФСР открылся 4 марта [1965 года] *вступительным словом М. А. Шолохова, соперника А.А. в нобелевских соискателях (по версии А.А.), призвавшего писателей стать «верными солдатами партии». (Ахматова ответила: «Есть!» См. письмо Шолохова Л. И. Брежневу от 30 июля 1965 г. с вопросом о том, можно ли ему получать премию.) <…> Сходные вопросы как будто ранее задавала и А.А.: «Я выдвинута на Нобелевскую премию! Нет, ничего страшного! Я говорила с Прокофьевым. Он говорит, что он* (Пастернак) *плохой, а я хорошая. Что это нужно. Ведь это красный флаг над ратушей Стокгольма. Пускай на несколько минут, но все-таки — наш флаг!» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 669.)*

* * *

По делам — почет.

В президиум пригласили А.А. <…> На взгляд либералов, съезд был «сплошной демонстрацией подлости, ханжества, черносотенной мрази. <…> Нажим со стороны МК или ЦК на этот раз был поразительным, одуряющим, наглым».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960 е годы. Стр. 235–237

* * *

Старик Бунин тоже хотел работать. *Премия могла бы заставить весь мир оборотиться ко мне лицом, читать, перевести на все языки…* Анне же Ахматовой Нобелевка не была нужна для того, чтобы ее больше читали, — поэтов читают ровно столько, сколько есть читателей, а не премий, тем более что писания последних лет у нее были с оттенком маразмирования — не мной

отмечено. *И как И<вану> А<лексеевичу> ни тяжела нужда, лишения — будет ли лучше тогда? Ведь сумма эта вовсе не сказочная, а на нее станет рассчитывать чуть ли не половина эмиграции. (Г. Кузнецова. Грасский дневник. Стр. 196.)* Такая бухгалтерия — не для Анны Ахматовой.

Ей — дарить фаворитов, сеять рознь и зависть, делать роскошные жесты, что-то вроде этого.

Устраивать для себя роскошь по-советски не позволил бы вкус. Только для славы. Нужны были только слава, честь, признание, возвеличивание, посрамление врагов, выигрышный счет в жизни — ей, подсчитывающей, каким номером она стоит в списке правления Союза писателей… Казалось бы, ну и пусть так. Возникает проблема в рассчитанном на нас, уж совсем на недалеких простачков, лицемерии. *Зачем она нужна, не нужно, хлопотно…* Лицемерие сводит на нет молодую, юную, бессмертную тягу к завоеванию себе признания среди людей и убивает всю ее поэзию и красоту.

* * *

А что было бы и Бунину взять себя в руки, вытянуть шею, закрыть глаза и протянуть, возвышая голос: «Поэт — это тот, у кого ничего нельзя взять и ничего нельзя дать»?

Дали мне дачу в 56-м году. А потом стали отнимать. У меня был инфаркт. Звонил Алексей Сурков: «Отчего у вас инфаркт?» Я ему говорю: «Дачу отбирают». (Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы литературы, 1997. № 2.) Все не так страшно: *6 октября 1960 года. Постановление секретариата СП СССР «О предоставлении АА. Ахматовой пожизненного права арендного пользования дачей, занимаемой ею в пос. Комарова». (Летопись. Стр. 554.)*

* * *

Нобелевскую премию мог получить кто угодно из замечательных и просто хороших писателей, например Марк Алданов, — он стал бы более известным среди русскоязычных читателей — и все. Он ее не получил. Как не получил, с другой стороны, Набоков или Кафка. Даже Анна Ахматова не получила.

* * *

Э. Местертон сказал <…> «В разговоре с историком литературы, который проживал в том же поселке, что А., я сказал, ничего не имея в виду: «Было бы хорошо, если бы А.А. получила Нобелевскую премию?»

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 535

А.А. решила, что пересказанный ей Борисом Бахтиным вопрос шведа есть знак выдвижения.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 155

А.А. представлена к Нобелевской премии (чем ближе к Ахматовой, тем яснее, что премия почти что уже получена), *ее конкурент — американский поэт Фрост. Ему нужнее, чем ей, он купит себе ферму.* (Фрост — автор стихов о сельской жизни.*) (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 158.)* Сдержанно-осуждающие ремарки о недостойных конкурентах — хоть и сама Анна Андреевна делала иной раз кой-какие покупки, получив крупные суммы денег. Скажем с грустью, что не раздавала бедным. Впрочем, в мировой литературе авторов стихов и романов *из сельской жизни* не перечесть. И они ни в чем не уступают певцам широких проспектов, огней ресторанов и заводских гудков.

Зачем мне вся эта петрушка…

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 159

* * *

Ахматова показала нам переводы своих стихов на иностранные языки.

— Вот смотрите, целых три издания на итальянском языке. Как вы думаете, к чему бы это? Мне кажется, это все неспроста.

Вероятно, она намекала на возможность получения Нобелевской премии…

Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой

* * *

Примечание к странице 296. *ПРИХОДИЛ ШВЕД.* — *По-видимому, Местертон (Mesterton) Эрик Рикардович — секретарь Шведской академии, литературовед, переводчик. (А. Ахматова. Т. 6. Стр. 561.) Переписывался с Ахматовой, бывал у нее в Ленинграде и в Комарове, много раз упомянут в «Записных книжках».*

В общем — чуть-чуть не дотянул до гостя из будущего. И — непосредственно из Шведской академии. Ему Ахматова не ленится писать *один из автокомментариев к «Поэме без героя». <…> Милый Эрик Рикардович, кажется, я не успела сказать Вам еще одну вещь о Поэме* — о реминисценциях с Блоком и с «Макбетовскими стихами». Для надежности — *Вы, наверное, заметили сами.* Дотягивает набор до Нобелевки? Далее от Вильяма нашего Шекспира следует без перехода утонченный исайя-берлиновско-наймановский мотив: *Лето наконец наступило (правда, немного сконфуженное за беспримерное опоздание)…*

* * *

Хотелось и себе: *Значит, опять все как с «Живаго»: газеты, собрания, лужи, моря, океаны клеветы… (Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 371.)*

* * *

Роковой момент в жизни Анны Ахматовой — об этом тяжело говорить, как тяжело вспоминать реальные несчастья даже самых далеких людей, — боль есть боль, она не уходит из мира, летает, однажды реально кем-то испытанная, как погибший спутник на околоземных орбитах. 25 октября 1958 года стало известно, что Борис Пастернак — безо всяких *один швед говорил, оксфордцы требуют, для меня* и пр. — получил Нобелевскую премию. 29 октября: *она расспросила меня о здоровье Корнея Ивановича, но то была лишь вежливость, а главный теперешний ее интерес, страстный интерес — Пастернак. <…> Я перенесла получасовой допрос. <…> Затем она опять затеяла разговор о романе: опять объясняла, почему роман — неудача. (Л. К. Чуковская. Летопись. Стр. 322.)*

А 2 ноября 1958 года пишет свои «Стихи из ненаписанного романа». И стихи недописаны (это набросок), и никакой роман никогда не может быть написан — но «Доктор-то Живаго» читан, премия присуждена!

* * *

Желание Нобеля всегда ужасно. Ведь если в этом году не дали тебе — значит, дали кому-то другому. Тот, кто желает Нобеля, — завистник. Анна Ахматова была черной завистницей.

* * *

Саша Соколов: *[Бродский] должен поделиться своей Нобелевской премией с тем милиционером, который его арестовал за продажу тряпок на какой-то ленинградской улице. Ведь именно с этого началась его политическая карьера. Его судили-то за тунеядство.*

Газета: *Про тунеядство — это известный факт, но я не знала ничего про продажу тряпок…*

Саша Соколов: *Я тоже не знал, но мне уже в эмиграции рассказали ленинградцы. Так ведь из этой мелкой уголовщины сделали политику, потому что это кому-то было нужно, кто-то был в этом заинтересован на Западе. Это было завязано на большие деньги.*

Газета: *По какой же причине Бродский был наделен такой властью?*

Саша Соколов: *Он же приехал первым в Америку. Он приехал за три года до меня и за восемь лет до Аксенова. <…> Отчасти потому, что он блестяще говорил по-английски. Возможно, это было одним из решающих факторов. <…>. Как мне говорили, Бродский в своей жизни не дочитал ни одного романа до конца. <…>*

Газета: *Бродский все же потрясающе хороший поэт.*

Саша Соколов: *Безусловно, но ведь были и другие какие-то фигуры.*

ГАЗЕТА, http //www.gzt.ru

* * *

Саша Соколов написал статью «В ожидании Нобеля». Такое хорошо писать, если тебе его уже дали, или вот-вот дадут, или для того, чтобы не выглядеть смешным, — это наиболее важно, если не дали никому другому. Этого не случилось. После присуждения Бродскому Нобелевской премии Саша Соколов не написал больше ни одной книги. По крайней мере не

опубликовал. По странной причине: *Вы сказали, что не публикуете новые книги отчасти потому, что стали человеком самодостаточным и вам не нужна вся эта публичность. (ГАЗЕТА, http//www.gzt.ru)* Даже говорить о них не хочет: *Потому что тогда все тоже начнут писать такие тексты.* Все это какая-то ахматовская школа, в неблагоприятных для писателя обстоятельствах показывающаяся с неприглядной стороны. Слава («публичность»), подражатели, то ли пишет, то ли нет, а рассудить могут только тексты.

* * *

Кто-то говорит, что в этом году Нобелевская премия будет присуждена Ахматовой. Она царственно: «И хлопотно, и не нужно, и один швед сказал, что не дадут». (Р. Орлова. Л. Копелев. Мы жили в Москве. Стр. 289.) Понимай — все куплено, все предрешено, настоящего героя не наградят, швед-то уж знает.

* * *

Эпизод, рассказанный Анной Андреевной, о визите Пастернака: *говорил Пастернак почему-то о Голсуорси…* И, когда он ушел, *А.А. развеселилась: «Вы догадываетесь, почему Борисик вдруг набросился на Голсуорси? Нет? Когда-то, много лет назад, английские студенты выдвинули Пастернака на соискание Нобелевской премиц, но получил ее Голсуорси». (С. Липкин. Квадрига. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы.)* Пастернак был разговорчив. Поговорить по большей части любил, в отличие от Ахматовой, — о литературе. К несчастью, заговорил о нобелевском лауреате. В такие случайности никто не верит, а раз история с Голсуорси произошла почти тридцать лет назад, получается, что Пастернак ни о чем, кроме счастливого соперника, говорить не может. «Почему-то» же заговорил и в этот раз!

Любимым прозаиком Б. Пастернака был Голсуорси. (В. Шаламов. Знание. 1995. М.)

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 141

* * *

Анна Андреевна обиженно промолчала, комплименты задели ее. Стали просить ее еще что-нибудь прочесть. Она выбрала «Из тайны ремесла», но перед этим спросила, знают ли присутствующие, что такое lime lite (так в оригинале)*, и объяснила, что это театральная рампа. Мне показалось, что стихотворение обращено к Пастернаку <…> В чтении слышались раздраженные интонации:*

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеймило чело.

С головой выдающее ее слово «торчит» — в устах императрицы, сдержанной дамы, поэта, пишущего о тайнах… Читается на дружественном празднике, к которому стихотворение и готовилось, говорили о Нобелевской премии, о письмах поклонников… Все о простеньком, пыльном, першащем горло чувстве — о зависти.

Вокруг Пастернака никогда не было мертвенно.

«Чело» и «заклеймленное чело» — это, как правило, про покойника. Как-то сразу «Смерть поэта» вспоминается — но кто знает, о чем мечтала Анна Андреевна, посвящая Пастернаку строки…

* * *

В. Я. Виленкин: *«Было больно слышать, как резко она отвергала роман, что называется, с порога, даже не критикуя, не анализируя, обходя молчанием все самое главное в нем, всю его философскую сущность, все социальные мотивы, всю нравственную программу, весь его стилевой строй». (Летопись. Стр. 532.)*

Как тут не отвергать с порога, когда Нобелевка уже присуждена?

«Живаго» — сатанинская книга, в ней — сатанинская гордыня». (Запись А. Л. Болдырева слов А.А. Летопись. Стр. 532.) Ну, это, чтобы сказать помягче — просто глупость. Уж чего-чего, а сатанинского ни в романе, ни в Борисе Леонидовиче нет и близко.

Пастернак — человек, провалившийся сам в себя. (Запись А. Л. Болдырева слов А.А. Летопись. Стр. 532.) Человек, населивший свой роман сотнями персонажей, просто не мог бы

куда-то провалиться: а они?! Ему надо было пасти их.

Сонет
Я тебя сама бы увенчала
И бессмертного коснулась лба.
Но за это Нобелевки мало,
Чтоб такое выдумать, Судьба!
(1963)

Неполучившему Нобелевку лучше о ней молчать; вместо того чтобы рассуждать о ее малости — сделать над собой усилие и воздержаться.

А сонет хорош.

* * *

Она загорелая, свежая, похудевшая. <…> Больше всего ей хотелось говорить о выдвижении на Нобелевскую премию и о «Поэме».

Летопись. Стр. 585

* * *

А.А. говорит, что ей известно, что Шведская академия выдвинула ее на Нобелевскую премию. При этом добавляет: «Никакие награды и звания ничего не могут прибавить поэту».

Летопись. Стр. 615

Oxf<ord>, потому что они хотят выставить меня на N<obel Prize>. Бред!!

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 308

Через год:

Был англ<ичанин> Вильямс. Оставил газету о Ноб<елевской> премии. Вздор?

Записные книжки. Стр. 631

Ахматова и власть

Виктор Топоров в статье 2003 года пишет:

Сталин писал стихи. <…> Но и чужие стихи он любил. А уж прозу… А уж драматургию… Сталин знал русскую, создаваемую им в колбе советскую литературу с точностью и дотошностью академика отечественной словесности. Присуждая собственного имени премии, он анализировал литературный процесс куда основательней, чем руководители премиального комитета Николай Тихонов и Константин Симонов. Он держал писателей, как породистых скакунов, в неге и холе (правда, стоило какому-нибудь из них захромать — пристреливал), <…> и конюшню под названием «Союз писателей» создал он. Он, а не Горький, <…> которого в конце концов, не исключено, как одряхлевшего производителя, усыпил.

* * *

Ахматова любила власть. В официальной власти судьбой ей было отказано (как Сталину — в поэтическом признании) — она на протяжении жизни мастерски, можно сказать, виртуозно выстраивала, институциировала и легитимировала власть неофициальную. Над мужьями. Над поклонниками. Над сыном, хотя здесь ей не повезло (но и Сталину не повезло с детьми). Над поэтами и, понятно, поэтессами. В старости — над собственными «сиротами». Над приживалами и приживалками и над людьми, у которых на правах великой приживалки находила приют сама. Над поэзией, над литературой, над филологической наукой — здесь ее власть парадоксально смыкалась со сталинской. <…> И знаменитое ЖДАНОВСКОЕ постановление означало лишь кульминацию в этом не то противостоянии, не то взаимопроникновении. Все началось с того, что на некоем литературном собрании при появлении Ахматовой зал поднялся на ноги <…> Никто бы не встал при виде практически забытой на тот момент поэтессы, если бы ВСТАВАНИЕ не организовала она сама. <…> Ахматову принялись изничтожать <…> якобы за творчество, хотя на самом деле — за непомерные, на взгляд Сталина, властные амбиции.

В. Топоров. Жесткая ротация. Стр. 294

* * *

И Сталин, и Ахматова были — каждый на своем уровне — поразительно жестоки по отношению к своим приближенным. Не просто жестоки, но иезуитски жестоки. <…> Оба не терпели возражений, не выносили общения на равных, всеми правдами и неправдами «опускали» соперников и соперниц. Оба безумно любили литературу и безумно любили власть.

В. Топоров. Жесткая ротация. Стр. 296

* * *

У Владимира Сорокина в «Голубом сале» есть омерзительно смешная пародия на Ахматову, бросающуюся в ноги Сталину и умоляющую казнить ее казнью лютою, а главное — ни в коем случае не возвеличить. Именно так (с точностью до противного) следует понимать многие поэтические инвективы Ахматовой — и, прежде всего, наказ не ставить ей памятника В ЭТОЙ СТРАНЕ, не ставить нигде, кроме окрестностей питерской тюрьмы «Кресты». И ведь поставят, дураки, возле «Крестов», а не ОКОЛО МОРЯ, ГДЕ Я РОДИЛАСЬ, и прочих мест, с нотариальной точностью перечисленных. Сталин тоже говорил: «НЕ НАДО СЛАВИТЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА».

В. Топоров. Жесткая ротация. Стр. 296

Крестик и простыня

Портретный набросок пером Юрия Анненкова: *Об этом рисунке Евг. Замятин писал: «Портрет Ахматовой — или, точней: портрет бровей Ахматовой. От них — как облака — легкие, тяжелые (?) — тени по лицу, и в них — столько утрат. <…> глаза, траур волос, черные четки на гребне». (Ю. Анненков. Дневник моих встреч. Стр. 123.)* Четки — шнурок с нанизанными на него бусами — используются только в религиозном обиходе и только для счета молитв или поклонов. Бусины, так задорно торчащие из восхитительной прически молодой дамы, довольно затруднительно было бы использовать по такому высокому назначению. Почесывающая голову молитвенница, щелкающая бусами высоко над головой, — очевидно, пришлось бы и менять руки, поза не из простых — в такт душевных сокрушений — это что-то невиданное.

Нет, конечно, Евгений Замятин — человек образованный, точный, он все знает про четки, но у кого же язык повернется сказать об Ахматовой что-то не столь возвышенное. Бусины в гребне у Анны-грешницы, у Анны-монашенки? Четки, чему же еще быть?

Что до его [Бродского] *отношений с Богом, могу только повторить то, что он мне сказал в разговоре о рождественских стихах Пастернака: «Совершенно непозволительные вещи — гадать по поводу его религиозных ощущений». (Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 2. Стр. 203.)* С Анной Ахматовой все ровно наоборот — тоже совершенно непозволительно гадать, но не потому, что это вопрос ее личной совести, а потому что эта совесть давно предъявлена для публичного рассмотрения и поклонения по результату. Гадать нечего, всем давно предложен единственно правильный ответ: Анна Андреевна «была глубоко религиозна», «обладала истиной верой» и все такое прочее.

Суть ее религиозности запечатлена в ее стихах многократно:

…Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй…

* * *

Разве убудет жены, если она будет молить за мужа?

Бросалась в ноги палачу…

Убудет палача.

За что она выставляет на палаческую лавку Пастернака?

Пастернак своей заступой никогда никого не корил, одалживаться у него — это что индийские приветствия солнцу откланивать: дай мне, солнце, своего света, своего тепла. Если есть.

Ахматова пастернаковские благодеяния простить не может: даже денежный долг, небольшой, отдает не нетрудно заработанными деньгами, а ПРОДАВ АРХИВ, все письма-записочки, всю память сердца, все кровное… *Я с таким чистым сердцем продавала для вас свой архив…*

Пастернак за помощью в вызволении ахматовских сына и сожителя, Левы и Пунина, ни много ни мало обратился к Сталину — она же, по наблюдениям исследователя Пастернака Дмитрия Быкова, никогда не обмолвилась об этом ни словечком (из каких-то необыкновенно утонченных чувств, на самом деле именуемых черной неблагодарностью и гордыней). Впрочем, вот — есть упоминание, красноречивое и однозначное: скрыть ненависть к чужой доброте невозможно.

…рассказ <…> «Жена Мандельштама обратилась к Пастернаку, умоляя его заступиться за жизнь ее мужа. Пастернак сделал, что мог…», — гневно опровергнутый Ахматовой: «Надя никогда не ходила к Борису Леонидовичу и ни о чем его не молила, как пишет Роберт Пейн (и не только он, есть и другие источники, в том числе рассказывающие историю со слов Надежды Яковлевны, и точно так же)… *Эти сведения идут от Зины»… Причины этой категорической поправки Ахматовой ясны: во-первых, дезавуалировать* (что я могу сделать — такое слово в тексте!) *портрет Н. Я. Мандельштам, унижающий* (конечно, надо «унижающей») *себя мольбой о помощи, а во-вторых, связать исходящую от семейства Пастернаков версию с «просоветскими» настроениями З. Н. Пастернак, дурно (по мнению Ахматовой) влиявшей на мужа <…> Между тем обращению к Бухарину в мае 1934 года по поводу Мандельштама предшествовали другие поступки такого же рода у Пастернака. (Л. Флейшман. Борис Пастернак и литературные движения 1930-х годов. Стр. 212.)*

* * *

Велено каяться. *Доброту чуждую видев, и тою уязвен бых*

сердцем. Записано в ежедневной молитве. Ахматова не покаялась до смерти.

* * *

Все по-опереточному.

А. С. Дубов вспоминает, как он в 1960-е годы принес А А. «Петербургские зимы»: «Как можно принести мне такую книгу? Я закажу молебен, чтобы очистить комнату от этой…»

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 501

* * *

У женщины, перебирающей четки, нет ничего, кроме «него», она падает ниц перед божеством и ждет, как ждут благочестивые индусы, что священная колесница раздавит их» (Н. Гиляровская. «Четки». По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 724.) Нет, она никакой колеснице не поддастся, просто ей кажется, что с закушенной губой она будет выглядеть пикантнее.

* * *

Каждый раз, когда ищешь в Ахматовой что-то искреннее и подлинное, натыкаешься либо на ложное наигранное, либо вообще на что-то низменное. На что только она ни шла, чтобы изобразить из себя Матерь Божью!

В. Топоров. Интервью. СПИД-ИНФО. 2007. № 23

Нет, это разве что в картинке со Львом Николаевичем. Там, конечно, роли она расписывала в таком ключе. А вообще-то святости она даже не изображала. Со святой ну ведь обязательно потребуют аскетизма, жертвенности, хоть какой-то отрешенности от земной суеты и удовольствий. Любовники, мужья, иностранцы — весь инструментарий надо будет менять. Сакрализация — да, произошла, но реалии имперского быта были так же далеки от народа, как и царствие небесное, поэтому не заметили, что ее возвели в ранг императрицы, а не святой. А для нее вопрос о том, что более соблазнительно, не стоял. Отказ от эмиграции, героизм во время войны (трудно проявить большую трусливость, но

Ахматовой приписали героизм) — это к достоинству королевы. Покойную королеву-мать во время Второй мировой войны спрашивали, как это так, почему она не отправляет в эвакуацию своих детей, наследников престола. Ответ был складный, яркий, годный под афоризмы и искренний — подкрепленный всем ходом ее жизни: «Дети не могут отправляться в Америку одни. Я — не могу оставить короля. Его величество никогда не покинет Англии». Это — макроэтические проблемы, которые объясняют правильно понятый королевский долг, ответственность перед нацией, но эти правильные поступки отнюдь не являются юрисдикцией святости. Святость начинается на другом уровне, на уровне клеток совести, там, где человек остается один на один не с обществом и его условностями, а с самим собой. Императрицей Ахматова быть хотела, петербургской мещанкой, во славу Божию юродивой — нет.

* * *

Тут же начинает складываться парадоксальный своей двойственностью <…> образ героини — не то «блудницы» с бурными страстями, не то нищей монахини. (Б. М. Эйхенбаум. Анна Ахматова. Опыт анализа. 1923 г. По: М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 183.) Можно не соглашаться: и для блудницы она слишком отвлеченно рефлексирует, а для монахини — даже просто лексикон не тот. Вот на смерть Блока — *смоленская заступница, Пресвятая богородица* — а дальше — *и гроб серебряный, и — лебедь чистый.* Ну какие тут монастыри, где это про лебедей беседуют? Светская барышня, жениха подразнить — в монастырь уйду, а то и пистолет достану! О самоубийстве в ахматовских строках — немало, со значением.

Написано более чем за двадцать лет до товарища Жданова — и более чем восхищенным автором.

* * *

В десятых годах что-то писала о Боге. (Так, считает Ахматова, думают о ней читатели.) А что она в десятых годах — и не в десятых — писала о Боге? Она — сама — не могла не знать, что о Боге она никогда не писала. Она очень внимательно читала современную критику, принимала необычайно близко к сердцу. И ведь никто о ее религиозности не заговорил. Напоминает сама.

* * *

Атмосфера слащавой мистики и салонной церковности.

С. Вышеславцева. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 573

* * *

Мечтают так: может, закончила свои дни монахиней? По всей видимости, не исповедалась, не приняла и причастия. Когда к ней приходил священник? Ольшевские контролировали все — без их ведома не могли прийти ни Лева, ни Надежда Яковлевна. Если б они допустили священника — были бы их воспоминания. Мишенька был уже крещен — сказал бы. И разве она готовилась к смерти? Бдят верующие. Нет, у нее были планы жить. Она не осознавала серьезность болезни, не хотела, не принимала, отказывалась.

Монахинь же хоронят по особому чину. Если ее отпевали в том же храме, где служил ее духовник, — там знали бы.

«Погребение исходное монахов» <…> отличается от погребения мирских человеков. Тело умершаго монаха не омывается, дабы не открыть наготы его, а только отирается губою <…>, облачается в иноческия одежды и крестообразно препоясуется мантею, а лицо закрывается, в знамение удаления и сокрытия умершаго во время жизни от мира для подвигов иноческих. (Протоиерей Г. С. Дебольский. Православная церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. Стр. 523.) Подвигов иноческих Анны Ахматовой при жизни — верно, не каждый мог видеть, если б, конечно, они имели место (не увидел никто), а вот если б хоронили с закрытым лицом — заметил бы каждый.

Кроме того, при постриге человеку дается другое, монашеское имя. Иногда о тайном монашестве только во время погребения и узнается — когда его отпевают под другим именем. Здесь все было безо всяких отклонений.

* * *

Если религия — любая религия — плоха тем, что она — опиум для народа и уводит его от революционной борьбы, то одна религия ничем не лучше и не хуже другой. Нельзя

Ахматовой позволить для украшения своих стихов использовать мифологемы христианства, продвигая эту конфессию, нельзя и Мандельштаму позволить насыщать свои стихи образами из проповедуемого им — по этой логике — древнегреческого пантеизма. Зевса никто не боится, Пилата — боятся.

Ей трудно, она пишет главным образом на религиозные темы, ей нелегко печататься». (Б. Фрезинский. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 562.) Ну хочется людям так думать.

* * *

Блудница и монахиня, крестик и простыня. У Ахматовой всегда так, увидишь крестик — сейчас будет простыня. Как чудотворная икона — так ночей пламенный чад… *в образе лирической героини Ахматовой соприсутствуют — блудница с бурными страстями и нищая монахиня, обращающаяся к небу с молитвой. И это почти неопровержимо. (М. В. Борисоглебский. Доживающая себя. Я всем прощение дарую. Стр. 220.)*

Соприсутствуют — это из специального словарика, для пишущих об Ахматовой.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий,
Боже, мир душе моей верни.
Запах тления, обморочно-сладкий,
Веет от прохладной простыни.

Эту несколько сантиментальную, якобы народную религиозность первый ввел в литературный обиход Кузмин — законодатель очень многих литературных мод. У него непременно вы найдете светлоглазых строгих отроков, кельи и старообрядческих Магдалин в платочках <…> Ахматовой полюбилось рядиться такой грешной богомолкой. Так уж и знаешь, что если с улыбкой перед ней стоит жених — за окном обязательно люди идут со свечами и в воздухе благовей. Если в первой половине строфы друг сердца — во второй обязательно будет благовещенье.

О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 246

* * *

В православном храме стоят тесно, протискиваются еще теснее, всю службу стучат свечкою по плечу, искушают грехом учительства или гордости — когда за свои житейские невзгоды заставляют свечки передавать в неположенное время, когда бы ты хотел потрудиться и головы не качнуть. Свечкой сзади закапают пальто, а то и подпалят шубу. К причастию первым пойдет кто нажал посильнее, страшно аж за чашу, лжица — ложечка влажная — все как в жизни, все хотят спастись, и даже помирать — так вот мы тут все вместе. Не то в католическом храме. Скамейки холодные, как им у католиков всему и быть, места известные, облатку кладут каждому свою, девушки в костюмах, в перчатках.

* * *

В 1955 году ей стала известна помета Блока в его экземпляре «Четок» против строк:

И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы…. —

«Крайний модернизм, образцовый, можно сказать, «вся Москва» так писала».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 137

А кому дело до Блока? Считывают в полной невинности — даже туманы читают псалмы над Анной Андреевной…

* * *

Некому Ахматову поздравить с Пасхой.

Такая богатая дама могла бы быть и вкладчицей. Вкладчикам присылают поздравления. Вкладчики с вкладчиками могут познакомиться. Могут друг о друге прослышать, кое-кто почел бы за честь и при приличном случае быть представленным. А уж сблизиться настолько, чтобы ИМЕТЬ ПРАВО поздравить с Пасхой, — такие знакомства составились бы очень скоро. Дружба не дружба, но вот в кругах, где у нее был действительный интерес, «крупные врачи» например, — там и очень далеко заходило. С профессором Гаршиным, кстати, она познакомилась именно в больнице — он проявил интерес к чьей-то пациентке.

Она глубоко религиозна, правда, я никогда не видела ее молящейся.

Н. Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. Вопросы, литературы. 1997. М 2

Поздняя ахматовщина

С другой стороны, огромное влияние на всех на нас оказывала манера поведения Ахматовой. Бродский просто, я видел это, учился вести себя так, как ведут себя великие поэты. (В. Кривулин. Маска, которая срослась с лицом. В. Полухина. Иосиф Бродский глазами современников. Кн. 2. Стр. 173.) Это Ахматовой тоже зачтется. Он был еще в таком возрасте, когда не смог понять: чтобы учиться фанаберии, необязательно встречаться с великими поэтами.

* * *

Вот две записи Лидии Корнеевны Чуковской на соседних страницах:

1. *На фоне околесицы, ахинеи, вранья и неточностей, вольных и невольных, которыми захлестнута поэзия и биография А.А…*

и

2. *А.А. со своим днем рождения кокетничала, говорила кому так, кому эдак, а праздновала в последние лет 10 два дня подряд <…> Желая же кого-нибудь уязвить, она говорила: «Что это вы вздумали меня поздравлять сегодня? Всем известно, что я родилась вчера». Это была ее игра, то насмешливая, то злая, то добрая.*

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 442, 441

Зинаида Николаевна Пастернак на даче играет в карты, к великому возмущению Анны Ахматовой. Анна Андреевна играет со своим днем рождения. Пожалуй, для старухи более прилично все же первое.

* * *

Перед отъездом, на Белорусском вокзале А.А. сказала по поводу принесенных ей валокордина и валидола: «Вы не волнуйтесь. Я никогда не позволю себе такой гадости — умереть не на Родине». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 246.) Будто бы интимно точное в своей неожиданной неправильности словцо — «гадость» — даю так много определений, потому что оно ждало внимательного прочтения и оценки, не в простоте же было

сказано. Эта внимательность к слову, будто бы искренность имели целью скрыть, что Анна Андреевна понимает опасения товарищей. Не хочет играть в прятки, твердо, без обиняков обещает вернуться. Говорит поверх этого, привычно-выездного смысла, будто думая о своем, об ахматовском, *не с теми я.…* Придуманным, обдуманным, поэтическим словом — откупается.

* * *

Ее уверенность, что в нее все влюблены, не безвкусна, а трагична и величава…

Д. Быков. Борис Пастернак. Стр. 548

* * *

Она сидела в кресле в коридоре и ждала — не придет ли кто.

Н. А. Роскина. Летопись. Стр. 704

* * *

Ахматовой хотелось заварушки. Предвидит судьбы похищенных рукописей: *Л. Д. Большинцова <…> прочитав: <… > «…не теряйте надежды увидеть его напечатанным в Лос-Анжелосе или Тимбукту…» <…> воскликнула: «Но она же сама мне дала для Жени!» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 124.)*

* * *

Один раз на ковре [в «Башне» Вяч. Иванова] *посреди собравшихся в кружок приглашенных Анна Ахматова показывала свою гибкость: перегнувшись назад, она, стоя, зубами должна была схватить спичку, которую воткнули вертикально в коробку, лежащую на полу. Ахматова была узкая, высокая и одетая во что-то длинное, темное и облегающее, так что походила на невероятно красивое змеевидное, чешуйчатое существо. (Л. Иванова. Воспоминания. Стр. 33.)* Иметь слишком большие таланты — это не по-светски. До Недоброво с его наукой она не догадывалась, что номера — женщина-каучук — это не самое

comme il faut, и выступала частенько. Потом гневно обвиняла соседку-мемуаристку за неуместную памятливость.

* * *

Сплетни соединяли его [Лурье] с обеими подругами. И говорилось <…> что он обманул их обеих, уехав за границу с Тамарой Персиц. (О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 155.) Сплетни важны потому, что для Ахматовой это *voix popoli*. Ведь атмосфера скандала — это именно это? Энергетика сплетни?

* * *

Написать человеку в горе слова утешения, такие, какие ему наиболее сладки — похвальная идея, написать заведомо ложные, оскорбительные в своей случайности и неряшливости выбора первые попавшиеся, предполагающие в получателе жажду нелепой лести — оскорбительно. Умер Томашевский, некролог Ахматова не подписывала, но шлет телеграмму вдове: *Умоляю беречь себя. Вы у меня одна. (Летопись. Стр. 516.)* Знакомые с биографией Ахматовой знают, что Ирина Николаевна отнюдь не была «единственной» у Анны Андреевны. Ирина Николаевна знает не хуже прочих — для чего ей в минуту истинного горя дают чужой пряник?

«Знакомств у Ахматовой множество. Близких друзей нет. По натуре она — добра, расточительна, когда есть деньги. В глубине же холодна, высокомерна, детски эгоистична».

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 227

* * *

Моя книга, «Анти-Ахматова», написана по материалам только опубликованных воспоминаний, свидетельств и писем.

У писательницы Татьяны Толстой есть рассказ «Река Оккервиль» — об угасающей звезде (певице), которая на старости лет окружена поклонниками, берущими на себя заботы о самых прозаических обстоятельствах ее доживаемой жизни. На долю главного героя рассказа выпадает предоставлять ей ванну в своей отдельной квартире для помывок. Александр Жолковский высказывает предположение, что Вера Васильевна — это Анна

Ахматова.

…у рассказа есть <…> литературные источники. В образе петербургской артистки, которая

— пережила свою старинную славу молодой чаровницы, неузнаваемо располнела;

— похоронила нескольких спутников жизни («…потеряла… мужа, квартиру, сына, двух любовников… Сколько мужиков в свое время ухойдакала — это ж боже мой!»);

— ведет, несмотря на то, что ее талант сохранился («Голосина до сих пор, как у дьякона»), полуподпольное существование;

— окружена узким кольцом поклонников, распределивших между собой задачи ее практического обслуживания, и весело наслаждается такой жизнью;

— в этом образе смутно проступают черты Ахматовой. <… > Поцелуев привозит «Верунчика» к нему мыться, ибо у нее ванна коммунальная, и отныне купание будет вкладом Симеонова в служение ей. (Т. Толстая. Река Оккервиль. Стр. 343–344.) «Симеонов… шел ополаскивать после Веры Васильевны, смывать гибким душем серые окатыши с подсохших стенок ванны, выколупывать седые волосы из сливного отверстия», а из комнаты, где стоял граммофон, «слышен был дивный, нарастающий, грозовой голос, восстающий из глубин, расправляющий крылья, взмывающий над миром…» (А. Л. Жолковский. Избранные статьи о русской поэзии. Стр. 246, 250.)

Если это так, то тогда наготу *нашей монахыни* открывал каждый, кому не лень. Впрочем, о том есть потаенные воспоминания.

* * *

По словам С.К. [Островской]*, Ахматова никогда за собой ничего не убирала. Живя у нее, она иногда мылась в ванне. Ванна стояла на кухне, и, после пребывания там Анны Андреевны, вся кухня была полна пены и мыла, что вызывало справедливое возмущение соседей. Рассказывала это С.К. с обычным злорадством.*

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 236

* * *

Ирине Пуниной есть с чего быть пристрастной к Акуме. Однако не вижу причин, по которым мы имеем большие, чем она, основания судить о характере и привычках Анны Андреевны. Вот Ирина Николаевна вспоминает: *К нам приходила очень милая старушка, которая жила у потомков лицеиста Матюшкина <…> она помогала нам по хозяйству и оставалась с А.А., потому что А.А. не переносила оставаться одна, когда мы уходили на работу. Однажды эта старушка пришла из булочной и говорит: «По радио сказали, что Сталин заболел», А.А. не поверила: «Какая чушь! Наша старушка сошла с ума. Не может быть, да еще чтоб по радио говорили. Сталин никогда не болеет, и с ним никогда ничего не может случиться». Но тут же, конечно, села к маленькому репродуктору, который у нас был в столовой. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 307.)* Анна Андреевна решительна в суждениях, как человек, суждения которого никто не решится оспаривать. Оппонентов можно назвать и сумасшедшими. И хоть как еще, даже если собственная мысль — просто эмоциональный всплеск. Ирина протокольно-устало описывает привычную ей картину: *Но тут же, конечно, села…* — в непоследовательности Ахматову никто не посмеет упрекнуть, Ирине Николаевне никто не поверит, а Анна Андреевна живет по обычному распорядку: откричалась и, не стесняясь явным противоречием в поступках, усаживается удовлетворять разожженное любопытство.

* * *

До сих пор [1962 год] А.А. хочется курить — последнюю папиросу она курила 22 [мая] 1951 года, в день первого инфаркта… (Ю. И. Будыко. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 307.) Из Пунина: Странно, как она боится умереть. Бродский не бросил курить и после второго инфаркта. Ахматова вела себя вполне благоразумно, несмотря ни на какие обстоятельства. *Как подумаю о смерти, такой веселенькой становлюсь…*

* * *

Лев Гумилев: «Говорила она только о себе, она была «ахматоцентристкой».

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 595

* * *

Но живет она не прошлым, а настоящим. Рассказывала, что у нее для «Дня поэзии» вымолили на коленях статью о Лермонтове, что у нее друзья в московском Гослитиздате. <…> Дают переводы с болгарского, польского. Предложили написать предисловие к болгарской книге. (О. М. Малевич. Одна встреча с Анной Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 57.)

* * *

О том, что на Ахматову в КГБ было заведено дело, известно только из свидетельства Олега Калугина. Само КГБ дела никому не показывает и утверждает, что его не существует. По свидетельству Калугина, наполнителей этого дела, доносителей, — двое: Софья Островская и Павел Лукницкий. Оба — очень близкие, до интимности, Ахматовой люди, оба были знакомы с ней долго и на законных правах входили в мельчайшие обстоятельства ее жизни — не были ни разу заподозрены в профессиональности их внимания. Калугин приводит их донесения. Донесения дословно повторяют записи их личных дневников. Дневники Лукницкого давно опубликованы, дневники Островской — только на английском языке, сути дела это не меняет. Исследователь Ахматовой Михаил Кралин поражается: *Создается впечатление, что дневниковые записи служили Софье Казимировне черновиками для ее доносов. (М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 228.)* Павел Лукницкий тоже, не переставляя слов и не меняя тона, переписывает свои дневники на доносные листы. А ведь, казалось бы — человек при исполнении, пишет в солидную организацию, представляет себе цели своих записок — нет, слово в слово частный, даже лирический, дневник. Наверное, все-таки таких совпадений не бывает, чтобы два человека, писавших доносы, воспользовались одним и тем же приемом — переписали их слово в слово из своих дневников. А других доносчиков, которые бы только потихоньку писали доносы и не вели никаких — опубликованных! — дневников, не нашлось.

Слишком велика вероятность того, что раскаявшийся чекист, раскрывая общественности глаза на то, что его ведомство отслеживало жизнь и настроения Анны Андреевны Ахматовой (только отслеживало, криминала ни разу не усмотрело), посчитал необходимым украсить свое признание «документами» — отрывками из доносов. Не нашлось ничего другого, как перелицевать в доносы отрывки из опубликованных дневников.

Сама Анна Ахматова ярлыки «агента» раздавала со щедростью Екатерины Великой. Не имея власти (и расположения) миловать — казнила: пользуясь правом пушкинистки, к неприкасаемым помещала формуляр Натальи Николаевны, правом матери, обладающей исключительным правом переписки с зэком, — оболгала его невесту, правом княгини Марьи Алексеевны — уничтожала репутации светских знакомых.

* * *

…стихи об Италии! <…> Помню наверняка, что стихи эти были написаны по какому-то совершенно конкретному поводу: т. е. пригласили в Италию А.А., а послан был кто-то другой, чуть ли не Алигер. Вот почему: «Тех, кого и не звали»…

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Из кн.: Я всем прощение дарую. Стр. 400

* * *

«Я знаю, почему нельзя было выпускать людей из Ленинграда, — сказала мне А.А. вскоре после снятия блокады, — они должны были спасти город». Да, они спасли это архитектурное чудо — Ленинград, но сколько их погибло, озверев от голода и страданий? Вещи или люди? Чего же больше жаль? (Н. Л. Мандельштам. Третья книга. Стр. 43.) Погибли для того, чтобы Анна Андреевна имела о чем сказать: *Там ждет меня расстреллиевское чудо — Смольный собор.* Или: *И Летний сад — тайна даже для меня.* Ну и… *моральное падение во всех…*

* * *

Таточку Лившиц я люблю. (Ее почему-то не любила Анна Андреевна, в частности за то, что ТАМ сломался ее муж, но за это грех ненавидеть жену, да и самого человека). (Письмо Н.Я. Н. С. Гладкову. Н. Я. Мандельштам. Об Ахматовой. Стр. 43.)

Ненавидит жертв репрессий, ненавидит блокадников, сама пишет славословия Сталину, относит письма брата в КГБ…

Анна Андреевна <…> развернула вырезку — это было интервью с ней французского журналиста. «Боже (вырезка, с

которой не расстается и которую показывает каждому посетителю, вызывает — каждый раз — прочувствованное восклицание), *они пишут, что мой любимый поэт — Мандельштам!» — «А кто Ваш любимый поэт?» <…> — «Мандельштам, конечно». Это было характерно для Ахматовой последних лет, когда ей не нравилось все, что о ней писали, хотя бы это была чистейшая и невиннейшая правда. (И. В. Бориневич-Роскина. Воспоминания девочки. Я всем прощение дарую. Ахматовский сборник. Стр. 131.)*

* * *

Королевиться и императриться. Закоролевилась и заимператрилась.

* * *

Запись Д. С. Самойлова: *Звонила Анна Андреевна. Ее тянет в Москву, где у нее подобие «двора» и подобие литературной школы. <…> Впрочем, живет она уже в мире мнимом. «Двор» ею тяготится, дела, на которые она ссылается, несущественны, школа призрачна. (Летопись. Стр. 608.)*

* * *

А. В. Любимова. *У нее какое-то тревожное и капризное настроение, не то что накануне. (Летопись. Стр. 649.)*

С Надей повидаюсь и домой. <…> Там организую Комарово месяца на два. Уехать тихо-тихо. (Записные книжки. Стр. 427.) как Иван Грозный в Александров. Места, куда Анна Андреевна направляется, по сему случаю уже особенно поименовываются.

В 2 — Надя, в 5 — Глекин, в 6 — на легендарную Ордынку. (Записные книжки.· Стр. 427.) Вот и рождение легенды.

* * *

Запись Г. В. Глекина: *Ее величество изволит вести весьма светский образ жизни… Лет. 629. Вчера она была на банкете у проф. Рожанского <…> и вечером — в полпервого ночи, когда лифт бездействовал, поднялась пешком на 8-й этаж. (Летопись.*

Стр. 630.)

* * *

Вчера приезжала Ира с последними (увы, нет…) юбилейными письмами. (Записные книжки. Стр. 469.) Вот она, Анна Ахматова. О чем она сокрушается, к чему относится печальный возглас — *Увы?* Отвечать поздравителям она, естественно, не будет, читать поздравления ее никто не заставляет, засорять письмами свою жилплощадь вовсе не обязана, Ира, скорее всего, не перетрудилась чрезмерно на доставке почтового груза — ну в чем ее проблема?

* * *

Запись Ю. Г. Оксмана: *Она «в хорошей форме», бодра, не хандрит, много пишет, охотно принимает друзей, особенно приезжих. <…> Больше всего ее волнует слава — и отношение молодых поэтов, успех за рубежом, возможность Нобелевской премии, визиты иностранцев. (Летопись. Стр. 584.)*

* * *

А. В. Любимова: *Включать проигрыватель она не умеет, она и газ не умеет зажигать, и в лифте кнопку нажимать». (Летопись. Стр. 649.)*

Быт не очень нормальный. <…> Ухаживают за ней только соседи — жена поэта Гитовича ее кормит, гуляет с ней в соседнем лесу, топит печи. (Летопись. Стр. 584.) В ее положении следовало бы устроиться так: просто домработница и/или для посредничества с нею — поскольку неприученная работница может не понимать распоряжений по полунамеку или долготе паузы, — и прочим социально-институциональным миром — компаньонка. Было бы проще, цивилизованнее. Было б больше комфорта и времени для работы — но эта игра ее уже затянула: видеть, что не нанятый персонал по струнке ходит (на досуге она могла бы отточить мастерство до салтычихиных изысков и более), а соседка чиновная за честь считает топить ей печи, что мать бросает для нее детей, хоть это, впрочем, не аргумент.

Одесса хочет, чтобы за нее все работали, потому что она так уж за всех печется и за всех страдает, — этого много у Ахматовой, хоть она и рано покинула Одессу.

М. Гаспаров. Записи и выписки. Стр. 150

* * *

Гонения 1962 года.

А.А. жила в Доме творчества в двухкомнатном «люксе». Директор Пулковской обсерватории ежедневно присылал ей корзины цветов и машину, которой она отказывалась пользоваться.

Летопись. Стр. 575

Все журналы, сколько их существует в Москве и в Ленинграде, просят стихи.

Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 486

Портрет Ахматовой работы Н. И. Альтмана после многолетнего пребывания в запасниках Русского музея был выставлен на постоянной экспозиции.

Летопись. Стр. 588

Фотоснимки в газетах были наглядной эмблемой хэппи-энда.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 236

* * *

3 января 1962 года она *лежит уже месяц после инфаркта. Нельзя даже садиться.* Выписывается, тут же отправляется в Комарове, узнает, что там — старый паж, Лукницкий. Приходит к нему в девять вечера. *А.А. сразу же объяснила мне, зачем пришла, предлог был явно надуманный. (Летопись. Стр. 574.)*

Признавать или не признавать ненаигранность ахматовской царственности — тестовый вопрос. Робость, мешающая по-царски свободно, без надуманных предлогов вступать в отношения с подданными, — эталонный ответ.

* * *

Ахматову в Комарове навещает иностранец, поклонник и исследователь Мандельштама. Сначала Анна Андреевна завела обычный разговор о себе, который скоро резко переменила по ставшей впоследствии ясной причине. *Мы сели сначала на маленькой, застекленной веранде. Она сразу же сказала мне, что поэт Георгий Иванов ответственен за всяческую клевету на нее. Неправда, что, как он писал, она вышла из чести у молодых писателей <…> На самом деле все было наоборот. После того как мы вскоре перешли в маленькую комнатку, ее разговор настолько стал касаться исключительно Мандельштама, случайно только отклоняясь в ее сторону, что, когда я просматривал позднее свои записи, эта увертюра поразила меня тем, что единственный раз она слегка напомнила мне примадонну, озабоченную своей репутацией у публики. Четыре года спустя я узнал у Надежды Мандельштам, вдовы поэта, о котором я пришел говорить с А, что она была сокрытой свидетельницей дальнейшей беседы. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 154.)* Ну, для проказницы Надежды Яковлевны сидеть тайком за занавеской — совершенно в ее стиле, для Ахматовой демонстрировать царскую щедрость дружбы — тоже, тем более когда есть свидетель, который все запишет в строку и простреливает мизансцену цепкими глазками из щелочки в занавеске.

Без свидетелей, конечно, говорить она может только о себе.

* * *

Одиннадцать лет, самых гонимых, во владении Анна Ахматовой была дача в самом престижном ленинградском писательском поселке на берегу Финского залива. «Будка» — таковы были архитектурные стили. Конечно, кому-то из писателей давали и сдвоенные «будки», и даже еще большие по объему, но ведь и руководствовались составом семьи, общественными заслугами. Критерии ведь хоть какие-то должны быть. Вот люди имеют в распоряжении поселок дач — как распределять, не по жребию же? Не по тонкости чувств израненного женского сердца? Возможно, при каких-то общественных устройствах могут материально вознаграждать и самых нонконформистских, индивидуалистических, вредоносных, но чрезвычайно художественно одаренных индивидуумов. Но это должен быть уж какой-то запредельно страшный и антигуманный — судя по его мощи презрения к мелюзге и цинизму оценки

абсолютных достоинств подданных, — что нам их смехотворные протесты! — строй.

Наш был пожиже. Заслуженная дама Анна Андреевна? — Да. Ходит на собрания, ведет себя корректно. Кукиш в кармане уж слишком демонстративно оттопырила, власть какую-то почувствовала — мы ее в газете пожурим, стихи правильные следом написала — и ей через год небольшая дачка. Так все чинно, патриархально.

* * *

Немецкий литературный критик был зазван — неожиданными настойчивыми телефонными звонками и полуграмотным телеграфным «официальным» приглашением — на пропагандистское мероприятие, устроенное под Анну Ахматову. О таковом персонаже он не слыхивал, но уж отправился на щедрый зов — на Сицилию, в прекрасную средневековую гостиницу. *Солнце сияло, Этна курилась, Греко-римский театр гляделся в мирное море, а я лежал в шезлонге, размышляя о смысле своего пребывания здесь. И тут я увидел, что мимо проходит генеральный секретарь Джанкарло Вигорелли, итальянский литературный менеджер. Был он, как всегда, элегантен, строен, волосы гармонично завиты. Очки сияли. Я окликнул его и спросил, что мне нужно делать. Он изумленно воздел очки горе и развел руками. «Ничего, мой милый, ничего! События и поэты сами придут к вам!» И они действительно шли… Испанцы, португальцы, финны, шведы, русские, румыны, венгры, югославы, чехи, французы, англичане. Целые делегации с председателем, переводчиком и секретарем, растерянные одиночки. <…> Здесь не требовалось представляться друг другу. Достаточно было днем лежать на солнце, вечер проводить в перестроенном из молельни баре, есть, пить, спать — и не платить за это ни гроша. Виски, водка и граппа безвозмездно текли в глотки, закаленные стихами. Кто оплачивал все это? Советское посольство, сицилийская промышленность, римское правительство и, может быть, все-таки мафия? Неужели мы гости мафии? А может быть, Анна Ахматова? <…> В последующие дни не происходило ничего… В конце концов я сообразил, что <…> мы заняты тем, что ожидаем Анну Ахматову — божественную Анну Ахматову. <…> «Анна Ахматова здесь», — услышал я, вернувшись в отель после прогулки на пятый день безделья. Это было в пятницу, в двенадцать часов дня, когда солнце стояло в зените. На этом месте <…> я должен*

сделать цезуру, необходима пауза, чтобы достойно оценить этот час. (Г. В. Рихтер. Эвтерпа с берегов Невы. По: Л. К. Чуковская. Т. 3. Стр. 498–504.) С компаньо Вигорелли было все согласовано до мелочи, что касается и регламента, и даже атмосферы, долженствующей царить на мероприятии.

* * *

Бродский: *всякая встреча с Ахматовой была для меня довольно-таки замечательным переживанием. Когда физически ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты. Гораздо лучшим. С человеком, который одной интонацией своей тебя преображает. <…> Ничего подобного со мной ни раньше, ни, думаю, впоследствии не происходило. Может быть, еще потому, что я тогда молодой был. Стадии развития не повторяются. (Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 62.)*

Учитель физики вовсе не обязан быть открывателем закона всемирного тяготения, математичка не проводит свой досуг, решая теорему Ферма, талант учителя рисования достоин восхищения, но его друзья вовсе не обязаны быть в восторге от его картин, развешанных в квартире по стенам. Анна Ахматова могла быть прекрасным учителем, но это не значило, что она сама была великим человеком или великой поэтессой.

* * *

1965 год… когда она уже была в полной славе. <…> И в Италию она ездила, и в Оксфорд, слава уже не погремушкой трещала, а облекла ее, как облако, и начальство преклонилось…»

Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 34–35

* * *

Вера Панова, услышав от Евгении Гинзбург, что она была у Ахматовой, спросила язвительно: «Ну что, водила вас по себе, как по музею?»

Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 34

* * *

Вот что запомнилось прочно навсегда. <…> Медленная, отчетливая, не сомневающаяся в себе речь. Так никто не говорил, никогда, нигде.

А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 134

Марина Цветаева первой заметила, что у Ахматовой остались не сомневающиеся в себе стихи. Прочитала сборник сорокового года и поразилась: Чем она жила все эти годы для себя? Прошло еще двадцать пять лет — и ничего не осталось и от человека. Не сомневающаяся в себе речь… Все напоказ. А чем же она жила для себя? Внутри себя? Хоть в чем-то сомневалась?

* * *

И еще я отмечаю прекрасную свежую кожу, свежести которой ничуть не мешают морщины. (Н. В. Королева. Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 123.) Это — от полноты (и от регулярных массажей).

* * *

Мне она напоминает огромную породистую кошку, благосклонно мурлыкающую, моему спутнику (как он признался мне позже) — ихтиозавра.

Н. Королева. Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 123

* * *

Невероятно трудно было пробиться к ней через оборону приближенных. *Лидия Яковлевна Гинзбург позвонила мне вчера днем и сказала: «Ире Сименко удалось совершить чудо: она договорилась с Анной Андреевной, что мы к ней приведем вас…» (Н. В. Королева. Ахматова и ленинградская поэзия 1960-х годов. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 122.)* Речь шла не о том, чтоб

не потревожить выстраданное одиночество затворницы, речь шла только о придворных интригах. *Не знаю, кто именно — Толя Найман или Евгений Рейн, Иосиф Бродский или Дима Бобышев — «проявил инициативу», предложив Ахматовой «отслушать» Горбовского?* (ради такой чести сам Горбовский пишет о себе в третьем лице, будто бы с иронией). *Может, все разом? Мы ведь тогда дружили, еще лишенные некоторых предрассудков, что нагрянут к нам чуть позже, дабы испытать на прочность все человеческое и божеское, коим обладали мы «от природы». (Г. Горбовский. Видение в Комарове. Ахматовские чтения. Стр. 147.)* Горбовскому повезло, но ведь божеское и человеческое проявилось к нему, потому что он ко всему прочему был свой. Как было бы пробиться постороннему? Например, пройти сквозь вот такой кордон?

Воспоминания Т. А. Бек: *Ахматова была величава и снисходила, а ее в дальнейшем известный литсекретарь Н<айман> был величав втройне и не снисходил вовсе. (Летопись. Стр. 651.)*

В то время Анна Андреевна была очень привязана к Анатолию Найману. Он, как человек воспитанный, ушел из комнаты, чтобы не присутствовать при разговоре. В конце беседы она просила меня скорее его позвать, мне показалось, что она соскучилась по нему.

> *А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 138*

Ее делили до последнего момента. *Есть фотография: молодые поэты маленькой толпой над гробом Ахматовой. Скорбь, что называется, написана на лицах. «Настоящую нежность не спутаешь/ Ни с чем. И она — тиха». Тем более — настоящее горе. Увы, о том, что фотографироваться рядом с умершей — сомнительное занятие, им никто из старших не сказал, а сами они, по невоспитанности души, еще не знали.* Кушнера среди них нет. *Есть кинохроника. Поразительное свойство кинообъектива: он тоже выхватывает из множества людей тех, кто этого очень хочет; надо успеть краем глаза заметить зеркального соглядатая и понравиться ему, зайти, как тень, с нужной стороны, забежать вперед, поразить значительным выражением лица… (А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 139.)*

* * *

Анна Андреевна любила показывать свои публикации. Чувствовалось, что хотя она и посмеивается над ними, все равно

дорожит этими знаками славы.

А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 137

Параллельность челок

Параллельность жизней — о какой-то незначительной, но элегантной и заграничной даме сказала так Ахматова (что-то там в их судьбах совпадало, челка у обеих была выстрижена).

Были и другие великие современницы, с которыми параллели более очевидны: Галина Вишневская, Коко Шанель и Мария Вениаминовна Юдина.

С Марией Юдиной — младшей на девять лет и на четыре пережившей, самым выдающимся музыкантом-исполнителем ее эпохи — Ахматова параллелей видеть не хотела. Видеть их — значит хотя бы посмотреть. Смотреть внимательно (но Ахматова знала и так, она просто не говорила и уводила взоры других) — значило отмечать диаметральное несходство в схожих параметрах.

Юдина долго училась (в пианизме без этого нельзя) у ведущего педагога Петербургской консерватории, очень много работала всю жизнь, осталась в блокадном Ленинграде — чтобы играть людям. И играла, давала концерты. Без работы не сидела ни дня в своей жизни. Сравните это с бездельным и высокомерным ахматовским: *Книга, которую я никогда не напишу, но люди заслужили ее.*

Была серьезно — не по-ахматовски, лубочно — религиозна, настолько, что, когда с возрастом, очевидно при ослаблении ума, силы духа, способности к познанию и творчеству, отступила перед авторитетом и приняла православие (до этого, как св. Владимир, перебирая другие христианские конфессии), то это воцерковление — не напоказ, конечно, никаких крестных знамений на церковь — с принятием монашества тайным постригом — тоже без того, чтобы восклицать: *и монашенки я стройней! Сталин был взбешен: «Наша монахыня теперь иностранцев принимает»?* и пр., — никаких тебе лампадок, распятий и жарких постелей — это воцерковление ослабило силу ее игры. Школа дает свободу, без нее бывает неплодотворная и малоинтересная анархия; формальные рамки, особенно если они взяты не для игры, не для испытания, а искренне, в полную силу — обедняют творчество. Это как в балете: пока ты не взял на себя труд, не прошел школу, не вывернул ноги — ты находишься в узком диапазоне народного или характерного танца. Усилие сделано, ноги противоестественно вывернуты — и за это

раскрываются все возможности, безграничные, классически двигающегося тела. Придумываешь какой-нибудь новый ограничивающий трюк — и сразу становится ясно, что интересно это будет конечное число раз, после этого — скучный аттракцион. Дувакин: *…потом, когда она увлеклась, так сказать, вот всякой церковностью и за что ее какая-то часть московской публики, интеллигентской, и превозносит, она стала играть хуже. Бахтин: <…> Церковность ее тянула и в самые лучшие годы. Если хотите, она была наиболее религиозно настроена именно в лучшие годы, вот когда она по ночам играла для узкого круга своих друзей <…> Ну вот тут другое… Одно дело — религиозность, а другое дело — желание принимать участие в делах церкви. Вот это у нее появилось поздно, и вот тогда у нее и музыка стала хуже. <…> Тут было некоторое ослабление такой внутренней, настоящей, большой религиозности и философичности, а усиление внешней стороны — вот церковности, обряда и так далее. (Беседы. В Д. Дувакина с ММ. Бахтиным. Стр. 254–255, 256.)*

Юдина умерла старой девой, храня верность погибшему жениху — намного ее младшему музыканту, тоже преподавателю консерватории, красавцу, альпинисту — погиб он в горах. Юдину похоронили в могиле несостоявшейся свекрови (у жениха могилы нет). Бахтин: *Мария Вениаминовна осталась верна и его памяти и жила с его матерью. Переселилась туда, к его матери. Одно время они жили вместе, вот. Потом она устроила другую квартиру, для матери. Последние годы мать, страдавшая диабетом, уже была и слеповата, и глуховата, и вообще ей было очень трудно жить. Вот Мария Вениаминовна ее всячески опекала: сняла для нее квартиру, нашла для нее женщину очень хорошую, которая за ней ухаживала, которая раньше была ну вроде экономки и секретаря у Марии Вениаминовны. <…> И вот она ее опекала до самой смерти. (Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. Стр. 246.)* Ахматова злилась, что деньгами, которые она ежемесячно высылала на содержание Левы, пользовалась также и ее свекровь, которую *она не обязана содержать,* как совершенно справедливо замечает Лукницкий. Будто труд няньки и воспитательницы не должен оплачиваться — не говоря уж о том, что обязанность его на себя взвалить все-таки не бабкина.

Ахматова о себе мыслила глобально: и из-за ее РОМАНА с Берлиным (одной деловой встречи) началась холодная война, и обычный ее развод с Гумилевым будто бы был раздут в «мировой скандал», *бедный мой разводик* — иронизировала она над несуществующими раздувателями. Юдина тоже считала, что

имеет право вмешиваться в судьбы мира: *«…она рвалась за пределы музыки <…> Она мечтала об общественной деятельности, большой. Она мечтала даже… Вот, например, когда, скажем, началась война из-за Суэцкого канала, и у нас <…> подготовлялась армия, вторжение на помощь арабам, Мария Вениаминовна заявила о том* (ей 57 лет), *что она желает ехать в Египет: бороться. Бороться против англичан. <…> Она не была элементарно честолюбивой, нет, и славолюбивой, но, одним словом, ей хотелось стать чем-то существенным, большим, важным, мечтала о каком-то служении, более высоком, чем вот служение искусству (Беседы В. Д.Дувакина с М. М. Бахтиным. Стр. 253.) В котором,* скажем словами Ахматовой о себе самой (в третьем лице, как часто она, для большей высоты слога, говорит о себе — чтобы и людям, при нужде, было легко находить формулировки) *ей не было равных.*

Кто-то ясно видит поверхностную, напоказ образованность Ахматовой, кто-то принимает на веру, что она была высококультурна и учена. Бахтин: *Она* [Юдина] *очень интересовалась философскими вопросами, притом обнаружилось, что она обладает способностями к философскому мышлению, довольно редкому. Как Вы знаете, философов не так много на свете. Философствующих очень много, но философов мало. И вот она как раз принадлежала к числу таких, которые могли бы стать философами.* Дувакин: *Среди женщин это тем более редко.* Бахтин: *Тем более редко, да. Вот, затем, она проявляла огромный интерес вообще к языкам, в частности к латинскому, древнегреческому языку, к литературе. (Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. Стр. 236–237.)*

В первые месяцы войны, единственно ею виденные, Ахматова вела себя трусливо в главе «Героизм». Юдина: *Она ездила на фронт, как Вы знаете. В Ленинград, когда он находился в окружении, когда там было очень небезопасно. А ее тянуло всюду. Где была опасность и «грозило гибелью», ее туда тянуло. И она туда ездила очень часто. И там играла. <…> Она считала, что человек существует для того, чтобы сгореть, чтобы отдать себя, чтобы пожертвовать собой. (Беседы. В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. Стр. 259.)* Юдина была знаменита, была одного поколения, из одного города, она была музыкантом — Ахматова понимала, что о своем восхищении музыкой, важнейшим из искусств для отличения *себя от других незнающих болванов*, нужно неустанно говорить, но у них никогда не было и не могло быть сближения. У Юдиной — потому что она слишком

радовалась жизни, чтобы тратить ее на формальные контакты, у Ахматовой — потому что она боялась и ненавидела. Скорее всего, неконкретно — ее окружение было слишком мелковато, в нем можно было избежать самого упоминания о Юдиной — ну и будем надеяться, что и ей самой удалось избежать злых и ревнивых слез в подушку.

Единственное, чего не было у Юдиной, — у нее не было красоты Ахматовой. Она была большой и крупной уже в юности, и приобретенная ею тучность и грузность в старости не дали ей величия Ахматовой, с телом и всем обликом которой природа хотела наиграться вдоволь, использовать все возможности, которые эта форма ей могла предоставить для воплощения красоты. Анна Ахматова была прекрасна, в Марии Юдиной был прекрасен дух. Дух долговечнее, прелесть — прелестнее.

«Ахматова № 5»

У них было очень много — не общего, а похожего, схожего, как будто судьба готовила для одной дублера. Были моменты, когда позиция Ахматовой была сильнее.

Они были почти ровесницами. Француженка Коко Шанель, хотя и была немного старше, не имела того, что было у Ахматовой в 11-м году в Париже: она не была в Париже, она только мечтала о нем; не была замужем: вся шикарная простота и «убожество роскоши», действительная революционность придуманного Шанель для всего мира стиля — произошли оттого, что ей во что бы то ни стало, а во Франции это значит — со строгостью, лаконичностью, минимализмом, — надо было одеваться и выглядеть так, чтобы никто никогда не посмел сказать, что она — содержанка. Замужний статус давал большую свободу, это так всегда; дарования ее были менее несомненны — она только-только бесславно кончила петь в кафе-шантане, а Ахматова почти за то же самое получила то, что всю жизнь будет называть своей «славой», это был капитал, и, как Аполлинеру, как Бродскому, как Конраду, как Набокову, ей тоже могло повезти сделать и в чужих краях себе имя… Ахматова не то что упустила для себя возможность осесть и прославиться во Франции — мировая слава не уйдет, сидишь ли ты в Переделкине или в лагере в Казахстане, — но не воспользовалась тем, что могло стать только трамплином.

И красота Шанель хотя была и бесспорной, и завораживающей, но она, конечно, не была такой уникальной, как у приезжей русской.

На них обеих никто всю жизнь не хотел жениться (Ахматова, конечно, была один раз замужем, но не по любви, как хотела Коко, а по не бог весть какому удачному расчету, как всю жизнь стремилась сама, и ее личная жизнь крутилась вокруг этой коллизии, романы ее не имели других поворотов). Мужчины играли большую роль в жизни обеих. У обеих были и русские (у Коко — великий князь Дмитрий, убийца Распутина, друг Феликса Юсупова, племянник Александра Третьего, то есть «настоящий» иностранец), и англичане — тоже у Шанель «настоящий» — герцог Вестминстерский. Кроме того, он шесть лет был ее настоящим любовником. Исайя Менделевич Берлин был знаком с Ахматовой один день в жизни.

Может, сэр Исайя сам по себе значит не меньше Бэндора Вестминстерского — это просто Ахматова поставила его в смешное положение.

Обе воспевали своих героев в своем творчестве. Вот чем платила Шанель:

Габриэль решила обогатить свою коллекцию вышитыми моделями. Почему бы не интерпретировать РУБАШКУ, из тех, что, подпоясавшись, носили МУЖИКИ? Идея была настолько замечательно принята, что срочно пришлось создать ателье вышивки. Габриэль поручила руководить им великой княгине Марии.

С 1926 по 1931 год мода Шанель была английской. Никогда в ее коллекциях не видели столько курток «определенно мужского покроя», как писали газеты, столько «спортивных» пальто, костюмов и моделей, которые словно предназначены «для скачек». Ее подруга принимала гостей во время завтраков, одевшись в костюм из марокканского крепа и простой свитер, эта смесь вызывала у законодателей мод живое удивление, превратившееся в остолбенение, когда обнаружилось, что при этом на ней было «ее великолепное ожерелье из бриллиантов в три нити.

Э. Шарль-Ру. Загадочная Шанель. Стр. 309

Ахматова выдумывала историю любви после единственного литературного вечера и, закружившись, запутавшись, фантому же отдавала слова: *Ты выдумал меня. Такой на свете нет.* Если бы дело ограничилось *одним творчеством, и не было бы того господина, тот господин напрасно хлопочет, Сталин часто спрашивал…, футболь… — тогда Берлину оставалось бы только гордиться.*

Обе были бисексуальны, что для Ахматовой представляло большую проблему.

Обе были бездетны — Ахматова более, чем Габриэль Шанель. Та хотя бы для удержания герцога Вестминстерского, которому были нужны жена и наследник, в сорок шесть лет *заставила себя пойти на консультацию, доверилась врачам, подозрительным женщинам, которых считала опытными. Она перенесла операцию и занялась «унизительной гимнастикой. (Э. Шарль-Ру. Загадочная Шанель. Стр. 389.)* Ахматова, даже родив, даже имея ребенка, даже как роль не приняла материнство. Редкий случай — материнство ее не красило. Наиочевиднейшая вещь — физиология, инстинкт — и женщина имеет несколько самых сладких в своей жизни фотоснимков, несколько воспоминаний знакомых, вроде «Она была необыкновенная мать!» — даже если была самой обыкновенной, ведомой лишь правилами видового выживания, не разделенной еще тканевой связью, животным законом детерминированных эмоций. Но — ничего. Есть свидетельства, что материнство отвлекло ее от светской жизни на четыре недели, что по какой-то якобы изощренной причине Гумилевы забрали у нее сына — на самом деле кто-то же должен был за ним ходить, и — ее лживое, «усадебного» тона письмо Марине Цветаевой: *Ребенка вынуждена была оставить семье мужа.* Это о младенческом периоде сына, это самое простое — очень трудно как раз с ребенком в это время НЕ быть, оторваться от него, мы так уж устроены.

Обе дожили до старости.

Любовь? К кому? К старому человеку — какой ужас. К молодому — какой стыд.

> *Марсель Эдрих. Загадочная Коко Шанель. Стр. 222*

Ахматова и в очень позднем возрасте жила половой жизнью. Общеизвестно, что она была любовницей Наймана (писатель и критик Анатолий Найман был моложе Ахматовой на 47 лет. — Ред.).

> *В. Топоров. Интервью. СПИД-ИНФО. № 23. 2007*

Бесспорная работоспособность и признание Шанель кардинально отличаются от такого же мощного, но фантомного существования Анны Ахматовой в советской литературе. Но это

был ее выбор, ее ошибка.

Изгнанная за коллаборационизм из Франции (Анне Ахматовой дали три медали за героизм — но тоже фальшивый — на войне), Шанель поселилась в Швейцарии (для русского уха, конечно, смешно, хотя по Швейцариям и по Капри не один русский изгнанник скитался — но ведь и Ахматова жила роскошью на две столицы; непридуманной страдалице Надежде Яковлевне Мандельштам было не выкреститься от черты окологулаговской оседлости — за мужа), жила с капитала — тут уж точно как Ахматова, только та — на капитал от славы и геройства, а Коко — на миллионы от «Шанели № 5». Смятенная Шанель бездействовала пятнадцать лет — почти как раненная небывшим, но нужным по внутренней логике (физиологии и внутренней пустоты) первым Постановлением Ахматова. Потом Шанель вернулась. Журнал «Лайф» написал: *Она влияет на все. В семьдесят один год Габриэль Шанель творит не только моду, а целую революцию.* Она вернулась в моду в семьдесят один год.

В течение семнадцати лет она будет царить в одиночестве, ее пощадит время, и она останется красивой. Работа облагородила ее, стерев даже морщины. Габриэль была глуха ко всему, что не было новой формой, над которой она трудилась так уверенно, что казалось, ОНА НЕ МОЖЕТ ОШИБАТЬСЯ. «Да, Джеки Кеннеди в Далласе была в костюме от Шанель». Что еще? Ничего. Ахматова не с такой очевидностью замеченной декорации записывает в рифму и с антично-величественным размером: *Как до-о-чь во-о-ждя мо-о-и читала кни-и-ги… Больше ничего. Она была в том возрасте, когда волнение означает потерю сил. Она делала историю на свой лад, одевая улицу, звезд и королев… В восемьдесят восемь это должно было случиться. Но в единственно возможный день — в воскресенье, потому что в остальные дни недели она работала, а умереть за работой, в окружении зеркал и их отражений — это слишком театрально и безвкусно. (*А вот законодательница советских стилей Анна Ахматова считала, что *зеркала* — это и оригинально, и свежо, и загадочно, и не для всех даже и понятно. Книгу об Ахматовой или там статью неприлично и назвать как-нибудь иначе, чем «В сто первом зеркале», «Зазеркалье Ахматовой», «Неточные, неверные зеркала», «В ахматовских зеркалах» и пр.*)*

Э. Шарль-Ру. Загадочная Шанель. Стр. 569

Ахматова тоже была деятельна в конце жизни. Собирала свои фотографии, где она получилась хорошо, статьи с упоминаниями о себе и воспоминания, вела учет контрафактным изданиям пятидесятилетней давности, описывала упадок современной

поэзии и никчемность молодых поэтесс, пила, третировала поклонников, окружила себя молодыми мужчинами, с большим вкусом, который всегда у нее был, привлекла тех, кто ценил в ней ее образ — и по молодости лет не имел времени заглянуть поглубже. Работала — в найденной кем-то форме и найденной кем-то строфой выписывала собственную версию обстоятельств и шика своей жизни. Все умерли — она могла расставлять их как хотела… Бесконечно одними и теми же словами рассказывала незначительные истории из своей жизни или незначительные соображения по разным случаям, называя это будто бы с иронией — а как еще назвать? — *пластинками.* По нескольку раз записывала в озлобленном тоне, какие книги вышли у нее в молодости, кто и что написал по их поводу и что она была инициатором официального развода с мужем, который (в скобках будь сказано) сам несколько раз хотел жениться на других и имел детей… До старости сохранила напряженное, заносчивое и выспреннее девичье кокетство.

Поэтому 600 миллионов китайцев, посчитанных Ахматовой, или японцев, или каких-то еще людей стремятся в бутик с черными буквами «CC» на белой вывеске — строгими, как обложка первого сборника Ахматовой — дизайн автора — а не к стене ахматовского плача. Мировая слава прошла мимо. Габриэль Шанель — это она Великая Мадемуазель.

Эту параллель не надо затягивать, как всякую другую параллель.

И. Бродский

Оставлю ее и только пожалею, что не получилось: не разгадали, не захотели, не смогли — сделать из Анны Ахматовой символ не того, чем она не была — великого поэта, великой души, — а олицетворение великой женственности не во внешнем ее проявлении. Женщина — не мать, не жена, не любовница, а вечно женственная суть и образ. Это тот феномен, который появился в двадцатом веке, разбившийся на множество кинозвезд, топ-моделей — выражающих тот же архетип вечной внешней женственности. Первоисточником, получившим мировую славу, которую она не там искала, могла бы быть Анна Ахматова.

* * *

Галина Вишневская по определению челки не носила. *И ей*

казалось, что если бы она была худенькая, не напудренная и без челки, то можно бы было скрыть, что она непорядочная. И было бы не так стыдно и страшно… (АЛ. Чехов. Хористка). Вишневская была не из хористок.

Происхождение обеих прозаично. Ахматова придумывает татарскую княжну, монгольскую царевну, островных греков и великого князя Владимира Михайловича, а Вишневская прямо и даже по своей царственности без вызова пишет, что мать ее была цыганка.

О своем даре догадались рано. Трехлетняя Галя пела для гостей из-под покрытого скатертью стола — так казалось театральнее, волшебнее, поприще было намечено конкретное, Аня нашла огромный гриб — *И вот тогда я вкусила настоящей славы, Я сказала маме, что на нашем доме будет набита памятная доска.* Дело жизни, таким образом, выбралось: «снискание все равно какой известности».

Обе рано вышли замуж первый раз за коллегу по цеху, без большой любви. Расчет Галины был более простодушен — в артели для простоты производственного процесса легче быть замужем за собственным импресарио, Анны — стратегическим, на славу мужа работала потом всю жизнь, чтобы не подумали, что у нее не было самых роскошных вариантов в юности.

Обе были блокадницами — *…пришла весна 1942 года, и стали ходить по квартирам искать уже тех, кто остался в живых. Такая комиссия из трех женщин пришла ко мне. «Эй, кто живой?» Слышу — из коридора кричат, а я дремлю и отвечать неохота. «Смотри, девчонка здесь! Ты живая?» — «Живая». Открыла глаза — три женщины возле дивана моего. «Живая». — «А с кем ты здесь?» — «Одна…» — «Одна?! Что же ты здесь делаешь?» — «Живу…» Если б они тогда не пришли — был бы мне конец. (Г. Вишневская. Галина. Стр. 45.)*

Ахматова звание это носит потому, что вовремя (неделей раньше) не успела сбежать, потом вывозили на специальном самолете, давали медали, блокадников в Ташкенте презирала, вернувшись в Ленинград и увидев не сцены античных трагедий, а грань, на которую можно поставить человека и даже столкнуть за нее, но смотреть на это (особенно с поджатыми губами) не подобает, — стала ненавидеть.

Вырвавшись из блокады, Ахматова отправилась с почетом в

Ташкент, в свое бесславное «война все спишет», шестнадцатилетняя Галя Иванова — в зенитчицы. У Ахматовой возраст был действительно непризывной, но, странное дело, и в годы ее юности, во время Первой мировой, она тоже заслужила упреки в бездействии и трусоватости, обрамленной воинственными стихотворными призывами.

У Вишневской случилось горе — умер первый, в нищете и голоде рожденный ребенок, Ахматова для живого писала «Реквием» — не пропадать же таким редким эмоциогенерирующим ситуациям.

Обе перенесли туберкулез, Вишневская более достоверный.

Обе женщины были очень красивы, и обе использовали красоту по назначению, не закопали свой талант в землю.

Обе были царственны. Ахматову по-царски себя вести научили, она часто трусила и оглядывалась, как самозванка, была очень чувствительна к отпору, Вишневской — если б дать волю, она б запорола разбойников — за дело, конечно!

У Вишневской был реальный, влюбившийся, богатый и знаменитый муж, *метавший ей под ноги величье, и славу, и власть,* Ахматова жила в чужих семьях и беспардонно приписывала посторонним мужчинам анекдотические passiones.

Семейство Ростроповичей-Вишневских в расцвете лет и удачных карьер, когда на кону было слишком много — приютили в своем доме опального Солженицына, Анна Ахматова не ударила палец о палец в защиту Бродского, потому что перед нею маячила загранкомандировка в Италию.

В Галину Вишневскую был влюблен председатель Совета Министров Булганин. Помог получить квартиру. К Анне Ахматовой, по ее словам, весь мир ревновал Сталин. Начал за нее холодную войну.

Вишневская стала самой молодой солисткой Большого театра. Ахматова — единственным всех пережившим свидетелем Серебряного века. Записала себя в четверку великих поэтов.

Галина Вишневская много работала и за свой талант и работоспособность получила всемирное признание.

Жизнь Анны Ахматовой сложилась иначе. Она построила карточный домик своих желаний и заставила сначала современников, а потом потомков наполнять его реальной силой.

Наследство доброты

«Предыстория» (стихотворение о матери)

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокой жизни…

Размеры наследств, как правило, сильно преувеличивают. Наследники поджидают фантастических фортун, и завистники, чтоб подогнать базу под свои переживания, тоже уверены в достоверности россказней о сказочном везении.

Доброты Анне Ахматовой перепало, однако, судя по всему, немного.

Шапорина как-то говорила об Анне Андреевне при Гаршине, сказала об отсутствии у Анны Андреевны доброты, что та живет только самой собой. (Л. А. Мандрыкина. Сборник «Владимир Георгиевич Гаршин». Стр. 12.)

Очень часто — и другими. Но тут уж о доброте точно речи не идет. Вспомним хотя бы оклеветанную невесту сына.

Гаяна, дочь Елизаветы Кузьминой-Караваевой, матери Марии, коммунистка, вернулась из эмиграции, из Парижа, в Советский Союз. У Алексея Толстого, который соблазнил ее вернуться, ей было очень плохо, она должна была от него выехать и через несколько дней умерла в больнице якобы от тифа, но ведь от тифа так быстро не умирают… Алексей Толстой был на все способен. (А. Н. Варламов. Алексей Толстой. ЖЗЛ. Стр. 474.) Публикатор сопровождает это воспоминание комментарием: *на самом деле это такая же ахматовщина…* Разрозненным, таким ремаркам дозволяют появляться. Стоит собрать покучнее — закричат: клевета…

* * *

[Вячеславу Иванову]…ему разрешено все, вплоть до

кровосмешения. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 256.) Сожительствовать (и жениться) с падчерицей (овдовев) — это, возможно, не самое добропорядочное поведение. Но все-таки не кровосмешение. В его личной семье — например, его родные дочери — считали ситуацию нормальной, подлежащей только его личному суду. Но ведь всем сплетницам платок не накинешь…

* * *

Борис Пастернак, писавший Сталину в защиту сына Ахматовой, выдвигавший ее на Сталинскую премию, когда она была в немилости, ссужавший деньгами — сам подвергся травле за историю с «Доктором Живаго».

Сказала, что собирается съездить с Ниной Антоновной к Борису Леонидовичу на дачу. «Это будет визит соболезнования, но без выражения соболезнования. Оставлю такси ждать и просижу полчаса. Не более. О его делах ни слова — о погоде, о природе, о чем хочет.

Если же его не будет дома, оставлю ему записку, и дело с концом».

Л. К. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Стр. 340

Она считает себя *единственной, кто понимает Пастернака.* Уровень понимания — *о погоде, о природе, о чем хочет* — это имеется в виду, что Пастернак будет тараторить, суть его речений будет бессмысленна, ничего нового, никакой *тайны* она от него не дождется, но готова выслушивать все, что тот захочет выболтать (о *его делах* говорить не стоит — тогда ведь надо будет заявить свою позицию, объяснять, почему не хочет вступиться за него и прочее). Чуковскую не стесняется. И понимание Пастернака, и оценку понятого, и неудовольствие тем, что ее, ахматовское, бесценное время надо из-за светских условностей тратить на всякие визиты — все Чуковской вываливает.

Представим себе сейчас такой же монолог — Пастернака, собравшегося навестить Анну Андреевну после ЕЕ несчастья (счастья), постановления. Вот он готовится, в компании со знакомым, из приличия навестить ее, опальную. *«Это будет визит соболезнования, но без выражения соболезнования. Оставлю такси ждать и просижу полчаса. Не более. О ее делах ни слова — о тайнах, о зазеркалье, о невстречах, о чем хочет. Если будет дома, оставлю ей записку, и дело с концом».* Впечатляет?

* * *

[Ахматова]. Так любившая и ценившая архитектуру, научила меня замечать изуродованные надстройками старые дома — и в Петербурге, и в Москве.

М. Ардов. Возвращение на Ордынку. Стр. 31

Архитектуру она знала поверхностно, так, что даже другие дилетанты, просто более знающие, говорили об этом; любила — и того меньше. Естественно — она ведь ничего и никого не любила. Все ее высказывания об архитектуре — негативные! *Не люблю Петербург — образы застывшего страдания.*

* * *

Однажды ей рассказали, что в какой-то компании кто-то предложил тост за А. и Заболоцкий поставил свой бокал на стол: «За А. я пить не буду». Она не прощала таких вещей, хотя если бы он просил прощения, она бы ответила: «Бог простит». (Н. Роскина. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 395.) Знать, Роскина не видела, как отвечает Анна Ахматова на просьбы о прощении, хоть предсмертные.

Со мной он [Заболоцкий] никогда не встречался, потому что мои стихи он люто ненавидел. (В. Франк. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 395.) Это не самая непочтенная причина, чтобы не встречаться. Ахматова люто ненавидела людей — за то, что им просто не нравились ее стихи, или они неправильно понимали причину ее развода, или ошибались в порядке очередности, кто этот развод попросил.

* * *

Встречался ли я с его подругой Ольгой Ивинской? Нет? Так вот, жена Пастернака, Зинаида, и его любовница одинаково невыносимы. (И. Берлин. Разговоры с Ахматовой и Пастернаком. Стр. 662.) В момент разговора Ахматовой с Берлиным обе дамы были еще живы. Пастернак — нет. Когда сэр Берлин читал лекцию оксфордским студентам и произносил эти слова, жива была Ольга Ивинская. У нее были сын, дочь, зять. Она считала, что скрасила последние пятнадцать лет жизни Пастернака. Пастернак, несомненно, присоединялся к такой точке зрения и

был благодарен ей. Студенты старательно записывают за профессором. Кто просил Анну Ахматову высказаться на данную тему? Какое кому дело до личных достоинств жены и любовницы Пастернака? Если б, напротив, одна была приятнее другой — что это изменило бы в ходе литературного процесса, о котором велась беседа?

Исайя Берлин, очевидно, подбирает слова достаточно точно — то ли по памяти, то ли по свежим конспектам, то ли просто по памятной логике разговора. Вы знакомы с его ПОДРУГОЙ? Может быть, знаком. Может, попал под ее обаяние, может, признает ее непризнанной супругой. Нет? Ну так вот эта ЛЮБОВНИЦА…

* * *

Иногда, с теми, кто на сравнение с нею претендовать никогда не сможет, она проявляет доброту. *Поэтесса Ида Моисеевна Наппельбаум <…> пришла к ней в 1950-е годы, отбыв лагерный срок. Она просила читать стихи, привезенные «оттуда» <…> Она слушала внимательно и даже удивленно, говорила: «Нет, она никогда не смогла бы так написать, если бы не побывала там…» Говорила обо мне «она» прямо в лицо, будто говорила заочно. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 398.)* Это она желала показать заинтересованность. Говорит, будто забывшись. Интереса нет, слов, его изображающих, искать не хочет, берет грубоватый, но действенный прием: мэтр рубит правду-матку, трепещущая поэтесса не знает, как и понять. «Она» — это хорошо, значит, она все-таки достойна разговора о себе — Ахматовой. Никогда бы не смогла так написать, если б не побывала там… Но она побывала. Не смогла бы — «так», а по-другому, но тоже хорошо — смогла бы? В чем смысл высказывания Анны Андреевны?

* * *

Она презрительно отзывалась и о популярных молодых поэтах, которым покровительствуют советские власти. Один из самых знаменитых из них <…> прислал ей в Оксфорд телеграмму с поздравлением по случаю присвоения ей степени почетного доктора. Я находился с ней рядом, когда принесли телеграмму. Она прочла ее и с гневом бросила в мусорную корзину. (И. Берлин. Разговоры с Ахматовой и Пастернаком. Стр. 660.) Свидетельству И. Берлина нельзя не доверять. Роман Тименчик пишет все, как

есть (как всегда, без комментариев, хотя и без них есть от чего раскрыть рот.) *По свидетельству И. Берлина, телеграмма при нем была брошена в корзину; но, по-видимому, потом вынута. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 697.)* Телеграмма прекрасно сохранилась в архиве Ахматовой. Впрочем *…я находился рядом с ней, когда принесли телеграмму…* Надо же, какое совпадение. Раз в этом доме не погнушались вытащить телеграмму из корзины для мусора, то сказать: «Аннушка, когда придет тот господин — ты уж занеси телеграмму» — это совсем пустяк. Ахматова лазит по чужим шкафам, по мусорным корзинам в гостинице. В шкаф Пунина залезть послала Леву, покопаться в корзине — тоже, возможно, не сама. *Ты зацелованные пальцы брезгливо прячешь под платок* — шарившие по мусорным корзинам пальцы тоже можно спрятать от брезгливых взглядов под черную вуаль.

* * *

О Евтушенко и Вознесенском: *Я восхищаюсь их эстрадным мастерством. Я даже немного завидую им. Но при чем тут поэзия? <…> Брюсова я просто не считаю поэтом. <…> Вяч. Иванова она не любила. <…> А вот недружелюбие к Кузмину, который написал предисловие к «Вечеру» (и немножко на нее повлиял вначале), меня очень удивило, даже огорчило (С. А. Риттенберг. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 490.)*

* * *

Каждый, естественно, судит по себе. Добрый видит во всех доброту, злой ожидает злодейства, скупец убежден, что все хотят оттяпать у него хоть копеечку, завистник чувствует гомеопатический след зависти в мотивации чужих поступков. *Тщеславного урода* видит только тот, кто тщеславен (*урод,* может, и справедливо — красавица Анна Андреевна не могла удержаться, чтобы не передернуть плечами, ведь действительно, у Толстого нос широкий, брови кустом, глаза-бусинки, вихры). И все-то у нее языков не знают, образования не имеют, происхождения низкого. *М<ожет> б<ыть>, то, что Бунин не окончил гимназии, и не играло большой роли в его жизни. Но это объяснение очень характерно для А., она чеканила такие изречения, как медали, причем с большой простотой». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 490.)*

О Бунине: *Вот всю жизнь меня ругал, всю жизнь меня травил, а из-за меня его косточки не успокоились в русской земле». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 642.)* Так вот что б его не простить, правда? А Бунин всего и «натравил», «наругал» ее за жизнь, что сочинил две эпиграммы (одну — недостоверно) и написал в письме (частном, ей неизвестном): *И такую дуру прославили замечательной поэтессой! (Р. Тименчик. Стр. 643.)* (О стихотворении «Читая Гамлета»). Ее ругательств Бунину Роман Тименчик набирает на убористую страницу. Да и одного бы, про косточки, хватило, чтобы взлетела чаша весов.

Хотя все-таки, скорее всего, и не *из-за нее.* Нам ли судить.

* * *

— Конечно, она в ту пору была уже старая толстая бабища, так что никакие зефиры и амуры тут ни при чем. Ей просто захотелось дружески побеседовать с человеком, который убил ее мужа и оставил сиротами ее четверых детей. (Л. К. Чуковская. Т. 2. Стр. 55.) Старуха Ланская дожила только до 51 года и до конца не слишком долгой жизни была стройна.

Печатный текст, конечно, не в состоянии передать звука голоса и интонации говорящего, но невозможно не услышать в этой фразе злорадной ненависти.

С. Куняев. Наш современник

* * *

Вернемся, впрочем, к суждениям Ахматовой. Непереносимость ею сплетен в свой адрес, ее ненависть, вполне понятная, к примешиванию досужей болтовни в описания ее жизни и анализ биографической подоплеки ее стихотворений прекрасно уживались с ее собственной личной жаждой комментария того или иного произведения классика или современника в контексте той или иной негативной информации из личной жизни писателя.

С. Куняев. Наш современник

Модница

Для чужой славы было спасительное слово: мода.

Царское возвращение Цветаевой в Москву.

Вход в Москву фиксировала обличительница т. н. современного мещанства (журналистка — не названная, по обычаю)*, описав разговорчивую молодую покупательницу из очереди в книжном магазине: «У нее облегченная мебель, торшер, подвесные керамические вазочки, магнитофон с записью песенок Булата Окуджавы, «абстрактные занавесочки» <…> Энергичная устроительница «модернизированного уюта» приобрела сразу десять книжек только что вышедшего однотомника Марины Цветаевой. «Для всех наших, — пояснила она и озабоченно прибавила: — На днях должен поступить в продажу Пастернак, не прозевать бы!..» Эта публика зачитывалась сначала Ремарком, потом Сэлинджером. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 144.)* Модницей, впрочем, была и сама Анна Андреевна, но о ней — нельзя.

Однажды мы с дочкой куда-то уходили, и дочка задерживала меня, долго собираясь. «Вы ведь небось смолоду не красили ресницы?» — воззвала я к Анне Андреевне. — «Я всю жизнь делала с собой все, что было модно», — с некоторым вызовом призналась Анна Андреевна.

М. Алигер. Воспоминания. Стр. 365

Ресничками не ограничась, бежать за всем, что модно, не прекратила до старости. *Цветаевское «Избранное» и подоспевший альманах «Тарусские страницы» вызвали к жизни стихотворение-разговор с Цветаевой, «Комаровские наброски», затем расширившиеся голосами Мандельштама* (тоже как раз собрались издавать, Анна Андреевна входила в редколлегию, но сама идея издать Мандельштама казалась ей ненужной — «он малопонятен») *и Пастернака и получившие название «Нас четверо». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 144–145.)* А мы-то гадали, что вызвало громогласное «Нас четверо!», что помешало раньше взяться за руки с друзьями?

* * *

Мода на то и мода, что ей следуют все. Покупательницы — покупают, поэтессы — слагают стихи. А ведь скоро выйдет и

Мандельштам! Ахматова сделает все, что в ее силах, чтобы он не вышел: он не нужен, его никто не понимает, но чувствует, что стала слабовата, может не сдюжить, запишем в реестр и его.

* * *

В Ленинграде состоялась конференция Европейского сообщества писателей, посвященная проблемам романа. «Я боюсь, что ко мне приедет Сартр. Но, я думаю, меня здесь не найдут. Меня так хорошо научились прятать. Скажут, что я на «Северном полюсе-6». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 192.)

«Северный полюс-6», очевидно, прозвучал, потому что в это время Анна Андреевна работала над сценарием о летчиках. Боюсь, проблематика этой прозы г-на Сартра не заинтересовала бы.

* * *

Я спрашиваю о Зигмунде Фрейде. А<хматова> медлит. Потом говорит — скорее как бы самой себе: «Все здания здесь шатаются». Рита переводит дважды подряд и беспомощно смотрит на меня: «Все здания здесь шатаются». Она ничего не поняла. А А<хматова> грустно улыбается.

> *Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 224*

В письме 1925 года к ней [Шилейко] вручает ей цитату <…> из той элегии Овидия о борении чувств (Amores, III, XIb). Откуда А<нна> А<хматова>, будто бы не зная источника, а позаимствовав фразу из эпиграфа к роману Габриеле д'Аннунцио «Торжество смерти» <…> взяла эпиграф к «Anno Domini»

> *Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 662*

Почему не знает *будто бы*? Уж действительно всего ли Овидия Анна Андреевна знает наизусть? Если — знает, то почему бы знание свое и не предъявить, обозначив, как это принято в цивилизованном мире, откуда взята цитата? Зачем писать, что чужой эпиграф так понравился, что решила для себя использовать?

Но когда цитата ей даже ПРИСЫЛАЕТСЯ — предположение

может быть даже еще худшим. Ахматова оценила вкус д'Аннунцио и использованный им эпиграф взяла и себе, а письмо Шилейки просто не читала. Посмотрела, что он пишет ей личного, а все заумности читать и не стала. Подарком любовника ей вовсе не зазорно было бы воспользоваться — и никто бы не догадался, что это не сама Анна Андреевна всю античную литературу в голове держит.

В письме Шилейки указания на источник тоже нет, но раз нашел он эти строки — значит, прочитал и весь стих, увидел слова, взятые Ахматовой в эпиграф.

Кстати, в самом «вручении цитаты», к которой в примечании дается и очень прочувствованный перевод — *(о лице, приближающем к божеству, о глазах, похищающих в плен) (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 662),* нет ничего для Шилейки удивительного: *У него есть два излюбленных приема <…> — использование длинных стихотворных цитат из древней или старинной поэзии на разных, преимущественно не общеизвестных языках. <…> Длинные фрагменты текстов на разных языках встречаются и в письмах Шилейко к Ахматовой, хотя и в меньшем числе, чем в переписке с Андреевой* (второй, ученой, страстно любимой и, в сущности — единственной настоящей женой). *Иногда обеим посылаются отрывки одинакового свойства <…>* (не надеясь на филологические познания Ахматовой, ей — в отличие от Андреевой — Шилейко посылает не только старофранцузский текст, но и перевод…) *(В. Вс. Иванов. Предисловие к книге Владимир Шилейко, Последняя любовь. Стр. 6, 9.)*

* * *

Модно писать мистификации, буффонады, карнавалы масок. Все, что отрицает традиционные русские формы. Модно, правда, было в начале двадцатого века. *Когда в июне 41 г. я прочла <…> первый <…> кусок Марине Цветаевой, она не без язвительности сказала: «Надо обладать большой смелостью, чтобы в 1941 г. писать о Коломбине, Пьеро и Арлекине». (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 240–241.)* Но ей хотелось напомнить, что она ко всему этому была причастна и она красиво, ритмично и в склад — музыка, музыка! — о них все-таки написала. Сказать нового не удалось.

* * *

Стал бешено моден Булгаков, и она — читавшая его еще в тридцатых, с ужасом обнаружившая, что вот, есть другой строй, другая литература, отмахнулась, отмолчалась, было не обнародовано, кто знает, может, пронесет, рукописи бесследно исчезнут, как сгорят. Время вроде бы не поджимало, и в шестидесятых начала выводить «свой» бал у Сатаны: *И я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина. <…> А уж добриковский Маяковский, наверно, курит у камина. Себя я не вижу, но я, наверно, где-то спряталась, если я не я эта Нефертити работы Модильяни… (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 267.)*

За кузминскую строфу требовала патент себе, за *чертовню* — тоже. Не Булгакову же!

Я не поручусь, что сценаристы «Маленькой Веры» не читали *«Из балета «Тринадцатый год». Маленькая Вера держит свечку «Ma chandelle est morte» / Силуэт Коломбины за тюлевой занавеской. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 291.)* В застойные времена было много досуга, можно было занять себя тем, что раздобыть «листочки» Ахматовой и вчитываться.

* * *

…И. М. Смоктуновский, которого А.А. представляла себе будущим исполнителем в фильме по ее сценарию о летчиках. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 279.) Сценаристка так и пишет в ремарках: *Наплыв — Настоящий Игорь (Алеша Баталов) входит… Вася (Смоктуновский)… Соседка… Толстая женщина* — все как в настоящем кино. Пастернак Цветаевой: *Ты полюбишь колхозы! (Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. Стр. 552)* — разговор с П. в Париже — наверное, в ее письме.) С Цветаевой все могло случиться, а вот Ахматова действительно, без экзальтации и надрыва, очень ловко и быстро подхватила моду (тот, кто слишком много рассуждает, никогда не может быть по-настоящему «актуальным») на кино и сценарии, на физиков и летчиков, на Смоктуновского и Райкина. Вот Андрею бы Тарковскому, раз он был такой поклонник Ахматовой, за этот сценарий было и взяться.

Кино — самое массовое искусство, «из всех искусств…». Ахматовой все подвластно. Вот и сочный народный язык.

— И как она Бога не боится, ведь грех какой.

— Убивица! Своего ребеночка…

— Вы слышали, наш-то — герой! Бюст ставить будем посередь сквера у вокзала.

— Надо же!
— А как же Васютка?
— А она его сплавила. Полковника ждет — губа не дура.

А Ахматова. Т. 3. Стр. 296

На «сценарий» имеется и серьезная критика.

«О летчиках, или Слепая мать» — незавершенное произведение (три страницы), попытка киносценария типа психологического детектива. Современный кинематограф с его возможностями ретроспекции, «наплывов», ухода в будущее, потоком сознания и проникновения в глубины подсознательного привлекал Ахматову как художественная система, близкая условно-ассоциативному мышлению поэзии. <…> Разрозненные наброски незавершенного киносценария были написаны после 31 марта 1963 г. В это время (до? после? в день 31 марта?) *Ахматова была занята трагедией «Энума Элиш» и театрализацией «Поэмы без героя»* (результаты занятий, правда, не впечатляют), *оставив работу над киносценарием. (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 732–733.)*

* * *

Чрезвычайно интересно отношение Ахматовой к главной книге Булгакова — роману «Мастер и Маргарита». Уже в октябре 1933 года она слушала у Булгакова отрывки из романа в авторском чтении. Елена Сергеевна записала тогда: «Ахматова весь вечер молчала». Ведь обычно Ахматова говорила с Булгаковым о Пастернаке, Мандельштаме, о своей книге и несчастьях, то есть о своей литературе. И вдруг она поняла, что иная, новая литература не только возможна, она уже есть и ничуть не уступает литературе прежних лет. Поэтесса сразу познакомилась с одной из главных книг этой литературы. На нее обрушились непривычные образы романа. <…> после смерти Булгакова, в ташкентской эвакуации, она перечитала полученную от вдовы писателя рукопись «Мастера и Маргариты», нарушила величественное молчание и сказала актрисе Раневской: «Фаина, ведь это гениально, он гений». <…> Она задумалась серьезно и надолго. (В. И. Сахаров. «АА и МБ». Ахматовские чтения. Вып. 1. Стр. 205.)

* * *

Безошибочно определив респектабельность Кафки, Джойса,

Пруста, она почему-то поддержала и Булгакова.

Объяснения могут быть разными.

Во-первых, предчувствовала, что «Мастер и Маргарита» станет модным, бери выше — культовым (на самом деле этим словом обозначается понятие более скромное, а именно — «очень модный»). Но — это во-вторых — Анне Андреевне и самой роман понравился чрезвычайно: вкус был не там, где Джойс и Кафка — а все-таки среди описаний писательских ресторанов и служебных тягот патрициев. А в-третьих, — и это перечеркивает все вышесказанное, но тоже возможно — Анна Андреевна снайперской интуицией чувствовала, что роман Булгакова — вовсе не ровня титанам литературы XX века, будет просто хитом прекрасного традиционного, талантливого, вкусного и яркого, но местного значения писателя — и о нем можно, не вонзая тесак себе в сердце, сказать: «Он гений, Фаина».

Хотя как знать. Она признавала только общепризнанное (если не считать возведение в ранг гениев — каждого в своей сфере — Гумилева, Лурье, Берлина, Наймана). Она обожала и изучала Пушкина, потому что это была самая процветающая отрасль литературоведения — но не интересовалась Баратынским. Была достоверно проинформирована, что Пруст, Кафка, Джойс — главные герои мировой литературы XX века. А с Булгаковым ей предоставили разбираться самостоятельно. В меру собственного вкуса.

Бродский: *Этот господин производит на меня куда меньшее впечатление, чем кто-либо <…> из известных русских прозаиков. <…> Что касается евангельских дел, то это у него в сильной степени перефраз <…> вообще литературы того времени. (Книга интервью. Стр. 605.) <…> Это все* (Булгаков, Пильняк, Замятин, Бабель) *были совершенно замечательные стилисты, но литература — это не только стилистика, но еще и субстанция. С субстанцией у них дела обстояли <…> несколько менее существенным образом. (Книга интервью. Стр. 347.)*

Если б при Бродском, *нарушив величественное молчание,* она сказала бы: *«Это гениально, он гений, Иосиф»* — и *задумалась бы серьезно и надолго,* он, боюсь, откровенной насмешкой ее из задумчивости бы вывел. А впрочем, раз так все мирно у них было до конца — может, и не стал бы рассеивать ее иллюзий.

* * *

Есть вечная молодость души, есть инфантилизм. Кого только Ахматова не пыталась поразить новизной и глубиной своих очень

модных воззрений: дохристианская Русь, сценарии, диссертации. *Вскоре, приехав на дачу, я познакомилась с женой Солженицына — Наташей Решетовской. <…> Бывает такой тип женщин в России, тип вечной невесты из провинциального дворянского гнезда <…> В тот вечер мы сидели за столом, увлеченные беседой* (с самим Солженицыным!), *— и вдруг Наташа упорхнула от нас в комнату рядом и бездарно заиграла на рояле что-то Рахманинова, Шопена, нещадно колотя по клавишам… Александра Исаевича передернуло, он опустил глаза, как бы стараясь сдержаться, потом посмотрел на Славу: «Ну, уж при тебе-то могла бы и не играть, а?» Я тогда подумала, что не такая уж беда, если женщина, из желания быть «интересной, в присутствии знаменитого музыканта садится за рояль музицировать. Но если мужу ее от этого становится неловко — другое дело. (Г. Вишневская. Галина. Стр. 429.)*

* * *

В этом стихотворении с «двойным дном», написанном, или, во всяком случае, датированном восьмым августа 1945 года, днем известия о Хиросиме… (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 103.):

там все — и старички с негетевской судьбой,
шарманщики, и менялы, и букинисты…..
и выли трубы, зазывая смерть…..
и очертанья Фауста вдали…
Когда какой-то странный инструмент
Предупредил, и женский голос сразу
Ответствовал, и я тогда проснулась…

Это к тому, что *Жаль, что Гете не знал о существовании атомной бомбы: он бы ее вставил в «Фауста», там есть место для этого. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 103.)*

Ахматова «Фауста» и дописывает. Читать нельзя. Поставить дату — с большим удовольствием. Вот потомки провидчеству удивятся-то!

Анна Ахматова очень современна. Она пишет о летчиках, о ядерщиках, о космонавтах.

В больнице А.А. много занималась дописыванием «Поэмы без героя». Опять ее поэтическая урожайность вторила обнадеживающим переменам «в верхах». <…> Волею случая тема запретной русской поэзии на некоторое время связалась с темой

советских космических успехов, когда астроном И. С. Шкловский, откликаясь на запуск ракеты к Венере, назвал в центральной печати стихотворение Гумилева <…>. А.А. стала выписывать «космические мотивы» в стихах Гумилева, «отсутствующего героя своей поэмы», и в одной из больничных записей назвала свою поэму «опытной космонавткой», которая «так вот и спустилась с неба». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 145–146.)

* * *

Балетом она занималась, когда было модно. Переделывала Блока в балет — когда можно было небрежно сказать: Дягилев поставит в Париже.

Второй раз вернулась к балетным либретто в начале шестидесятых, когда мы вырвались первыми в космос и стали впереди планеты всей также в области балета.

Майя Плисецкая в 58-м вышла замуж за Щедрина и встречала праздники Нового года у Лили Брик. Вшестером, в квартире на Кутузовском проспекте, *какая-то Триолешка,* аморальная держательница чекистского салона и Плисецкая — с мужьями. Вишневской Ахматова написала вежливо принятое стихотворение, какое в сборнике заздравных застольных «экспромтов» впору помещать Плисецкой — не решилась. Боялась усмешек за тем столом.

Промолчала, но БАЛЕТЫ писала.

Он придумал, что ему обязательно надо иметь подругу-балерину. Тогда модно было иметь любовницу-балерину. А балет-то он вообще ненавидел и не ходил на балет.

Е. Чернышева. Иосиф Бродский глазами современников. Стр. 275

* * *

Не отставала и Анна Андреевна. У нее и подруга Вечеслова, и бесконечные балетные либретто — удобная форма: многословие неуместно, все — тайна, да просто она уж и мыслит балетными образами, балет становится ее жизнью, ее способом творить. Иногда она [Поэма] вся устремлялась в балет (два раза), и тогда ее нельзя было ничем удержать. И [мне казалось]я думала, что она там останется навсегда. НАВСЕГДА под рожденной ею музыкой, как могила под горою цветов. (А Ахматова. Т. 3. Стр. 217.)

* * *

Странная вещь. В это время Данте в Ленинграде, да позволено мне будет так выразиться, «вошел в моду».

Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 28

* * *

Она была подражательницей, модницей, рабыней — а хотела, чтобы за ней признали первооткрывательницу.

* * *

Мода на авиаторов — вот и Блерио. Ведь не какой-то парижский адвокат или, не дай бог, конторский служащий (по мнению сексологов — самая активная по этой части группа населения: не заняты чрезмерно ни голова, ни руки). Мы любим все передовое, модное!

Правда, «Андрей Рублев» написан под впечатлением об Андрее Рублеве в «Аполлоне» — впечатление книжное, но это нисколько не мешает отнести его к «русскому Гумилеву». (Н. В. Королева. Т. 1. Статья «Жизнь поэта». Стр. 630.) Писали о том, что было на слуху, что было модно.

Ахматова отмечалась во всех экспортных статьях по мере их появления.

Писала о Боге (лампадках), об эротике, о репрессиях, застала старину — ну как такую не послать на Запад (в Италию), показать. Наталья Бехтерева в одном телевизионном интервью рассказывала, как в шестидесятых годах путем серьезной и многотрудной селекции была отобрана делегатом на партийный съезд. *Я понимала, что попала туда, где решались судьбы моей страны* (не решались, конечно, она это понимала тоже прекрасно, но давали подышать таким воздухом), *по разнарядке — потому что была из Ленинграда, была женщиной, была определенного возраста, была из науки и была высокого ранга* (такие позиции надо было закрыть) — *но все равно было приятно* (не дословно).

В этом вся разница. Приятно было и Ахматовой, приятно было бы и любому из нас, но Ахматова предпочитала закатывать

глаза: *Почему я не умерла маленькой!* — и мы обязаны ей верить.

* * *

Робертино поет: Non sono geloso [d]i te (вчера пел) (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 195.) Что она хотела сказать этой записью, что за мысль, что за настроение, что за ассоциация? Она хотела показать, что разобрала слова (с ошибкой записала)? Итальянский язык очень отчетливый, расслышать нетрудно, в самих словах («я не ревную тебя») тоже ничего особенного для певца-подростка нет. Поет — вчера пел… Записывает все, что видит, видит то, что модно.

* * *

В Ахматовой, как в фокусе, собраны все литературные клише, все то, что требуется литературным рынком последних, м<ожет> б<ыть>, уже вчерашних дней. В этом причина ее популярности, конечно, слишком широкой и едва ли желательной для поэта. Средний читатель ищет в Ахматовой прежде всего ахматовщину и, увы, находит.

О. Т. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 249

* * *

Но более всего среднего читателя привлекает в стихах Ахматовой, конечно, ее женская личность, тщательно сделанная опять-таки согласно всем требованиям эпохи. Неомодернистический литературный канон требует, чтобы женщина, говорящая от своего лица, была всегда влюблена и чтобы она чувствовала себя ничтожной по отношению к любимому мужчине и всячески угнетаемой им. <…> Он у Ахматовой — обычно несколько ходульный, наглый и злой, всячески тиранящий героиню: «улыбнулся спокойно и жутко», «хлестал» ее «узорчатым, вдвое сложенным ремнем», «запрещает петь и смеяться, а молиться запретил давно».

О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 249–250

* * *

Долгим взглядом твоим истомленная,
и сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная —
как могу я тебя не любить.
Быть твоею сестрою отрадною
мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
и сладчайшей твоею рабой.

Ну как без такого стихотворения обойтись истомляемым половым созреванием подросткам? Цель же воспитателей, находящихся уже в другой половозрастной категории — прививать трезвость, чистоту, равное уважение как к законным запросам физиологии, так и к готовящейся социальной роли — жена и мать лучше если не будет рабой. Анна Ахматова — чтение хрестоматийное, в учебниках истории литературы место ее никто не отнимает. Это место должно быть названо взрослыми людьми так, как оно того заслуживает, без тайн.

* * *

На каждой строке Смольный собор, Петропавловская крепость, Летний сад, царскосельская статуя, смуглое золото престола, княжна Евдокия на сапфирной душистой парче, молодые серафимы, белый Духов день, слова псалмопевца. К этому времени мы уже научились любить родную старину, а богослужебная утварь уже стала утварью антикварной, а потому четки и эмалевые образки очень легко улеглись в размеренных строчках рядом с «плясуньей в натертых мелом башмачках».

О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 246

* * *

Точности чеканного акмеистического слова Ахматовой не веришь совершенно. Когда она говорит свои сводящие скулы пошлостью *муж хлестал меня узорчатым,* хочется лезть в справочники: существовали ли узорчатые ремни, можно ли

ремень складывать вдвое, или это действие — только для ремешков, поясов, хлыстов. Беличья шкурка — цитаты о ее «точности» — кто ее видел? Это — не шкура медведя, оленя, волка, тигра, коровы (скроенной и раскрашенной под тигра или зебру), украшающие интерьеры — шкурку белки видят только скорняки. Остальные должны задуматься на зоологическую тему, что это за образ такой — ну и поежиться. Собачья расстеленная шкурка — это как? Поэтически? Поскольку она не видела лебеды — а пишет о ней, что-то с нею сравнивает, пишет о кричащих аистах и цветущих в сентябре шиповниках.

Можно придумать еще тысячу других якобы реальных подробностей — декларации будут разные, но сущность остается одна и та же.

> *О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 251*

* * *

Средний читатель, жаждущий усадеб, адмиралтейских игл и царскосельских парков (путеводитель по Царскому Селу был издан, кажется, тем же Курбатовым), нашел в стихах Ахматовой хорошее руководство, чем ему нужно любоваться и как ему надо чувствовать.

> *О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 245*

Не только средний читатель, но средний критик.

Ахматову нужно воспринимать на фоне царскосельского пейзажа, и тот, кто не знает этого пейзажа, не знает Ахматовой. Здесь — целая эпоха, здесь — светлейший исток современной лирики… (Э. Ф. Голлербах. Образ Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 176.)

* * *

В ней что-то чудотворное горит… («Музыка»). Посвящено Шостаковичу. *Чудотворным* она дразнится — и ей это сходит с рук. Времена совсем вегетарианские. Эпитет — более чем проходной, общий, первый попавшийся, проще простого его заменить на любой столь же звучный, но она продолжает играть в игру, которая — не опасна.

В этом тренде — религиозной символики — она законодательница. Так же, как и в правозащитно-режимоборческом. *Нужно было, конечно, много мужества, чтобы посметь возразить А<хматовой>, но оно у Гизеллы* (Лахман, эмигрантки) *было. (Ю. Крузенштерн-Петерц. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 585–586.)* А как все простенько начиналось!

* * *

«Я вижу все, я все запоминаю,/ Любовно-кротко в сердце берегу», т. е. всякую дребедень из антикварной лавки — мальчика, что играет на волынке, и девочку, что свой плетет венок. И все в этом сборнике игрушечное <…> и сама Ахматова признается: «А теперь я игрушечной стала, как мой розовый друг какаду» — игрушечная птица, сродни той канарейке, которая обязательно тащится вслед за зюлейкой, когда все темы и рифмы уже исчерпаны.

О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 248

* * *

«Смотри: блестящих севрских статуэток/ Померкли глянцевитые плащи». Без севрских статуэток в наш век не обойдется ни один тонко чувствующий человек.

О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 247

* * *

Сколько радуг, сколько боскетов было воспето в стихах и прозе, п<отому> ч<то> радуги и боскеты так красивы на картинах Сомова. Сколько маркиз и пастушек! Анне Ахматовой поклонники кричат: Верю! Верю! — даже ее саму сравнивают с пастушкой. *Это было прямо-таки целое нашествие двунадесяти языков, с легкой руки Кузмина и отчасти Белого, которые первые пустили в поход эту фарфоровую армию. (О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 243–244.)* Ахматова у Кузмина не только училась, а даже заимствовала — слово такое

употребляется, когда ученик от учителя отрекается.

А *«Мой городок игрушечный»* поражает свежестью критиков еще и в 2007 году.

Каждая эпоха имеет свой список предметов, общепризнанно-прекрасных, говоря о которых вы никогда не рискуете впасть в дурной тон. Конечно, попробуй вы заговорить об этих же самых предметах лет через двадцать, вы рискуете впасть в вульгарность. Гумилев — поэт старше Ахматовой. «Нет ли у вас новых стихов Блока или Гумилева?» — спрашивает Аня Горенко петербургского корреспондента — после сообщения ему, что стала невестой Nicolas. В его время *прекрасными считались: Восток, античный мир, Средние века, экзотика <…> ведь до этого времени кодексом интеллигенческой морали признавались только науки естественные. Раз запрет был снят, на изучение истории набросились так же яростно, как когда-то на лягушат; отсюда вполне понятный восторг перед пирамидами и жиль де рецами. Но вот страсти улеглись, учебник истории перестал восприниматься как Евангелие, никого уже нельзя было удивить Сарданапалом и Сенахерибом, занялись другой наукой, более легкой, более приятной и до сих пор тоже запретной — занялись историей искусств. <… > Стало очень легко писать стихи и романы. Курбатов и «Старые годы» сделались настольными книгами, неисчерпаемым источником тем для поэтов и беллетристов. Действие происходит непременно в Петербурге или в старинной усадьбе. (О. Г. Базанкур-Штейнфельд. Что такое ахматовщина. Стр. 242–243.)*

Биографический очерк об Ахматовой, писанный Пуниным под ее руководством. *В период первого замужества А. А<хматова> очень много живала в усадьбе матери мужа — Слепневе Тверской губ<ерни>. (Н. Гумилев, А. Ахматова по материалам П. Лукницкого. Стр. 106.)* Упомянута усадьба и употреблено декоративное слово *живала,* потому что усадебная жизнь была совершенно в духе той усадебной моды, которой Ахматова всю жизнь держалась — над ней бы начали смеяться, не случись революции, когда в домах чашки без отбитых ручек уже стали символом благополучного быта, а человек, «живавший» по усадьбам, становился ожившим портретом из версальской галереи. А в десятые годы «усадебность» была самой расхожей, самой непритязательной модой. *«Вообще жизненный уклад в большом доме был несколько старомодный и даже торжественный. Все члены семьи собирались в столовой, но не садились на свои каждому определенные места, пока не входила Варвара Ивановна. Она была старшая <… > Варвара Ивановна немножко стилизовала себя под Екатерину II, и в семье любили*

отмечать это сходство. (Е.Б. Чернова. По: Н. Гумилев, А. Ахматова по материалам П. Лукницкого. Стр. 119.) Молоденькая Аня из дома попроще смотрела внимательно.

Родственники и наследники

Ахматова учила Бродского, что смерть — слишком хороший повод для того, чтобы не закрутить сильную интригу, не боясь быть в ней уличенным: все-таки смерть, да еще своя собственная. И она и он имели какие-то странные, непонятные и вроде бы ненужные истории с завещаниями — у обоих касавшиеся их литературного, творческого наследства, какие-то обстоятельства, возникающие после факта смерти. Ахматова при живом сыне, здоровом физически и психически, довольно молодом, с уважением и любовью относящемся к матери (это она его не любила и была чрезмерно придирчива), ученом-историке по профессии (факт, гарантирующий подобающее уважение к ее документам) — завещала (письменно, нотариально засвидетельствование) все свое имущество (речь шла об архивах) Ирине Пуниной, дочери Николая Пунина (любовника, а точнее — близкого друга — его нельзя назвать, как часто делают, ее мужем — сожительствовали они хоть и по-супружески вместе, но — также совместно — и с женой и с дочерью, Ириной, Пунина.) Лев Николаевич ко времени материной последней болезни уже десять лет как освободился из последнего лагеря, много работал, был с матерью в плохих отношениях — по бытовым причинам, ну и по причине ее крайне к старости ухудшившегося характера.

Ему было в год ее смерти 54 года, он и женился уже после нее. И если бы взял себе жену помоложе (ему, правда, и так повезло — он прожил в браке прекрасно, и целых 16 лет), то мог родить бы детей (Бродский стал отцом в 54), самим фактом своего существования рядом дал бы им определенный заряд на всю жизнь, даже если б он был никудышным (по наследственности) отцом — скорее всего, все же лучшим, чем его собственные родители — те его в младенчестве отдали на воспитание тетке — сестре Гумилева, чуждой, некультурной, малообразованной, приземленной. Вот были бы у Анны Ахматовой родные внуки — как бы они смотрели на внуков дочери любовника Анны Ахматовой, владеющих наследством их бабушки? Любовник тот исторический относился к бабушке жестковато, жену ради нее оставлять не хотел, материально бабушке не помогал, папу и вовсе считал и за приживальщика, и за чужого ненужного мальчишку, норовящего то переночевать в его доме, а то и за стол сесть (за столом ему вслух запрещалось брать с тарелок определенные — лучшие — продукты). Анна Ахматова многозначительно вспоминала: *Я все могу выдержать,* внуки ее это будут знать в деталях — об этом люди пишут, в

мемуарах… Папе даже прописку не дали — он мог бы учиться в Ленинграде хотя бы, раз жить при матери, живущей, соответственно, в наложницах, нельзя было. Вот дочь этого любовника, которая презирала Анну Ахматову совершенно искренне (*Ирочка и Аня делают это виртуозно* и пр.) и стала по завещанию Ахматовой ее наследницей (*Ира и Лева ненавидят друг друга).* Если эти внуки сядут друг напротив друга: одни с наследством — чужие, пользующиеся до седьмого колена и насмешничающие люди — и родные, лишенные всего, то чью сторону занять, если они заспорят? Другое дело, что этих внуков не существует в природе, а если б и были — кто им помешал бы забыть обо всем и не сокрушаться об уведенном наследстве? Такая опасность существовала.

Ахматовой хотелось, чтобы война длилась поколениями — до тех пор она жива, пока во имя ее кто-то ненавидит другого.

Аня Каминская, дочь Ирины Пуниной, также наследница Ахматовой, написала убедительную статью в защиту своих прав. Их так же трудно оспаривать, как и тот факт, что Пунины, будучи законными наследниками, были людьми мало кому симпатичными. Алчными, не любящими Ахматову и не преклоняющимися перед ней, не отвергшими всего лишь навязывания ею им роли названной семьи и не отказывающимися от законно полученного наследства. С какой стати? Чтобы реальное, имеющее рыночную стоимость законное наследство передать людям, главная заслуга которых — умение — или только желание — сладко вздыхать и преклоняться, заслышав имя наследодательницы? Об этом и спор.

Каменская со сдержанной злобой пишет, что Л. К. Чуковская попросила себе записные книжки… У Лидии Корнеевны заслуги более серьезны, чем у среднестатистической ахматоведки. Да пассионарства поболе — такая, глядишь, могла бы что-то из Ахматовой и сжечь. Хоть и в своем погребальном костре.

Разумного объяснения, почему Ахматова лишила наследства сына и отдала его уже совершенно очевидно посторонним Пуниным, — нет. Кстати, кое-что в руках Ахматовой касалось и мужниного — Николая Гумилева, нелюбимого и с которым развелась задолго до его гибели (вдовой, соответственно, не являлась), добра. Тому — уж прямой наследник (по закону, хоть и лежало в чемоданчике у Анны Андреевны) — Лев Гумилев. По завещанию — отошло Пуниным. При жизни — тоже, например, сыну на день рождения писем отца ни разу не подарила.

Иосифу Бродскому тоже пришло в голову сделать для посмертия некоторое странное распоряжение. Им было завещано

запретить близким (различным друзьям — юности и зрелости, коллегам, подругам и сотрапезникам) писать о нем воспоминания. Представляете, кз. кз. я досада? Некоторым никогда бы ничего не написать в жизни — кто будет читать хоть строчку, если рукопись не озаглавлена: «Ося. Иосиф. Joseph»?

Если бы не запретил — кто-то бы вспоминал, как Оська говорил ему: старик, ты все знаешь, ты должен написать, как все было. Неужели кого-то подбадривал? Ахматова просила всех и каждого. Для нее любой подходил. Напишите обо мне. Мне нравится, как вы пишете. Ей — лишь бы написали (с ней общались только те, кто почитал это за честь или намеревался использовать как знак чести).

Завещание Ахматовой оспаривали в суде, ничего не получилось, потому что дело было простое, бумажное, высокие чувства в расчет не принимались. Бродского проигнорировали просто.

* * *

Ахматова оказала большое влияние на Бродского, она научила его, к чему надо стремиться, что имеет вес. Он учился. Пастернак тоже был ее современником (пусть не младшим), тоже был с нею знаком, но он у нее ничему не учился. Он даже не смотрел в эту сторону.

* * *

Основная ее жизненная ошибка — она хотела, чтобы у нее было, как у людей, а этого не могло быть. (Н. Я. Мандельштам. Третья книга. Стр. 97.) Это было даже хуже чем ошибка — это был просчет. Если б ей это удалось! Выйти хорошо замуж за какого-нибудь композитора: второго ряда, но чиновного, с регалиями. За музыканта — почти непременно, им легче сохранять лицо. Ученые тоже хороши, но с композитором больше публичности. Квартира в центре, дача, вымуштрованная горничная — тяжелое советское слово «работница», будто бы упраздняющее неупразднимые привычки, — только без профессионализма и обусловленного им достоинства, какая-то должность по культурным связям или музыка к кинофильмам, — то есть выезды за границу, кооператив для Левы и сложные отношения с ним — и пригретая какая-нибудь настоящая сирота, не Ирочка. Тут страдать можно бы было вволю. Не хватило

малости — просто респектабельного брака. Женщине такой красоты и четкого целеполагания не досталось такой малости. Почему же «не могло быть»? Гаршин-то ведь вполне мог — сорвалось.

* * *

Информация в справочном аппарате книги: *Лев Николаевич Гумилев, сын Анны Ахматовой, после гибели отца в 1921 г. жил и воспитывался в Бежецке у бабушки, Анны Ивановны Гумилевой. (Н. Н. Пунин. Мир светел любовью. Дневники и письма. Стр. 492.)*

А до 1921 года где он воспитывался? Он воспитывался у бабушки с рождения, с 1912 года, гибель отца здесь ни при чем, но ахматоведы без этого не могут. Вот разница между ложью и ошибкой.

* * *

Владимир Георгиевич в Ленинграде. Он работает с $7^1/_2$ ч. утра до 11 ч. в. без выходных дней. Во время обстрелов и бомбежек читает лекции и делает вскрытия и вообще представляет из себя то, что принято называть скромным словом — герой. Тем не менее меня все неотступно спрашивают: «Почему ваш муж не может устроиться?»

> *Письмо из Ташкента 2 июня 1943 г. З. Л. Харджиеву. А. Ахматова. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Стр. 204*

У Ахматовой во время войны овдовели два «мужа» — скончалась и жена Гаршина, и «Галя» Аренс-Пунина. Ее женской судьбы это не переменило.

* * *

Комментарий Кралина в двухтомнике *(А. Ахматова. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Стр. 367): Александра Степановна Сверчкова — сводная сестра Н. С. Гумилева.* Шурочка была единокровной сестрой Николая Степановича. Сводные — это дети двух супругов от предыдущих браков, не связанные родством ни «по крови», ни «по утробе». Для меньшей громоздкости чаще говорят — сестра по отцу или по матери. А сводная — это сводная. В литературе об

Ахматовой такая упрощенность, небрежность (неряшливость — или якобы неряшливость) встречается довольно часто. Родственные связи, обозначаемые специальными словами, немногочисленны, ученые исследователи их прекрасно знают и, в биографиях различных персонажей именно из научной корректности употребляя их, — употребляют правильно. С Ахматовой сложнее (или проще — или простоватее) — нужно использовать разговорную приблизительность, скороговорку — ах, оставьте, не важно! Ведь если проговорить отчетливо, что Сверчкова была единокровной сестрой Гумилева, как тогда этот исследователь посмеет написать, что Ахматова была вдовой Гумилева и вдовой Пунина? Ведь вдовами этих людей были совсем другие гражданки?

С детьми та же история, что и с женами. Вовсе не обязательно записываться — достаточно признать в той форме, в какой это признает общество. Назвал сына наложницы сыном — будут считать наследником. Установленное по исследованным из эксгумированных останков ДНК отцовство ничего, кроме факта, что видимый мир состоит из произвольно разбросанных во Вселенной ста четырех элементов, не подтверждает.

Что ей за падчерица Ирина Пунина? *Ее тянуло в круг повыше <…> Мне иногда кажется, что ее отношения с дочерью Пунина обусловлены именно этой потребностью — смягчить прошлое, облечь его в умилительную рамку: падчерица, к которой относятся как к дочери. Из этого ничего не вышло, кроме абсолютного безобразия. (Н. Я. Мандельштам. Вторая книга. Стр. 351.)*

Ирине Николаевне было 22 года, она была замужем и имела ребенка, когда умерла ее мать, к которой она была очень привязана, а с Ахматовой к тому времени ее отец уже почти десять лет как окончательно разошелся, имел другую гражданскую жену. Не была никогда и приемной дочерью.

Невразумительные комментарии Кралина: неточный или замаскированный под неточность намек: *…и интимные письма к близким людям (В. К. Шилейко, А. Г. Найману), и дружеские <…> (письма М. Л. Лозинскому, Н. И. Харджиеву, Э. Г. Герштейн)… (А. Ахматова. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Стр. 364.)*

* * *

Отношения людей намеренно запутываются: вдовы, мужья, приемная дочь, сводная сестра и пр.

* * *

Занимательная филология: «Вдова такого-то» — все понятно, звание, титул. «Вдовец кого-то», хоть какой самой знаменитой женщины — не говорят. Вдовец — это притягательное звание само по себе. Свободен! А уж чей он там был вдовец — не важно.

* * *

Об Ардове Вы пишете, что в глазах «всех» — это был дом А.А. Для меня глаза всех — не довод; я знаю то, что знаю. В глазах «всех» Ирина — дочь А.А., а сероглазый король — лучшее стихотворение Ахматовой…

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970). Стр. 449

* * *

…Ахматова живала здесь (у С. К. Островской) *целыми неделями. «Как поссорится с Иркой (Ириной Пуниной. — М.К.), так и перебирается ко мне, бывало, на неделю, а бывало, и на месяц», — говорила Софья Казимировна.*

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 230

Такие подростковые штучки — поссорившись с «падчерицей» — соседкой по квартире — бежать к подруге.

В записных книжках Ахматова составляет свое «добротолюбие», что такое хорошо и что такое плохо. «Внучка» — Аня Каминская — навещает ее в Москве в больнице. *Мне будет плохо без нее, но отрадно видеть такой пример душевного величия. Вся больница от нее в восторге.* Не совсем так. Но не в этом дело. *Падчерица очень холодно к ней относилась. Я наблюдала, как тихо, ласково сидели возле постели Анны Андреевны ее приятельницы, а эта «приложится» и сейчас же начинает рассказывать, как она устала, голодна, сколько у нее дел. (Н. Г. Крупецкая. В Боткинской больнице. Я всем прощение дарую. Стр. 81, 80.)* Дело в том, ЧТО считать примером *душевного величия* человеку, который в величиях считается экспертом. Уж ведь не простенькое подчинение тому, кто уважать себя заставил и лучше выдумать не

мог?

* * *

Ко мне заходят моя приемная дочь и внучка… Это моя приемная дочь, но мы давно живем вместе, я ее вырастила, это моя семья.

М. Гончарок. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 520

* * *

«Падчерица» — уже не только Ирина Пунина. Дочь Ирины Анна Каминская — тоже «падчерица». А Лев Николаевич Гумилев — всего лишь «наследник». Она *очень радовалась, когда ей передали* (в последней больнице после инфаркта)*, что он к ней придет. Но друзья не допустили его к ней. Это было для нее большое огорчение. <…> Лечащий врач тоже находил, что волнение от встречи было бы для нее менее опасно, чем постоянная сдерживаемая тоска от того, что он не пришел. «Я считаю, что свидание с сыном было бы для нее очень хорошо», — говорил врач.* Вот как серьезно подходили к такому удивительному случаю, врач не побоялся высказать свое экзотическое, необыкновенное, идущее вразрез со всеобщим мнением по данному вопросу. *Как-то к ней пришла NN и долго что-то говорила, ходя взад и вперед по палате.* Разговор все о том же — допустимо ли встречаться с сыном? *Когда она ушла, Анна Андреевна сидела на постели и даже разводила руками: «Я не знаю, как они не могут понять, что он единственный мой наследник! Неужели это трудно понять?!» (Н. Г. Крупецкая. В Боткинской больнице. Я всем прощение дарую. Стр. 80.)*

Слава

Сокрушается о Солженицыне. *Славы не боится. Наверное, не знает, какая она страшная* (ну, уже недолго осталось только одной Анне Андреевне это знать. Да и к СТРАХУ можно привыкнуть. Так бывалые пассажиры учат аэрофобов: «А ты не думай — и не будет страшно») *и что влечет за собой. (Записные книжки. Стр. 589.)* С тех пор, как Анна Андреевна обеспокоенно записывала свои предвидения, Солженицын прожил почти пятьдесят лет. Если славой не любоваться, забыв все дела, она, оказывается, ничему не мешает.

* * *

Запись А. К. Гладкова: *Вернулась А. А. Ахматова, объездившая всю Италию* (говорили так), *измученная, усталая, объевшаяся славы. (Летопись. Стр. 667.)* Это ведь не по-доброму? Это ведь о том, кто ел, жаждал, алкал, насыщался, набивал утробу, запихивал в себя больше, чем мог, — но не мог остановиться?

* * *

Вводя имя автора «Петрушки» в наброски к «Поэме», А.А. поделилась с ним мандельштамовским комплиментом (или он поделился с ней, вернее — она одолжилась у него дважды: хорошо сказав мандельштамовскими словами за своей подписью и напомнив читателям бессмертный мандельштамовский комплимент), *души расковывает недра:*

…театр Мариинский
Он предчувствует, что Стравинский,
[С мировою славой в руке]
Расковавший недра души…

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 542

* * *

Анна Андреевна боялась Евтушенко, Ахмадулину, Вознесенского. Вознесенскому не разрешила присутствовать на наградной церемонии в Оксфорде, Ахмадулиной три раза отказала принять ее под надуманным предлогом, Евтушенко — *всех принимала, его — не буду.*

Слава всегда привлекала ее, интересовала смолоду, с первого сборничка. После войны она узнала про новый феномен, которого не могло быть в мире без средств массовой — всемирной — коммуникации, — мировую славу. Эта мировая слава кочует из стихотворения в стихотворение, из разговора в разговор — с насмешкой, с издевкой, с озлоблением. У Евтушенко слава, мировая — в той степени, какая вполне бы удовлетворила А.А., — была. Что она могла преподать ему? Всех принимала — его не приняла. А чем он хуже тех — ведь она же общалась, принимала и наносила визиты — даже тем, которых всем аттестовала как стукачей (Наталья Ильина, С. К. Островская). Общалась с такими, о которых с содроганием пишут ее совестливые друзья. Евтушенко был их нисколько не хуже, разве что доставлял совершенно разъедающие порции зависти. Оставалось подтравить этим маринадом его: если три раза позвонит «через две недели» — можно будет подавить его вживую при свидании.

* * *

О ПЕРЕДОВЫХ эстрадных поэтах: «Я всех пускаю. Только Евтушенку не пустила. Сказала, чтобы позвонил через две недели» (А. Сергеев. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 548.) Она его боялась — он был чересчур в силе. С Бродским поначалу не бодалась, никаких стихов. Только потом, когда приручила, — стала показывать величие. С Евтушенко боялась, что тот времени терять не станет и сразу сцепится — а ей будет не по зубам.

Слушая бемоли

«<Гумилев> говорил мне, что не может слушать музыку, потому что она ему напоминает меня».

А. Ахматова. Т. 5. Стр. 90

Она записывает это в 1962 году. Раз «помнит» такие слова, должна помнить, что в музыке ее муж Гумилев был полный профан. *Ср. в воспоминаниях И. М. Наппельбаум слова Гумилева: «Что такое музыка? Большой шум!» (Нева. 1987. № 12. Стр. 200.)*

Георгий Иванов, которому доверия нету — но рассказанный им анекдот, *вероятно, как-то гумилевскую позицию отражает:*

«Гумилев утверждал, что музыка вся построена на нутре, никаких законов у нее нет и не может быть. Нельзя писать о поэзии или живописи, будучи профаном. О музыке же сколько угодно. Я усомнился.

— Хочешь пари? Я сейчас заговорю о Шопене с Б. (известным музыкальным критиком), *и он будет слушать меня вполне серьезно и даже соглашаться со мной.*

— Отлично, только зачем же о Шопене? Говори о каком-нибудь модернисте. Ну, о Метнере. (Он был модернистом только по понятиям говорившего, ибо стилистика и структурное мышление Метнера было целиком в девятнадцатом веке.)

Гумилев заставил меня побожиться, что Метнер действительно существует. Он был настолько далек от музыкальных дел, что думал, что я его дурачу.

Во «Всемирной литературе» Гумилев завел с Б. обещанный разговор. Он говорил о византийстве Метнера (Б. спорил) и об анархизме метнеровского миропонимания (Б. соглашался). В конце беседы Б. сказал:

— Николай Степанович, а не написали ли бы вы нам для «Музыкального современника» статейку, уж не поленитесь — очень было бы интересно».

В браваде Гумилева было много нарочитости. Музыка, конечно, занимала известное место в его лирическом универсуме. Она для него отождествлялась с женственностью.

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка

Логично предположить, что и о *женственности* у него такие же профанные представления. Не зря его имидж — любовника-

победителя. Победитель не может без славы, победы — для славы, а уж всякие тонкости с женственностью здесь не так уж и важны. Вот из двух вещей — музыки, о которой он знал только то, что некоторые люди ею интересуются и много о ней говорят, и женщины, в женственности которой его занимали, последовательно, привычка к победам самолюбия и, затем, ее публичный статус — он и создал свою знаменитую фразу.

Столько же допустим вариант, что фразу Анна Андреевна выдумала — у нее кто только ее голосом не говорит.

Кочуя по апологетическим статьям, она вводила своего читателя в заблуждение — и по поводу любви к себе, и по поводу значения музыки в системе ценностей Гумилева. Какая бы причина того, что он не мог слушать музыку, ни была: напоминала она ему бывшую жену или какую другую даму — не важно, музыки он все равно не любил, прекрасно мог без нее обойтись. Равнодушна к музыке была и Ахматова и поначалу не скрывала этого:

…сказывалось влияние Гумилева, бравировавшего своим равнодушием к музыке.

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка

В чем Ахматова разбиралась — это в иерархии. Ставшие ей известными интересы Осипа Мандельштама она сразу распознала как более весомые, чем самодовольное невежество Гумилева.

Лурье вспоминал о его [Мандельштама] *отношении к музыке, возможно, противопоставляя его не названной прямо Ахматовой — такой, какой Лурье знал ее в 1914–1922 годах: «<…> живая музыка была для него необходимостью. Стихия музыки питала его поэтическое сознание, как и пафос государственности, насыщавший его поэзию». При этом очень существенно упоминание <…> о том, что разговоров на собственно музыкальные темы Мандельштам в 1910-е годы не вел: «Мандельштам страстно любил музыку, но никогда об этом не говорил. У него было к музыке какое-то целомудренное отношение, глубоко им скрываемое». (Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка).* А не так, чтобы при *первых звуках — заплакала* — что действительно, не слишком целомудренно, даже наоборот — будто кто-то неуместно раскрылся.

* * *

Ахматова очень рано начала высоко ценить Мандельштама как поэта и внимательно присматриваться к его внутреннему

миру.

Она внимательно составляла себе еще в десятых годах *«незыблемую скалу» культурных ценностей,* а потом и государственная политика в области пропаганды классической музыки закрепила назначенное ею самой. Наверное, человек без музыки и сам не может — но для Анны Ахматовой директивы были решающи. Иосиф Бродский отметил, что и ее пушкинские студии велись, потому что это была *единственная процветающая отрасль литературоведения,* а ведь здесь был и ее личный, более искренний интерес. А уж взять под козырек по отношению к рассудочно и умозрительно воспринимаемой музыке — это легче легкого.

В последнее десятилетие жизни Ахматовой музыка становится неотъемлемой частью ее повседневного существования: на страницах многих черновиков мы встречаем не только записи о прослушанных пластинках, но и расписание музыкальных передач.

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка.

Анна Ахматова, человек совершенно глухой к музыке… Георгий Адамович.

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка

* * *

…о музыке писать, будучи профаном, можно сколько угодно.

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка

Начинает записывать свои суждения о музыке и Ахматова.

Слушаю до-минор Моцарта. Сен-Санс. Лебедь. Вечерняя серенада Шуберта. Лист: фа-минор.

Летопись. Стр. 526

От такой записи можно испытать легкий шок. Уж не отслушивает ли человек в силу каких-то особых причин все произведения Моцарта, написанные в до-миноре? Потом, имея досуг, возьмется за соль-минор, ре-минор, ля-минор и далее по квинтовому кругу?

Слушать «*до-миноры Моцарта*» довольно затруднительно. В этой тональности им написано порядка 100 произведений.

Одного вечерка у патефона не хватит.

Впрочем, дальнейший репертуар этого концерта по заявкам трудящихся такое предположение полностью снимает. После «Лебедя» и «Вечерней серенады» слушателю, на которого рассчитан дивертисмент, неплохо бы прокрутить полонез Огинского или бессмертную Fur Elise.

Ну а Моцарта она слушает, скорее всего, фантазию для фортепиано — ее чаще всего крутят по радио по праздникам, самый растиражированный моцартовский «до-минор», или вторую часть концертной симфонии для альта и скрипок с оркестром. Или фортепианный концерт, хотя вряд ли — здесь этот самый слушатель «Рабочего полдня» может соскучиться.

Та же самая история с Листом: скорее всего, какой-нибудь известный фортепианный этюд.

Хотя, при чувствительности Анны Андреевны, как знать, может, именно тональность являлась для нее самым важным в музыкальном произведении? Не форма, не инструментовка, не характер, не история, не исполнитель — а именно тональность. Особо продвинутые в музыкальном отношении личности могут увидеть у тональностей самих по себе какое-то неведомое миру простаков собственное лицо, свою характеристику. Или бывает, например, цветной слух — как у Скрябина…

* * *

Короткий, чем-то похожий на смычок в Ad<agio> Viv<aldi> разговор о Риме и Архангельском крае.

А Ахматова. Т. 6. Стр. 313

Пиццикато в адажио — Вивальди написал их миллион, каждое не без пиццикато, в нашем случае, очевидно, речь идет о массово прослушиваемом адажио из «Времен года», — действительно, настолько выразительны, что хозяйственный слушатель сразу приметит, что это готовая метафора для чего-то пунктирного, короткого. Это то, что лежит на поверхности, важно только держать это в памяти и не перепутать названия. Впечатление мышления музыкальными образами гарантировано.

Прелюдия и фуга (играет Л. Ройзман). Вот он, колокольный звон из 17-го века. Как все близко! — (и страшно…).

А. Ахматова. Т. 6. Стр. 325

Страшно у нас все. И ведь пугаются же!

Боже мой… Сама Чакона! Играет Игорь Безродный.

Записные книжки. Стр. 644

В больнице. *Вчера ночью слушала «Наваждение» Прокофьева. Играл Рихтер. Это чудо, я до сих пор не могу опомниться. (Записные книжки» Стр. 708.)* Их четыре женщины в палате, к тому же она серьезно глуховата, так что радио не работало вполсилы.

Адажио Вивальди. 29 авг. Успенье. (Записные книжки. Стр. 539). Успенье у нас как будто всегда 28-го.

* * *

Расписание радиопередач с классической музыкой. Не ленится переписывать. Не достаточно ли записать сетку передач, чтобы подстраиваться под нее, раз уж такая тяга к самообразованию? Так ли уж обязательно записывать полные названия произведений, которые будут транслироваться? Ведь она их не знает, чтобы предвкушать и готовиться. Тем не менее «листки из дневника» — пестрят. Для человека, страдающего аграфией настолько, что ни малолетнему сыну, воспитывающемуся у родственников, ни ему же в тюрьму не ответить — более чем похвальное усердие.

25 декабря. Сейчас <…> слушала струнный квартет fa minor Бетховена!!! (Летопись. Стр. 571.) Для ее стиля в конце предложений больше подходит ставить точки или, конечно, горькие многоточия. Институтские восклицательные знаки, разумеется, говорят о пылкой восприимчивости Анны Андреевны, но уровень трагичности немного снижают.

Тональность тоже корректнее было бы написать по-русски, или — тут все не для дилетантов — f-moll.

25 августа. *22.30. Бетховен, VII симфония.* Правильнее — 7-я.

Моцарт: Соната для двух фортепиано, слушала 2 дек. 1961 в 8 ч. вечера. Наконец-то более развернута запись о музыкальном произведении, о Моцарте: *«2 дек. 1961 в 8 ч. вечера».* Вторник ли, четверг? Знаток Ахматовой сразу увидит связь с ее поэзией: *Я сошла с ума, о мальчик странный,/ В понедельник, в 3 часа,* или *Я*

пришла к поэту в гости./ Ровно в полдень, в воскресенье.

Слушаю: Моцарт. Конц<ерт> la-maj<eur> для скрипки с оркестром. (Летопись. Стр. 526.) Если она записывает все, что слушает — а регистрационный характер записи говорит именно об этом, — то музыки слушает она немного. Тональность называет по-французски — наверно, имеет в своем распоряжении для слушания французскую пластинку (по-французски партитуры расписывают только французы разве что иногда — партитуры французских композиторов, чтобы подчеркнуть их национальную принадлежность. Весь остальной мир, кроме было введших в моду немецкий язык немецких же романтиков — пользуется для записи музыки Моцарта итальянским, как и сам автор). Переписывая этикетку на пластинке, Анна Андреевна сократила по своему разумению правильное название произведения. Правильно — Концерт № 5 для скрипки с оркестром ля-мажор. И самое корректное — написать № по Кехелю, раз уж больше о Моцарте поэту сказать нечего.

В записных книжках А. А. нет записей о музыке, которую она бы услышала случайно, когда не знала, что это за произведение, но звуки ее потрясли. Ведь она же часто слушала музыку по радио — случайно услышала Вишневскую — разве не могло случиться, что услышанная музыка, при всей необъятной музыкальной эрудиции Анны Андреевны, была бы все-таки ей неизвестной — вот услышала, понравилось — а что это было? Как жаль, что не знаю… Нет, если Анна Андреевна что-то слышит, то непременно знает — ми-минор это или ля-мажор было. И уж конечно — кто играет. Музыка, которая не прописана в программе теле- и радиопередач, для нее не существует. Да и рискованное это дело, можно попасть впросак — похвалить за глубину или «страшность» какую-то пьесу — «Это сам сатана!» или что-то в этом роде, — а окажется какой-нибудь Лятошинский.

Из дневника: *А сейчас слушаю Шотландскую симфонию Мендельсона, где мелькает образ той же несчастной королевы. (А. Ахматова. Т. 5. Стр. 327.)* Все верно, он мелькает во всем шотландском, если о нем надо сказать многозначительно.

III соната Прокофьева. (А. Ахматова. Т. 6. 291–340.) Нумерацию сонат также ведут «простыми», арабскими цифрами.

…в программе воспоминаний В. С. Срезневской об Ахматовой значится: «Мраморный дворец. <…> Белые ночи и Бетховен». Из

Примечаний. «Воспоминания», как известно, надиктованы Анной Андреевной. Отдельные, самые эффектные куски написаны рукой Ахматовой, как бесстрастно отмечают комментаторы — «от имени Срезневской».

* * *

Музыкой полна жизнь.

В вошедшем в стихоряд транзисторе тем летом была особая надобность. Купленная Михаилом Ардовым рижская «Спидола» стала для А.А. «наглядным доказательством того, что весь мир пронизан радиоволнами и беззвучия как такового не существует». Я помню, как А.А. произнесла: «Я больше ни одного слова не напишу о тишине» (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 269). Мысль какая-то… не для поэта. Для школьника, идущего после уроков домой и на досуге обдумывающего пройденную на физике тему. В голову приходит: вот, весь мир пронизан радиоволнами, я иду между радиоволн, я пробираюсь через них, как в густом лесу… Школьник так класса шестого-седьмого.

У «Поэмы без героя» есть видимая, явная всем сторона, есть и другая, тайная. *…слушая «Другую», т. е. слушая Время… (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 242–243.)* Анна Андреевна обрывает себя сама, не в силах продолжать. Ну, на такой ноте действительно неизвестно, чем заканчивать. Примечание: *«Другой» <…> Ахматова называла музыку, изначально, по ее утверждению, звучавшую в поэме, подтекст, переходящий в текст по мере развития внутренней музыкальной темы (А Ахматова. Т. 3. Стр. 216).* О музыкальности «Поэмы без героя» — вернее, «музыкальность» — слишком сниженного порядка слово — о «музыке», которой каким-то особым образом «Поэма» сама является, — существует бесконечное количество ахматовских отрывочных, исступленных, прямо-таки не совсем нормальных заклинаний. На самом деле от музыки здесь только то, что в строфике «Поэмы» (заимствованной у М. Кузмина, в чем она не признавалась), есть соответствующий ей четкий ритм и самой формой, а также фонетикой русского языка данная мелодичность.

Но, во всяком случае, ясно, что быть лично причастной к музыкальному искусству, войти в круг музыкантов, как вошла она к пушкинистам, ей очень сильно хотелось.

Почти не бывало случая, чтобы, придя ко мне, Анна Андреевна не попросила музыки <…>. Ей достаточно было нашего убогого

проигрывателя и заигранных пластинок. <…> И почти как правило, чтобы играл Рихтер. Он ее не только восхищал как музыкант, но и как личность интересовал ее чрезвычайно; она меня часто о нем расспрашивала, зная о нашей давней дружбе. (В. Виленкин. В сто первом зеркале. Стр. 72.) Никто не был ее другом — ни Рихтер, ни Юдина, ни Галина Вишневская, ни Прокофьев, ни Стравинский (когда он приехал в Советский Союз, Анна Андреевна всего лишь раздраженно отметила, что не была знакома с его женой, «мадам», а ведь это был ее круг в обществе начала века), ни Шостакович, никому из них не звонила она с требованием прийти немедленно и спуститься вниз купить ей газету, ни с кем не пила пиво и никому не читала стихов: *Те, кого и не звали, в Италии…*

Честный труженик, выдающийся врач Гаршин дружил с Шостаковичем. В таланте врача и музыканта есть сходство. Они не поют таинственным песенным даром, они обязательно должны серьезно учиться, — и гуляка праздный учится с самых нежных лет, тогда они и становятся гениями. Так они воплощают заповедь о труде в поте лица.

Она много под конец жизни работала над повышением рейтинга Николая Гумилева, чтобы возвысить свою позицию, по той же причине вспомнила и об Артуре Лурье.

В прозаических ремарках к драме «Пролог», написанных от лица некоего «композитора», Ахматова высказалась об «апокалипсической судьбе» (как точно сказано!) *неназванного композитора, за которым недвусмысленно угадывается Лурье: «Кажется, что всё* (всё! всё!) *общество разделилось на две равные части. Первая вставляет его имя в самые блистательные перечисления, говорит о нем слова, или, вернее, сочетания слов* (а ведь можно поспорить — что вернее: «слова» или «сочетания слов»), *не знающие равных; вторая считает, что из его попыток ничего не вышло… Tertium quid, которое неизбежно образуется при разделе на две равные части, пожимает плечами и — tertium quid всегда отлично воспитан — спрашивает: «Вы уверены, что когда-то был такой композитор?» — и считает его чем-то вроде поручика Киже» (Р. Тименчик).* Это ее хвалёная — самохваленая — самоирония. «Само» — в описании бывшего любовника — потому что она щедра как к себе самой, когда лощит образы СВОЕГО изысканного окружения.

* * *

Я спросил: встречались ли на ее жизненном пути гениальные люди?

— Шаляпин, — ответила она не задумываясь. — Во всех петербургских гостиных и салонах без умолку говорили о Шаляпине. Из какого-то глупого снобизма (именно так Анна Андреевна и выразилась. — Е. Д.) я на его спектакли и концерты не ходила. В 1922 году Шаляпин уезжал за границу на гастроли. И меня убедили пойти на прощальный спектакль: «Больше его не увидишь». Давали «Бориса Годунова». Шаляпин появился на сцене, еще не начал петь. Только повел плечом, глянул царственно — и сразу стало видно: гений». (Е. С. Добин. Поэзия Анны Ахматовой. Облик поэта.)

Понятно.

* * *

В автобиографическом очерке Пастернака «Люди и положения» есть эпизод из его раннего детства, о котором он рассказывает, предварительно процитировав книгу Н. Родионова «Москва в жизни и творчестве Л. Н. Толстого»: *23 ноября <1894 года> Толстой с дочерьми ездил к художнику Л. О. Пастернаку <…> на концерт, в котором принимали участие жена Пастернака и профессора Консерватории скрипач И. В. Гржимали и виолончелист А. А. Брандуков.* Маленький Боря в тот вечер видел Толстого. *Разумеется, у А.А. был свой вариант (совсем непохожий) эпизода, рассказанного Пастернаком в его автобиографии. Рассказывала она его так… (Л. Гинзбург. Ахматова. Стр. 139.)*

Собственно, разительного несоответствия в сюжетах личного воспоминания Пастернака и только на собственном недоброжелательном воображении построенного рассказа Анны Ахматовой нет. В доме музицировали, ребенок проснулся, увидел гостей. Среди них был расчувствовавшийся старик. Все так — отсутствует только музыка (в версии Ахматовой). В воспоминаниях Пастернака главное — какое впечатление произвела на него музыка, он описывает свое впечатление от игры струнных. *Вероятно, играли знаменитое трио <Чайковского>*. Ахматова трио этого, очевидно, не знала. Во всем мире на камерных концертах часто исполняются трио различных композиторов, и считается это легким услаждающим времяпрепровождением. А знаменитые трио русских композиторов, Чайковского и Рахманинова, — так сложилось, — это какой-то тяжелый, трагический, мрачный и величественный жанр. Для небольших помещений, где обычно играют камерную

музыку, где почти интимная атмосфера, открытые платья, — довольно неуместный характер. Русских трио в мире обычно не играют. Играют по русским домам. *Записанную Родионовым ночь я прекрасно помню. Посреди нее я проснулся от сладкой щемящей муки, в такой мере ранее не испытанной. Я закричал и заплакал от тоски и страха. <…> Отчего же я плакал так и так памятно мне мое страдание? К звуку фортепьяно в доме я привык, на нем артистически играла моя мать. Голос рояля казался мне неотъемлемой принадлежностью самой музыки. Тембры струнных, особенно в камерном соединении, были мне непривычны и встревожили, как действительные, в форточку снаружи донесшиеся зовы на помощь и вести о несчастье. (Б. Пастернак. Люди и положения.)* Анна Ахматова по прочтении пастернаковских воспоминаний ни в какие такие чувства не поверила и разозлилась. Все было совершенно не так. Не было никакой музыки, никакого божественного впечатления, никаких струн по нервам и прочего. Смысл всего — *«Боренька знал, когда проснуться», — добавляла Анна Андреевна. (Л. Гинзбург. Ахматова. Стр. 139.)*

Что Толстой заплакал (как насмешничала она) — так и сама Ахматова: заплакала при первых звуках «Марсельезы».

Начинающий поэт Александр Кушнер преподносит ей свою первую книгу с надписью «Моему любимому поэту Анне Ахматовой. А. Кушнер». Надпись оценена. *Ахматова раскрыла книжку, прочла надпись, сказала: «Вы хорошо написали».* Какой молодому поэту извлекать урок? На всякий случай он великие слова записывает. Она продолжает учить: *Но мне было сделано замечание: «Вы хорошо написали, но почему наискосок? Так только тенора пишут». (А. С. Кушнер. У Ахматовой. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 136.)* Тенора — это очень, очень плохо, это поклонницы, контрамарки, корзины цветов — Александр Блок, одним словом. Тенора, впрочем, бывали разными. Галина Вишневская, например, драматическим сопрано, стояла на одной сцене с тенорами в те времена, когда успех значил вовсе не овации курсисток и подписки от нижегородских купцов: успешным давали ордена, Государственные премии и назначали народными депутатами. Анна Андреевна была само внимание. К тому же Вишневская была и женщиной несуетливого королевского формата — и Ахматова, услышав ее пение единожды в жизни, по радио, воспользовалась предлогом и написала трескучее банальное стихотворение.

Ташкентские встречи с музыкантами (среди них необходимо назвать и игравшую для Ахматовой ленинградскую пианистку ИД. Ханцин, отметившую, что Ахматова «музыку понимала по-своему»), видимо, существенно активизировали интерес поэта к музыке.

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка

Была знакома с Г. Г. Нейгаузом, который *произвел на нее большое впечатление своей игрой* и *рассказал ей «все об этой сонате». (В. Виленкин. В сто первом зеркале. Стр. 73.)* С которой она написала стихи (сама придумать впечатление о музыке не в состоянии). Такие мужья доставались «Зине».

И ведь откуда-то взялись злые языки, утверждавшие, что говорила она о музыке только с чужих слов.

Некоторое время она говорила о музыке, о величии и красоте трех последних фортепианных сонат Бетховена. Пастернак считал, что они выше, чем его посмертные квартеты, и она была с ним согласна. Все ее существо отзывалось на эту музыку с ее внезапной сменой лирического чувства внутри частей. Параллели, которые Пастернак проводил между Бахом и Шопеном, казались ей странными и удивительными. Вообще, ей было легче говорить с ним о музыке, чем о поэзии». (Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка.) Что она может сказать о сонатах ему, Пастернаку, который прожил, всю жизнь слушая музыку, выросши при матери-музыкантше, собираясь стать композитором, учась у Скрябина, женившись на пианистке, продружив всю жизнь с Генрихом Нейгаузом, имея пасынком Стасика Нейгауза, лежав в гробу под игру Юдиной и Рихтера? Это — его консерватории. Ее — репертуар Бродячей собаки, наставник — недоучившийся студент Петербургской консерватории Артур Лурье, слушание Седьмой симфонии Шостаковича в первом ряду рядом с Алексеем Толстым и Тимошей Пешковой. ГОВОРИЛА о музыке, как научил ее Гумилев и послушав, что скажут другие. Что она говорила Пастернаку о Бетховене? Бетховен — это страшно. Это — сон во сне. Он гонится за тобой. При первых звуках — заплакала.

* * *

И наконец, как известно, на склоне лет Ахматова стала писать балетное либретто по поэме. По-видимому, первая фиксация этого замысла обнаруживается в прозаическом наброске

«Вместо предисловия (к балету «Триптих»)», снабженном эпиграфом из Апокалипсиса: «Ангел поклялся живущим, что времени больше не будет». (Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка.) Чем бы еще украсить балетное либретто? Его *первую фиксацию?* Что ж тогда останется для второй?

…балет в России всегда существовал скорее для экспортного потребления. А внутри страны балетом увлекались очень немногие, составляя при этом изолированный, а для многих невероятно эксцентричный островок. (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским. Стр. 296.) Именно то, что нужно.

Балетный замысел Ахматовой включал и еще одну ассоциативную сферу, связанную с музыкальными впечатлениями 1910-х годов. Это линия «башенной» (то есть задуманной и разработанной на «башне» Вяч. Иванова) «языческой Руси»: «Городецкий — «Ярь» — Стравинский — «Весна священная» — Толстой — «За синими реками» — Хлебников (идеолог) — Рерих, Лядов, Прокофьев». Предполагалось, что в балете по «Поэме без героя» художники этой ориентации пройдут в «хороводе».

Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка.

Кому было дело до шуток 10-х годов — людям той Европы, которые будто бы ждали какого-то реквиема?

* * *

Свой круг:

Если можно шекспировскую трагедию и пушкинскую поэму («Ромео и Джульетта» и «Мавра») переделывать в балет (соответственно Прокофьева и Стравинского), то я не вижу препятствия, чтобы сделать то же с «Поэмой без героя». (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 218.)

Так, о том балете Игоря Стравинского, с которым постоянно соотносила свою поэму Ахматова… (Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка). Как бы ни было велико, престижно, малодоступно профанам, элитно произведение смежной сферы искусств, *постоянно сравнивать* собственное произведение с чужим — это неуважение к своему детищу.

Два дня слушала грандиозный квартет Шостаковича <…>. Близость этого квартета R<equiem'>y и «Прологу».

Шостаковича, как видим, ценила немало.

Появление Седьмой симфонии, упомянутой в «Поэме без героя», некоторое сходство биографий и творческих судеб (почти одновременная — с разницей в один день — эвакуация из блокированного Ленинграда; близкие по времени — с разницей в полтора года — погромные атаки, обрушивавшиеся в конце 1940-х годов и на поэта, и на композитора) могли быть стимулами все усиливающегося интереса Ахматовой к творчеству своего великого современника. В 1958 году Ахматова посвящает Д. Д. Шостаковичу стихотворение «Музыка». (Б. Кац, Р. Тименчик. Ахматова и музыка.) Вот — на одной неделе улетели — и интерес все усиливался, усиливался и через семнадцать лет вылился в стихотворение.

Л. К. Чуковская записывает ее слова об Одиннадцатой симфонии: *«Там песни пролетают по черному страшному небу как ангелы, как птицы, как белые облака!»* Слово *страшный* у Ахматовой не значит почти ничего — у нее все страшное.

Другая мемуаристка — Э. Г. Герштейн — свидетельствует: *Некоторые слушатели не принимали Одиннадцатую симфонию Шостаковича. Но Ахматова горячо защищала новый опус композитора: «У него революционные песни то возникают где-то рядом, то проплывают далеко в небе… вспыхивают, как зарницы… Так и было в 1905 году. Я помню».* Наивным, детски-прямолинейным *Я помню* она дает понять, что ей доступна осязаемость и реальность музыкальных образов композитора, гений всегда поймет гения.

В ноябре 1961 года среди ахматовских записей возникает такая*: Слушала стрекозиный вальс из балетной сюиты Шостаковича. Это чудо. Кажется, его танцует само изящество. Можно ли сделать такое со словом, что он делает с звуком?»*

Надпись на сборнике «Стихи разных лет»: *«Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу, в чью эпоху я живу на земле. Ахматова. 22 декабря, 1958. Москва».*

Получила договор на «Бег времени». <…> Впрочем, это уже все равно. Сейчас слушала Восьмой квартет Шостаковича. Это не все равно.

Записные книжки. Стр. 487

Просят дать статью о Шостаковиче. Я — о музыке? Забавно…

Записные книжки. Стр. 710

* * *

…я действовал так же, как миллионы мужеского и особенно женского пола учащихся без хорошего учителя, без истинного призвания и без малейшего понятия о том, что может дать искусство <…> Вообразив себе, что классическая музыка легче, и отчасти для оригинальности, я решил вдруг, что люблю ученую классическую музыку, стал приходить в восторг, когда Любочка играла «Sonate Pathetique». <…> Для меня музыка <…> была средство прельщать девиц своими чувствами.

Л. Толстой. Юность

Что-то вроде этого и происходило — к сожалению, не в ранней юности — и с нашей героиней.

Стокгольмский синдром

Ахматова, разумеется, есть и будет. Хотелось бы, конечно, чтобы не было таким уж долгим время, которое должно пройти, чтобы над ее, покойницы, и ее здравствующих поклонников потугами сделать ее признанным столпом нравственного и интеллектуального совершенства, а заодно уж и изящества обихода, стало принятым подсмеиваться. Легко, беззлобно. Знать, что это все-таки так, хоть и жалко, что одним кумиром стало меньше. Впрочем, как знать, мы ни за что не поддадимся уверениям, что Деда Мороза на самом деле не существует, но будем недовольны, если узнаем, что кто-то организовал некий проект, в рамках которого детишки для исполнения своих желаний посылают какому-то дяденьке подарки и денежки. То есть просто так простить Анне Андреевне ее трюки, может, не всякий и захочет.

Мы — простим. Просто за то, что всякий труд должен быть вознагражден. Она — потрудилась.

Трудилась неустанно, в этом был ее талант, не зря он жил так долго, и мы увидели все его грани.

Мелкие не могут игнорировать большего. Большее создает гравитацию, гравитация не избирательна. При появлении Ахматовой все действительно вставали. Все действительно дома записывали в дневнички все просчитанные mots величественной современницы, о величии и достоинстве она знала больше всех в своей эпохе — знала словами, жестами: что сказать и как сказать. Когда ее не стало, для многих и не стало того, ЧТО она с таким актерским гением и божественным даром возраста изображала. Люди были в отчаянье, горевали. Она реально несла в себе величие и достоинство — всего чуть-чуть отстававшие от ее кожи, не сросшиеся с ней, надетые сверху, пригнанные по мерке, второй кожей ставшие, кто не знает — ни за что не догадается.

Ахматова шла по своему небосклону мощно, как гигантская планета, притягивая в свою орбиту всех, кто мельче. Кто вертелся рядом, кто просто проходил рядом и зазевался, а потом — пожалуйста, был причислен к ее орбите, получил там регулярный, расчерченный ход, а заодно уж — звание крупного ее спутника.

И просто жаждущих ощутить вкус ногтей стопы кумира на своих лобзающих устах.

Многие люди и явления становятся замечательными, потому что она касалась их. Это — то, что ей удалось, и это показатель ее силы.

* * *

Например, Берлин.

Берлин: *У меня есть наблюдение, неоригинальное. Сама мысль о том, не антисемит ли человек, приходит в голову, главным образом, когда он упоминает о евреях, когда можно не упоминать. Невпопад. Или когда он упоминает излишне оживленно, или излишне отвлеченно, или излишне уравновешенно, или излишне обоснованно — словом ИЗЛИШНЕ. (А. Г. Найман. Сэр. Стр. 230.)* Это о неевреях. С евреями все наоборот:

…эта тема, возникая снова и снова, в конце концов становилась ведущей. И почти при каждой встрече с Берлиным, случайной или назначенной, в беседе или болтовне о предметах, казалось бы, не касающихся ее непосредственно, — т. е. «когда можно не упоминать» — мы неизбежно задевали ее — *как пульсирующую так или иначе над их поверхностью. И ни в коем случае не потому, что он был, как можно подумать, ОДЕРЖИМ ЕЮ, или потому, что «евреи ни о чем другом не могут говорить, как только о евреях» (стр. 244).* Об этом книга — триста спутанных, скучных, ни о чем не рассказывающих страниц. Однако он может бестрепетно выставлять свое сочинение на жадный суд читателя — ему достаточно иметь свое имя — все знают, с КЕМ и с какими обстоятельствами оно связано. Екатерина в таких случаях дарила Таврию.

* * *

Сэры Bowra и Berlin ездили к нему [Вячеславу Иванову] *на поклон* (между нами говоря, это было зрелищем для богов?!) *(А. Ахматова. Т. 3. Стр. 256)* — поскольку ездил богоподобный Берлин. Сам он, правда, писал знакомым об этом визите как о деле обыденном: *Когда я попытался упомянуть Пастернака и Ахматову, он, как мне показалось, не проявил ни малейшего интереса (А. Ахматова. Т. 3. Стр. 693.)*

Богоподобным скромного Исайю Берлина делает сама Анна Андреевна — и ведь это ей удается!

* * *

Сын Андрея Жданова в 2004 году выпустил в городе Ростове-на-Дону книгу «Взгляд в прошлое: воспоминание очевидца». Вряд ли спустя шестьдесят лет после смерти его отца кто-то стал бы публиковать его книгу, если б не Постановление 1946 года…

* * *

В аннотации сборника статей и выступлений Исайи Берлина написано так: *Великий мыслитель XX века…*

* * *

Берлин о встрече со Стравинским: *Меня послали к нему, я постучался к нему в дверь, он был один, я дрожал. Гений, я не знал, что сказать. Ото былх» лет тридцать тому назад, то есть после войны, ну да, пятидесятые годы. Он пригласил меня сесть. Говорить нам не о чем, полное молчание с обеих сторон. У меня — от испуга, я был очень испуган. (А. Г. Найман. Сэр. Стр. 214.)* Вот тебе и «лучший каузер Европы»! А перед Ахматовой, кстати, не заробел.

* * *

Ни в одной области знаний, науки, политики и просто человеческих отношений он не проявил себя вровень с тем местом, какое заняла в интеллектуальной и социальной иерархии эпохи его фигура «явочным порядком». <…> он не создал в философии, не открыл в истории идей, не осветил в литературоведении ничего в меру того авторитета, каким пользовалось его имя. Не повлиял на ход событий, не показал примера ответственности или преданности, ни, тем более, самоотверженности, равно как вообще чувств или морали, не поразил творческой силой или умственной мощью адекватно той славе, которая о нем по всем этим направлениям шла. <…> в лекциях, интервью, эссе и книгах он допускал фактические ошибки, а заодно и банальности. Словом, он получил признание не по заслугам. Известный московский лингвист и филолог после встречи с ним на ахматовской конференции в Лондоне обратился ко мне не без недоумения: «Послушайте, он говорит обычные вещи. И вообще, можете вы мне сказать — какой он внес вклад в мировую науку?» Почти то же я услышал от моего друга голландского писателя: «А чем он,

собственно говоря, знаменит? Что он такое сделал?»

А Найман. Сэр. Стр. 13

Вот это и есть — все о госте из будущего. Для русских, во всяком случае. Никто бы не стал читать ни слова о таком обаятельном человеке, если б генеральскими погонами не горели у него на плечах венчальные свечи.

А вот о самом Анатолии Наймане:

Это высшая лига, или генералитет, или «голубые фишки» литературы <…> у писателей этой категории есть привилегированный доступ к читателю, своего рода выслуженное предыдущими заслугами дворянство. <…> Их карьера не зависит от медиауспеха, у них есть «шкурка»…

Л. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего. Стр. 23

С этим писателем заранее знаешь, что будешь ерзать и мучиться от скуки, что пишет он, будто ногти грызет: какие-то интеллигентные старики, которые не то оправдываются в чем-то, не то стучат друг на друга и мусолят архиважные подробности разыгранной пятьдесят лет назад сцены… (Л. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего. Стр. 207.) Грубый литературовед Виктор Топоров начинает разбор его произведения, понятно, грубо: *«Зачем записывать такое?»…* да и статью называет раздраженно: *«Литературная жвачка Анатолия Наймана».*

* * *

Но если ничего не бывает случайного, за что ей было дано знакомство с Бродским? За что ей — чтобы он трубил о ней по свету? Не достаточно ли с нее было бы одних черных глаз Анатолия Наймана?

Табель об инскриптах

В статье об ахматовских дарственных надписях пишут так:

…чуть ли не безграничен и сердечно-биографический простор этих надписей. <…> А о душевно-космическом размахе дарственных чувств Анны Андреевны напоминают и ее творческие связи с композитором Д. Д. Шостаковичем.

В. А. Шошин. Лукницкий. Стр. 130

* * *

Из многочисленных надписей поэту Евгению Винокурову: *«..малый дар», «…с верой в его силы», «… от которого жду стихи»* — ну как не ждать, когда и он каждую книгу с трепетом несет ей и каждую надписывает: *«с благоговением перед вашим великим талантом», «великой русской поэтессе», «с преклонением перед ее талантом». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 570.)*

* * *

Она пишет, и ей пишут.

Телеграмма А. А. Тарковского: *Поздравляю с днем рождения вас и русскую поэзию <…> преданно целую руку. (Летопись. Стр. 524.)*

Письмо А. А. Тарковского о поэзии Ахматовой, которая явила… *невиданную широту охвата явлений жизни. Время пересеклось с Вашим подвигом и запечатлелось в каждом Вашем стихе». (Летопись. Стр. 637.)*

Телеграмма Б. Л. Пастернака А.А. к простому, не юбилейному дню рождения. *От души поздравляю Вас с днем рождения. Вижу Вас радостной, смеющейся.* Как бы он хотел, чтобы она читала такие строки? *Целую Ваши руки. Живу мыслью о Вашей бодрости и здоровье. (Летопись. Стр. 523.)* Строка о том, чем жив Пастернак, похожа уже на насмешку над хорошо ему известными ожиданиями Ахматовой.

Дарственная надпись К. Паустовского *<…>: Анне Андреевне Ахматовой, лучшей поэтессе мира, наследнице Пушкина. (Летопись. Стр. 608.)*

«Дорогой Анне Андреевне в знак преклонения перед великим Талантом и не менее великим Мужеством. Георгий Беленький. (Летопись. Стр. 632.) Приличный ее запросам инскрипт она переписала в свою записную книжку — ведь ее дневники будут издаваться соответствующими тиражами, а до музейных витрин кто доберется, дарственные надписи на чужих книгах разглядывать?

* * *

В долготу дней. Так поклонникам надписывает свои вечные книги Анна Андреевна. Псалмопевец же в церковно-славянском переводе возглашает: *в долготу дний.* В синодальном переводе, разумеется, говорится обыденно, по-простому — *многие дни.* Анна Андреевна по-каковски изволила выражаться?

* * *

Ахматова знала цену каждой своей надписи. Можно вешать ценники, а дарополучателей раскладывать по ранжиру.

Пишет сладкие посвящения заведомо неприятным, нужным людям — ведьме Сверчковой.

Милой Вере Алексеевне. *Сохранился инскрипт на «Четках»: Не соблазнять я к вам пришла, а плакать. (Ин. Анненский. Милой Вере Алексеевне Фехнер в знак дружбы и любви. А. 29 октября 1921. Петербург.)* В 1965 году эта Вера Алексеевна, подруга Недоброво, навестила Ахматову в Комарове.

В записях Х. В. Горенко: *<…> А. потом сказала мне, что эта женщина недобрая. Она не решилась высказаться полнее, но я чувствовала это. Она редко говорила плохое о людях. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 613.)*

* * *

На дарственных даты: *Масленица, Спас, Вербная суббота и пр.*

(См. Поливанов К. М. Дарственные надписи — литературное наследство.)

* * *

Натали Саррот из оснеженной Москвы в предвесенний Париж после 100 дней больниц. Ахм<атова>. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 610.) В Комарове прозрачная весна, а в Москве уже пышное лето… Знать природу, описывать погоду — в глазах Ахматовой качества невысокие и уж от чистого сердца таким заниматься не станешь. Она обращается к метеорологическим эпитетам в случаях крайнего политеса. Когда нужно совершить некое сотрясение воздуха или наполнение приличной бумажной площади. Может, она даже считает, что делает это похоже на английские разговоры о погоде. Есть пародия на Евтушенко: *Идут белые снеги, а по-русски — снега.* Есть слово «заснеженный». Слова «оснеженный» нет, но для каких-то, маловероятно, чтобы внятных Анне Ахматовой, тонкостей его можно составить. Впрочем, оно есть в ее стихотворении: *Оттого и оснеженная/ Даль за окнами тепла.* Но самой употреблять свое слово спустя пятьдесят лет — чтобы все припоминали, не затеряли, — все равно не очень красиво. Был бы шикарный жест, если б незабвенный эпитет вынул из перевязанной коробки кто-то, кто пришел с подарком ей. Хотя Ахматова так серьезно относилась к своему творчеству и так все ценила, что могла и не заметить *il faut pas.*

Может, это есть какая-то форма заискивающей вежливости: произвести впечатление вычурностью инскрипта, показать, что потрудились, постарались.

* * *

Двадцатисемилетняя Ахматова дарит двадцативосьмилетней Саломее Андрониковой, княгине, *она была признана самой интересной женщиной нашего круга. Была нашей мадам Рекамье… В надежде на дружбу.* Через год — *Моему прекрасному другу <… > с любовью и глубокой благодарностью (Тэффи. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 505).*

Ахматова раздраженно иронизировала над пастернаковским посвящением: *Родной волшебнице,* вслед написала назидательно одергивающее (поздравление ко дню рождения): *В день…*

разрешите… — столь же бредовое в своей суконности, как *бред, который написал он. А* его выбор — это всего лишь учтивая благодарность за ее лживое *Борису Пастернаку, чьи стихи мне кажутся волшебными.* Но ей поводы специальные не нужны — достаточно факта его существования. *Ее, говорят, спросили: вы, значит, любите его стихи?* (Это было известно, что одного из «четверых», Пастернака, — не любит, другую — ненавидит, давно погибшего и никому не перебегающего дорогу Мандельштама — готова была простить, но желала бы, чтобы книга его стихов никогда не выходила: *Он не нужен.) Она подумала и ответила: «Я написала волшебные. Волшебство не любовь. Ему удивляются». (О. Коростелев, С. Федякин. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 488.)* Поэзия Пастернака — курьез многоглаголания, фонтан непонятностей.

* * *

В архиве несколько таких «уничтоженных» Ахматовой документов. В их числе дарственная надпись Александру Исаевичу Солженицыну. Вероятно, это черновик инскрипта для подаренной книги: «А. Солженицыну / в дни его славы / Ахматова /30 ноября / 1962 / Москва». Документ показывает, что Ахматова тщательно обдумывала не только содержание своих дарственных надписей, но и их оформление. Все, что выходило из-под ее пера, было значимо.

О. Е. Рубинчик. Архив Н. Н. Глен в музее Анны Ахматовой.

В Солженицыне ее взволновал только феномен его славы. Жил тогда же, видел то же — и прославился на весь мир.

* * *

И. А. Бродскому*: «От третьего петербургского сфинкса». Портрет одиночный — А. А. Ахматова в позе «сфинкса» во дворе Шереметьевского дома (Фонтанный дом). Фотография сделана летом 1925 года. (Н. Гумилев, А. Ахматова по материалам П. Лукницкого. Стр. 115.)* Подарена в середине 60-х. Собственно, это можно сделать и из озорства. Когда озорство, однако, работает только в одном направлении — становится навязчивым продавливанием одной и той же идеи. Бродский до конца жизни сохраняет холодный вид: не понимаю, к чему это — *глаза влюбленные твои* и пр. Сфинкс — это символ загадки. Разгадайте,

Иосиф! Борису Пастернаку загадка предлагается с еще большей настойчивостью — дважды. *«От этого садового украшения», «Милому Борису Леонидовичу от этого садового украшения». (Н. Гумилев, А. Ахматова по материалам П. Лукницкого. Стр. 120.)*

Н. С. Гумилеву. Коле Аня. «…Оттого, что я люблю тебя, Господи!» На кн.: Ахматова А. Вечер. Стихи. СПб.: Цех поэтов, 1912. (Там же Стр. 116) Крякнул ли Николай Степанович от неловкости за нее или, наоборот, приосанился: сильно, страстно, трагически?

* * *

Прощальная надпись на книге в 1946 году: *«Исаю Берлину, которому я ничего не говорила о Клеопатре».*

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 727

Театр

Царствовать — значит играть роль. Государи всегда должны быть на сцене. (Арман де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Стр. 341.) Во всем, что говорит Наполеон, — он прав. Другое дело, что он был государем весьма специфического рода.

Ахматова была еще тоньше в своей игре: побед таких не одерживала, государыней не называлась, полем сражения избрала тонкие, непоследовательные, переменчивые и противоречивые человеческие души. И поди ж ты, организовала их и поставила под свои знамена не хуже полководца, за самые неосязаемые вещи заставила себе покориться. Капитуляцию приняла. Не тяжелей ли битва?

Анна Андреевна после знаменитого триумфа в Доме союзов приходит с Пастернаком на «корпоратив» — званый вечер в доме Фердинанда Асмуса (Ираклий Андроников и др.).

Анна Андреевна вошла в комнату, царственно остановилась в дверях так, что ей нельзя было не аплодировать. <…> Потом не спеша, под наши аплодисменты она села к столу. <…> по-видимому, она все еще мысленно присутствовала на вечере, и перед ее глазами стоял ее огромный успех среди слушателей. Она была как-то вне действительности и видела только себя <…> Королевой вечера была она — Анна Ахматова, так она и держалась. <…> Потом она повернулась и через наши головы стала читать <…> У нее <получилось> как бы «второе дыхание». Она почти повторила все то, что читала на вечере в Доме союзов. Она читала вдохновенно. И мы дружно ото всей души ей аплодировали.

А. В. Смирнова-Искандер. Воспоминания об Анне Ахматовой. Я всем прощение дарую. Стр. 72–73

* * *

Ее чтение мне не понравилось, хотя я много лет себе в этом не признавалась. Она не читала, не декламировала — она гудела как-то в нос на «у». Рот у нее был маленький и узкий <…> и все гласные получались очень закрытые. Примерно: «оун сом себио…» И в этом роде. Никогда не слышала ни такого гудения, ни такого произношения. <…> Я прочла в воспоминаниях Бориса Анрепа <…> об ахматовском чтении стихов в 1965 г.: «Певучее чтение мне

казалось вытьем, я так давно не слыхал ничего подобного. <…> сейчас — и в России, и на Западе стало модным читать стихи тихо и тускло. И не только стихи. Вероятно, в этом сказывается весьма почтенное нежелание навязывать свое понимание, свою волю. (Р. Зернова. Иная реальность. Ахматовские чтения. Вып. 3. Стр. 26.) Ну не Ахматовой, конечно, заботиться о вашей воле.

* * *

К вытью: *Прочитала стих. «Нас четверо» «громко, нараспев, как всегда» в присутствии трех соседок по палате. (Летопись. Стр. 570.)*

* * *

Два вечера памяти Блока — Инст. литературы и Горьковский театр. Ахматову водят, как Иверскую — буквально. Говорит: «Что это они так со мной? Даже страшно…» <…> Ахматову встречают такой овационной бурей, что я поворачиваюсь спиной к сцене с президиумом и смотрю на освещенный (ибо не спектакль, а заседание) зал. Главным образом мужская молодежь — встают, хлопают, неистовствуют, ревут, как когда-то на Шаляпине. Она розовая, довольная, смиренно лицемерящая. Слава одуряющая — и странная, странная…

М. Кралин. Победившее смерть слово. Стр. 226

Помню, как приехали мы к ней <…> и замерли, увидев перед собой не просто величественную женщину, но королеву.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 207

* * *

Дама импозантная, напоминает чем-то прежних гранд-дам. Она сидит за соседним столом, и я слышу ее категорические суждения, разговоры о французских книгах и прочем, так что даже хочется в них участвовать. С ней какая-то приживалка в шушуне, вокруг — двор. Олег Волков.

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр.

* * *

О Наймане, о *плачут бесперебойно,* о благоразумии.

Затем она читала «Какая б ни была», и читала его так, что я с трудом удержалась, чтобы не заплакать вслух. Толя сказал ей: «Вы прекрасно прочли это», она была довольна. «Да?» — сказала она очень мягко, как ребенок, затем посмотрела на меня, увидела слезы на моих щеках и, внезапно поменяв тон, сказала: «Ну, я не буду вас душить трагедиями в углу», начала бодрым тоном беседовать с Биллом. Эта смесь трагического с юмористическим…

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 242

* * *

Прежде чем мы успели постучать в дверь, вышла маленькая женщина в черном и сказала: «Вы к А.А.?» Я сказала: «А она нас примет?» — «Она всех принимает». <…> Голос <…> выражал ее любовь к хозяйке, когда она сказала, что «А.А. сейчас гуляет и скоро придет». Мы ждали всего несколько минут, потому что снова пошел дождь, и я увидела в окне невысокую, тучную фигуру в сером плаще, шарфом вокруг головы, идущую к домику рядом с молодым человеком. Мы встали, молодой человек сказал: «У вас гости», она тут же сняла шарф, как бы для того, чтобы продемонстрировать серебряную корону, распрямила плечи, готовая начать прием. <…> Она была в полинялом розовом платье, в двух местах порванном, но это никак не умаляло ее достоинства, не платья делают королевой, наоборот, она придавала королевскости этому старому, поношенному платью, равно как и старой кровати, и стульям, маленькому столику…

Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 240

* * *

Конец пятьдесят восьмого или начало пятьдесят девятого года. На квартире Ардовых шла речь об Иннокентии Анненском. Приближалось пятидесятилетие со дня его смерти. «А не

попробовать ли нам отметить эту дату в печати? Прошу вас, узнайте в «Литературной газете», не отважатся ли там напечатать хотя бы небольшую заметку об Анненском». <…> Пошел, узнал, не захотели, не объяснили, почему не хотят. Возвратился, докладываю Ахматовой. Ничего не сказала. ОТВЕРНУЛА ЛИЦО И ДОЛГО СМОТРЕЛА В ОКНО. (Выделено Т.К.) *(Л. Озеров. Разрозненные записи. По: Воспоминаниям. Стр. 597.)*

О каком еще литераторе так пишут — *Долго смотрела в окно*? И даже не «отвернулась», а — *отвернула лицо*. Считается, что это аргумент. Те, для кого смотрели в окно, — поняли все, что им хотели сказать. Ахматова смотрела в окно для того, чтобы видели, что она — смотрит, размышляет. Такие мизансцены разыгрывались уже автоматически, как обмен дежурными репликами.

* * *

Про актерство: *Для сеансов было заказано белое платье, но оно оказалось не готово к сроку, и позировала Ахматова в одолженном. (В ста зеркалах. Стр. 120.)*

* * *

Г. Адамович писал об Ахматовой: *Оттого она и «подвывала», читая их, что хотела сказать больше текста, — и только иногда, поняв невозможность этого, переходила на речь, подчеркнуто сухую и трезвую, будто махнув рукой. (Последние новости. Париж. 1934 г. 18 янв.)*

* * *

[Гумилев] *говорил, что Ахматова была удивительная притворщица, просто артистка. Сидя дома, завтракала с аппетитом, смеялась и вдруг — кто-то приходит <…> — она падает на диван и на вопрос о здоровье цедит что-то трогательно-больное!*

О. Гильдебрандт-Арбенина. Девочка, катящая серсо… Стр. 130

* * *

Да, она была не из работящих. Когда тут было работать? А с другой стороны — разве не работа — развлекать искрометными рассказами и величественными замечаниями одну-единственную дамочку? Или степенную пару вечерних визитеров, рассчитывающих на интеллектуальный продукт за какие-то свои возможности? Здесь закон больших чисел: наниматься на частной вечеринке играть — это одно, в многотысячном зале — другое. Висеть в миллионном особняке на стенке — одно, в музее перед толпой с десятидолларовыми билетами — другое. Анна Андреевна выступала как частная таперша. Впрочем, оттачивала мастерство. На мастерстве отражалось.

Но профессиональная — актерская — добродетель не страдала.

* * *

«Один из делегатов» — не посчитав за труд, смотрим в конец книги — Т. Бембеев, только и всего, вспоминает о съезде: *[Фотокорреспондент] схватил меня за руку и подвел к старой женщине в черном, устало сидевшей за круглым столиком, накрытым темным суконным покрывалом. Женщина опустила голову и закрыла глаза, всем видом выражая полное безразличие к происходящему вокруг. <…> А.А., <…> разрешите сфотографировать вас? <…> А.А. подняла голову и приосанилась, на глазах стала другой. Восхищенно вглядываюсь в нее, стараясь запомнить. Конечно, старость никого не украшает, но она, А.А., и в старости своей была красива, в усталости — величественна. «Вот вы какая!» — вырвалось у меня. «Какая же?»! — она улыбнулась, и в усталых глазах засверкали веселые огоньки. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 236.)*

* * *

[Т. Козинцев]: *Поразительно — до чего хороша она, и откуда взялось это очарование пред тобою: глядишь на старую женщину и не замечаешь, что у нее два зуба* (А.А. в то время еще не обзавелась протезом)*, и все это время чувствуешь ее обаяние. (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 541.)*

А., спокойная, сосредоточенно наблюдающая за всеми, сидела вдали, у окна, и курила, не затягиваясь, дешевые папиросы. К ней не подходили, но с уважением невольным кланялись ей и столь же

невольно любовались ею. Она сидела, как на портрете Альтмана.

Л. Борисов. Незакатное солнце. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 511

С достоинством носила она свое платье из скверной материи, о которой нельзя было точно сказать, мешок ли это или монашеское одеяние. Ее волосы с легким налетом седины были гладко зачесаны назад и скреплены цветным платком. Она когда-то была очень красива, судя по правильным чертам, классическому овалу лица и большим серым глазам.

Ю. Чапский. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 482

Высокая, худая, в черном пальто и черной шляпе, в ярко-красном шарфе, с очень бледным пронзительным лицом, она производила на меня какое-то колдовское впечатление своей величавой нищетой и гордой одухотворенностью.

М. Тагер. Слово о моей матери. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 503

* * *

…вдруг раздался какой-то шорох, <…> и вошла в кабинет <…> А.А., в черном платье, со своими серебряными волосами. Вдруг в комнате стало просторно, в этой тесной комнате. Все встали и тихо ее приветствовали; она, как царица такая, знаете, поклонилась и вышла в другую комнату. И Фальк мне сказал: «… И упало каменное слово…»

А. В. Щекин-Кротова. Анна Ахматова в записях Дувакина. Стр. 301

Когда А. бывала в Москве, она звонила мне. Я бывал у нее там, где она останавливалась — то у Виктора Ардова, то у Марии Петровых, то у Ники Глен. А.А. сидела в шали, в старом халате, еще красивая, величественная, седая, как императрица в изгнании. Говорила она медленно, с расстановкой. Она придавала очень большую цену каждому своему слову, каждой надписи. <…> Слишком серьезных разговоров чаще всего избегала.

Е. Винокуров. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 571

Такой был образ жизни для поэта — хождение и демонстрация себя, своих костюмов, своих жестов, своих реплик и пауз. Она бесконечно ходила по гостям и принимала у себя. Переезжала из Ленинграда в Москву и неустанно гастролировала. Ахматова опередила свое время и хотела быть мультимедийной персоной. Она хотела, чтобы читали ее стихи, восторгались ее актерским мастерством, ценили бы ее стильность во внешнем облике, чтобы про нее писали в газетах и передавали ее голос по радио. Для кино писала сценарии. И либретто для балетов.

Мельпомена — самая мимолетная из муз. Вот царит на сцене, и вот занавес упал, театр сгорел, город стерт с лица земли. Не слишком ли мы преувеличиваем долговечность других памятников? Вроде бы Мельпомена нисколько не смущена своим видимым ущербом. Весела и самонадеянна, как все другие. Анна Андреевна лицедействовала — и требовала, чтобы записывали вечным пером — *Всего прочнее на земле <…> / И долговечней — царственное слово.* Со словом обращалась как с сенной девкой — оно должно было служить и для утилитарных целей.

Она считала свое исполнение этих ролей музейной ценностью; она находила, что еще раз посмотреть эту ценность было бы поучительно для поколения, которое когда-то восхищалось ею, как поучительно посмотреть на нее для поколения, которое никогда прежде ее не видело.

М. Пруст. Под сенью девушек в цвету

* * *

Говорю нескладно: «Я так хотела всегда вам сказать, что вас читают, помнят, любят…» — «Гораздо больше тех, кто меня не любит» — буркнула она, как-то не перебивая. (Н. М. Иванова-Романова. По: Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 520.) Все как в театре — в ремарке указано: «Говорят все вместе, перебивая» — а текст выписан для каждого свой и каждого слышно.

* * *

Каждый вечер эта женщина выходила на подмостки, без прогулов, без отгулов, без ока грозного администратора — спешила предстать перед зрителями. Как беспрестанно вспоминают музыканты — великие и просто преданные своему

делу, колесившие с гастролями по стране и часто выступавшие в самых захолустных местах — играть вполсилы невозможно, зритель, какой бы он ни был слушатель — главная награда для музыканта. Для актера — тоже. Ахматова не выбирала себе зрителей, она свои проходы и королевствования поигрывала по большей части перед простенькой публикой — театралы со вкусом предпочитали профессионалов.

То, что она одернула Блока, — Александр Александрович, мы не тенора, — может, все было наоборот, но вот порядок выхода на сцену всегда ее занимал — на разогреве у Пастернака играть не стала.

* * *

И известный всем актерам феномен — роль отождествляют с исполнителем. От героев ждут, что они будут героичны в жизни, комики — смешить, соблазнительницы — соблазнять. Голливудским актрисам контракт запрещал иметь или по крайней мере предъявлять на публике мужей и детей — кто тогда поверит, когда на экране они будут страстными возлюбленными злодея? Со злодеями — своя история, обаятельный негодяй — одно дело, трусливый предатель — другое. Исполнитель роли Ленина попадался в пожизненный капкан, его репертуар сверялся по особому счету.

Ахматова это знала прекрасно и шла от противного — играла роль с намерением, чтобы ее черты атрибутировали ей самой как человеку.

* * *

Воспоминания М. Бажана: *Поэтесса словно вознеслась над разноцветной и разноликой толпой на недосягаемую высоту. В ее поведении была и своеобразная поза, некоторая театральность, игра, но столь талантливая и естественная, что казалась изначально ей присущей. (Летопись. Стр. 664.)*

* * *

Играть — поиграться, дождаться затейника, чьими-то руками развести свою скуку — хочется всем, люди рады, когда перед ними разыгрывают роли, охотно верят, подыгрывают, испытывают

благодарность — бесплатно, не по заказу, просто так — кто-то взял на себя труд играть роль, развлекать нас. Разоблачать уж тем более никто не хочет, мало ли у людей своих дел?

Ахматова и Гумилев по своему призванию играли истово, сызмальства, непрекращаемо, ревнуя друг друга к славе, но Гумилев вытанцовывался в значительно более серьезного поэта, чем был тот, который, кривляясь, начинал.

Пожить ему бы еще с десяток лет — кто знает, какой бы поэт у нас еще был. «Бы» — не бывает, да и вытанцовывающиеся ко второй половине жизни поэты не так хороши, как хорошие изначально, — блеск не тот, сила не та, они — не звезды, не горят сами по себе, своим собственным, неповторимым блеском — они научиваются очень полно и красочно отражать — других, свою и чужую жизнь, творят то ли свою, то ли какую-то собирательную, чью-то — ничью — поэзию.

Крупных изначально поэтов на такое вдумчивое трудолюбие, как правило, не хватает — они пишут что-то демонстративно или вымученно деградентное — агитки, частушки, лубки, нагло заумное, но не удовлетворяющее собственный ум, спиваются, молчат — конечно, первым делом убивают себя.

Николай же Гумилев, несомненно, очень много ОБЕЩАЛ в последний период своей жизни.

Ну а у АННЫ все случилось наяву: в полной мере выработала все, что было дано, не упустила ничего. Поэзии, как вовремя сказал Блок, *на донышке,* зато всего остального — с верхом.

Разыгрывала себя, и ей — верили. Дамы, легковерные из мужчин, школьники, институтки и студенты.

Тщеславная уродка

Трудно удержаться от того, чтобы не вынести это в заголовок. Так ведь называла Ахматова Льва Толстого, так как знать, может, стоит покопаться и посмотреть, не превосходит ли Анна Андреевна Льва Толстого по части тщеславия и уродства? Или про нее ни-ни, а про Толстого стесняться нечего?

Неприязнь Ахматовой к Толстому была подлинной — она считала его тщеславным уродом.

> *И. Берлин. Разговоры с Ахматовой и Пастернаком. Стр. 657*

Я знаю, что такое добрые нравы литературы — выражение Ахматовой, которое часто вспоминают, усовещивая бесстыдных ниспровергателей… Признаться, сразу не вспомнить, чтобы кто-то кого-то так припечатывал. Были всякие «сбросить с корабля современности» или там про литератора, который не поспевает за запросами эпохи — «забыл, когда родиться, или не догадался вовремя умереть» — но чтобы дама, о которой только и слышишь: *аристократичная величавость, она учила сдержанности* и пр. — и то про мусорного старика, то про тщеславного урода, — то вроде бы и перебор. Ну и мимо это как-то. Про Толстого — если чем-то и недовольны, то — не умен, занудный философ, разжевывает одну простейшую мысль, скучен (ну не описал, как свободная Анна, возвысившись над утерявшим влечение Вронским, использует свое женское достоинство, предавшись свободной и гордой любви с другими джентльменами).

Я цитирую по восьмисотстраничному сборнику статей и эссе Исайи Берлина, перевод В. В. Сапова. Нет оснований не доверять переводчику, желающие могут разыскать оригинал.

Я не исследователь, мне незачем раздобывать первые англоязычные публикации, по которым печаталась книга «Подлинная цель познания», и сличать тексты. Я хочу попробовать то, чем потчуют обычных, рядовых, не делающих заказы в международных библиотечных сетях ахматолюбов. Книга Берлина издана в России тиражом 2000 экземпляров. Две тысячи человек прочитали это об Ахматовой, и ни один не вышел в Интернет высказывать свое возмущение.

В любом случае, хоть в трамвае, хоть на коммунальной кухне, такая не пропадет и за словом («Царственное слово» — название

сборника ахматовских чтений) в карман не полезет.

* * *

У Бунина был <…> острый язык, нет, кажется, и одного современника, о котором он нет-нет да и не отозвался бы насмешливо <…> Даже о Чехове, которого он любил и чтил, Бунин порой вспоминал лишь для того, чтобы рассказать о нем что-либо смешное и скорее мало привлекательное. О Толстом он неизменно говорил с какой-то дрожью в голосе, совсем особым тоном. Да и писал он о нем иначе, нежели о каком-либо другом человеке.

Г. Адамович. Одиночество и свобода. Стр. 92

В тот единственный раз, когда я была у Блока (1913), я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лифшиц жалуется на то, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой». (Р. Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Стр. 389.) Блоку мешал писать тщеславный урод, и он об этом говорит вполне серьезно. Вот Анне Андреевне никто не мешает, Бога нет — и все дозволено, резвись себе на просторе.

* * *

Литературный критик Лев Данилкин цитирует: *кажется, легко понять, что не «Войну и мир» будут ценить по вашим словам и мнениям, а вас будут ценить по тому, что вы скажете о «Войне и мире».* Интересная сноска: *Цитата из Страхова приводится по книге моего учителя Льва Соболева. (Л. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего. Стр. 24.)* Многоступенчатость подхода к цитате отражает обычные предвкушения говорящего о Толстом. О Толстом хочется говорить с подступами, *с круговыми объездами*, не сразу, продлевая удовольствие, называя имена…

Некоторые думают иначе и усилий над собой, чтобы в выражениях не стесняться, не делают.

* * *

Резюмировать предоставим специально для того

выращенному авторитету.

Иосиф Бродский высказывается о недостаточной мощи поэтического гения Анны Ахматовой:

…не думаю, что она оказала на меня влияние. Она просто великий человек.

И. Бродский. Интервью с Анн-Мари Брумм. По: Книга интервью. Стр. 38

Осталось дождаться, когда же *в этой стране* станет позволительно иметь другое мнение и на этот последний счет.

Библиография

А. А. Ахматова и православие. Сборник статей о творчестве А. А. Ахматовой. — М.: Издательский дом «К единству!», 2008.

Агеева Л. И. Неразгаданная Черубина: Документальное повествование. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006.

Адамович Г. Одиночество и свобода. — М.: Республика, 1996.

Аллой Р. Веселый спутник. Воспоминания об Иосифе Бродском. — СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», 2008.

Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2 т. — М.: Художественная литература, 1991.

Ардов М. Возвращение на Ордынку. — М.: Инапресс, 1998.

Ахматова А. А. О Пушкине. Статьи и заметки. — М.: Книга, 1989.

Ахматова А. А. Собрание сочинений в 8 т. — М.: Эллис Лак, 1998.

Ахматова А. А. Собрание сочинений в 2 т. — М.: Издательство «Правда», 1990.

Берлин И. Интервью Диане Абаевой-Майерс. / Иосиф Бродский. Труды и дни. Составители Лев Лосев и Петр Вайль. — М.: Независимая газета, 1999.

Берлин И. История свободы. Россия. — М.: НЛО, 2001.

Берлин И. Подлинная цель познания. — М.: Канон+, 2002.

Борис Пастернак. Письма к родителям и сестрам. /Вступ. Е.В. и Е. Б. Пастернаков, коммент. и подг. текста Е.В. и Е. Б. Пастернаков. — М.: Новое Литературное обозрение, 2004.

Бронгулеев В. В. Посредине странствия земного. Документальная повесть о жизни и творчестве Николая Гумилева. — М.: Мысль, 1995.

Бродский И. Большая книга интервью. — М.; Захаров, 2000.

В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников. — М.: ООО «МТН клуб», 2005.

Варламов А. Н. Алексей Толстой. — М.: Молодая гвардия, 2006. — (ЖЗЛ).

Виленкин В. Я. В сто первом зеркале (Анна Ахматова). — М.: Советский писатель, 1990.

Вишневская Г. П. Галина. — М.: Новости, 1991.

Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. — Московский рабочий, 1990.

Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий. — Психология эмоций.

Тексты. — М., Издательство Московского университета, 1984.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Гордин Я. А. В сторону Стикса. Большой некролог. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2005.

Громова Н. А. Все в чужое глядят окно. — М.; Коллекция «Совершенно секретно», 2002.

Гумилев Л. Н. Дар слов мне был обещан от природы. — СПб.: Росток, 2004.

Данилкин Л. Круговые объезды по кишкам нищего. — СПб.: Амфора, 2007.

Дементьев В. В. Предсказанные дни Анны Ахматовой: Размышления о творческом пути — М.: Современник, 2004.

Демидова А. Ахматовские зеркала. — Издатель Александр Вайнштейн, 2004.

Демин В. Н. Лев Гумилев. — М.: Молодая гвардия, 2007. — (ЖЗЛ).

Ерофеев В. Записные книжки. — М.: Захаров, 2005.

Жолковский А. К. Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя / Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. — М.: РГГУ, 2005.

Жолковский А. К. В минус первом и минус втором зеркале / Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. — М.: РГГУ, 2005.

Жолковский А. К. Осторожно, треножник. — М.: Время, 2010.

Жолковский А. К. Эросипед и другие виньетки. — М.: Водолей Publishers, 2003.

Журавлева Т. Б. В. Г. Гаршин (1887–1956). — СПб., 1994. (Серия «Выдающиеся деятели медицины»)

Иванова Л. Воспоминания. — М.: РИК «Культура», 1992.

Ивинская О. В. Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. — М.: Либрис, 1992.

Икшин Ф. Лиля Брик. Жизнеописание великой любовницы. — М.: Эксмо, 2008.

Казакевич Н. И. Живя в чужих словах: Воспоминания о Л. Н. Гумилеве. — СПб.: Росток. 2006.

Коваленко С. А. Анна Ахматова. — М.: Молодая гвардия, 2009. — (ЖЗЛ).

Коленкур Арман де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. —

Смоленск: Смядынь, 1991.

Кралин М. М. Победившее смерть слово: Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. — Томск: Издательство «Водолей», 2000.

Кривулин В. Маска, которая срослась с лицом. / Полухина В. Бродский глазами современников. Сборник интервью. — СПб.: Звезда, 1997.

Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину. Составление, предисловие, подготовка текстов, примечания и комментарии Н. И. Крайневой и Е. А. Пережогиной. — СПб.: ООО «ИНАПРЕСС», 1999.

Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский. Из переписки (1966–1970) / Я всем прощение дарую… Ахматовский сборник. — М. — СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Мандельштам Н. Я. Об Ахматовой. Составление и вступительная статья П. Нерлера. — М.: Новое издательство, 2007.

Мандельштам Н. Я. Третья книга. Составитель Ю. Л. Фрейдин. — М.: Аграф, 2006.

Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2 т. Сост., подготовка текста и коммент. П. Нерлера; Вступ. статья С. Аверинцева. — М.: Художественная литература, 1990.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. — Издательство Всесоюзной Книжной Палаты, М., 1960.

Миллер Г. Тропик Рака. — СПб., 1992.

Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. — М.: Московский рабочий, 1990.

Н. Гумилев, А. Ахматова. По материалам историко-литературной коллекции П. Лукницкого. — СПб.: Наука, 2005.

Нагибин Ю. М. Дневник. — М.: Книжный сад, 1995.

Найман А. Г. Сэр. — М.: Эксмо, 2002.

Наппельбаум И. Угол отражения. — СПб.: Издательский дом «Ретро», 2004.

Николай Гумилев в воспоминаниях современников: Репринтное издание. — М.: Вся Москва, 1990.

Носик Б. М. Анна и Амедео. — М.: Вагриус, 2005.

Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. — Томск. — М.: Водолей Publishers, 2004.

Паперный В. Интервью с Соломоном Волковым. — Владимир Паперный. Лос-Анджелес. — М.: НЛО, 2004.

Пастернак Б. Полное собр. соч.: В 11 т. — М.: Слово, 2005.

Петербург Анны Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин. — СПб: Невский диалект, 2002.

Протоиерей Г. С. Дебольский. Православная церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. Издательство «Отчий дом», 1994.

Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники и письма. — М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.

Рифеншталь Л. Мемуары. М.: Ладомир, 2006.

В. Розанов. Русский Нил/ Сочинения В. Розанова под ред В. Г. Сукача — М.: Танаис, 1994.

Словарь литературоведческих терминов. Под ред. С. П. Белокурова. — СПб.: «Паритет», 2006.

Тименчик Р. Д. Анна Ахматова в 1960-е годы. — М.: Водолей Publishers, Toronto: The University of Toronto, 2005.

Топоров В. Л. Жесткая ротация. — СПб.: Амфора, 2007.

Топоров В. Л. Юбилейный формат//Жесткая ротация. — СПб.: Амфора, 2007.

Файнштейн Э. Анна Ахматова. — М.: Эксмо, 2006.

Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. — СПб.: Академический проект, 2005.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. — М.: Индрик, 2008.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В трех томах — М.; Согласие, 1997.

Шершеневич В. Великолепный очевидец. — Мой век, мои друзья и подруги.

Шилейко В. Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой. — М.: Вагриус, 2003.

Штерн Л. Бродский: Ося, Иосиф, Joseph. — М.:, Издательство «Независимая газета», 2001.

Эдрих М. Загадочная Коко Шанель. — М., Глагол, 2006.

Электронные ресурсы

Куняев С. Наш современник. — http//www.nash-sovremennik.ru

Кац Б., Тименчик Р. Ахматова и музыка. — http// www.akhmatova.org

Струве Н. Восемь часов с Ахматовой. — http// www.akhmatova.org

Бак Д., Новоселова Е. Вячеслав Иванов: Я не полиглот, но читаю на ста языках. — http//www.rg.ru/ 2006/09/15/a124285.html

Р. Тименчик о книге М. Кралина. — http//www. akhmatova.org/ bio/kralin/kralin.htm

Добин Е. С. Облик поэта. — http//akhmatova.by.ru/ bio/ dobinl.htm

Рубинчик О. Е. Архив Н. Н. Глен в музее Анны Ахматовой. — http//www.akhmatova.org/experts/rubinchik_ glen. htm

notes

Примечания

1

По худшую сторону сорокалетия *(фр.)*